

Н. С. Розов

ФИЛОСОФИЯ И ТЕОРИЯ ИСТОРИИ

Книга 2

Причины, динамика и смысл революций

URSS

МОСКВА

*Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(проект № 18-111-00036\18)*

Розов Николай Сергеевич

Философия и теория истории. Кн. 2: Причины, динамика и смысл революций.

М.: КРАСАНД, 2018. — 336 с.

Настоящая, вторая книга «Философии и теории истории» посвящена широкому тематическому спектру: от фундаментальных проблем социальной онтологии и исторической динамики до детального анализа событийного слоя отдельных кризисов и революций.

Выделены основные сдвиги в современном социально-историческом познании, сформулированы соответствующие принципы. Выстроен концептуальный мост между уровнями макро- и микро- (structure и agencу) с учетом их динамики и взаимовлияния. Построена общая теория трансформации политических отношений и режимов с приложением к динамике разнообразных неопатримониальных режимов.

Главная идея книги — порядок в беспорядке — состоит в утверждении значимости универсальных закономерностей социального взаимодействия, свойств сознания и поведения людей в самых острых кризисах, жестоких конфликтах и бурных революциях, которые обычно принято считать «иррациональной стихией» и «хаосом».

С этих позиций проанализирована роль разного типа революций и революционных волн в контексте гуманистической версии смысла мировой истории в пяти автономных процессах модернизации. Особое внимание уделено причинам назревания кризисов и революционных ситуаций, закономерностям государственного распада, механизмам конфликтной динамики, взаимосвязи макро-, мезо-, и микропроцессов в революционные периоды на материале Большой Русской революции (1905–1930 гг.), хода политических конфликтов 1917 г., переломных дней Февраля в Петрограде и Евромайдана в Киеве, а также сравнения распадов Российской империи и Югославии. Обоснованы принципы и критерии легитимности постреволюционных режимов.

В приложениях рассмотрены причины и пределы ускорения истории, возможности приложения макросоциологических теорий Р. Коллинза к истории России, ее современной политике и перспективам.

Книга предназначена для философов, социологов, политологов, историков, для исследователей и преподавателей, для аспирантов и студентов, для политиков и интересующихся политикой, для всех, кого волнуют вопросы философского и научного осмысления истории, теории кризисной и революционной динамики.

Издательство «КРАСАНД». 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 21. Зак. № .

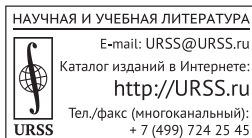
ISBN 978-5-396-00894-6

© КРАСАНД, 2018

23846 ID 240080

9 785396 008946

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Оглавление

Методологическое введение: подход к изучению режимов, кризисов и революций	5
--	---

Часть I

Социальные порядки, их нарушения и смена	16
---	-----------

Глава 1. Многоуровневая онтология социальной стабильности	16
---	----

Глава 2. Политические отношения, типология легитимности и трансформация режимов	43
---	----

Глава 3. Неопатримониализм: природа, разнообразие и изменчивость	62
--	----

Часть II

Порядок в беспорядке: историческая роль, причины и динамика революций	77
--	-----------

Глава 4. Социальные революции, линии модернизации и смысл истории	77
---	----

Глава 5. Назревание кризисов и революций	102
--	-----

Глава 6. Закономерности и траектории революционной динамики	121
---	-----

Часть III

Русская революция — теоретический анализ	145
---	------------

Глава 7. Российская империя и Югославия: сравнение государственных распадов	145
---	-----

Глава 8. Вектор Большой русской революции (1905–1930 гг.): модернизация или контрмодернизация?	158
--	-----

Глава 9. Механизмы конфликтной динамики в Петрограде 1917 г.	171
---	-----

Глава 10. Падение монархии — развилки и каскад событий в дни Февраля	187
--	-----

Часть IV

Макросоциология и политическая философия революций	193
---	------------

Глава 11. Революционные волны в мировой истории	193
---	-----

Глава 12. Режимы, кризисы и революции на постсоветском пространстве	219
---	-----

Глава 13. Принципы и критерии легитимности постреволюционных режимов.....	245
Приложение 1. Ускорение истории: причинные механизмы и пределы	262
Приложение 2. Теории исторической динамики Рэндалла Коллинза и контекст российской политики.....	277
Приложение 3. Пулеметы и армейская демократия: этюд исторической микросоциологии	306
Предметный указатель.....	315
Литература.....	318
Аналитическое содержание	325
Analytical contents	330

Методологическое введение: подход к изучению режимов, кризисов и революций

1. Историческая социология: положение в системе наук

Что такое историческая социология? Отличается ли историческая социология от науки истории? От других общественных наук, изучающих прошлое человечества? От самой социологии? От макросоциологии? Есть ли верный способ написания книг по этой тематике?

Не вдаваясь в анализ альтернативных взглядов и продолжающиеся дискуссии, обозначу свою позицию по этим вопросам.

Историческая социология — это применение социологических подходов к прошлым периодам человеческой истории. Да, такое определение кажется слишком простым и к тому же грешит против сакрального правила: «не упоминать в правой части дефиниции терминов левой части». Оправдание состоит в том, что предмет, задачи, методы социологии *остаются проблематичными*, они обсуждаются, рефлексировются, трансформируются, расширяются. То же, между прочим, происходит в философии, истории, психологии, антропологии, политологии, даже в экономике. Увы, такое положение не является «кризисом» или временной ситуацией, которая когда-нибудь будет преодолена. Рефлексия над основами всех этих направлений мысли — законная и неизбежная часть всего социального познания. *Будут меняться, расширяться представления о социологии и ее подходах, значит, будет меняться и историческая социология.*

Соответственно, ответ на вопрос «как следует заниматься исторической социологией?» не может быть однозначным, он прямо зависит от принимаемой парадигмы и методологии социологического исследования. Допустим, мне ближе сочетание веберианского и гипотетико-дедуктивного подходов с проверкой гипотез и моделей на различном эмпирическом материале [Stinchcombe, 1987; Ragin; 1994; Гемпель, 2000; Коллинз, 2000, 2015; Голдстоун, 2006, 2015; Розов, 2009; 2011; Сточпол, 2017]. Но в социологии есть еще множество направлений (марксистская, структурно-функционалистская, понимающая, феноменологическая, интерпретативная, постмодернистская, математическая, системная и т. д. и т. п.). Непонятно, почему вдруг следует запретить любому из них применять свои подходы к прошлым периодам человеческой истории.

Историческая социология, направленная на изучение причин и закономерностей социальных явлений (назовем ее для краткости «гемпелевской»), является, по сути дела, тем же интеллектуальным проектом, который предлагал для исторической науки в своей прорывной статье сам Карл Гемпель, а Людвиг фон Берталанфи позже назвал «теоретической историей» [Гемпель, 2000; Берталанфи, 1969]. Однако историки ни термин, ни подход не приняли. «Настоящей» они называют только эмпирическую историю — тексты, полученные преимущественно на основе изучения архивных

источников. Поэтому без особого упрощения можно утверждать, что *гемпелевская историческая социология относится к традиционной истории как теоретическая наука к эмпирической*.

Если говорить о других направлениях истории и социологии, то грань иногда истончается вплоть до полного исчезновения. Вряд ли кто-то способен убедительно отличить феноменологическую историю от феноменологической социологии прошлого, историю повседневности от социологии повседневности в прошлых веках и десятилетиях, математический подход в истории — от математического подхода в исторической социологии.

Историческая социология отличается от других теоретических подходов к прошлому человечества (исторической психологии, исторической демографии, экономической истории и т. д.), во-первых, особыми исследовательскими подходами (см. выше), во-вторых, сосредоточением внимания на структурах и процессах взаимодействия между людьми (индивидами, группами, обществами).

Итак, социология изучает как современные социальные явления (взаимодействия, процессы, структуры), так и прошлые, и в последнем случае она называется исторической¹.

Иногда историческую социологию определяют как «дающую временной (наряду с пространственным) континуум социологическому теоретизированию и эмпирическим исследованиям путем включения исторического прошлого в анализ исследуемого социологом объекта и тем самым определяющую его исторически данные параметры» [Романовский, 2002]. Фактически речь идет о расширении (временного) масштаба в терминах Ч. Тилли [Тилли, 2009а]. Здесь видны авторские предпочтения — какой бы эту науку хотел видеть автор определения. Но остается неясным, почему вдруг нужно исключать из обсуждаемой дисциплины социологическое исследование, направленное, например, на «идентификацию паттернов» в обществах прошлого (в терминах того же Тилли), на изучение давно прошедшей революции, жизни отдельной средневековой общины или практик обмена между туземцами, любого иного явления прошлого человечества, если не дается «временной континуум» и не «включается историческое прошлое в анализ исследуемого социологом объекта».

Где проходит грань между современными и прошлыми социальными явлениями — вопрос не тривиальный. Допустим, изучение периода 1940–1950 гг. относится к исторической социологии, а что тогда с периодами 1970–1980-х? 1990–2000-х? Пожалуй, границу следует проводить не хронологическую, а методологическую. Историческая социология не занимается актуальными, продолжающимися явлениями, здесь не ведутся опросы, касающиеся настоящего времени, не ведутся наблюдения, эксперименты с ныне живущими индивидами и группами. Преимущественно ведется исследование каких-то *завершенных* явлений, периодов на основе записей, свидетельств, исторических источников и описаний, хотя нельзя исклю-

¹ Ср.: «Историческое исследование проходит как социологическое и отличается от последнего только историческим объектом изучения» [Миронов, 2004, с. 57].

чать интервью с людьми старших поколений об интересующем периоде прошлого.

Соотношение исторической социологии и макросоциологии (или «макроисторической социологии», «макроистории» — в терминах Р. Коллинза [2015]) является проблематичным и требует прояснения. Иногда их отождествляют, иногда считают разными науками. Начнем с того, что атрибут «историческая» для макросоциологии не является обязательным, она, по большому счету, и не может быть иной². Приставка «макро-» относится как к социальному масштабу (в шкале от индивида до человечества), так и к временному (в шкале от секунд до тысячелетий).

Где начинается «макро-» — вопрос также непростой. Если опираться на обычные масштабы тематики макросоциологических исследований, то увидим, что везде задействованы масштаб общества или масштаб нескольких обществ (не бывает макросоциологии провинции, города, села, семьи) и хотя бы одна смена поколений, т. е. период больший, чем полстолетия.

Есть социологи, воротящие нос от макросоциологии. Так, лидер одной продвинутой московской социологической школы клеймит «с долей шутки» макросоциологический анализ крупных исторических процессов и событий как «русский духовный дискурс — бессмысленный и беспощадный». Лучшим ответом на нападки такого рода является простое напоминание: все без исключения основатели науки социологии занимались именно *макросоциологией*: Огюст Конт, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Фердинанд Тённис, Эмиль Дюркгейм, Герберт Спенсер, Макс Вебер, Георг Зиммель. Только сдвиг американской социологии (вначале — блестящей Чикагской школы [Розов, 2016, гл. 17]) в сторону актуальных проблем, социальных процессов в городах и социальных группах привел к нынешнему суженному пониманию этой науки.

Включение макросоциологии в историческую социологию поднимает вопрос о существовании, оправданности *исторической микросоциологии* и *исторической мезосоциологии*. Пожалуй, этот вопрос не следует решать априорно. Сама исследовательская практика определит: понадобится ли ученым выделять такие направления.

Есть ли верный способ написания работ по исторической социологии? С учетом данного выше определения, ответ — нет. Какие поставлены задачи, какой выбран предмет исследования, какая применяется методология, такой и будет статья или книга. Однако общие требования, рамки следует установить.

- Исторический материал должен быть *подчинен задачам социологического исследования*, структурирован, пронизан идеями, концептами, моделями социологического знания, желательно современного или хотя бы учитывающего накопленные научные достижения.

² Так, в названии выдержавшего уже несколько изданий университетского учебника С. Сандерсона «*Макросоциология: Введение в человеческие общества*» нет слова «историческая», что не мешает широчайшему, всемирно-историческому охвату содержания книги [Sanderson, 1999].

- Выводы, результаты книги должны *составлять вклад в социологическое знание*, а не просто демонстрировать применимость концептов к социальным явлениям прошлого. Выбранный предмет (период, общество, группа, явление прошлого) может быть сколь угодно локальным, но полученное на этой эмпирической основе знание должно как-то дополнять или корректировать имеющиеся общие представления о социальных явлениях, процессах, об их природе, сущности и причинах.

Автору пока еще не понятно, насколько удастся самому следовать этим принципам в данной книге, но фиксация их полезна в любом случае.

2. Сдвиги в методологии социального познания

Развитие исследовательских подходов происходит в разных местах с разной скоростью. В центрах международных интеллектуальных сетей ведутся авангардные исследования, здесь первыми происходят сдвиги, рождаются и осваиваются новые идеи. Периферия всегда отстает, новое здесь обычно не находит отклика, а развивается, только попав в сетевые центры [Коллинз, 2002]. Коротко перечислю сдвиги последних 10–20 лет в западной (прежде всего американской как наиболее развитой и динамичной) социальной науке:

- *от статики — к динамике*; все меньше внимания к попыткам всеобъемлющих классификаций и типологий, все больше внимания к динамике, т. е. к механизмам, паттернам, закономерностям, факторам изменений;
- *от фиксированных дилемм — к исторически меняющимся шкалам*; бинарные оппозиции не исчезли, но все больше замещаются порядковыми, интервальными шкалами и континуумами, в рамках которых и происходит динамика; причем эти шкалы не считаются абсолютными на все времена, а являются принадлежностью определенных эпох, исторических систем и даже отдельных типов обществ;
- *от доминирующего масштаба — к попыткам совмещения масштабов*; споры относительно первенства микро- или макро- (атомизмом и холизмом) практически ушли в прошлое; хорошим тоном стал учет охватывающих масштабов при анализе микросоциальных явлений и, напротив, демонстрация того, как макропроцессы влияют на жизнь, судьбу, действия конкретных индивидов;
- *от центризмов — к рядоположенности сфер*; явно снизился (угас?) накал споров относительно главного, или ведущего, типа причин в социальных изменениях и историческом развитии (экономоцентризм, культуроцентризм, психологизм, технологический детерминизм, географический детерминизм и т. д.); гораздо больше внимания уделяется взаимовлиянию между различными сферами, прежде всего веберовскими (политика / государство, экономика / рынки, религия / культура / идеология, насилие / война / геополитика), а также географией, демографией и технологиями;

- *om Methodenstreit* — к синтезу подходов: иными словами, от традиционного Спора о методе между приверженцами номотетики (сбора и обработки количественных, статистических данных) и сторонниками идиографии (качественных методов, таких как наблюдения и интервью) исследователи приходят к попыткам совмещения такого рода подходов (*structure + agency*), но здесь общего решения еще не найдено;
- *от полного отрицания универсальных законов* — к объяснению уникального через общее: долгий период дружного отвержения гемпелевских «охватывающих законов» (*covering laws*) завершается; в социальных и политических науках уже не признаются удовлетворительными исторические объяснения явлений как уникальных; теперь исследователей в передовых научных центрах занимает, каким образом универсальные или типовые для данной эпохи ингредиенты и паттерны проявляются в конкретных неповторимых явлениях.

Если по первым двум пунктам (динамика вместо статики, исторически меняющиеся шкалы вместо абсолютных дилемм) есть ясность, то остальные четыре находятся на самом гребне развивающейся методологии социального познания, поэтому в книге им будет уделено особое внимание.

3. Масштабы описания и выявление причин

Плодотворная идея совмещения в описании разных социальных и временных масштабов³ связана с осознанием (иногда более, иногда менее ясным) того, что в разные периоды истории ведущие причины событий и процессов относятся к разным масштабам. Иногда нужно вести речь о макропроцессах на континенте или даже в мире (великие географические открытия, колонизация, религиозные войны, формирование национальных государств, промышленная революция и т. д.), а иногда, особенно во время острых кризисов и развилочек, — о раскладе сил между основными политическими игроками или даже об особом складе характера, привычках и фобиях отдельного правителя.

Картины изменения частной жизни семей и индивидов, в которых явно отражаются макрособытия (излюбленный прием исторических романистов), стали также активно использоваться в работах историков и социальных исследователей.

Совмещение масштабов и переключение между масштабами не только являются удачными приемами построения литературного или научного нарратива, но также имеют большой методологический, познавательный потенциал. Как его раскрыть?

Допустим, мы обращаемся к разным социальным и временным масштабам не ради риторического эффекта, а с целью лучше прояснить при-

³ Затрудняюсь здесь судить о приоритетах. Не исключено, что первыми были даже не историки или социальные исследователи, а великие романисты XIX в., такие как Л. Толстой и Э. Золя. Совмещение и изящное переключение масштабов также характерны для историков школы Анналов (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель), историка В. Макнила и макро-социолога И. Валлерстайна.

чины происходящего. Тогда уже требуется априорное представление о ряде охватывающих масштабов: например, от ультрамикро- (ситуаций здесь и-сейчас) до макро- (все общество) или даже до международного и глобального уровней. Как правило, бóльшим социальным и пространственным масштабам естественно сопоставлять и бóльшие временные: от минут и часов до столетий. Никакой априорный ряд масштабов не может быть общей догмой: для каждого типа исследовательских задач адекватен тот или иной состав масштабов.

Преодоление спора между холизмом и атомизмом состоит в признании «плавающего» и/или «диффузного» характера наиболее значимых причин социальных изменений. Иными словами, причины явлений могут находиться в сущностях и процессах разных масштабов (от ситуативных и локальных до национальных, международных, глобальных), т. е. причины как бы «плавают» между масштабами, но также вполне резонно ожидать, что причины особо значимых явлений (кризисов, революций, войн, расцветов и упадков обществ) могут быть диффузно рассредоточены по нескольким масштабам, например, для Первой мировой войны — от выстрела Гаврилы Принципа и воинственных настроений европейских политических лидеров до сложившегося соотношения в промышленном и военном развитии между Германией и Великобританией, еще шире — до истории конкуренции и конфликтов между всеми великими европейскими державами и их коалициями (см. также окончание главы 1).

Какова же адекватная методология для раскрытия такого рода причин? Перспективным представляется синтез вполне классического подхода постановки и проверки гипотез через систематический анализ исторических случаев (соединенным методом сходства и различия, аппаратом Булевой алгебры по Чарльзу Рэгину⁴ [Ragin, 1994; Розов, 2009; Маркс и др., 2017] с расширением за счет учета разных масштабов. Так, мономасштабные причины выделяются, будучи обозначены как отдельные гипотетические факторы (что бы ни происходило в других масштабах, они «выстрелят»). Диффузные факторы с представительством в разных масштабах выделить более трудно, но возможно через обобщение сквозных инвариантов в сочетаниях разномасштабных причин, ведущих к одному и тому же результату (например, к социальной революции, смене власти и режима).

Идиографический подход здесь выступает как «исторический» и «качественный»: явление объясняется как следствие предшествующих событий и действий акторов. Такое объяснение бывает убедительным, вполне достаточным для историков традиционного склада, но сохраняет все известные недостатки объяснения *ad hoc*: прежде всего, оно никак не помогает в объяснении других явлений, разве что по аналогии. Как известно, аналогии слишком часто вводят в заблуждение.

Номотетический подход здесь выступает как «количественный» — статистический: данные по множеству макропоказателей сопоставляются с качествами итогового явления (например, произойдет или нет социально-

⁴ Фамилию Ragin также транскрибируют: Рэджин, Рэйджин, Рэйгин.

политический кризис, каковы будут уровни демократичности, устойчивости получившегося в результате революции и/или реформ режима). На этом пути были получены многие любопытные и нетривиальные результаты [Goldstone et al., 2010]. Но все они имеют только вероятностный характер, корреляции чаще всего слабые, а там, где сильные, речь идет обычно только о росте социальной напряженности и самых общих рисках.

Предлагаемый подход, который условно назовем *интегративным*, включает в игру несколько промежуточных онтологических слоев (см. главу 1), в центре которых происходит динамика взаимодействий основных акторов; причем их стратегии и практики определяются меняющимися нишевыми условиями и логикой ответных ходов.

4. Как совместить гемпелевскую жесткость объяснения с гибкостью переключения моделей и масштабов

Гемпелевская схема универсальных (охватывающих — *covering laws*) законов, пожалуй, является чемпионом по остроте и массивности критики в ее адрес. Хуже того, за прошедшие десятилетия хотя и были примеры успешных объяснений и даже предсказаний на основе этой логики⁵, но надежных методов, позволяющих широко и уверенно ее использовать, так и не было создано. В чем же причина?

Радикальная критика самой идеи гемпелевского объяснения с позиций аналитической философии истории, идиографии, нарративизма, постмодернизма и проч. не является продуктивной. Дело не в том, что в социальном бытии и истории вообще нет общих закономерностей, позволяющих проводить объяснения и предсказания по К. Гемпелю, а в специфике этих закономерностей, их сложной взаимосвязи с процессами складывания, феноменами субъективных выборов, социальными механизмами. Сюда же накладывается дополнительная сложность участия процессов разных социальных масштабов, в разных полях взаимодействия (см. главы 5–6).

Сам Гемпель в своей классической статье «*Функция общих законов в истории*» [Гемпель, 2000] в качестве «исторического примера» не случайно приводит случай разрушения радиатора автомобиля, простоявшего ночь на морозе. Здесь физический закон расширения замерзающей воды является действительно универсальным и к тому же единственным, который следует учитывать в данной ситуации. В социальной же реальности добавляются, как минимум, следующие усложняющие моменты:

- одновременно может действовать множество закономерностей, какие-то из них могут быть заблокированными («спящими»), другие — усиливать друг друга, третьи — ослаблять или изменять влияние;

⁵ Наиболее впечатляющим было предсказание Р. Коллинзом распада Варшавского блока и СССР, выполненное в 1980–1986 гг. строго согласно канону К. Гемпеля: на основе сопоставления общей геополитической теории, полученной на другом материале, с начальными данными для обеих тогдашних сверхдержав [Розов 2002, гл. 4; Коллинз, 2015, гл. 2].

- сущности разных «миров» (материальные объекты, психические реалии, культурные образцы, социальные отношения и структуры [Розов, 2016, гл. 1]) подчиняются разным закономерностям, но при этом тесно между собой связаны;
- долговременные закономерности охватывающих временных масштабов (влияние прошлых ситуаций) и охватывающих социальных масштабов (влияние ситуаций, происходивших в другое время и в других местах) могут существенно трансформировать действие локальных факторов данной ситуации;
- случайные явления складывания, встреч нередко приводят к замыканию сетей, к началу сборки новых социальных структур, которые кардинальным образом меняют состав действующих закономерностей;
- если групповые и массовые характеристики поведения как-то поддаются моделированию, то в периоды кризисов и бифуркаций резко повышается значимость индивидуального выбора отдельных лиц, решения и действия которых ведут к переломным событиям, нарушающим действие прошлых закономерностей и включающим новые закономерности.

Согласно классической гемпелевской схеме, полноценное научное объяснение должно быть симметрично предсказанию: если умеем научно объяснить, то должны уметь и предсказывать при наличии данных о начальных условиях. Однако известны весьма серьезные ограничения возможностей предсказания в социальной сфере, особенно в кризисных, конфликтных, военных, революционных ситуациях (см. главы 9–10).

Во-первых, складывающиеся совпадение событий и очередность событий не поддаются прогнозированию, а в период острого кризиса счет здесь идет на часы, если не на минуты. Когда успеет или нет подкрепление. Когда участникам стычек станет или не станет известна важная информация о положении дел вовне. Успеют или нет внешние акторы донести свои угрозы до лидеров сторон, а те — до своих силовых структур. Все это априори предвидеть невозможно.

Во-вторых, многие характеристики участников, их действий и взаимодействий существенно меняются в ходе силового противостояния. Как они будут меняться, не знают точно даже сами участники. Это относится прежде всего к уровню боевой решимости: готовности убивать и идти на смерть. Серия наблюдений за поведением бойцов в прошлых стычках дала бы полезную информацию, но таких данных, как правило, нет.

В-третьих, скорость и интенсивность процессов перемены власти определяется тем, когда и какие именно сложатся круги положительной обратной связи в серии событий, причем каждая такая связь не достаточна, а вместе они дают качественный, структурный эффект.

Кризисные и конфликтные процессы хуже всего поддаются теоретическому объяснению, не говоря уже о предсказании. Вместе с тем, начавшаяся эпоха глобальной турбулентности, когда кризисы, революции, локальные войны становятся более частыми и все более близкими к цивилизацион-

ным центрам, привыкшим уже к стабильности, спрос на научное, модельное освоение этой тревожной реальности нарастает, а значит, будут все более активно разрабатываться методологические подходы. Сейчас можно судить только об их вероятных или правомерных свойствах.

- Вместо привычных крайностей — либо полного отказа от строгих моделей, теоретических объяснений, попыток предсказаний, либо надежд на изобретение какой-то «панацеи», позволяющей предсказывать кризисную динамику, — будут развиваться *компромиссные подходы*: достаточно гибкие, многовариантные, с упором на мониторинг, экспертные оценки и анализ наиболее вероятных выборов из спектра сценариев, в то же время достаточно жесткие, позволяющие отсекаать невозможные в данных условиях альтернативы, объяснять и предсказывать хотя бы рамки возможных явлений в каждом временном отрезке.
- Будет бурно развиваться не только совместное применение, но и *прямое совмещение количественных и качественных методов*: от сбора статистических данных, проведения корреляций, факторного анализа до включенных наблюдений, анализа личных блогов и переписки, проведения углубленных интервью. Такой синтез предполагает создание моделей и приемов работы с ними, где качественные результаты используются вместе с количественными данными. Это означает непременное шкалирование первых и кластеризацию вторых. Грубый, но эффективный подход на начальных стадиях исследования — бинаризация, которая подходит и для качественных, и для количественных данных, к тому же позволяет использовать классические методы анализа причинных связей Бэкона—Милля и аппарат Булевой алгебры [Ragin, 1994; Разработка..., 2001; Розов, 2009; Маркс др., 2017].
- Как обычно, при столкновении с трудными и долго не решаемыми проблемами будет предприниматься «нащупывание» через попытки применения широкого спектра классических и новых исследовательских подходов. Наиболее успешные из них, причем именно в предсказании (объяснять прошлое уже давно все умеют), будут подхватываться и развиваться ускоренными темпами. Вероятно, таковыми станут подходы с гибким переключением масштабов, учетом процессов в нескольких полях взаимодействия, совмещением качественных и количественных методов, строгой гемпелевской логики и вероятностного анализа альтернатив при развилках (в данной книге разрабатывается именно такой подход).

Методология теоретически нагруженного исследования не может обойтись без парадигмальных, в том числе онтологических, представлений. Какую же пользу можно извлечь из построений социальной онтологии для научного объяснения причин исторической динамики кризисов и трансформаций? Онтология представляет собой нечто вроде каркаса связей между сущностями. И связи, и сущности можно представлять как носители качеств — переменных, о значениях которых в онтологии сведений нет.

Эта неизвестность значений представляет собой что-то вроде пустых ячеек, требующих заполнения. Кроме того, онтология является своего рода «набором линз» — способом осмысления и описания эмпирического материала.

Связкой между «пустыми ячейками» и исследуемой реальностью являются вопросы. В некотором смысле онтология — это арсенал понятийных средств, нужный для того, чтобы задавать хорошие вопросы, ответами на которые служат начальные модели, гипотезы, данные их эмпирических проверок и получающиеся в итоге теории.

Модели и теоретические гипотезы закрепляют связи между сущностями, что дает возможность формулировать и проверять эмпирические гипотезы через специальные выборки исторических случаев (см. метод теоретической истории: [Розов, 2009, гл. 6]).

В данной работе сделаны лишь первые шаги в продвижении к этой парадигме. Сформулируем ее главные положения (тезисы ядра исследовательской программы).

1. *Принцип разномасштабных закономерностей.* Разнообразие явлений продолжающейся человеческой истории складывается в результате отчасти случайных, но и в большой степени закономерных процессов в различных социальных масштабах: от ультрамикро- (здесь-и-сейчас) до макро- (происходящее в обществе) и международного, глобального масштабов. На каждом уровне образуются свои целостности (отношения, семьи, организации, институты, государства, союзы и проч.), которые живут и трансформируются, взаимодействуют друг с другом, с целостностями других масштабов по своим законам. Если образуются сквозные целостности (иерархии, рынки, сети), пронизывающие эти масштабы, то они также начинают подчиняться своим законам. Все эти законы предполагают поведение людей, зависящее от сформированных установок в прошлых социальных взаимодействиях и от воспринимаемых окружающих обстоятельств (см. главу 1).
2. *Принцип универсальности базовых стремлений.* Все акторы (от индивидов до государств и их союзов) имеют базовые потребности (стремления) в поддержании и развитии жизнеобеспечения, безопасности, социального статуса (престижа, достоинства, репутации и т. п.). Многие акторы также стремятся к богатству, власти, могуществу, автономии (способности самостоятельно принимать решения и действовать). Интенсивность и формы этих стремлений, способы их реализации определяются групповыми установками и габитусами, обуславливающими поведение акторов (см. главу 1).
3. *Принцип ритуально-событийного круговорота.* На уровне микро- (индивид) когнитивные, ценностные, социальные, экзистенциальные, поведенческие установки и их комплексы (габитусы) формируются в цепочках интерактивных ритуалов на уровне ультрамикро- (ситуации здесь-и-сейчас). Группы, организации и иные целостности, включающие индивидов с габитусами солидарности, сплочения, способны действовать как самостоятельные акторы. Результаты совместного

действия разных акторов ведут в рамках закономерностей динамики соответствующих целостностей к *событиям* в разных социальных масштабах, эти события всегда обсуждаются, переживаются в новых ритуалах, что ведет к укреплению или трансформации установок и габитусов участников.

Общие концептуальные модели глав 1–3 конкретизированы в теоретическом анализе причин и динамики революций в главах 5–6 и приложены к конкретным революционным событиям России и других стран в главах 7–10, 12).

Вообще говоря, в данной книге теории истории и теоретической социологии больше, чем философии. Кроме данного методологического введения и солидной порции социально-онтологических построений в первой части (главы 1–3), только две главы посвящены философской, философско-исторической и политико-философской тематике. В главе 4 сделана попытка выявить роль революций в контексте гуманистической версии *смысла мировой истории* и модернизации. В заключительной главе 13 разработаны *критерии легитимности* революционных действий и постреволюционной власти. Онтологические, методологические, аксиологические рассуждения есть и в других главах, но основное их содержание — разработка понятийного аппарата, моделей и концепций относительно причин и динамики революций.

Теме книги созвучны три приложения. В первом проводится теоретический анализ природы и причин *ускорения истории*, в том числе посредством концепта модернизационных линий, использованного в главах 4 (для вычленения роли революций в мировой истории) и 8 (определение вектора Большой Русской революции 1905–1930 гг. в плане модернизации).

Второе приложение представляет собой послесловие к «*Макроистории*» Рэндалла Коллинза, где его концепции революции, модернизации, геополитики применяются к истории России, ее актуальным проблемам и перспективам на будущее.

Третье приложение, названное «Пулеметы и армейская демократия: этуод исторической микросоциологии», представляет собой теоретическую интерпретацию одного частного эпизода, произошедшего в Петрограде летом 1917 г. В своих мемуарах П. А. Половцев рассказывает, как, находясь в должности главнокомандующего Войсками Петроградского Военного Округа, он пытался выполнить приказ А. Ф. Керенского: получить часть пулеметов для отправки на фронт, для чего нужно было добиться согласия пулеметного полка, не подчинявшегося Временному правительству, а находившегося под влиянием Петросовета.

Часть I

Социальные порядки, их нарушения и смена

Глава 1

Многоуровневая онтология социальной стабильности¹

1. Краткая история проблемы *structure/agency*

В социологии отношение *structure/agency* (или макро-/микро- в американской традиции) обычно трактуется как проблема разрыва между надындивидуальными целостностями (установлениями, институтами, государствами) и ситуациями взаимодействия, поведением конкретных людей, групп с расстановкой сил, конфликтами, коалициями, стратегиями.

Данной проблеме посвящено огромное количество литературы, причем в последние десятилетия тема не иссякает, а напротив, вызывает все больше дискуссий и публикаций. В кратком пунктирном обзоре укажу только на «реперные точки» — поворотные идеи, которые представляются наиболее продуктивными в плане концептуального преодоления разрыва.

Томас Шеллинг в книге «*Микромотивы и макроповедение*» (1921 г.) показал, каким образом частные индивидуальные действия приводят к незапланированным макроследствиям. Например, желание каждой семьи иметь в соседях одноплеменников ведет к формированию «гетто» — территориальной сегрегации в городах [Schelling, 1978].

Дэвид Локвуд в прорывной статье «*Социальная и системная интеграция*» (1964 г.) разделил «социальную интеграцию» как формирование принципов взаимодействия между акторами (*agency*) и «системную интеграцию» как согласование между частями, сферами, институтами общества (*structure*). Локвуд показал, что они связаны, перетекают друг в друга, причем одна интеграция помогает преодолению трудностей в другой [Lockwood, 1964].

Питер Блау, расширяя теорию социального обмена, в книге «*Обмен и власть в общественной жизни*» (1964 г.) предложил следующие четыре звена, через которые соединяются оба полюса и между которыми происходит взаимодействие.

1. Межличностный обмен прекращается, когда возникает асимметрия и вознаграждение не обеспечивается равными ресурсами.

¹ В основу главы положен текст статьи «Концептуализация связи *structure/agency*» (Философия и общество. 2017. № 1. С. 29–47).

2. При дифференциации статуса и власти возвышаются те, кто получил ресурсное преимущество. Они же создают организации со своим лидерством, властью, признанными остальными участниками.
3. Легитимация новых структур начинает влиять на обмен, асимметрия закрепляется и институционализируется.
4. Возникает оппозиция системе, ведущая к изменению последней.

Достоинство концепции П. Блау состоит в глубокой и нетривиальной трактовке власти как монополии на вознаграждения, легитимированной через нормы, ценности и организационно оформленной [Blau, 1964].

В более поздней статье «*Макросоциологическая теория социальной структуры*» (1977 г.) Блау указывает на значимость сетей в формировании и динамике макроструктуры общества как многомерного пространства позиций.

Рэндалл Коллинз в статьях о микротрансляции макроструктур [Collins, 1981, 1988] рассуждает в контексте шкалы социальных масштабов, которая простирается от ультрамикро- (ситуаций здесь-и-сейчас), через микро- (индивидуальное поведение) и несколько уровней мезо- (малые группы, большие организации, социальные слои, провинции) до макро- (общества, государства) и дальше до международного и глобального уровней. Законным является исследование на любом уровне, но структуры верхних уровней должны быть протестированы и подкреплены *микротрансляцией* — демонстрацией того, как они воплощаются в потенциально наблюдаемых ситуациях здесь-и-сейчас и их цепочках. Некоторые социальные понятия (например, общество, культура, интересы государства), как считает Коллинз, не проходят этого теста и оказываются пустышками, «глоссами» (словами без реальных денотатов).

Главным концептом микросоциологии Коллинз считает «*интерактивный ритуал*», понимаемый крайне широко (по И. Гофману) как основа любого социального порядка, а также универсальный механизм утверждения отношений и символов среди участников. Разговоры являются самой частой и важной формой ритуалов, причем наибольшее значение имеет не их содержание, а получение ощущений участниками, как и среди кого они могут рассчитывать на какую поддержку каким своим действиям. Иными словами, через сети личных знакомств и ритуальные взаимодействия (главным образом, разговоры) индивиды воспринимают требования и ограничения социальных форм, установлений (*structure*) для своих действий, практик, жизненных стратегий (*agency*).

Коллинз также указывает на способ интерпретации и проверки макрозависимостей. Рассмотрим, например, закономерность: чем более ритуализирован межличностный контракт для третьих лиц (брак, сделка, принятие на должность), тем более будет выражено признание участником отношения этого контракта реальными и обязывающими. Для проверки данного тезиса нужно сравнить, упорядочить по параметру «внешняя ритуальность для третьих лиц» множество конкретных ситуаций заключения контракта, а затем сопоставить их с множеством последующих ситуаций,

в которых проявляются отношения тех же участников к контрактам и характер, качество исполнения этих контрактов.

В своей ставшей широко известной «теории структуриации» Энтони Гидденс трактует социальные структуры как ряды воспроизводимых практик: «социальные системы существуют только благодаря непрерывному их структурированию в течение времени». «Дуальность структуры» состоит в том, что структура не только ограничивает деятельность, но делает ее возможной. Сами же структуры существуют в «следах памяти» — в головах людей, действующих согласно структурам и преобразующих их. При этом все происходящее в обществе доступно для понимания и «зависит от умелых действий людей» [Giddens, 1984; Гидденс, 2005].

Рой Бхаскар в книге «*Возможность натурализма*» разрабатывает «трансформационную модель социального действия», настаивает на предсуществовании социальных форм как необходимых условий целенаправленных действий, интенциональных актов, причем эти формы имеют «причиняющую силу». Он указывает на «прорези», через которые *agency* «проскальзывает» в *structure* (воспроизводящиеся социальные формы): таковыми являются институциональные позиции, всегда опосредующие действия людей [Bhaskar, 1989, p. 25–26].

Джеймс Коулман, который придерживается методологического индивидуализма, в книге «*Основы социальной теории*» большое внимание уделяет порождению уровня *structure*. Согласно Коулману, культура порождает конкретные специфические ценности у своих членов, которые заставляют их действовать в поисках этих ценностей, а делая это, они влияют на общество [Coleman, 1990]. Известной стала схема, названная «лодкой Коулмана», наглядно представляющая эти отношения (рис. 1.1). Развивая свой подход в экономической социологии, Коулман делает упор на сети доверия, которые в качестве *structure* во многом определяют *agency* — действия людей на разного рода рынках [Коулман, 2009].

Во многих своих работах Маргарет Арчер развивает «морфогенетический подход», в котором уделяет большое внимание онтологическим и

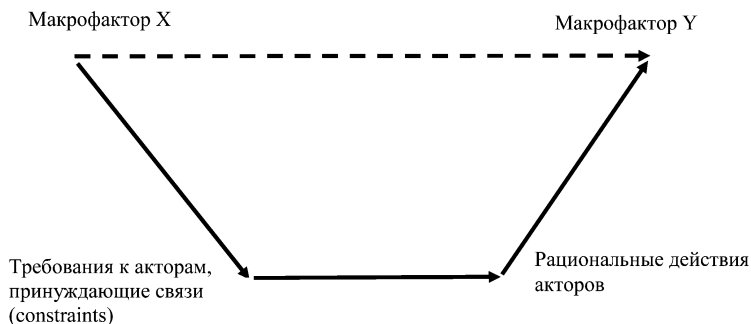

Рис. 1.1. «Лодка Коулмана», представляющая связь между переменными *structure* (верхний уровень) и поведение, активность, деятельность людей *agency* (нижний уровень). Здесь воздействия на макроуровне происходят посредством микроуровня

методологическим аспектам соотношения *structure/agency*. Она развивает идеи Д. Локвуда и Р. Бхаскара, критикуя «теорию структуриации» Э. Гидденса за уплощение анализа, игнорирование структур, доставшихся нынешним поколениям от прошлого, а также отвергает всевозможные версии «конфляционизма» и «элизионизма» — попыток «сращивания» (conflation) полюсов, редукции одного полюса к другому или устранения, пропуска (elision) любого из них.

«В каждом морфогенетическом цикле выделяются три обширные аналитические фазы, включающие: (а) некую данную структуру (сложный комплекс отношений между частями), которая ограничивает своими условиями, но не детерминирует (б) социальное взаимодействие. Здесь (б) также возникает отчасти из ориентации действий, не обусловленных социальной организацией, но исходящих от наличных акторов, и, в свою очередь, приводит к (в) — разработке, дорабатыванию, или модификации структуры (structural elaboration), т. е. к изменению отношений между частями, где, скорее, происходит морфогенез, а не морфостазис» [Archer, 1995, p. 91].

М. Арчер утверждает значимость «швов» в социальной ткани, доставшихся от структурирующих действий прошлых поколений, поскольку социальные структуры являются результатами прошлых действий людей, которых зачастую уже давно нет в живых. Она с сочувствием цитирует формулу Огюста Конта: «большинство акторов — мертвые».

Примечательным является также введение М. Арчер интересов и конфликтов в процессы воспроизводства и трансформации структуры:

«...именно состоявшееся в прошлом структурирование ситуаций и интересов заставляет в настоящем одних акторов действовать в направлении трансформации [социальных структур], а других — в направлении [их] стабильного воспроизводства. Бесконечная сложность социального не представляет непреодолимых трудностей для теорий [социального] изменения. Воспроизводство берет начало в унаследованных интересах, а не в простой рутинизации. Трансформация не есть неопределенный потенциал всякого момента времени, она коренится в конкретных конфликтах между определенными группами, находящимися на конкретных позициях с конкретными интересами, которых [они] добиваются или отстаивают» [Арчер, 1994, с. 65].

В процессе медиации между *structure* и *agency* М. Арчер фиксирует цепочку заботы→проекты→практики, а также, подобно Р. Коллинзу, указывает на первостепенную значимость разговоров.

Медиация происходит по следующим положениям:

- «Структурные и культурные свойства объективно формируют ситуации, которым агенты невольно противостоят, и обладают [...] властью (generative powers) ограничения и обеспечения в отношении к субъективно определенным заботам агентов»;

- «Ограничения и обеспечения активируются в ассоциации с личными созвездиями забот агентов как субъективно определенных в отношении к трем порядкам природной реальности — природе, практике и обществу»;
- «Курс действия производится через рефлексивные обсуждения агентов, которые субъективно детерминируют их практические проекты в отношении с их объективными обстоятельствами» [Archer, 2003, p. 135–148. Цит. по Кучинов, 2014].

2. Постановка задачи концептуализации

Как видим, даже краткий обзор дает представление о немалом накопленном багаже идей и подходов к проблеме. Тем не менее, разрыв *structure/agency* пока нельзя считать преодоленным. Для этого необходимы:

- 1) надежная цепочка ясных понятийных конструкций (концептов), отвечающих явно заданным критериям и интегрированных между собой;
- 2) совокупность теоретических гипотез, сформулированных в этих концептах, учитывающих прежние результаты в каждой соответствующей исследовательской традиции;
- 3) серия эмпирических исследований с воспроизводимыми результатами по проверке и коррекции этих гипотез.

В данной работе наметим только основные звенья в рамках задачи (1), покажем способ их сочленения. Вначале уточним представления о полюсах, между которыми следует выстроить понятийный мост (цепочку концептов-медиаторов).

В связи с развитием статистики на национальном и глобальном уровнях, всевозможных экспертных оценок, рейтингов область *structure* стала в последние годы ассоциироваться со всевозможными макропоказателями (экономическими, социальными, политическими, демографическими, технологическими). Все эти макропоказатели меняются со временем и зависят друг от друга, поэтому адекватным средством их анализа являются тренд-структуры — модели динамической связи между переменными, выраженные через ориентированные графы, где вершины — переменные, а стрелки — положительные и отрицательные связи с разными весами. Такие переменные суть меняющиеся качества больших социальных целостностей (популяций, институтов, провинций, организаций, экономических отраслей, государств, политических устройств, миросистем и проч.), как раз и составляющих возвышающиеся над *agency* уровни *structure*.

Когда есть модель взаимодействия переменных, на этом уровне уже можно проводить исследования *structure*, не «спускаясь» к *agency*. Но как происходит переход от модели к модели? Иными словами, как и почему появляются (исчезают) сами переменные? как и почему возникают (усиливаются, ослабевают, обращаются вспять, угасают) связи между переменными? На эти вопросы следует дать общий, даже не теоретический, а социально-онтологический (парадигмальный) ответ, включающий *agency* непосредственно или через цепочку концептов-медиаторов.

Сам же полюс *agency* будем понимать только как поведение, включающее *реакции* (ответы на изменение ситуации), *практики* (рутинные, каждодневные занятия), отдельные *действия*, в том числе *поступки* (действия в ситуациях выбора со значимыми последствиями), *деятельности* (сложные, целенаправленные, долговременные комплексы действий, практик и типов реакций), а также *взаимодействия* в ситуациях здесь-и-сейчас (встречи, столкновения, разговоры, церемонии и проч.). Сюда включается как *повседневность* [Козлова, 1996; Шюц, 2004], так и особые, кризисные ситуации с *поворотными жизненными выборами* [Holton, 1987].

Традиционные в социологии методы эмпирического исследования уровня *agency* — наблюдения (в том числе включенные), интервью и опросы — теперь начинают пополняться использованием Big Data:

«...открылась картина взрывного, лавинообразного роста данных, генерируемых в корпорациях, в документообороте госорганов, накапливающихся СМИ, записываемых приборами слежения, камерами наблюдения и т. д. Информационная революция непреднамеренно дала социологам средства наблюдения за, скажем так, средой обитания человека в “незамутненном” виде. Скупые точные массовые социальные данные (напомню: это данные социальных сетей о своих пользователях), телефонные переговоры, учетные и прочие документы госорганов, покупки в магазинах, поведение людей в транспорте, на массовых мероприятиях и т. д., — создали для социологов потенциальный доступ к детальным данным, которые могут ускользать от инструментария социологов или требовать специальных, порой неподъемных усилий и средств» [Романовский, 2016, с. 6].

Ментальные, когнитивные явления сознания, психики следует считать уже относящимися к объяснительному арсеналу². Требуется принцип объяснения человеческого поведения (полюс *agency*), включающий полюс *structure*, т. е. некие формы закономерностей, связывающие происходящее во взаимодействии переменных (меняющихся качеств больших целостностей) с реакциями, практиками, поступками, взаимодействием индивидов и групп, возможно, при посредстве промежуточных уровней.

В данной главе речь пойдет только о социальной стабильности — периодах с обычным, нормальным функционированием институтов, когда возникшие неприятности, трудности, напряжения преодолеваются стандартными подходами, нет кризисов, революций, трансформаций. Вместе с тем концептуальный аппарат сразу строится так, чтобы его можно было применять как раз в анализе кризисных и революционных периодов — основной темы этой книги.

² Индивидуальное сознание напрямую эмпирически не исследуется (разве что в интроспекционизме на заре научной психологии). В своих интервью и опросах, в изучении записей разговоров, дневников, мемуаров, постов в блогах, видеоматериалов и т. д. социальные исследователи имеют дело с речевым и/или невербальным *поведением*, лишь реконструируя явления индивидуального, группового, общественного сознания для объяснения полученных данных.

Теперь нужно задать требования к понятийным слоям, которые призваны соединить макропоказатели (*structure*) с поведением, взаимодействием акторов (*agency*).

3. Априорные требования к концептам-медиаторам

С учетом накопленного багажа идей и подходов (см. выше пунктирный обзор) сформулируем следующие критерии отбора:

- *универсальность и потенциал расширения*; понятия должны быть приложимы ко всем обществам, культурам, эпохам (ведь всегда и везде есть уровень поведения и хотя бы один-два возвышающихся над ним уровня социальных структур, их меняющихся качеств); потенциал расширения означает возможность приспособления понятий концепта для охвата максимального числа частных социальных теорий и эмпирических описаний конкретных ситуаций, обществ, их частей, сфер, аспектов;
- *динамизм*; иными словами, указание на типовые причинные силы, действующие закономерно, что означает возможность построения гипотез, объяснительных моделей;
- *конструктивность* как оперирование в рамках строгой системы понятий и возможность применения причинной логики, выдвижения и эмпирической проверки гипотез;
- *простота закономерностей*; при построении понятийного каркаса следует начинать с самых очевидных, грубых, упрощенных связей; выявление и преодоление аномалий, нюансов, сложностей — задачи последующей теоретической и эмпирической работы;
- *учет социальной обусловленности психики и поведения индивидов*; учет как охватывающей причинности для групп и обществ (извне — внутрь), так и причинности со стороны лидеров, элит (изнутри — вовне);
- *операционализируемость*, т. е. наличие исследовательской традиции и эмпирических методов фиксации, измерения, изучения явлений, к которым относятся понятия концепта;
- *совместимость*; концепты должны служить медиаторами, понятийными «мостами» от *structure* к *agency* и обратно, т. е. объединяться в цепочки и составные конструкции, что осуществляется через отождествление понятий из разных концептов.

4. Тройственная модель поведения как общий знаменатель

Таковым требованиям отвечает соединение следующих трех известных концепций:

- *теория интерактивных ритуалов* Дюркгейма—Уэллера — Гофмана — Коллинза [Коллинз, 2002, гл. 1; Collins, 2004; Розов, 2011, гл. 3, 5];
- *модель габитуса* (П. Бурдьё) как комплекса *установок* (У. Томас и Ф. Знанецкий, Дж. Мид, Дм. Узнадзе): когнитивных (фреймы), ценностных (символы), экзистенциальных (идентичности) и поведенческих

(стереотипы практик и стратегий); при этом такие понятия, как национальный, этнический менталитет, национальный характер, определяются через свойственные разным культурам разнообразия габитусов [Розов, 2011, гл. 3, 5];

- *теория оперантного обусловливания* Ф. Скиннера, позволяющая объяснять и предсказывать последующие поведенческие акты (реакции, выборы, решения, действия, стратегии) на основе положительного или отрицательного подкрепления таких же или противоположных прошлых актов в субъективно сходных обстоятельствах [Скиннер, 1986; Розов, 2011, гл. 3].

Главные понятийные связи между этими моделями таковы. *Установки* индивидов и групп, управляющие их поведением, формируются в эмоционально значимых, впечатляющих интерактивных *ритуалах*.

В каждом таком ритуале поддерживаются и укрепляются *социальные связи* и общие *символы* через внушение участникам картины мира (*фреймы*), значимости *священных объектов и ценностей* (стремления, интересы, чувство долга), чувств своего места, роли, предназначения (*идентичности*), целей и правил должного, социально одобряемого поведения (*стереотипы практик и стратегий*).

Успех избранной линии поведения *положительно подкрепляется* в особых *ритуалах честования* и приводит к упрочению, расширению тех же стереотипов. Провал приводит к фрустрации (*отрицательному подкреплению*), что также переживается в эмоционально насыщенных ритуалах с фиксацией ошибок, виновных, причин неудач и т. п., что обуславливает выбор линии поведения в будущих сходных обстоятельствах.

5. Габитусы и пять типов установок

Примем крайне упрощенную психологическую концепцию: будто бы все поведение человека полностью определяется особыми управляющими частями психики: установками (неважно, осознаваемыми или нет). Невольно смутное у Пьера Бурдьё понятие *габитус* эксплицируется как комплекс пяти следующих типов установок [Розов, 2011, гл. 3]:

- *фреймы* (когнитивные установки) — внутренние средства схематизации опыта, «определения ситуации» (Дж. Мид, Г. Блумер), т. е. для осмысления явлений окружения через подведение происходящего под знакомое и привычное;
- *символы, сакральные объекты* (ценностные установки) — принимаемые индивидом или группой религиозные, морально-политические и/или идеологические святыни, идеи, идеалы, ценности (Э. Дюркгейм);
- *внутренние позиции, роли, отношения* (социальные установки) — результаты принятия своего положения в множестве социальных отношений, структур, институтов, а также устойчивые чувства к другим людям в связи с их положением в тех же структурах, от родителей, братьев-сестер, супругов, детей до политических лидеров (К. Маркс, М. Вебер, Р. Мертон и др.);

- *идентичности* (экзистенциальные установки) — представления человека, группы, сообщества о своем месте в социальном окружении (понимаемом через *фреймы* и *внутренние позиции*), а также характер отнесения себя к принимаемым *символам* (Э. Эриксон);
- *поведенческие стереотипы* (бихевиоральные установки) — внутренние правила, осознанные принципы и неосознанные нормы, ограничения, склонности, т. е. все психические структуры, непосредственно управляющие реакциями, практиками, действиями, деятельностью (Г. Олпорт, Дм. Узнадзе).

Универсальность такой концептуализации может быть подвергнута сомнению, только если будут представлены убедительные свидетельства, что в какой-то культуре, эпохе люди а) не пользовались внутренними схемами для определения ситуации; б) не имели святынь, норм, правил и их аналогов; в) не имели устойчивых отношений с другими людьми и соответствующих чувств к ним; г) никак не определяли свое место, позицию, роль среди окружающих; д) элементы их поведения никак не определялись внутренними психическими структурами.

Потенциал расширения данного конструкта практически безграничен, поскольку разнообразие установок, различия между установками, развитие и диверсификация установок сопоставимы с обширностью, открытостью и развитием языков, других знаковых систем и их семантики.

Для простоты вынесем за скобки (временно) множественность противоречащих друг другу установок, внутренние конфликты, сложности выбора и самоопределения; тогда все ситуации каждым человеком однозначно осмысляются соответственно имеющимся у него/нее *фреймам*, оцениваются согласно принимаемым *символам*, *отношениям* и *идентичностям*, а поведение в ситуации осуществляется в соответствии со *стереотипами*, *внутренними правилами* и в полном согласии с определением ситуаций.

Динамизм означает здесь закономерности формирования, трансформации, разрушения установок, соответствующего изменения охватывающих их габитусов. Для этого как раз служат конструкты: оперантное обусловливание и интерактивные ритуалы.

Операционализируемость понятий *фреймов* (познавательных схем), *символов* (ценностей), *идентичностей* (позиций, ролей), *стереотипов* поведения обнаруживается в каждой (весьма богатой) соответствующей исследовательской традиции, — достаточно назвать такие имена как Л. Леви-Брюль, У. Томас и Ф. Знанецкий, Л. Выготский, Ж. Пиаже, К. Леви-Стросс, Дм. Узнадзе, Г. Олпорт, Ф. Бартлетт, М. Минский, Э. Гофман, Дж. Брунер, Л. Терстоун, Р. Инглхарт, Э. Эриксон, Р. Брубакер, Э. Торндайк, Б. Скиннер.

6. Комфорт-дискомфорт, вызов-ответ и оперантное обусловливание

К комфорту стремятся, дискомфорта избегают. Эти категории, понятия в самом широком смысле, предельно *универсальны*, ведь они приложимы не только к человеческому поведению, но к жизни живых существ,

вплоть до простейших животных и даже растений. О материальных условиях так или иначе заботится каждое живое существо, а для всех стадных и стайных животных весьма значим комфорт группового членства.

Социальные потребности в повышении или сохранении уровней безопасности, автономии (доминировании, власти), благосостояния, социального статуса, эмоционального и духовного комфорта примерно соответствуют вебериянским классическим сферам насилия, политики, экономики и культуры/религии/идеологии [Collins, 1986; Mann, 1987].

При появлении *акторов* — сплоченных групп разного масштаба с единой субъектностью (семьи, кланы, организации, партии, государства, блоки государств с единым руководством) — базовые потребности правящих элит и лидеров остаются теми же, хотя природа безопасности, могущества, богатства и престижа для социальных целостностей крупных масштабов может существенно меняться.

Всеобщие базовые потребности представим через стремление к трем типам комфорта и через вебериянские универсалии.

Комфорт жизнеобеспечения включает всевозможные условия материального окружения, ресурсов, услуг, начиная с питания, одежды, жилища, транспорта, связи и возможностей отдыха, игр, лечения и т. д.

Социальный комфорт включает все, что связано с признанием со стороны себе подобных (достоинство, престиж, статус, репутация, честь и т. п.), безопасность (защиту от насилия и принуждения угрозами насилия), а также соответствующее амбициям занятие социальной позиции с правами, полномочиями, доступом к ресурсам, групповым членством и проч. Те же составляющие могут быть представлены в терминах вебериянских универсалий: власть, богатство, статус, контроль над насилием.

Духовный комфорт включает чувство причастности к неким высшим ценностям религиозного, морального, эстетического, политического, интеллектуального или иного порядка, которые выходят за рамки повседневности, отдельной жизни, являются сакральными в общем культурологическом смысле³.

В рамках нашей упрощенной модели допустим, что в каждой ситуации человек распознает возможности продвижения к увеличению (сохранению, восстановлению) комфорта определенного типа и действует в этом направлении.

³ Отличие идеи трех типов комфорта от классических «шкал» ценностей и потребностей М. Шелера, А. Маслоу и др. состоит в отрицании единой общеобязательной иерархии, а также принципа перехода к высшим уровням потребностей, ценностей при удовлетворении низших. Действительно, эти «иерархии» крайне разнообразны и изменчивы, о чем свидетельствуют реальность аскетизма, самопожертвования, забвения всего и вся ради славы и богатства, а также радикальные повороты в стремлениях, идентичностях, жизненных стратегиях, случаи героизма и предательства, особенно частые и драматичные в революционные периоды. Таким образом, главным принципом, управляющим приоритетностью человеческих стремлений, оказывается не какая-то вечная и универсальная «шкала ценностей» или «лестница потребностей», а участие во внушительных, эмоционально насыщенных ритуалах (в том числе с конфликтами и рефреймингами), формирующих *ценностные установки*, наряду с установками остальных типов.

Тойнбианская схема вызов-ответ легко сочленяется со схемой комфорт—дискомфорт и оперантным обусловливанием (стимул—ответ—результат). *Вызов* — это либо наступление дискомфорта, угроза потери комфорта, либо открывающаяся возможность восстановить, увеличить комфорт. Будем говорить соответственно о *вызовах-угрозах* и *вызовах-соблазнах*. *Ответом* является оперант (по Б. Скиннеру) — совокупность реакций, действий, направленных на сохранение, восстановление или увеличение комфорта.

Динамические закономерности также представим в простой форме, опираясь на классические принципы Э. Торндайка и его последователей.

Успех действия (рост, сохранение комфорта) ведет к положительному подкреплению, к большей готовности (или вероятности) такого ответа в следующей подобной ситуации.

Провал действия (рост дискомфорта) ведет к отрицательному подкреплению, после чего данный ответ будет в дальнейшем даваться с меньшей готовностью (или вероятностью). Серия отрицательных подкреплений ведет к блокированию данного типа действий и опробованию новых, пока через пробы и ошибки (инструментальное научение) или целенаправленный поиск (творческое научение) не находится ответ, получающий положительное подкрепление.

Социальные обмены с вознаграждениями и наказаниями (в традиции Дж. Хоманса, П. Блау, Р. Эмерсона) являются крайне важным, распространенным, но все же частным типом данного концепта.

Добавление схемы А. Тойнби, которую он использовал для объяснения роста цивилизаций, позволяет существенно расширить применение принципов оперантного обусловливания: от индивидов и ситуаций здесь-и-сейчас — к группам, организациям, движениям, государствам, соответствующим крупным временным и социальным масштабам вызовов и ответов.

Операционализируемость данного концепта заключается не только в богатейшей исследовательской традиции бихевиоризма, но также во множествах психологических и социологических экспериментов, где испытуемые оказываются в ситуациях выбора и могут учитывать результаты своих прошлых выборов. Таковы, в частности, бесчисленные опыты в традиции «рационального выбора», теории игр, теории социального обмена, где комфорт/дискомфорт заменяются условными выигрыш/проигрыш, вознаграждение/наказание. Многочисленные наблюдения, исторические сравнения, модельные исследования поведения фирм, партий, армий, держав в разных ситуациях угроз и соблазнов экономического, политического, военного, геополитического характера указывают на большой объяснительный потенциал представленного концепта.

7. Интерактивные ритуалы

В традиции Э. Дюркгейма, У. Уэллера, Э. Гофмана, Р. Коллинза *интерактивные ритуалы* (далее — просто ритуалы) понимаются очень широко как универсальные «машины» возбуждения групповых эмоций, создания общих святынь, образов реальности, формирования и трансформации отно-

шений от солидарности и подчиненности, авторитета до презрения и ненависти [Коллинз, 2002, гл. 1; Collins, 2004].

Вполне естественно считать, что установки всех пяти типов (как понимать окружающий мир, чему поклоняться и к чему стремиться, какое занимать положение в отношении других, кем себя считать и чувствовать, как себя вести и что следует делать в каких ситуациях) формируются, «впечатываются» в психику именно в эмоционально насыщенных ритуалах, будь то разговоры с близкими, чтение и обсуждение книг, фильмов, участие в празднествах, парадах, церковных службах, обрядах, а также в личных душевных беседах, переговорах, ссорах, получении и отдаче приказов, публичных отчетах, дискуссиях и т. д. [Розов, 2011, гл. 3]. Насколько велико и открыто разнообразие фреймов, символов, отношений, идентичностей, типов поведения, настолько же и богата сфера формирующих все эти установки ритуалов.

Учтем также, что наряду с *первичными ритуалами* — реальными, эмоционально насыщенными групповыми действиями (например, театральным представлением, спортивным состязанием, политическим митингом, религиозным праздником, научным диспутом или демонстрацией эксперимента) есть еще *вторичные ритуалы* — обсуждения произошедшего, и *третичные ритуалы* — «проигрывание», переживание случившегося в голове каждого участника, а также планирование, внутренние репетиции участия в будущих подобных действиях [Коллинз, 2002, гл. 1].

Для наших целей особенно значимо выделение двух типов ритуалов:

- *сохраняющие (консервативные) ритуалы*, в которых имеющиеся у участников установки укрепляются (как встречи друзей, влюбленных укрепляют солидарность, а регулярная отдача приказов, предоставление отчетов укрепляют подчиненность и лояльность);
- *трансформирующие ритуалы*, в которых одни установки ослабевают, угасают вплоть до разрушения, дискредитации, а другие появляются, усиливаются; как правило, такие ритуалы исполнены драматизма, бурных эмоций, конфликтности, они сопровождаются *рефреймингом* — кардинальным переосмыслением происходящего, сменой ценностей и святынь, направленности, целей и способов поведения, сменой идентичности вплоть до смены своего имени (из Павла Савлом стал, из Кассиуса Клея — Мохаммедом Али и т. п.); такого рода ритуалы плотно вплетены в социальные, политические кризисы и революции, в режимные трансформации режимов, являются как следствиями составляющих их событий и процессов, так и причинами.

Р. Коллинз, развивая идеи Э. Дюркгейма, измеряет личную «выгоду» каждого участника ритуала через приток или отток *эмоциональной энергии*: получающие в центр внимания и получающие знаки признания участники преисполняются этой энергией, *чувствами моральной силы и правоты*, тогда как отверженные, получающие знаки пренебрежения, презрения, теряют энергию, становятся подавленными, подвержены *аномии*, по возможности

избегают участия в подобных ритуалах, замыкаются или ищут иных групп и сфер для самоутверждения [Там же].

Вполне естественно считать, что в успешном для себя ритуале участник обретает большой социальный и духовный комфорт, что укрепляет его установки, связанные с выигрышным поведением, получившим ритуальное признание. Напротив, фрустрация в ритуальном действе, особенно регулярная, становится отрицательным подкреплением как поведения, так и связанных с ним установок, которые теперь жестко ассоциируются с провалом, — потерями в групповом членстве, причастности к святыням и соответствующем самоуважении, т. е. с социальным и духовным дискомфортом. В таких случаях следует ожидать обострения внутреннего конфликта, напряженного диалога, бурных обсуждений происходящего с близкими — серии трансформирующих ритуалов.

Между ритуалами люди как-то реагируют на новое в ситуациях, совершают действия, выполняют рутинные практики, осуществляют деятельности в материальной (природной, технической), социальной (экономической, политической, семейной и проч.) и культурной (знаковой, текстовой, смысловой, творческой) средах. Поскольку поведением управляют установки, а установки формируются, укрепляются, трансформируются в ритуалах, то происходящее в них, эмоционально значимые выигрыши и провалы, становятся главными объяснительными средствами сохранения или изменений в поведении людей.

Постулируем также, что каждый значимый *вызов* (угроза комфорту или соблазн восстановления, увеличения комфорта) всегда ведет за собой ритуал или серию ритуалов. Именно в этих ритуалах (первичных — столкновениях с вызовом, вторичных — бурных обсуждениях в модальности «что теперь будем делать?!» и третичных — индивидуальных обдумываниях, поиске выхода и планировании) выковываются *ответы* на вызов. Таким же образом оценка успеха или провала ответа также происходит в эмоционально насыщенных ритуалах, что укрепляет или меняет установки участников, прежде всего их осмысление происходящего (фреймы) и поведенческие стереотипы, ведущие к действиям и практикам.

Все конфликтные взаимодействия в ситуациях здесь-и-сейчас (от спора или драки между индивидами до боевого столкновения между вооруженными группами, массами людей) имеют ритуальную природу, а значит, укрепляют или меняют установки участников.

Некоторые повторяющиеся конфликты, с распределением ролей, более или менее установленным порядком, основанном на базовой солидарности участников (философские, научные и политические дебаты, спортивные состязания в боевых искусствах), являются типичными интерактивными ритуалами.

Агрессивные конфликты с ожесточением, стремлением каждой стороны одержать не игровую, а настоящую победу, подавить, унижить, травмировать или даже уничтожить противника трактуются как совмещение попыток каждой стороны навязать свой ритуал: встать в позицию победителя и загнать противника в позицию побежденного.

Об *операционализируемости* конструкта свидетельствуют не только большие традиции эмпирических исследований разного рода ритуалов и церемоний в антропологии, этнографии, религиоведении, но также экспериментальное психологическое и нейропсихологическое изучение эмоций, реакций на стресс, на просмотр внушающих сильные чувства фильмов, видеоматериалов, социологические наблюдения и исторические описания поведения людей, меняющегося после эмоционально значимых столкновений, переговоров, дискуссий, заключения сделок и т. д.

8. Связь ритуалов, действий, решений

Интерактивные ритуалы при учете разнообразия их типов, нередкой редуцированности до еле заметных жестов или интонаций имеют универсальный характер для всех столкновений (ситуаций соприсутствия людей), где есть хоть какой-то порядок.

Действия, меняющие что-то в физическом мире (от производства благ до разрушений и убийств), в социальном мире (подписание бумаг, меняющих отношения власти, собственности и т. д.⁴), а также *явные групповые решения* относительно будущих действий участников, хотя обычно имеют признаки ритуалов, но вынуждают выйти за рамки интерактивно-ритуальной теории, поскольку здесь меняются не *только* установки участников. Действия существенно меняют что-то, не сводимое к символическому (собственно ритуальному, церемониальному) значению.

Удобно представлять три потенциальных аспекта для каждого столкновения: ритуальный, деятельный и резолютивный (решенческий).

Если поклоны, рукопожатия, объятия, поцелуи, насмешки, оскорбления, плевы, пощечины имеют исключительно или преимущественно ритуальное значение (выражают эмоции и отношения дружелюбия, почтения, любви, презрения, ненависти и т. д.), то побои, нанесение травм, связывание, убийство, изнасилование — это уже физические *действия*, выходящие за пределы чистой ритуальности, хотя осуществляются и воспринимаются всегда в рамках тех или иных ритуалов, с воздействием на когнитивные, символические и прочие установки.

⁴ Строго говоря, изменения в социальном мире (социосфере) — дача приказа, покупка-продажа, подписание документа о собственности, принятие общего решения на партийном пленуме и проч. — всегда имеют некий материальный, физический аспект, происходящее в котором встроено в систему или сеть социальных отношений, механизмов. Социальное значение физического события (передачи денег и вещей из рук в руки, появления подписи на бумаге, поднятия рук при голосовании и проч.) появляется и существует *только* при наличии у участников установок (фреймов, поведенческих стереотипов), определяющих их поведение при условии такого события. Короче говоря, *вся* социальная онтология жидется в конечном счете на ритуалах и формируемых в них установках. То же следует сказать о культурных образцах и знаковых системах, включающих естественные языки. Каждое написанное или произнесенное слово — физический объект, а значения слов и смыслы высказываний, текстов понимаются людьми, используются ими в коммуникации только при наличии у них соответствующих установок — языковых фреймов и стереотипов речевого поведения.

Ритуалы, ведущие к реальным действиям, следует выделять из ритуалов, только меняющих настроения. Тем более, когда речь идет о революциях, ход которых во многом определяется действиями так или иначе организованных групп со стороны разных политических сил, выполняющих (или не выполняющих по каким-то причинам) ранее принятые решения (см. главу 6).

Групповые решения, как правило, фиксируются в форме документов (резолуций, обращений, манифестов, планов, программ, писем и проч.). Эти решения не только накладывают обязательства на самих участников ритуального действия, но также служат входами в другие ритуальные действия в другом месте и времени, с другими участниками. Такие *следствия прошлых решений* могут открывать новые возможности для участников, но могут и закрывать ранее имевшиеся возможности, кроме того, могут представлять собой угрозы для комфорта того или иного типа (начиная с угрозы безопасности, лишения власти, статуса и собственности).

Групповые решения и индивидуальные решения (особенно публично заявленные) всегда обуславливают *обязательства* с той или иной силой принуждения. Принятие решения всегда имеет характер интерактивного ритуала, поскольку такие обязательства в психологическом плане являются не чем иным как обретенными *поведенческими установками* («я обязан сделать то-то и то-то, поскольку так решили, я фактически обещал, и от меня это ожидают»). Такие установки в той или иной мере подкрепляются или ослабляются установками других типов: *когнитивными* («происходит то-то, и я на это не/повлияю»), *символическими* («ради чего вообще я буду это делать»), *социальными* («по отношению к тем-то я не/должен это делать»), *экзистенциальными* («я — один из таких-то, поэтому не/должен это делать»).

9. Устойчивые отношения, институты и групповые акторы

В отличие от *ситуативных взаимодействий* (разовые покупки, услуги, столкновения) *устойчивые отношения* (родство, брак, партнерство, работа в организации, дружба, соседство) продолжают в масштабе месяцев, лет, десятилетий, но и они осуществляются в регулярных встречах, ситуациях здесь-и-сейчас (принцип микротрансляции по Р. Коллинзу).

Все эти ситуации предполагают социальный порядок, а значит, включают ритуальную сторону с фиксированными позициями (П. Блау, Р. Бхаскар), осознанными или неосознанными общей реальностью (А. Шюц, Г. Гарфинкель), символами поклонения (Э. Дюркгейм), взаимным согласием с идентичностями, соответствующими занимаемым позициям (Э. Эриксон), правилами, ожиданиями относительно характера взаимодействия и поведения каждого участника (П. Сорокин, Г. Зиммель, Р. Мертон).

Устойчивые социальные отношения имеют место только при наличии соответствующих и согласованных между собой установок участников этих отношений. Поскольку все установки порождаются и подкрепляются в ритуалах, смело можно утверждать, что все отношения формируются в особых («учредительных») ритуалах, а реализуются, проявляются в ритуальных

взаимодействиях на уровне ультрамикро-, когда поведение участников подчинено сквозным правилам, образцам, ограничениям этих отношений. Так, начальники приказывают подчиненным и получают от них отчеты, родители заботятся о детях, друзья помогают друг другу, разговаривают, празднуют, развлекаются вместе. Разумеется, в отношениях, правилах взаимодействий, как и в установках разных людей, есть огромное разнообразие. В данных примерах указаны только самые базовые характеристики ритуалов, без которых сами отношения уже становятся сомнительными: неспособный приказать — не «настоящий» начальник, не заботящийся о своих детях — не «настоящий» родитель, не готовый помочь другу — не «настоящий» друг.

Социальные институты — понятие, хоть и крайне популярное, но требует уточнения. Будем различать:

- *институты* как воспроизводящиеся в поколениях типы отношений (например, родство, любовь, дружба, соседство, обмен, союзничество, коалиционность, партнерство, сотрудничество, конкуренция, государственная служба, работа по найму, обучение и учительство, волонтерство);
- *институты* как типы групп и организаций, т. е. устойчивых комплексов отношений (семья, клан, дружеская компания, клуб, политическая партия, союз, коалиция, общественное движение, фирма, государственное ведомство, школа, университет, группа добровольцев).

Институты и институты имеют статус:

- а) социологических обобщений типов отношений, групп и организаций, но также существуют и в самой социальной реальности как:
- б) воспроизводящиеся в поколениях общие культурные образцы, элементы публичного дискурса, к которым участники групп и организаций обычно обращаются в ситуациях конфликта и трансформации отношений при возникновении вопросов о «правильном» и «должном»;
- в) категории отношений, ситуаций, организаций в разного рода нормативных документах (например, в государственных законах, ведомственных инструкциях).

Многие группы и организации (консолидированные семьи, движения, партии, ведомства, державы) ведут себя как единый субъект и выступают как *акторы* во взаимодействии с другими акторами (индивидами, группами, организациями). Каждая крупная целостность (большая, чем малая группа) всегда предполагает некий *управляющий центр*, члены которого (*правлящая элита*) воспринимают внешние и внутренние изменения, принимают решения. Имеются также факторы согласованного выполнения этих решений, заложенные в принимаемой участниками структуре отношений, прежде всего в формах организационного контроля (материальное вознаграждение, авторитет, насилие и угроза насилия), а также в принимаемых участниками нормах и ценностях, которые они получают в форме установок через регулярные консолидирующие ритуалы.

В роли управляющего центра может выступать единоличный лидер, формальные или неформальные, выбранные или назначенные коллегиальные органы: советы старейшин, народные собрания, соборы, парламенты, комитеты, съезды, ассамблеи и т. п. В больших и сложных институтах (коммерческих компаниях, государствах, международных организациях) сам управляющий центр может быть разделен на функциональные, уравновешивающие друг друга органы управления (например, законодательные и исполнительные). Везде, где происходит навязывание воли одних другим, речь должна идти о власти, а значит, о политике и легитимности как признании оправданности власти.

Важнейшая в политике категория — *легитимность* — в данной концепции трактуется как обобщенная характеристика сочетания групповых *социальных установок* признания группами, акторами оправданности власти, руководства лиц, организаций, а также *символических установок* признания значимости, священного характера идей, ценностей, типов правления, институтов, принципов. Таким образом, легитимность формируется и укрепляется в ритуалах, но в них же она может и рушиться, смещаться с одних лиц, идей, институтов на другие. Доминирующие в ритуалах, побеждающие в конфликтах всегда повышают свою легитимность среди присутствующих, обретают лучшую способность навязывать свою волю и контролировать насилие.

В споре между приверженцами рациональных действий (Дж. Хоманс, Дж. Коулман), рефлексивного преобразования «умелыми актерами» социальных структур (Э. Гидденс), исследователями, настаивающими на первостепенной значимости структур, оставшихся от прошлых поколений (М. Арчер), или на потоках «эмоциональной энергии», «чувств поддержки», управляющих поведением индивидов на бессознательном уровне (Р. Коллинз), нет полностью правых или неправых. Ситуации создания и разрушения социальных отношений и структур в разных обстоятельствах могут иметь любые из этих черт либо же их сочетания в разных пропорциях.

Действительно, в продолжающихся дискуссиях относительно реформ, общественного переустройства между представителями противоположных установок повышается рефлексивность — осознанность убеждений (по Э. Гидденсу). Эта осознанность, равно как рациональность расчетов в социальных обменах (Дж. Хоманс, Р. Эмерсон), отнюдь не отрицают всегда присутствующего «отношенческого» плана во взаимодействиях, где участники сугубо интуитивно чувствительны к потенциалу эмоциональной поддержки со стороны окружающих (Р. Коллинз).

При устойчивой стабильности унаследованные из прошлого структуры (О. Конт, М. Арчер) перестают восприниматься как таковые и считаются уже само собой разумеющимися основами мирового устройства. В периоды трансформации многие такие структуры ставятся под вопрос оппозицией (П. Блау), вместо них прокламируются новые социальные и политические идеи. Однако даже при успехе их осуществления всегда проявляют себя другие, ранее не замеченные социальные структуры вкупе с культурными образцами и ментальными установками, имплицитно воспроизво-

дящимися в поколениях через консервативные ритуалы (Э. Дюркгейм, Э. Гофман).

Теперь понятийный аппарат уже достроен до той стадии, когда *agency* следует соединить со *structure*, которую представим как набор количественных макропоказателей.

10. Нишевые условия

Каждый актер живет и действует в своей нише — совокупности воспринимаемых и объективных условий. Назовем их *нишевыми условиями стратегий и практик*.

В зависимости от масштаба поведения актора (индивид, семья, организация, политическая партия, правящая группа в стране) нишевые условия относятся к разным социальным масштабам: от микро- и нижнего мезо- до макро- и мега-. Так или иначе, они не совпадают с макропоказателями (хотя начиная с XIX в. правящие группы наиболее продвинутых обществ действительно строят свои стратегии на основе известных им макропоказателей, прежде всего экономических и демографических). Каким же образом нишевые условия с ними соотносятся?

В объяснениях социальной и исторической динамики только те макропоказатели полезны и релевантны, в которых как-то представлены факторы, значимые для поведения акторов, и/или результаты этого поведения. Но эти факторы по определению присутствуют и в нишевых условиях. Иными словами, макропоказатели являются:

- либо агрегатами (усредненными, типовыми обобщениями) отдельных элементов нишевых условий (плотность и качество дорог в стране, уровень развития образования, уровень защиты прав граждан, уровень защиты собственности);
- либо агрегатами результатов поведения, событий (ВВП, рождаемость, смертность), преобразованиями последних (рост ВВП, прирост населения, скорость прироста и т. д.);
- либо агрегатными обобщениями результатов исследований «общественного мнения» (в основе которого лежат те же познавательные, ценностные, социальные и экзистенциальные установки опрашиваемых).

Итак, между динамикой взаимодействий (*agency*) и макроусловиями (*structure*) имеется средний, скрытый пока элемент — нишевые условия. Сами макропоказатели не обуславливают социальные изменения, в этом отношении классические выявления корреляций имеют внутреннюю ущербность. Макропоказатели могут только служить диагностическими признаками значимых нишевых условий тех стратегий и практик, констелляция которых ведет к объясняемым социальным явлениям.

Узловой элемент данного рассуждения — нишевые условия — можно концептуализировать по-разному. Поскольку речь идет об условиях стратегий и практик, то естественно учитывать главные классы условий: ресурсы и их доступность, ограничения и препятствия, угрозы и возможности. Заметим, что в объективные нишевые условия поведения каждого актора

входят установки значимых для него, для его планов и стратегий других акторов, а также неорганизованных групп, масс, т. е. ментальные, субъективные реалии.

Пуристское выбрасывание всех ментальных элементов из научных объяснений является непродуктивной крайностью. О типовых картинах мира, базовых интересах и арсенале действий социальных групп можно получить объективные сведения.

Поведение акторов, прежде всего их решения и действия, меняет характеристики окружения, которые имеют количественные или квазиколичественные стороны, представимые на языке переменных. Переменные влияют друг на друга, усиливают или угнетают. Соответствующий язык взаимодействия факторов уже родствен языку макропоказателей. Таким образом, наряду с нишевыми условиями имеется еще один промежуточный концепт, связывающий поведение акторов (*agency*) с макропоказателями (*structure*).

11. Функциональная модель А. Стинчкомба и ее расширение

В данной главе рамку рассмотрения составляет социальная стабильность, важнейшей характеристикой которой является устойчивое равновесие — способность социального устройства (порядка, режима) гасить возмущения, сохранять значимые параметры в допустимых пределах. Для объяснения такой способности наиболее релевантна парадигма функционализма, поэтому рассмотрим простую, но потенциально весьма богатую функциональную модель Артура Стинчкомба. Модель особенно полезна, поскольку, как будет показано в последующих главах книги, она применима не только к периодам стабильности, но также к периодам назревания и эскалации кризисов и конфликтов, включая революционную динамику.

Взаимодействующие акторы (индивиды, группы, организации, государства) всегда представляют собой части некоторых охватывающих целостностей, систем. Эти системы, их части и аспекты имеют различные меняющиеся качества, а изменения этих качеств могут быть измерены или оценены с помощью разного рода показателей, методик, шкал. При отвлечении от внутренних структур системы, в том числе от акторов, нередко обнаруживается, что сами переменные — качества системы — влияют друг на друга, в том числе усиливают или ослабляют, тогда они обретают статус факторов.

Стремление акторов к комфорту (материальному, социальному, духовному) позволяет говорить об их заботах, интересах, связанных с количественными или квазиколичественными сторонами объектов социального мира. Если уровень комфорта — это состояние самого актора, то забота интенциональна и указывает на значимость поддержания каких-то характеристик объекта на приемлемом (необходимом для комфорта) уровне. Наличие заботы означает, что падение значений такой значимой характеристики ведет к усилиям актора по ее восстановлению⁵.

⁵ Некоторые переменные (богатство, власть, престиж) для многих акторов вообще не имеют «потолка», т. е. забота об их беспредельном увеличении ни на каком достигнутом уровне не останавливается.

C издержки, к которым приводит активность структуры S (затраты, ущерб, угрозы, дефициты)

S интенсивность действия обеспечивающей структуры (института, практики)

H гомеостатическая переменная (параметр, жизненно важный для системы, предмет постоянной заботы)

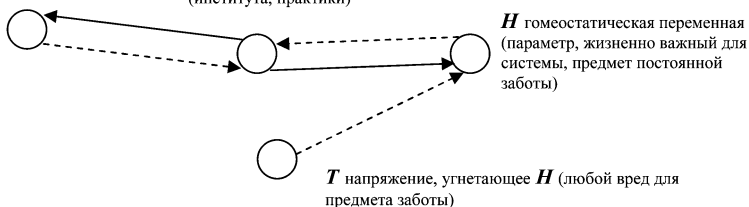

Рис. 1.2. Модель функциональной причинности по А. Стинчкомбу. Здесь и далее сплошные стрелки означают положительную (усиливающую, увеличивающую) связь, а пунктирные — отрицательную (ослабляющую, уменьшающую) связь

Эта идея и лежит в основе схемы, предложенной А. Стинчкомбом (рис. 1.2).

Для поддержания на приемлемом уровне *гомеостатической переменной* H (предмета постоянной заботы) используется *активность обеспечивающей структуры* S (социального института, практики, технологии, ритуала или традиции). Действие структуры S тем интенсивнее, чем ниже значения гомеостатической переменной H (негативная связь). Сама же структура S своим действием восстанавливает, усиливает H (положительная связь), тем самым нейтрализуя угнетающее действие *напряжения* T . Здесь реализуется классический кибернетический принцип обратной связи, обеспечивающей устойчивое равновесие.

Далее Стинчкомб существенно обогащает классический канон. Действие структуры S — «не бесплатно» и сопровождается *издержками* C , которые растут по мере роста интенсивности S (положительная связь), причем рост издержек естественным образом угнетает интенсивность структуры S (негативная связь), и, кроме того, может прямо усиливать напряжение T [Stinchcombe, 1987, p. 136; Разработка..., 2001, с. 148–164].

Значительная часть социальных взаимодействий, как известно, определяется установившимися социальными институтами: государство с ветвями власти, международные союзы, армия, церковь, правоохранительные органы, школы и университеты, заводы и фабрики, транспорт и связь, магазины и торговые сети, семьи и соседства и т. д. Принято считать, что каждый такой институт имеет свои социальные функции. По сути дела, речь идет как раз о том, что институт (или его части) является *обеспечивающей структурой*, тогда как функции являются как раз поддержанием *гомеостатических переменных*.

Функциональная схема отнюдь не ведет к фиксации на стабильности *a la* структурный функционализм парсонсианского типа. Напротив, схема А. Стинчкомба оказывается весьма эвристичной при анализе *исторической динамики*, ведь при каждой трансформации, тем более при каждом эволюционном сдвиге, появляются новые обеспечивающие структуры, новые

гомеостатические переменные («новые заботы»), новые издержки и новые напряжения!

Кроме того, каждый обогащенный состав гомеостатических переменных (предметов заботы), снабженный достаточными обеспечивающими структурами, становится комплексом образцов, задающим уровень приемлемого или желаемого комфорта (для разных социальных страт), соответственно, обустройства жизни и территории для общества, соседних обществ, последующих поколений и т. д.

12. Включение функциональной модели в понятийный аппарат

Проведем ряд отождествлений, соединяющих данную модель с представленными выше концептами. *Вызовы-угрозы* — это напряжения, наносящие ущерб предметам заботы, а также чрезмерно выросшие издержки. *Вызовы-соблазны* — ставшие видимыми возможности увеличить гомеостатическую переменную через активизацию прежней или создание новой обеспечивающей структуры.

При положительных подкреплениях — достигнутых устойчивости или росте гомеостатических переменных — функциональное взаимодействие стабилизируется с теми же связями. *При отрицательных подкреплениях* — когда гомеостатические переменные падают, не поддаются контролю — происходит смена обеспечивающих структур, соответственно, издержек, напряжений, т. е. перестройка всей системы связей.

Связь ритуалов с функциональной моделью опосредована, но многостороння. Сами предметы заботы, представляющие для людей гомеостатические переменные, связаны либо с символами, святынями (объектами ритуального поклонения), соответственно, с духовным комфортом, либо с властью, богатством, престижем, т. е. с ролью в иерархических ритуалах, со способностями и ресурсами устраивать нужные ритуалы, вести достойный своей идентичности образ жизни — факторами социального и материального комфорта.

Таким образом, смена моделей динамической взаимосвязи переменных, т.е. превращение констант в переменные и наоборот, ослабление-блокирование или появление-усиление связей, их переключение (из положительных в отрицательные и обратно), замыкание и размыкание петель обратной связи и проч., — все это может быть эксплицировано через происходящее с заботами, структурами их обеспечения, издержками, напряжениями и далее — через вызовы/ответы, успехи/провалы, консервативные и трансформирующие ритуалы участников, получивших в прежних цепочках ритуальных действий свои установки и габитусы.

13. Статистические данные и функциональная модель

Данные в имеющейся статистике экономической, демографической, социальной, политической, экологической, технологической и других сторон обществ, провинций, городов, а также количественные результаты бесчисленных социологических опросов, казалось бы, никак не соотносятся

с функциональной моделью А. Стинчкомба. Зададим несколько риторических вопросов.

Соотносятся ли эти данные:

- с предметами заботы, интересами обществ, социальных акторов?
- с их деятельностью, практиками, институтами, организациями по обеспечению этих забот?
- с издержками, негативными следствиями, потерями, трудностями, конфликтами, связанными с этим обеспечением?
- с угрозами, ущербами, вредом, которые кто-то или что-то причиняет этим предметам заботы, интересам?

Эта соотнесенность может быть очень разной: суммированность достижений (показатели экономического и технологического развития), ресурсы для институтов и практик (демографические данные, уровни образования, квалификации работников), следствия накопленных дисбалансов, провалов, неудачных ответов на вызовы, распада прежних обеспечивающих структур (показатели хрупкости государств, социальной напряженности, массовой бедности, преступности, алкоголизма, наркомании) и т. д.

Если соотнесенности нет вообще, то возникают сомнения в полезности и значимости таких данных. Если соотнесенность есть, то открывается возможность построения функциональных моделей с исходным ядром — функциональной схемой А. Стинчкомба, ее расширениями, а эти модели уже указывают путь к структурным и качественным интерпретациям в терминах представленных выше концептов.

14. Детерминанты ритуальной динамики — замыкание цепочки

Итак, поведение объясняется габитусами как комплексами установок, установки формируются в ритуалах. Но почему происходят именно такие, а не другие ритуалы? Почему в одних местах и временах бывают одни ритуалы, а в других — другие?

Консервативные ритуалы всегда отвечают интересам их устроителей, лидеров и элит, которые либо сами находятся в центре ритуального внимания, в привилегированных, престижных позициях, либо каким-то образом участникам внушается причастность элит к святыням, их легитимность, право на власть и почитание. Наиболее ярко это проявляется в политической и религиозной сфере, но главы семейств, родители на семейных праздниках, старейшины, вожди на собраниях традиционных кланов, этнических сообществ, землячеств, профессора и администраторы на университетских публичных мероприятиях, главные акционеры и директора на праздниках, юбилеях в фирмах и банках, «коронованные» воры в законе на «толковищах» в преступных группах, — везде устроители ритуалов получают от них понятные выгоды, прежде всего оправданность и укрепление своих позиций в отношениях и институтах.

Каким образом разные элиты устраивают нужные им ритуалы, посредством каких материальных и символических ресурсов, с какими сценариями, с каким учетом достоинств или недостатков участников, с какими

последствиями для их установок — все это уже требует эмпирических исследований.

Сами элиты как устроители консервативных ритуалов, а также остальные их составляющие не «сваливаются с неба», но являются закономерными результатами прошлого — истории изменений отношений и институтов, в том числе «фильтров» (в особых ритуалах испытаний) и разного рода правил, согласно которым именно такие люди с такими габитусами и установками занимают теперь элитарные позиции.

Эта сложность приводит нас к упущенной до сих пор сфере, которая является уже не одним из звеньев-медиаторов, связывающих *structure* и *agency*, а средой, охватывающей и пронизывающей все эти звенья.

15. Столкновения, дискурсы, рынки и сети

Под столкновениями обычно понимаются встречи, взаимодействия в ситуациях здесь-и-сейчас. Покупка в магазине, проезд на такси или автобусе, разговор со случайным попутчиком, прочтение статьи в газете или журнале, просмотр новостной телепередачи часто не составляют постоянных отношений, но в совокупности образуют некие *социальные порядки*, — с одной стороны, текущие, расплывчатые, трудноуловимые, с другой стороны, явно обладающие определенными свойствами, динамикой и воздействием на поведение индивидов и групп.

В аспекте актуализируемых в этих столкновениях идей, смыслов, символов данные порядки предстают как *дискурсы* — продолжающиеся, вытекающие друг из друга разговоры, как устные, так и фиксированные в текстах, которые сами становятся предметами следующих разговоров.

В плане *социальных обменов*, когда люди вступают в общение, отношения друг с другом, ожидая (пусть бессознательно) какого-либо вознаграждения (Дж. Хоманс, П. Блау, Р. Эмерсон), когда хотя бы некоторые акторы вольны выбирать, с кем проводить торг и сделку, речь должна идти о рынках. Помимо *экономических рынков* (с продажами, наймом, платными услугами, заказами, инвестированием, кредитованием и проч.) есть еще *социальные рынки*: брачные и эротические, рынки дружеских отношений, рынки доверительных отношений и взаимных услуг в быту и политике, административные рынки и проч. Среди социальных особо выделим *разговорные рынки*, где высказывания как внесение части символического капитала собеседником предлагается для одобрения слушателями с ожиданием ситуативного продвижения в социальном членстве (И. Гофман, Р. Коллинз), их современные версии с «лайками» в «социальных сетях» Интернета, таких как «Одноклассники», «В Контакте», «Живой Журнал», «Фейсбук» и проч.

Наконец, регулярно повторяющиеся столкновения образуют широкие и разветвляющиеся структуры — *сети*, все активнее изучаемые социологами [Коллинз, 2002; White, 2008; Коулман, 2009]⁶.

⁶ Показательно, что один из основоположников сетевого подхода Гаррисон Уайт связывает сети с идентичностями и контролем, т. е. попытками управлять социальным окружением через «дискурсивные взаимодействия»: иными словами, люди, участвуя в разговорах

Для темы этой главы дискурсы, рынки и сети представляют особый интерес, поскольку реализуются в столкновениях здесь-и-сейчас — на уровне *agency*, но при этом в своей обширности и массовости явно относятся к макроуровням (нередко даже пересекают политические границы), т. е. рядоположены *structure*.

Что же добавляют дискурсы, рынки и сети к функционированию и динамике нашей цепочки концептов-медиаторов? Ответ на этот вопрос требует больших исследований, прежде всего эмпирических. Здесь ограничимся формулированием наиболее явных закономерностей.

Дискурсы очевидным образом служат распространению, диффузии не только новостей и сплетен («сарафанное радио»), но также идей, картин мира, осмысления ситуаций, а кроме того, новых символов, святынь, ценностей, которые, между прочим, передаются неявным образом через те же новости и сплетни, а не только через рефлексивные дискуссии.

Дискурсы не витают сами по себе «в пространстве знаков и культуры», как привыкли думать многие филологи, но всегда «посажены» на структуры столкновений: на рынки (прежде всего, разговорные, в том числе связанные с обсуждением текстов) и на *сети личных знакомств* (в которых и происходят наиболее важные разговоры — ритуалы, трансформирующие установки участников).

Сами рынки и сети отнюдь не являются пространствами равных, сугубо горизонтальных и открытых отношений (согласно упованиям либеральной и демократической идеологии), но всегда иерархизированы и в разной степени закрыты для новых участников из-за политических границ, а также сословных, классовых, языковых, культурных, логистических и прочих барьеров [Коллинз, 2015, гл. 6].

Основной вектор распространения установок через дискурсы, рынки и сети оказывается тем же, что и в организациях, «сверху вниз»: от лидеров мнений, привилегированных участников рынков и центров сетей — к периферийным слоям и ячейкам. Мягкость и необязательность навязывания установок, неявный, бессознательный характер их восприятия блокируют сопротивление и облегчают процесс.

В то же время рынки и сети служат для весьма эффективной коррекции сигналов «сверху» благодаря непрерывным процессам обратной связи: не получающая отклика, одобрения идея означает провал дискурсивной «заявки» (что сходно с непродавшимся товаром), после чего лидерами мнений, поставщиками идей ведется поиск более приемлемых модификаций.

Значимость открытости экономических рынков и конкуренции для технологического развития хорошо известна. Здесь отметим только, что высокая конкуренция означает *систематическую поставку вызовов-угроз* для разработчиков новой продукции (риск отстать), а технологическое развитие и расширение рынков особенно бурно происходят тогда, когда

рынках, дискурсах, «посаженных» на сети, пытаются навязать слушателям представление о себе, достигая тем самым социального комфорта (или не достигая его при провале претензий).

простые и грубые типы ответов (подавить и изгнать конкурентов, захватить монополию с помощью власти и насилия) *институционально блокированы*, оставляя пути только для снижения издержек, организационных и технологических инноваций, продвижения в новые места сбыта.

Наконец, процессы *стихийной мобилизации* (вне государственных и иных организаций), ведущие к макрособытиям, например мятежам и революциям, обычно осуществляются через сети: клановые, соседские, земляческие, этнические, дружеские, профессиональные [McAdam et al., 2003, р. 91–123; Голдстоун, 2015, с. 16–22]. Те же сети служат главными сферами и факторами *формирования отношений к макрособытиям*, принятию индивидами и группами той или иной стороны в конфликтах, формированию установок — в дискурсивных ритуальных действиях (бурных обсуждениях и спорах), обычно собирающих участников через сетевые каналы.

Если в терминах Д. Локвуда *социальная интеграция* осуществляется главным образом в ритуалах (по Дюркгейму—Гофману—Коллинзу), то *системная интеграция* предполагает не только организационные, государственные структуры, но также действие дискурсов, рынков и сетей, которые охватывают всю цепочку медиаторов от индивидуальных установок до макрособытий, способствуют как распространению, массовизации, так и коррекции новых ответов, соответствующих практик, институтов и обеспечивающих структур.

Особенности дискурсов, рынков и сетей в разных обществах, равно как и особенности устойчивых отношений, институтов, организаций, обуславливают различные эффекты облегчения, блокирования или фильтрации прохождения импульсов и от *agency* (с вызовами и ответами) к *structure* (с макрособытиями), и в обратном направлении.

16. Механизм социального воспроизводства

Во всех устойчивых группах и организациях (в том числе, государствах — особых организациях организаций, а также их коалициях) поддерживающие и обеспечивающие их повседневные практики и взаимодействия являются закономерными следствиями *установок и габитусов*, которые члены этих сообществ получили и подкрепляют в сериях *консервативных ритуалов*, причем поддержание этих практик, отношений выгодно, по крайней мере, членам управляющего центра каждого сообщества (*правлящей элите*), т. е. воспринимается ими как основа их *материального, социального и духовного комфорта*.

Все те, кто испытывают дискомфорт от этих отношений и практик (чувствуют себя материально обделенными, социально униженными или духовно оскорбленными), вынуждены подчиняться, участвовать в предписанных им практиках и взаимодействиях, во-первых, в силу *легитимации порядка с привилегиями правящих элит*⁷, во-вторых, поскольку в системе

⁷ Здесь воспроизводятся положения П. Блау и Р. Эмерсона. Ср.: «Отличительной характеристикой легитимной власти является то, что командам вышестоящих подчиняются не потому, что у них есть власть санкций, но из-за нормативного давления, оказываемого

институциональных отношений ожидаемые *санкции за нарушения правил поведения* ведут к еще большему дискомфорту для нарушителей — штрафам, запретам высказывать свои суждения, поклоняться своим святыням, прочим наказаниям вплоть до изгнания, лишения имущества и свободы, унижений и избиений, пыток и казней.

Возникающие напряжения, неприятности (ухудшение состояния предметов заботы, например, обеспечения продовольствием, стабильности цен или легитимности власти) становятся вызовами для акторов, прежде всего для правителей и консолидированных групп элиты. Ответами становятся либо активизация стандартных обеспечивающих структур, либо включение латентных, которые давно не использовались, либо заимствованных. Сохранение социальной стабильности означает, что ответ оказался адекватным, действие обеспечивающей структуры вернуло предмет заботы к приемлемому состоянию.

Все эти процессы осуществляются через социальные взаимодействия, а значит — через интерактивные ритуалы (в том числе групповые и индивидуальные решения) и физические, социальные действия (например, выход протестующих на улицы, судебные иски, замораживание цен, экономические реформы, государственный или антигосударственный террор)⁸.

Поведение участников, как обычно, управляется установками. При нестандартных ответах на вызовы ранее латентные установки актуализируются. Важно, что в результате социальное равновесие восстанавливается, нишевые условия обычного поведения акторов вновь становятся приемлемыми, а это означает, что возобновляются нормальное функционирование социальных отношений и институтов, обмена и рынки, что возможно лишь при согласованности поведения участников взаимодействия, согласованности их установок.

Неадекватные ответы на вызовы, обратное действие обеспечивающих структур (уже ухудшающих, а не улучшающих состояние предмета заботы) выводят систему из равновесия, и тогда начинаются кризисы, за эскалацией которых следуют революции и трансформация режима. Но это уже другие механизмы динамики, к которым обратимся в следующих главах.

17. Мономасштабные и диффузные причины социальных изменений

Допустим, задача состоит в выявлении причин явлений на уровне макро (социально-политических кризисов, революций, войн). Широкий взгляд на онтологию причинности предполагает самые разные возможности: в «плавающей» парадигме причины разных событий могут быть и на уровне *микро*- (интересы и решения индивидов), и на уровне *макро*- (ситуация с политическими силами, классами, конфликтами либо количественные макропоказатели), и на уровне *мега*- (охватывающие и долговре-

самими подчиненными, особенно если эти нормативные рамки институализируются. Власть, в свою очередь, укрепляет организованность, порядок» [Култыгин, 1997, с. 98].

⁸ О разнообразии протестных действий см.: [McAdam et al., 2003, p. 124–159; Шарп, 2012].

менные процессы в технологиях, экономике, демографии, международных отношениях). Назовем такие причины мономасштабными. В «диффузной» парадигме некая причина или комплекс причин имеют свои «представительства» в каждом из трех масштабов (см. Методологическое введение).

Отметим, что «плавающие» причины охватывающих масштабов *все-гда* каким-то образом представлены во вложенных масштабах. Если мы говорим о тенденциях технологического развития на протяжении нескольких десятков лет, то в каждом десятилетии, в каждом году и в каждом месяце есть соответствующие проявления этих тенденций. Если говорится о «настроениях правящих элит европейских держав», то эти настроения многократно проявляются в записях, публикациях, речах, зафиксированных дискуссиях тех или иных деятелей, входящих в эти элиты. Как же тогда отличить мономасштабные причины от диффузных? Воспользуемся логической схемой необходимого и достаточного.

Мономасштабная причина (группа причин) некоторого явления необходима и достаточна для него. Если это явление принадлежит вложенному (меньшему) масштабу, то при любых условиях последнего это явление произойдет. Если лес горит, то птичьи гнезда на ветвях деревьев гибнут. Если в стране инфляция, то деньги в карманах каждого обесцениваются.

Диффузная причина на каждом уровне необходима, но только вместе они достаточны. Чтобы выросло новое дерево, нужны и семя, и почва, и окружающие условия температуры, влажности, освещенности, причем на протяжении многих лет. Чтобы появилось и закрепилось реальное разделение властей, нужно не только разовое принятие соответствующих конституционных и законодательных норм, но также необходимы влиятельные группы, защищающие такое разделение, критическая масса депутатов, чиновников, политических лидеров, судей, понимающих смысл и пользу такого разделения, серия скандалов и разоблачений, связанных с покушением одной ветви власти (обычно исполнительной) на подчинение других ветвей (обычно парламента, судов, масс-медиа).

Далее от общесоциологической теории перейдем к политическим темам. Но прежде чем обратиться к кризисам и революциям, представим новую типологию легитимности, концепцию политических отношений и политических режимов, теорию их трансформации. Политические режимы, отношения и институты составляют ядро социальных порядков — той «стабильности», которая ставится под вопрос, разрушается и преобразуется через кризисы и революции.

Глава 2

Политические отношения, типология легитимности и трансформация режимов¹

Адекватным теоретическим описанием политической сферы может и должна стать только гибкая, развивающаяся сеть теорий и моделей, разные элементы которой также должны быть увязаны с концепциями смежных наук: от социологии, психологии, антропологии, экономики до демографии, экологии и истории техники. Тем не менее, вся эта актуальная и потенциальная сложность всегда будет нуждаться в некотором общем каркасе, в онтологии. Абстрактные схемы и теории, ухватывающие главные моменты и факторы динамики, как раз и играют роль такого каркаса.

1. Принцип универсальности базовых стремлений

Воспользуемся веберианской парадигмой четырех рядоположенных социальных сфер (сетей по М. Веберу и М. Манну): административной, военной, экономической и идеологической (культурной, религиозной, символической). Этим сферам соответствуют социальные универсалии: *власть* (принуждение и свобода от принуждения), *насилие* (а также контроль над насилием, безопасность), *собственность* (богатство, капитал) и *символы* (святыни, ценности, принципы).

При совмещении четырех универсалий с принципом комфорта (см. главу 1) получаем следующий тезис. Каждый актер (индивид, солидарная группа, способная к коллективным действиям) стремится сохранить, а при возможности укрепить свои позиции (достичь доминирования, встать вровень с сильными, избежать ущемления и ущерба):

- в безопасности, могуществе, контроле над насилием;
- в структурах власти, подчинения, принятия решений, в свободе от принуждения;
- в доступе к благам, ресурсам, в собственности, благосостоянии, богатстве;
- в статусе, престиже, чести, достоинстве, в причастности к символам почтения и поклонения (святыням, ценностям), в уровне членства среди себе подобных.

Для описания и объяснения динамики взаимодействий нужна возможность, с одной стороны, учитывать действия и состояния каждого участника, с другой стороны, фиксировать общие следствия их взаимодействия. Для первой задачи подходит эвристичная функциональная схема

¹ В основу данной главы положена статья «Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма» (Полис. Политические исследования, 2015. № 6. С. 157–172).

А. Стинчкомба (рис. 1.2). При ее соединении с веберианским принципом универсальных стремлений получаем следующую конструкцию.

Каждый актер заботится, как минимум, о четырех *гомеостатических переменных*, т. е. предпринимает усилия, осуществляет стратегии, направленные на то, чтобы значения по каждой из них не опускались ниже критического уровня (который со временем тоже может меняться), достигали желательного уровня (опять же аппетиты могут и расти и падать). Эти переменные соответствуют веберианским универсалиям и условно названы следующим образом:

- *сила* (как обеспечение безопасности и/или могущества) / слабость, уязвимость;
- *власть* (господство, гегемония, доминирование) / подчинение;
- *богатство* (накопления, благосостояние, доступ к ресурсам) / бедность;
- *престиж* (достоинство, честь, легитимность, причастность к святыням и ценностям) / унижение, отверженность, дискредитация, изгойство).

Значения этих переменных для актора повышаются благодаря принимаемым им *стратегиям* (включению, усилению активности *обеспечивающих структур*). Для каждой гомеостатической переменной есть свой набор стратегий. Каждая стратегия имеет *издержки*, которые при определенных условиях негативно действуют на другие гомеостатические переменные. Например, силовое подавление противника всегда затратно (снижает собственные накопления), а также может снизить престиж актора (как агрессора). Однако в других условиях такое же подавление может облегчить ему доступ к ресурсам (увеличить богатство) и повысить свой престиж (как освободителя).

2. Политический режим и комплекс стержневых отношений

Ритм политической жизни каждого общества представляет собой чередование относительно стабильных периодов с неким порядком взаимодействия и нестабильных периодов, когда этот порядок существенно нарушается, после чего либо он восстанавливается (см. главу 1), либо происходит переход к иному порядку (режимная трансформация).

Режим как родовое понятие [Goudsblom, 1996; Spier, 1996] означает совокупность рутинных процессов, т. е. воспроизводящийся в течение некоторого времени *порядок*.

Политическое традиционно определяем как сферу борьбы за власть и использования власти как способности одних навязывать свою волю другим. Поскольку здесь нас интересует макромасштаб повторяющихся процессов (что происходит в обществе), речь пойдет о такой власти, которая устанавливает правила поведения (законы, нормы, санкции), принуждает к их исполнению, а также устанавливает цели и правила распоряжения общественными ресурсами. Под *политическим режимом* будем понимать часть (или аспект) порядка повторяющихся взаимодействий в обществе относительно достижения и использования такой власти.

Порядок взаимодействий означает однотипные, регулярные процессы взаимодействия, а они задаются сложившимися *отношениями*. Поэтому политический режим всегда структурирован отношениями, так или иначе связанными с властью².

Уточним понятия взаимодействий и отношений.

Политическим взаимодействием будем называть такое, при котором участники стремятся укрепить или подорвать установленные властные отношения, усилить свои позиции, изменить свой или чужой доступ к ресурсам, преобразовать правила обретения и использования власти.

Конфликтное взаимодействие как частный случай политического нередко происходит тогда, когда стратегии или само существование актора на территории угрожает интересам другого актора на той же территории. Например, присутствие актора (герцогства, этнического анклава, вольного города, самостоятельной провинции) мешает другому актору (королю, царю, президенту, правящей группе в государстве) осуществлять могущество, т. е. контролировать насилие, угрожает безопасности накоплений, снижает престиж, препятствует осуществлению власти (распространению законов, судов, фискальных и прочих институтов).

Политическое взаимодействие состоит из цепочек влияющих друг на друга и сменяемых стратегий участников. Разные конфигурации (паттерны) таких взаимодействий ведут к разным «седловым точкам» — устойчивым *политическим отношениям* или к рецидивирующим конфликтам с насилием (что при достаточной длительности и однотипности конфликтов также следует считать «устойчивым отношением»).

Исходную онтологию политического режима представим следующим образом. *Расположенные на некоторых территориях акторы со своими ресурсами вступают во взаимодействия с другими акторами относительно власти — занятия тех позиций в отношениях, которые позволяют навязывать свою волю другим (командовать), контролировать отношения и порядок занятия позиций (осуществлять административное управление и расстановку кадров), а также устанавливать правила взаимодействий, доступа к ресурсам, порядка и ограничений их использования (правовое регулирование, контроль за распределением и обменом).*

Очевидно, что для каждого режима не все эти отношения равнозначны. При смене одних режим сохраняется, но при смене других существенно меняется, перестает быть сам собой, распадается или становится иным режимом, поскольку меняется и большинство других структурирующих режим отношений. Предположим, что специфика каждого режима задается определенными *стержневыми отношениями*, которые вначале для простоты будем считать бинарными (актор — актор), хотя для более детальных различий могут понадобиться тернарные (между тремя позициями акторов) и более сложные отношения.

² Наряду с «политическим режимом» принято также использовать понятие «политическая система», которую в данном аппарате можно определить как динамическую совокупность связей и отношений между позициями, акторами, ресурсами и прочими элементами политического режима. Для целей настоящего рассуждения это понятие избыточно.

Разнообразие стержневых отношений задается ответами на вопрос: кому принадлежит при данном режиме основная власть и каким образом она осуществляется?

3. Типология политических отношений

Расположим основные типы отношений на шкале между добровольной тесной коалицией равных участников (которая в пределе интегрируется и становится единым актором) и крайним антагонизмом с прекращением взаимодействий в результате изоляции или уничтожения одного актора другим (что, увы, случается в политике с применением насилия):

- долгое время возобновляемые однотипные конфликты;
- самоизоляция, изоляция (блокада) или взаимная изоляция;
- полное господство и поглощение (одного актора другим, когда подчиненный теряет субъектность);
- неполное господство, или гегемония (одного актора над другим с сохранением автономии последнего);
- партнерство с доминированием (одного актора над другим, причем отношения добровольные);
- равное партнерство (между акторами);
- коалиция с равенством (большая автономия акторов, но при необходимости они действуют вместе);
- интеграция с равенством (малая автономия акторов, их способность постоянно действовать как единое целое, — фактически это гегемония коалиции над ее членами).

Данные типы отношений бывают достаточно стабильными, устойчивые комплексы отношений являются седловыми точками, соответственно, вокруг них выстраиваются политические режимы. Трансформация (существенное, структурное изменение) режима состоит в смене его стержневого комплекса отношений, в переходе от одной седловой точки к другой.

Любые устойчивые отношения между людьми, в том числе стержневые политические отношения, имеют в своей основе установки участников: *фреймы* («так у нас устроено»), *символы* («нарушать такие отношения — значит нарушать такие-то святыни»), собственно интериоризированные отношения как внутренние установки относительно своих и чужих позиций, *идентичности* («мы — такие-то в отличие от других»), *поведенческие стереотипы* («по отношению к тем-то должно/можно/нежелательно/нельзя так-то поступать»).

Поскольку, согласно теории, изложенной в 1-й главе, все установки порождаются ритуалами и сериями ритуалов, в данном случае следует выделять особые *ритуалы, учреждающие политические отношения* (от «трубки мира» при горизонтальном партнерстве до целования туфли при господстве). Когда отношения фиксируются на бумаге, то подписание документов и обмен ими всегда имеет характер явного, торжественного ритуала.

Политические отношения не только порождаются через ритуалы, но и структурируют все последующие взаимодействия, даже столкновения на

уровне здесь-и-сейчас. Кто кому какие оказывает знаки почтения, кто кому приказывает, кто кому отчитывается, кто имеет или не имеет право возмущаться, публично унижать, применять физическое насилие и т. д. — все это более или менее строго детерминировано установленными между участниками политическими отношениями. Выход за рамки таких правил взаимодействия может быть разной степени радикальности: от выражения легкого недовольства с направленностью на коррекцию отношений до открытого бунта с целью полного переформатирования отношений или даже их разрыва. Так мы переходим к теме конфликтов в политических отношениях.

Поскольку трансформации режимов предполагают смену стержневых отношений, прежний тип рутинных взаимодействий сменяется новым типом, а это всегда происходит в результате конфликтных взаимодействий — последовательности «ходов», или стратегий акторов, в динамике противостояний и коалиций.

От чего же зависит выбор стратегий? Присоединяем к функциональной схеме А. Стинкомба концепцию оперантного обусловливания Ф. Скиннера и получаем:

4. Принцип выбора стратегий в зависимости от подкрепления

Каждый актер продолжает применять стратегию, которая приносит успех (повышает значения целевой переменной, притом что ее издержки не слишком угнетают остальные значимые переменные) и сменяет стратегию при провале, выбирая новую из доступного арсенала по правилу инверсии («сделаем наоборот»).

В простой схеме можно считать такой арсенал стратегий ограниченным (например, подавление и компромисс) и общим для всех акторов. В более сложных и реалистичных версиях учитываются индивидуальные и более широкие арсеналы стратегий для каждого актора.

От чего же зависит само подкрепление стратегий, положительное или отрицательное? Универсальный, хотя и бесполезный ответ: а) «от институционального контекста». Кроме этой «палочки-выручалочки» есть еще два ответа, которые хоть и не дают полной ясности, но верно направляют внимание. Успех или неудача стратегии каждого актора зависят: б) от конфликтной динамики — взаимодействия с другими акторами, от складывающихся конфликтных и коалиционных отношений и в) от соотношения ресурсов в главной схватке — «агоне» (будь то выборы, суд, попытка импичмента, уличное противостояние или гражданская война).

С учетом двух последних ответов становится возможным прояснить и смутный первый. Институциональный контекст включает акторов, но с особым вниманием к их позициям, ресурсам, правилам поведения, типовым стратегиям и ожиданиям. Контекст определяет возможные и вероятные поля взаимодействия (от публицистики и выборов до арестов и силовых акций, политических убийств, см. главу 6), а также ожидаемые акторами награды и издержки от выбора тех или иных стратегий. Суммируем сказанное в следующем постулате.

Принцип преимущества в решающей схватке: *успешными и положительно подкрепляющими являются те стратегии актора, посредством которых он создает коалицию и переводит центр общего внимания в то поле взаимодействия, где ко времени начала решающей схватки (или серии столкновений) эта коалиция обладает ресурсным преимуществом при учете сложившихся институциональных правил в данном поле.*

5. Сущность и новая типология легитимности

Легитимность (правителя, лидера, группы, партии или иного политического актора, всего режима, идеологии) понимается как установки разных групп относительно признания пользования властью и/или претензий на власть, оправданности правления, практик и институтов установления правил, принуждения, управления, контроля, наказания и т. д.³

Увы, типология легитимности по Веберу, кочующая из учебника в учебник (традиционная, харизматическая, рациональная), не релевантна для большинства современных исследовательских задач. Во-первых, значимые типы легитимности сейчас другие. Во-вторых, все они являются переменными: легитимность каждого типа повышается и понижается в зависимости от множества факторов⁴. В-третьих, критерии каждого типа легитимности различны, а многие из них до сих пор остаются крайне смутными, требующими пояснения.

Рассмотрим два способа различения типов легитимности: по субъекту признания и по основанию признания. По признаку «кто признает власть» выделим следующие типы:

- *популярная (рейтинговая) легитимность* (лидера, партии, власти в целом, режима) — признание со стороны населения (в долях или процентах);
- *силовая легитимность* — признание со стороны аппарата принуждения, организованных вооруженных отрядов (полиции, армии, спецслужб), в той или иной мере готовых применять насилие в пользу держателей власти или претендентов на власть⁵;
- *авторитетная легитимность* — признание со стороны главных высокостатусных институтов, воплощающих собой основные мировоззренческие ценности и принципы в данном обществе; таковыми бывают церковь (в лице папы, патриарха, имама, далай-ламы и т. д.), высшая судебная инстанция (например, Конституционный суд в государстве), широко признанные писатели, философы, деятели культуры, публицисты, блогеры; сами СМИ (от газет до интернет-сайтов и видеоканалов);

³ Ср. с дефиницией М. Хеттиха: «легитимация — это признание со стороны общества правомерности политического господства» (цит. по [Мирзоев, 2006]).

⁴ В качестве предмета заботы политиков легитимность является гомеостатической переменной.

⁵ Ср.: «Власть легитимна в той мере, в которой властитель (*power-holder*) на основе доктрин и норм, оправдывающих власть, может при необходимости апеллировать к иным резервным центрам силы, достаточным для утверждения эффективности его власти» [Stinchcombe, 1987, p. 162].

- *бюрократическая легитимность* — признание со стороны административного аппарата, чиновничества;
- *международная легитимность* — признание ведущими державами и международными организациями, как региональными (например, Советом Европы), так и глобальными (прежде всего ООН).

При глубоком кризисе, когда государство теряет монополию на легитимное насилие, силовая легитимность (со стороны регулярной армии и полиции-милиции) дополняется *парамилитарной легитимностью*, которой в разной мере в разные периоды обладают политические акторы со стороны всевозможных вооруженных групп, боевых отрядов, банд и проч.

Каждый субъект признает в той или иной мере либо не признает власть и режим, исходя из разных установок и соображений, которые могут быть обобщены и концептуализированы как основания легитимности. По признаку *оснований* выделим следующие типы:

- *легитимность de facto* — фактическое признание нахождения во власти лиц и групп, поскольку они достаточно продолжительное время осуществляют управление на территории (без постоянных мятежей, войн, геноцида). Так, в частности, международное сообщество смиряется с существованием непризнанных государств;
- *религиозная легитимность* — признание святости, «богоданности» правителя и власти, характерная для традиционных монархий, обычно подкрепляемая церковными, магическими обрядами (явными ритуалами, церемониями) «помазания на царство», коронации, удостоверения «мандата неба» и проч.; здесь есть некоторое соответствие, но не тождество с «традиционной легитимностью» по Веберу;
- *идеологическая легитимность* — признание правомерности господства лиц и групп на основе согласия с тем, что они достигли власти и осуществляют политику в соответствии с принятыми социально-политическими идеалами и принципами; революционные лидеры опираются прежде всего на этот тип легитимности; парламентские партии пытаются выиграть выборы, остаться у власти также на основе своей идеологии и убеждения избирателей в том, что их политическая практика с этой идеологией согласуется;
- *правовая легитимность de jure* — признание правомерности господства лиц и групп на основе соответствия процедур их вхождения во власть принятым законам и общим правовым принципам. Легитимность *de jure* следует разделить на два подтипа.
- *формально-нормативная легальность* — признание правомерности нахождения во власти лиц и групп на основе соответствия процедур их вхождения во власть *букве законов и других нормативных актов*, официально действующих в данный период в данном обществе. Формально-нормативная легальность соотносима с *позитивным правом* — принципом обязательности соблюдения писаных законов;
- *общеправовая легитимность* — признание правомерности нахождения во власти лиц и групп на основе соответствия способа их вхождения

во власть неким *абстрактным правовым принципам*, а также *духу* конституции страны, основополагающих документов современного международного права. Общеправовая легитимность соотносима с *естественным правом* как неким моральным и юридическим идеалом, связанным с представлениями об объективных, неотъемлемых правах и свободах человека, а также с принципами равенства, честности, справедливости, гуманности, добровольности подписания договоров, обязательности их выполнения и т. д.

Типы легитимности по основаниям не являются взаимоисключающими, поскольку каждое господство может опираться на два и более оснований. Так, религиозная легитимность в традиционных монархиях опирается также на правовые нормы династической преемственности. Формально-правовая легитимность не всегда, но достаточно часто подкрепляется идеологической (например, ценностями свободы, демократии, прав человека) и общеправовой легитимностью.

Не следует думать, что общеправовая легитимность является лишь отвлеченной идеей. Нюрнбергский суд, столкнувшийся с недостаточностью формально-нормативного принципа (нацисты ведь выполняли приказы, подчиняясь дисциплине в полном соответствии с присягой), ввел категорию «преступления против человечности», трактуя человечность (гуманность) именно как воплощение общеправового принципа.

Всегда и везде в политической борьбе акторы стремятся повысить свою легитимность и понизить, обрушить легитимность противников; акторы переживают подъемы и спады собственной легитимности как вследствие своих действий, так и под влиянием их трактовки другими акторами.

Особенность революционных периодов состоит в скорости и драматичности взлетов и падений легитимности лидеров, партий, институтов, органов власти, идей, лозунгов, причем в связи с агрессивными конфликтами, насилием и бурными, драматическими ритуальными действиями разного масштаба — от споров один на один, дебатов на партийных совещаниях, съездах до уличных побоищ и вооруженных войсковых столкновений.

6. Условия и следствия несогласия — конфликтная динамика

Вообще говоря, несогласиями, противоборствами занимается отдельная научная дисциплина — конфликтология. Не следует пытаться перечислять даже основные типы разнообразных причин конфликтов. Зато можно посмотреть, какие причины позволяет выявить заданная модель, причем причины эти должны быть столь же фундаментальными, сколь фундаментальна лежащая в основе модели онтология политической сферы.

Предпримем ход от обратного. Что предполагается в устойчивом политическом отношении с учетом постулированной веберианской четверки базовых интересов каждого актора? Здесь интересы сохранения некоторых приемлемых уровней *силы* (могущества, безопасности), *власти* (роли в принятии решений, в определении принципов и правил социального порядка), *богатства* (благополучия, накоплений, собственности) и *престижа*

(достоинства, статуса) должны быть соблюдены для обеих сторон продолжающегося взаимодействия.

Означает ли это общие довольство и «справедливость»? Отнюдь. Тонкость здесь состоит в «приемлемости», уровень которой зависит от степени неравномерности распределения соответствующих четырех типов ресурсов. Грубо говоря, чем больше преимущество у доминирующего актора в силовом ресурсе (военной организации, вооружении), во властном ресурсе (структурах контроля, администрирования), в финансах и материальных ресурсах, в престиже и легитимности, тем скорее зависимый актор будет считать, чувствовать приемлемым даже свое ущемленное положение.

Ясно, что при *политическом несогласии* между акторами как основе неадекватного общего ответа (возникновения и эскалации конфликта) хотя бы один актор ущемлен в том или ином интересе и воспринимает действия другой стороны как приносящие ущерб, который уже воспринимается как неприемлемый, поэтому актор отвергает соглашения и навязываемую структуру отношений.

Общая причина таких явлений — нарушение сложившегося баланса хотя бы в одном аспекте. Либо доминирующий актор ослаб, утерять контроль, обеднел, утратил легитимность, либо зависимый актор вдруг усилился, сплотился, разбогател, обрел такие символы и идентичности, которые уже не позволяют терпеть прежнее унижение. Таково общее динамическое условие *политического несогласия*.

Несогласие может быть скрытым и долгим. Открытое несогласие — протест (мятеж, восстание и проч.) уже означает начало явного конфликта. Условие конфликта заключается в том, что слабейший актор (в аспекте силового ресурса и доминирования) все же обладает достаточными ресурсами для сопротивления. В противном случае он был бы подавлен и запуган. Условие продолжения конфликта касается ресурсов сильнейшего (в том же смысле) актора, которых не хватает для быстрого подавления слабейшего, лишения его ресурсов и возможностей сопротивления.

Наконец, охватывающий институциональный контекст (общие для акторов авторитет, влияние, давление внешних держав, могущественного правителя, права и суда) может перевести конфликт в мирное русло, смягчить, способствовать разрешению, либо напротив, способствовать отчуждению и эскалации борьбы. От чего это зависит — отдельный сложный вопрос, но в любом случае значимы интересы и символы солидарности (ценности, святыни) наиболее могущественной внешней коалиции.

7. Ритуальная природа социально-политических кризисов и трансформаций

Если выход возмущенных масс на улицы и увещевания со стороны представителей режима успокоиться, разойтись еще находятся в рамках ритуального взаимодействия (попыток каждой стороны навязать свой ритуал противнику), то захваты зданий, погромы, избиения полицейских, стрельба, аресты, обыски, изъятия и т. п. — это действия, производящие

такие изменения в материальном и социальном мире, которые станут «входами» в последующие столкновения уже не только через изменившиеся установки участников (главные эффекты ритуалов), но и, помимо них, сугубо вещным, материальным характером обстоятельств.

Резолютивный аспект является промежуточным и посредническим между аспектами ритуала и действия. Принятие группового решения (проговоренного устно или записанного в протоколе, резолюции собрания) — это всегда ритуал, нередко сопровождаемый сильными эмоциями и всегда в той или иной мере меняющий установки участников. Настоящие решения (а не только претензии на решения) всегда касаются будущих реальных действий участников, а не только их настроений и убеждений (в аналитической философии соответствующие речевые акты, высказывания называются перформативами). Принятие группового решения также предполагает, что каждый член группы берет на себя обязательство его выполнять после того, как участники уже разойдутся.

Общий механизм социальной трансформации состоит в следующем. Устойчивые группы и организации (в том числе государства, их коалиции) переживают относительно быстрые существенные изменения своих отношений и практик (трансформации) только как непосредственные или отдаленные следствия ответов на вызовы (угрозы или соблазны)⁶ для членов управляющего центра (*правлящей элиты*). Ответы элиты на вызов всегда даются на основе сформированных в ритуалах установок и габитусов, причем вначале всегда даются ответы, положительно подкрепленные в прежних ситуациях сходных вызовов.

После серии провалов (отрицательного подкрепления) среди членов элиты происходят бурные драматические *трансформирующие ритуалы* с рефреймингом, отказом от прежних трактовок ситуации, характера вызова, требуемых ответных стратегий и перехода к новым. Эти решения и управляющие действия элиты сами становятся вызовами для остальных акторов (групп, организаций, индивидов) в данном сообществе, на которые каждый актор опять же отвечает в соответствии с ранее ритуально сформированными установками и габитусами своих членов.

Ответы могут выражаться в попытках снижения издержек, в построении новых обеспечивающих структур (что сложнее и реже), а также в стремлении подавить предполагаемые источники напряжений (что проще и чаще). Попытки подавления обычно ведут к конфликтам, противоборству, а значит — к новым волнам вызовов-угроз для участвующих акторов.

Поскольку действия акторов становятся вызовами друг для друга, их ответные действия ведут к *конфликтной динамике* (от мирных переговоров, заключения пактов до эскалации насилия). Восстановление стабильности, мирные поэтапные реформы, радикальное преобразование отношений

⁶ Причины этих вызовов, как внутренние (социально-экономические, культурные конфликты, усиление непримиримой оппозиции, непреднамеренные макроследствия микроповедения по Т. Шеллингу и т.д.), так и внешние (экспансия или агрессия извне, пертурбации на мировых рынках), относятся к следующим слоям причинности (см. главу 5).

и практик, смена власти с перестройкой государственных, сословных, классовых структур (революция), гражданская и/или международная война, массовое насилие, деградация, реставрация, реакция, распад или расцвет — все эти и промежуточные, смешанные варианты *макрособытий* являются закономерными следствиями того или иного направления конфликтной динамики, определяемой взаимными вызовами и ответами акторов и соответственно меняющимся обстоятельством: расстановке сил, разному доступу к ресурсам, формированию, эффективности коалиций, поддержке сторон населением, внешним державам и проч.

Каждое макрособытие (быстрое существенное изменение отношений и практик больших целостностей), как правило, включающее конфликт с противоборством сторон (см. выше), служит горячей темой бурных обсуждений (ритуалов), в которых каждый участник склонен принимать ту или иную сторону, исходя из соображений сходства в идентичностях, общих символов или рационального расчета выгод от победы какой-либо стороны для себя и своего сообщества на основе осмысления конфликта посредством имеющихся когнитивных установок — фреймов. Далее, каждое макрособытие ведет к существенным изменениям обстоятельств — обычных характеристик ситуаций повседневности, включая доступ к ресурсам, возможности и препятствия привычных действий и деятельности, — для всех включенных в эту целостность или зависимых от нее акторов: от государств до индивидов. Каждый актор воспринимает это изменение как вызов и отвечает на него согласно полученным в прежних ритуалах установкам, связанным с принятием той или иной стороны в конфликте, а также с соображениями сохранения комфорта, получения дополнительных выгод в открывающихся возможностях.

Заметим, что такие события, как войны, революции, государственные распады, являются сериями весьма эмоционально насыщенных ритуалов (и каждое вооруженное столкновение — естественный ритуал). Их познавательное и ценностное содержание во многом определяется доминирующим дискурсом символической сферы (проповедей, пропаганды, публицистики); здесь разрушаются прежние и выковываются новые представления о социальном мире и символы, вокруг которых образуются новые связи солидарности с новыми идентичностями и поведенческими стереотипами.

8. Принцип необходимых и достаточных условий конфликта

При сочетании условий:

- ставшего неприемлемым ущемления базовых интересов хотя бы одного актора,
- достаточности ресурсов у слабейшего для сопротивления,
- недостаточности ресурсов у сильнейшего для рутинного подавления
- и при отсутствии охватывающего контекста со сдерживающими акторами и/или правилами, авторитетными для противостоящих сторон, —

непрерывно произойдет столкновение интересов и стратегий, ведущее к конфликту, к кризису политического отношения вплоть до его разрушения и эскалации взаимной агрессии.

Таким образом, если конфликт достаточной силы происходит между акторами, связанными отношениями стержневого комплекса режима, то становятся вероятны выход из седловой точки и последующая режимная трансформация, в основе которой лежит существенное изменение этих отношений.

Эскалация конфликта объясняется тем, что обе стороны, получив отрицательное подкрепление от использования обычных, мирных стратегий, переходят ко все более агрессивным стратегиям вплоть до вооруженного насилия. Происходит известный в психологии эффект «сдвига средства на цель»: первоначально стратегии воздействия на противника имели целью восстановление гомеостатических переменных (чтобы выполнял правила или подчинялся, чтобы платил как положено, чтобы не слишком воображал и оказывал требуемые почести, чтобы не самовольничал и не применял насилие без санкции и против правил и т. д.); при сопротивлении и противодействии воздействие на противника, подавление, подчинение его становится уже не средством, а целью; иными словами, появляется новая гомеостатическая переменная «победа в борьбе», перетягивающая на себя все внимание и ресурсы, тем более когда конфликт доходит до уровня военного противостояния («победа любой ценой»).

Известный стереотип «жестокостью ответим за жестокость» объясняется не надеждой на выгоды и на победу благодаря собственной жестокости, а глубинным механизмом мести — перетекания эмоций страха в гнев и агрессию относительно источника угрозы; также здесь преодолевается опасность утери престижа — оказаться в позиции униженного, не ответив на причиненные ущерб и обиду.

Конфликт может завершиться победой одной из сторон, взаимным истощением, разрушением и выигрышем третьей стороны, заключением мира, временным перемирием с сохранением отчуждения, вражды и новыми волнами взаимной агрессии. Результаты зависят как от соотношения ресурсов, так и от выстраивания, преобладания на каждой стороне структур и групп, которые больше заинтересованы в умиротворении или в продолжении борьбы.

9. Следствия конфликтного взаимодействия без достижения согласия

Большой перевес сил одного из акторов, высокое отчуждение (часто следствие прежних конфликтов с насилием), ожесточенное сопротивление слабейшего (из-за отсутствия или неприемлемости опыта подчинения) приводят к *вытеснению с территории или уничтожению* противника (победитель/беглец или победитель/жертва). Такому результату также способствуют перевес для победителя ожидаемого выигрыша от вытеснения или уничтожения проигравшего над ожидаемыми негативными последствиями, острая нужда в территории и ресурсах, отсутствие или ослабление ограничивающего институционального контекста, а также внешних субъектов, способных препятствовать вытеснению или уничтожению.

Высокий уровень отчуждения между субъектами как результат прежних конфликтов с насилием, примерное равенство ресурсов, не позволяющее кому-либо одержать надежную победу, низкий уровень насилия (недостаточный для истощения) приводят к *длительным рецидивирующим конфликтам* (враг/враг). При этом, как правило, отсутствует или ослаблен ограничивающий институциональный контекст, а во внутренней структуре хотя бы одного актора доминирующая группа укрепляет свои позиции благодаря конфликту и рискует утратить эти преимущества при умиротворении («кому война, а кому — мать родна»).

Большое превосходство одного из акторов в силовых и символических ресурсах позволяет ему внушить слабейшему предпочтительность сдаться на милость победителю, что ведет к *полному господству* — поглощению противника и лишению его субъектности (господин/слуга, империя/провинция). В таких случаях обычно победитель обладает опытом, институтами и практиками полного подчинения; для проигравшего подчинение предпочтительней ухода и сопротивления; институты полного подчинения (с практиками прямого принуждения и изъятия ресурсов) ему знакомы и принимаются.

Следующее условие касается физических свойств территории взаимодействия и расположения на ней акторов и их ресурсов. Назовем *политической делимостью* такое свойство территории, которое позволяет провести границу, расположиться акторам по обе ее стороны и минимизировать нежелательные взаимодействия. Примерное равенство в силе и остальных ресурсах, отсутствие выигравшей при продолжении насилия для каждой стороны, высокий уровень отчуждения хотя бы с одной стороны, низкая заинтересованность сторон в обменах, экономических и культурных связях, политическая делимость территории приводят к *размежеванию, к взаимной или односторонней изоляции* (случаи Кореи и Кипра). Для изоляции также необходимы доминирующая позиция центральной власти и эффективный запрет трансграничных связей.

К самоизоляции ведет опыт столкновения с внешними субъектами, свидетельствующий о реальной угрозе ослабления или утере этого доминирования. В плане территориальной конфигурации: чем меньше потенциальных пунктов взаимодействия, тем легче их контролировать, т. е. оптимальными для самоизоляции являются либо остров с немногими доступными бухтами, либо горная местность с немногими дорогами, перевалами.

Во время острых социально-политических кризисов, мятежей, революций (далее: революционных периодов) ритуалы, решения и действия либо прямо *включают насилие, подготовку к насилию или защите от насилия*, либо так или иначе предполагают расстановку сил, значимую при вероятных вспышках насилия, а также имеющиеся силовые ресурсы, требуемые для реализации принятых решений, способность противников этих решений оказывать силовое сопротивление. Особая роль насилия в эти периоды объясняется ослаблением обычных институциональных институтов и практик, исключающих или строго ограничивающих насилие, дискредитацией и разрушением таких институтов и норм вплоть до полного исчезновения.

10. Ритуалы и конфликты в динамике революции

Социальная революция (см. обсуждение определений в главе 6) включает, как минимум, три масштаба взаимодействий в ситуациях здесь-и-сейчас:

- *массовые уличные протесты*, шествия и митинги с требованиями смены власти, та или иная *реакция на них власти и силовых структур* (тысячи, десятки и сотни тысяч участников);
- *всевозможные собрания*, митинги, стачки, заседания парламентов, созванных революционерами собраний депутатов (десятки и сотни участников);
- *происходящее в малых группах* и между немногими участниками — совещания всевозможных комитетов и комиссий, органов власти старого режима и новых революционных органов, уличные столкновения, аресты, нападения и ограбления, обсуждения происходящего в семьях и узких кругах друзей, единомышленников, соратников (от двух до 10–15 участников).

Каждое такое действие имеет структуру ритуала, но зачастую с высокой конфликтностью, предельным эмоциональным напряжением, реальными угрозами комфорту и даже жизни участников, с резкими сменами настроений, разрушением прежних и формированием новых субъективных реальностей и сакральных символов, победами и поражениями, быстрыми драматическими сменами социальных и символических установок (*рефреймингами*), соответствующими распадами одних коалиций и формированием других (перегруппировкой альянсов).

Какую же роль играют институт, организация, дисциплина, подчинение приказам и ранее принятым решениям? Как мы знаем, в революционный период ничто из этого не имеет полной надежности. Солдаты, офицеры, чиновники, сами революционные лидеры и функционеры переходят от одной стороны конфликта к другой, иногда даже неоднократно.

Следует отметить, что членство в организациях любого толка отнюдь не выводит закономерности поведения за пределы представленной выше модели: *партийное членство — это лишь одна из идентичностей*, сама же организация, ее лидеры, прокламируемые цели и ценности являются для членов организации символами той или иной значимости. *Организационные ритуалы* (от приказов и отчетов до общих собраний и парадов) формируют картины мира и образы происходящего, тогда как должностные обязанности, подчинение дисциплине, ответственность имеют статус поведенческих стереотипов наряду с другими — внеорганизационными — стереотипами.

Как известно, в таких поворотных моментах истории огромную роль играет случайность: кто-то почему-то оказался знакомым с новыми идеями, будущие лидеры трансформаций почему-то встретились, получили возможность успешного применения идей, что привело к большим последствиям, но ведь они могли и не встретиться. Не умаляя фактор случайности, укажем на важный закономерный момент: новые идеи возникают только

благодаря отбору и сочетанию между собой уже имеющихся в данной культуре идей. Кроме того, любые случайные события в своих следствиях, в развертывании всегда входят в русла закономерностей, связанных уже со структурами отношений и взаимодействий, с массовыми установками.

11. Структуры конкуренции и мирного разрешения конфликтов

Дефицит ресурсов и дефицит мест в иерархиях власти, богатства, социального статуса, престижа — это универсальные условия человеческого существования с редкими и временными исключениями. Соответственно, борьба за эти дефицитные места имеет также всеобщий и неизбежный характер. Долгое отсутствие такой борьбы в больших социальных группах указывает скорее не на достигнутую мудрость, самодостаточность человеческой природы, сколько на эффективные социальные механизмы подавления базовых стремлений (например, в жестком кастовом, рабовладельческом, крепостном обществах, в монастырях, тюрьмах и трудовых лагерях).

Борьба за дефицитные места и ресурсы может приводить к антагонистическим конфликтам, особенно при негативных вызовах и взаимных обвинениях. При каких же условиях эта борьба получает характер не просто мирный, но также способствующий паттерну доверия и расцвету всего общества?

По-видимому, первым и главным условием является жесткий *запрет на насилие и принуждение угрозой насилия* вне общих безличных правил. Действительно, без такого запрета либо сильнейшая группа установит репрессивный режим в отношении остальных групп, либо будет происходить постоянная распря между примерно равными по силе группами с рецидивирующим насилием. В обоих случаях нет никаких стимулов для создания механизмов мирного разрешения конфликтов, систем правил для состязаний и конкуренции [Норт и др., 2011].

Запрет на насилие может быть установлен как правящей группой, так и противоборствующими группами. В обоих случаях ключевое условие состоит в том, что издержки и опасности насильственной борьбы оказываются больше, чем издержки, опасности отказа от нее и ограничения насилия сводом правил, соответствующими институтами контроля (общим собранием, судом).

Лишенные возможностей пробивать себе дорогу силой акторы (амбициозные индивиды, группы, партии, производители и торговцы) вынуждены договариваться между собой, кому и на каких основаниях давать первенство, как занимать места в иерархиях, кому давать тот или иной доступ к ресурсам и т. д. В истории известно множество таких критериев, наиболее распространенными из которых являются аристократическая родовитость, местничество как ее частный случай, поединки, жребий, указания в мистических ритуалах, геройство и успехи в войне, охоте, спортивных состязаниях, риторическое искусство как способность получать публичную поддержку, накопленное богатство и имущественный ценз, экономический успех на рынках, решение жюри — группы уважаемых авторитетов,

назначение общепризнанным монархом или духовным лидером (патриархом, папой, далай-ламой, аятоллой и т. д.), наконец, аристократические (как в Священной Римской империи), олигархические (как в средневековой Венеции) или демократические (с весьма различной широтой избирательного права) выборы [Тилли, 2008; Норт и др., 2011; Коллинз, 2015].

Здесь нет задачи выяснить преимущество того или иного механизма состязания и борьбы за дефицитные позиции. Для условий паттерна доверия, ведущего к расцвету общества, важны только долговременные следствия таких механизмов:

- 1) чтобы критерии выигрыша вели к напряжению усилий участников в деятельности, способствующей эффективным ответам на вызовы, удовлетворению общественного спроса в той или иной области, развитию новых, полезных людям предметов, процессов, структур, новых сфер активности, и в качестве итога — расцвету общества;
- 2) чтобы участие в состязании было открытым и индивиды, группы с большим потенциалом не отвергались по каким-то внешним критериям (сословным, расовым, этническим, конфессиональным, гендерным, партийным, идеологическим и т. д.);
- 3) чтобы оставались открытыми каналы вертикальной мобильности, сохранялась свобода создания организаций и захватившие высшие позиции элиты не превращались в замкнутую секту, тормозящую продвижение новых талантов.

Общее требование к сопутствующим условиям паттерна доверия, ведущего к расцвету, состоит в систематическом положительном подкреплении идей, лидеров и результатов сотрудничества, эффективно отвечающего на вызовы, в подкреплении, способствующем признанию действия институтов и правил разрешения конфликтов, состязаний и конкуренции, а также в отрицательном подкреплении раздоров, нарушения правил и соскальзывания к неправомерному насилию.

Успехи (положительное подкрепление) и провалы (отрицательное подкрепление) зависят не только от самого качества сотрудничества и институтов (рациональности, правильности, адекватности, профессионализма, обеспеченности средствами), но и от сложившихся внешних обстоятельств, расстановки сил, от попадания в те или иные периоды охватывающих циклов, наконец, от случайных сочетаний факторов [Даймонд, 2008].

Паттерны доверия зависимы и уязвимы от провалов особенно на начальных этапах, когда слабые ростки новых структур и практик могут быть легко дискредитированы и подавлены. На тех же начальных этапах исключительно важны успехи. Когда связи доверия, институты и правила укрепились, провалы уже не могут их разрушить, но трактуются как новые вызовы и спрос на новые проекты и практики [Коллинз, 2015, гл. 4].

Неравенство угнетает сотрудничество, поскольку более сильные партнеры вольны требовать и забирать большую часть отдачи, что делает кооперацию для слабых невыгодной.

Кроме этого, успехи и провалы имеют не только объективную, но и субъективную природу, т. е. зависят от направленности каузальной атрибуции: в чем увидят члены коалиции причины провала и какой вывод на будущее из него сделают. Вина может быть возложена либо на внешние силы и обстоятельства (тогда требуется дальнейшее сплочение), либо на просчеты, ошибки, предательство кого-то из лидеров (тогда возникает риск раскола, подрыва паттерна доверия и распада группы, коалиции), либо на недостаточные усилия (тогда делается упор на те же цели и задачи), либо на ошибочность стратегии (тогда ведется поиск альтернатив при сохранении сотрудничества).

12. Следствия конфликтного взаимодействия при достижении согласия

Примирение, достижение согласия, компромисс как результат конфликтного взаимодействия достигаются при интенсивных и эффективных коммуникациях (переговорах), при отсутствии решающего перевеса в силе, при общей усталости, истощении от борьбы.

Большое превосходство сильнейшего актора в ресурсах господства (предложение приемлемых условий подчинения), в экономических (посул и подкуп) и символических (способность к убеждению, навязыванию образа ситуации) ресурсах приводит к установлению *частичного господства, или гегемонии с сохранением автономии* побежденного и/или подчиненного (сюзерен/вассал, патрон/клиент). Проигравший в конфликте сохраняет ресурсы, которые победитель не отнимает из-за недостаточного преимущества в силе и способностях контроля, из-за ограничивающего внешнего контекста или по иным причинам.

Непросто отличить гегемонию от несимметричного партнерства, тем более что они нередко переходят друг в друга. Будем считать главным отличительным признаком добровольность слабейшего партнера в отношениях с сильнейшим при наличии у первого реальных альтернатив, что означает также свободу внешних отношений слабейшего, над которыми у сильнейшего партнера нет контроля.

Иными словами, вассал (клиент), могущий свободно переходить к другому сюзерену (патрону), находится в отношении несимметричного партнерства. Если же такой поступок сильнейший актор не только считает «предательством», но способен применить эффективные санкции, запугав тем самым остальных своих вассалов (клиентов), то перед нами уже не партнерство, а гегемония.

Условия для установления *неравного (несимметричного) партнерства* (патрон/клиент) схожи с условиями гегемонии, но сильнейший актор здесь либо не имеет достаточного могущества, чтобы контролировать слабейшего, отбирать у него ресурсы, либо отказывается от этого контроля из-за ограничивающего контекста (противодействие внешних акторов, правила), из-за принимаемой идеологии. При этом сильнейший имеет достаточно экономических и символических ресурсов, опыт и институты доминиро-

вания (навязывания несимметричных обменов в возобновляющихся переговорах и т. д.), чтобы обеспечить большую привлекательность партнерства с собой. Если внешняя угроза (либо природная, либо со стороны внешних субъектов) или напряженность состязания настолько сильны, то каждый участник для сохранения своих позиций заинтересован в создании коалиции (неравных союзников), где сильнейший обычно сохраняет большую свободу, а слабейший несет большие тяготы.

К *равному (симметричному) партнерству* ведут примерное равенство авторов в силе и остальных ресурсах, отсутствие выигрышей при продолжении конфликта для каждой стороны, низкий уровень взаимного отчуждения, высокая заинтересованность сторон в обменах, экономических и культурных связях. Если внешняя угроза (либо природная, либо со стороны внешних акторов) сильна, то при данном раскладе каждый участник для сохранения своих позиций заинтересован в создании коалиции (равных союзников). Непременными являются ритуалы, наглядно подчеркивающие равенство и солидарность участников.

Интеграция (с равными или неравными участниками объединения) является результатом укрепления коалиции, когда регулярные переговоры, принятие общих решений институционализируются, появляются общие органы управления, как правило, коллегиальные и/или со сменяемым по той или иной процедуре лидерством. При интеграции обычно сакрализуются сами правила взаимодействия, особенно те, что препятствуют узурпации власти одним из акторов (Венецианская республика, Нидерланды, Швейцария, современные консолидированные демократии). Распад таких режимов также возможен, но при условии серии провалов власти, соответствующей делегитимации не только лидеров, но самого политического устройства и его правил, а также при взлете престижа одного из акторов (обычно в результате триумфальных военных побед).

Рассмотрим трудный случай достижения устойчивого мира и равного партнерства после долгого противостояния с агрессией и взаимным насилием (международная война, гражданская война, вендетта и проч.). Здесь «добрая воля», «миролюбие» недостаточны для объяснения, поскольку сами должны быть объяснены. Устойчивый мир — это всегда седловая точка для обеих сторон, когда их гомеостатические переменные поддерживаются адекватными обеспечивающими структурами, а напряжения и издержки не слишком велики, чтобы вывести из равновесия. С учетом функциональной модели А. Стигматомба формулируем необходимые и достаточные условия для достижения такого состояния из начальной ситуации крайней вражды и массированного взаимного насилия:

- агрессивные стратегии не получают уже положительного подкрепления;
- каждая сторона утратила надежду на свою победу, — таким образом, резко снизилась значимость гомеостатической переменной «победа в борьбе»;
- вновь на первый план вышли базовые переменные, связанные с благосостоянием, могуществом, престижем; теперь продолжение борьбы

им угрожает (чужая агрессия как источник опасных напряжений), тогда как мир, даже ценой компромиссов и уступок, обещает возможности восстановления;

- мирный договор ограничивает, блокирует действия каждой стороны, которые составляют опасные напряжения для другой стороны;
- каждая сторона, возможно при поддержке внешних акторов (авторитетных судей, коалиции великих держав и т. п.), обладает способностью наказания такими санкциями нарушителя договора, ущерб от которых явно перекрывает потенциальные выгоды от нарушения.

Среди обширного разнообразия политических режимов есть тип, требующий особого внимания по нескольким причинам:

- а) не будучи ни полноценной консолидированной демократией, ни традиционной монархией, такие режимы наиболее подвержены кризисам и революциям;
- б) будучи противоположностью режимам с доминированием рациональной бюрократии (в смысле М. Вебера), они не описываются через своды абстрактных структур и правил;
- в) эти режимы имеют весьма широкое распространение в мире, особенно с 1980–1990-х гг.;
- г) они явно преобладают на постсоветском пространстве, причем политический режим в России, региональные и городские режимы в ее столицах и провинциях попадают в ту же категорию.

Речь идет о *неопатримониальных режимах*, анализу природы и динамики которых посвящена следующая глава.

Глава 3

Неопатримониализм: природа, разнообразие и изменчивость¹

1. Политические отношения при неопатримониализме

Известная официальная идеология о России как «особой цивилизации» контрастирует с внушительным объемом политологических исследований, где российское политическое устройство вместе с большинством постсоветских государств оказывается в обширной семье неопатримониальных, или патрональных, режимов ([Хейл, 2008; Hale, 2015], см. также обзоры в работах [Фисун, 2010; Kollmorgen, 2013; Гельман, 2015]). Среди этих режимов нет устойчивых консолидированных демократий с верховенством права, сменяемостью власти на основе политической конкуренции и открытых выборов, однако разнообразие весьма широкое, уровни стабильности и векторы трансформации существенно различаются.

Историческая траектория российского государства должна осмысляться не только и не столько в привычном противопоставлении «Западу», сколько в контексте сопоставимых неопатримониальных режимов. Для анализа их разнообразия и динамики необходимо представление об их природе и внутренней структуре.

Наиболее детально в русскоязычной литературе суть и вариации неопатримониализма описаны харьковским исследователем Александром Фисуном, которые выделяет следующие принципы функционирования неопатримониальных систем:

- 1) «политический центр отделен и независим от периферии, он концентрирует политические, экономические и символические ресурсы власти, одновременно закрывая доступ всем остальным группам и слоям общества к этим ресурсам и позициям контроля за ними;
- 2) государство управляется как частное владение (патримониум) правящих групп — носителей государственной власти, которые приватизируют различные общественные функции и институты, делая их источником собственных частных доходов;
- 3) этнические, клановые, региональные и семейно-родственные связи не исчезают, а воспроизводятся в современных политических и экономических отношениях, определяя способы и принципы их функционирования» [Фисун, 2010, с. 165].

¹ В основу главы положен текст статьи: «Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации» (Полис. 2016. № 1. С. 139–156).

Также обычно в неопатримониализме выделяют неформальное ядро, действующее по клановой логике отношений (патрон—клиент), и оболочку — формальные, официальные отношения и институты, служащие как легитимирующим основанием, так и инструментом политических стратегий ядра [Medard, 1982; Гельман, 2015].

Каков же стержневой комплекс отношений в неопатримониальном режиме? Данный вопрос — непростой, поскольку при выходе за пределы идеал-типических режимов, структурированных только одним политическим отношением (см. главу 7), мы сразу обнаруживаем множественные комплексы отношений, выделение среди которых стержневого — нетривиальная задача.

В неопатримониализме следует выделять как минимум следующие политические отношения (ПО):

- ПО-1, клиентско-патронажные внутри кланов и между кланами (группами), которые определяются как частичное господство (гегемония), когда гегемон способен навязывать свою волю, но подчиненный сохраняет свои ресурсы и не лишен автономии, субъектности²;
- ПО-2, равное и неравное партнерство между индивидами, между кланами сопоставимого статуса, когда они обмениваются ресурсами, заключают временные коалиции;
- ПО-3, конкуренция, борьба, вплоть до открытых конфликтов за дефицитные позиции и ресурсы между кланами сопоставимого статуса;
- ПО-4, полное или частичное господство неформального «ядра» режима над периферией — всеми группами, индивидами, не попавшими в сеть клиентско-патронажных отношений.

Несмотря на то что внимание аналитиков сосредоточено обычно на отношениях ПО-1–3, важнейшим правильно считать ПО-4 по следующим основаниям:

- само сочетание неформального «ядра» (патримонии) и официальной формальной «оболочки» («как бы демократии») призвано легитимировать господство «ядра», а также его контроль практически над всеми общественными ресурсами, что означает оправдание отказа в доступе к этим ресурсам тем, кто исключен из «ядра» и его сети отношений;

² «Суть специфической динамики патронального президентского правления заключается в характере отношений между президентом и элитами, которые порождает такая политическая система. Важнейшие элиты в различных частях бывшей советской империи включают в себя региональные элиты (губернаторы, префекты, акимы); деловые элиты; лидеров кланов, жузов, тейпов и т. п., связанных родством; высокопоставленных должностных лиц (включая тех, кто управляет полицией, военными, государственными СМИ, экономическими потоками и т. п.), судей и др. [...] Сила президента именно в том, что патрональное президентство — это институционализированный “фокус”, к которому приковано внимание каждой из элит, стремящихся угадать наиболее вероятное направление коллективного действия всех остальных. Именно это и позволяет президенту управлять ими» [Хейл, 2008].

- внутри самого «ядра» патронажные отношения ПО-1 не только регулируют отношения между акторами, но и направлены на закрепление указанного выше господства «ядра»³;
- остальные горизонтальные отношения — партнерские ПО-2 и конкурентные, конфликтные ПО-3 — являются вторичными относительно ПО-1, поскольку именно «патрон» (верховный клан, высшее должностное лицо) играет роль арбитра в их спорах, поощряет или наказывает, причем всегда с интенцией сохранения главного господства — ПО-4.

Почему же в важнейшем отношении ПО-4 оставлена альтернатива: полное или частичное господство? Здесь мы опираемся на продуктивную идею Г. Рота: «Однако типологически отождествление “патримониального” и “авторитарного” является неправильным. Последнее понятие может быть полезным для установления континуума от плюралистической демократии до тоталитаризма; первая же категория относится, прежде всего, к типологии убеждений и организационных практик, которые могут быть найдены в любой точке данного континуума» [Цит. по: Фисун, 2010, с. 163].

2. Неопатримониализм и шкала авторитарных режимов

Не представляется возможным совместить неопатримониализм с полноценной демократией, открытой публичной политикой, правовым обществом и конституционализмом. Действительно, когда правящая партия может проиграть выборы и мирно уступить власть (А. Пшеворски), когда каждого руководителя можно привлечь к суду и независимый суд будет судить по закону, когда устанавливаются формальные и безличные правила взаимодействия, а ресурсы распределяются не секретно кланами в свою пользу, а открыто и в соответствии с формальными процедурами, когда журналисты и парламентские комиссии способны расследовать любые злоупотребления власти, то почва для патримонии исчезает подобно шагреновой коже.

Таким образом, основное обиталище неопатримониализма — среди гибридных режимов, т. е. авторитарных политических устройств, только рвущихся в одежды демократии.

Возможен ли неопатримониализм в традиционном авторитаризме — в автократиях? Если они только имитируют конституционность (наличие неподвластных монарху законодательных органов), то да. Если даже имитации такой нет, то приставка «нео-» становится излишней. Каждая полноценная автократия (тирания, деспотия, султанат, династическая монархия)

³ Ср.: «Вместо классического разделения между умеренными и радикалами, либералами и консерваторами, левыми и правыми постсоветские неопатримониальные режимы могут быть охарактеризованы субэлитным расколом, вырастающим из конкуренции за лучшую позицию в иерархическом клиентарном распределении “благ и привилегий”. В этом смысле сущность политической борьбы в неопатримониальной системе состоит в борьбе за расположение и покровительство со стороны главы государства, но отнюдь не в борьбе за голоса потенциальных избирателей» [Фисун, 2010, с. 172].

включает и патримонию: обращение с государством как с семейной ответственностью, вотчиной.

Иногда тоталитаризм противопоставляют авторитаризму, но корректнее первый считать крайним полюсом второго по измерениям свободы, уровня защиты прав, открытости, верховенства права, автономии отдельных акторов и т. д. Специфика тоталитаризма как крайнего полюса на этой шкале заключается во всепроникающих институтах и практиках контроля над сознанием, в гипертрофии спецслужб с направленностью на подавление любых ростков несогласия и протеста, при полном контроле над СМИ, над системой образования, над детскими, молодежными, партийными, профессиональными организациями.

Во всех случаях откровенного тоталитаризма (сталинизм, немецкий нацизм, итальянский, кубинский коммунистический режим, Кампучия при Пол Поте, северокорейский режим) присутствовали та или иная популистская идеология («для общего народного блага») и декоративные «народные» органы власти. Значит, в тоталитарном режиме есть формальная «оболочка» и «ядро» как реальная скрытая политика «среди своих», т. е. главные элементы, конституирующие неопатримониализм.

Таким образом, продолжая и развивая идею Г. Рота, фиксируем, что неопатримониализм может располагаться на всех ступенях в лестнице авторитаризм/демократия, только кроме полноценной демократии (с открытым обществом, верховенством права и т. п.). Все последующие варианты режимов авторитарны, все они так или иначе имитируют «демократию» или «народность», поэтому названия вполне условны, а внимание следует сосредоточить на структурных различиях в присущих режимам разных версиях неопатримониализма:

- в *частичной демократии* отношение ПО-4 неопатримониализма является *частичным господством, или гегемонией*; вне «ядра» клиентско-патронажной сети допускается существование автономных акторов со своими ресурсами, даже возможно их участие в политической борьбе (в агитации, выборах), но только в тех пределах, пока это не угрожает самому «ядру» (Япония, Мексика, Бразилия во второй половине XX в., Россия в 1990-х гг., постсоветские Украина, Молдова, Грузия, Армения, а также Беларусь до прихода Лукашенко, Азербайджан до правления Алиевых);
- в *жестком авторитаризме* отношение ПО-4 неопатримониализма является *полным господством*; вне «ядра» клиентско-патронажной сети «своих» уже не допускается существование автономных акторов со своими ресурсами, строго ограничивается и даже под разными предлогами запрещается их участие в политической борьбе (в агитации, выборах); однако внутри самой сети сохраняются отношения *частичного господства* — гегемонии (ПО-1), т. е. кланам позволено иметь ресурсы, автономно действовать, но только под надзором и с жестким запретом вступать в коалиции с «несистемными» акторами (Ирак при Саддаме, Венесуэла, Эквадор, Куба, многие режимы Центральной

Африки, Беларусь при Лукашенко, Азербайджан при Алиевых, Казахстан в разных аспектах сочетают черты частичной демократии и авторитаризма; с осени 2003 г. и особенно с весны 2012 г. политический режим в России явно сдвигается к жесткому авторитаризму);

- в *тоталитаризме* отношение полного господства распространяется не только на периферию, но и на акторов (индивидов, кланов) внутри самого «ядра»; только те, кто занимает самые высшие позиции (входят в узкий круг «своих»), имеют право на автономию и защищенность ресурсов; все остальные должны участвовать в общих государственных кампаниях (распространение идеологии, «чистки», «проработки» и т. п.), демонстрировать не только лояльность, но и верность, любовь, полную подчиненность вождям, ненависть к врагам и идеям, символам, назначенным считаться «вражескими» (антинародными, вредительскими, подрывными, чуждыми и т. д.); в современных обществах мало кто честно и открыто воспроизводит дискредитированные гитлеризмом тоталитарные практики (разве что лидеры КНДР); однако призывы к ним, тоталитарные тенденции многие усматривают сегодня и на постсоветском пространстве: негласное введение цензуры, аналоги «пятиминуток ненависти» на государственном телевидении, репрессии инакомыслящих, запугивание всех поддерживающих «несистемную оппозицию» и т. д. Согласно отчетам Freedom House, Туркменистан, Узбекистан и Беларусь являются в последнее десятилетие наиболее несвободными из постсоветских государств, т. е. близкими к тоталитаризму режимами, соответственно с рангами 7, 7 и 6,5 из 7 возможных; в 2017 г. режим в России «дорос» уже до 6,5–7, т. е. почти до максимума по шкале авторитаризма.

Неопатримониализм также совместим с основными типами «гибридных» режимов (авторитаризмов с демократическим прикрытием): однопартийными, военными и персоналистскими [Geddes, 1999; Carothers, 2002; Харитоновна, 2012]. В каждом из них роль господствующего актора в клиентско-патронажной сети играет либо партийная верхушка (формальное или неформальное «политбюро»), либо группа высших военных чинов, захвативших власть, либо лидер с группой ближайших сподвижников (состав которой он способен менять). Надо отметить, что формальные партийные процедуры и военная дисциплина, приверженность военных правилам противоречат отношениям и практикам (нео)патримониализма, поэтому вполне естественны сдвиги однопартийных и военных режимов к персоналистским (обычно в форме популистского электорального авторитаризма с огромными полномочиями избранного президента).

3. Факторы успеха авторитарных режимов

Как и почему меняется неопатримониализм? Есть ли в нем собственные стимулы к изменению, развитию, или только кризисы и внешние вызовы приводят к существенным сдвигам? Совместим ли вообще неопатри-

мониализм с динамичным развитием, технологическим, экономическим и социальным прогрессом?

Если вынести за скобки полноценные консолидированные демократии, то остается не так много стран (в той или иной мере авторитарных) с собственной прогрессивной динамикой. Наиболее успешными являются Сингапур и Объединенные Арабские Эмираты, относительно успешными — Китай и военно-бюрократические режимы Бразилии и Аргентины в 1960–1980-е гг.

Отметим, что режимы этих стран весьма далеки от неопатримониализма. Сингапур является признанным чемпионом по освобождению от коррупции — родовой черты этого типа режимов. Китайские власти также борются с коррупцией весьма жесткими методами, здесь довлеют партийные принципы организации власти, а также строгий и вполне безличный порядок вертикальной мобильности чиновников в зависимости от экономических успехов вверенной им территории. ОАЭ представляет собой высокоинтегрированную коалицию монархий. Каждый режим в указанных странах если и имеет черты патримонии, то без приставки «нео-»: там нет никакой нужды прикрывать реальную политику псевдодемократическими декорациями.

Политические режимы в Бразилии и Аргентине теперь уже имеют существенные черты демократии, а в своем происхождении и основе сочетают стереотипы вполне прогрессивной военной организации и принципы либеральной экономики «чикагских мальчиков» с уважением к собственности, суду и формальным процедурам.

Главное же, что объединяет столь разные по масштабу и устройству режимы, это три взаимосвязанные черты:

- 1) действительная *солидарность власти с гражданами* (с подданными в ОАЭ), соответствующая ответственность элит относительно развития страны и заботы об образовании, квалификации, занятости и благосостоянии народа;
- 2) *свобода предпринимательства*, легкость создания коммерческих организаций, поощрение и защита конкуренции;
- 3) достаточно надежная *защита собственности и инвестиций*.

Как и почему эти черты имеют место без полноценной демократии западного типа — вопрос для отдельного обсуждения. Здесь важен тот момент, что характерное для неопатримониализма разделение реальной скрытой политики «ядра» и декораций псевдодемократических институтов и риторики никак не совмещается с указанными чертами успешных в развитии авторитарных режимов.

Важнейшее в неопатримониализме отношение ПО-4 (полное господство над периферией, исключенной из клиентско-патронажной сети) детерминирует: 1) отчуждение, отсутствие солидарности с основной массой населения; 2) ограничение свободы предпринимательства и 3) слабую защищенность собственности и инвестиций, поскольку свобода и

защищенность противоречат полноте контроля над ресурсами со стороны «ядра».

Отсюда следует жесткий вывод: не следует ждать от неопатримониализма прогрессивного развития на основе внутренних стимулов⁴.

4. Разнообразие неопатримониальных режимов в теоретической перспективе

Концепт неопатримониализма применяют главным образом к африканским, латиноамериканским, ближневосточным (Иран, Ирак, Египет, Турция, Тунис, довоенная Сирия), южноевропейским (Греция, Италия, Испания, Португалия) и постсоветским политическим режимам.

Считается, что наиболее ярко неопатримониализм проявляется именно в Африке, где очень многое определяется личными отношениями лидера, а государственная сфера в наибольшей мере подчинена частным интересам. С этой особенностью связана и неустойчивость многих африканских режимов, когда при уходе, делегитимации лидера рассыпается и вся структура, построенная на личных связях; кроме того, отстраненные от должности бывшие подчиненные нередко становятся лидерами протестов и переворотов [Bratton, Van de Walle, 1994, p. 462–464]. Кроме того, «слабые национальные буржуазии Африки фрустрированы [преобладающей] государственной собственностью, сверхрегуляцией и официальной коррупцией» [Ibid, p. 467].

В странах Латинской Америки эти отношения осложняются «корпоративизмом», когда классовые, сословные, региональные, этнические интересы кристаллизуются в самосознательных претендующих на участие во власти сообществах, в том числе политических партиях, коалициях военных, профсоюзах и т. д. [Bratton, Van de Walle, 1994].

На Ближнем Востоке место корпоративизма занимает религиозный фактор, поскольку именно исламские сообщества и организации разного типа (от «Братьев мусульман» до ваххабитов, Аль-Каиды⁵ и ИГИЛ⁶) играют особо значимую роль в политической жизни, тогда как военные обычно представляют более светскую или умеренную в религиозном отношении силу.

Постсоветские режимы сами демонстрируют немалое разнообразие. Формально специфика постсоветских стран состоит в наследии коммунистических режимов советского типа. Каковы же содержательные особенности этого наследия, значимые для режимной динамики?

⁴ «Военные хунты, ориентированные на модернизацию и национальное развитие, скорее преобразуются в демократии, чем неопатримониальные режимы, лидеры и элиты которых заинтересованы лишь в сохранении и укреплении власти. С 1945 г. в 74 % случаев переходов от военных режимов на их место пришли долгосрочные (31 %) или краткосрочные (43 %) демократии. И только 16 % [из 100 %] персоналистских (неопатримониальных) систем стали стабильными демократиями, а в 49 % случаев на месте старых персоналистских режимов возникли новые авторитарные» [Geddes, 1999].

⁵ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁶ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

В странах Латинской Америки и Ближнего Востока (Турция, Египет) военные, как правило, обладают высоким статусом, политической субъектностью с преимущественно светской, модернизационной направленностью, поскольку высшее офицерство зачастую имеет западное образование, осознает, что военно-технологическую и экономическую модернизацию должна также сопровождать модернизация государственных, правовых институтов. В постсоветских странах обычно картина иная: военные не представляют собой самостоятельную политическую силу, их идеология скорее консервативная и антизападническая, никак не модернизационная. Соответственно, путь трансформации режима через военный переворот с последующими либеральными преобразованиями здесь закрыт.

Коммунистический режим также наложил отпечаток на базовые структуры, нормы, ожидания как в политическом взаимодействии, так и в политической культуре большинства населения. Здесь общность заключается в гипертрофии государственной бюрократии, в низкой культуре горизонтального взаимодействия, доверия, самоорганизации при ставке на вертикальные отношения власти, принуждения как основы «порядка» [Гудков, 2004; Розов, 2011]. Это проявляется в слабости, расколотости политической оппозиции большинства постсоветских стран (пожалуй, за исключением прибалтийских государств, которые существенно отличались от остальных и в советскую эпоху). В целом постсоветский тип неопатримониализма — от Беларуси до Узбекистана — по многим параметрам напоминает больше, увы, африканский тип (слабая запуганная буржуазия, преобладание государственной собственности, сверхрегуляция, почти официальная коррупция)⁷, с той разницей что в Африке больший вес имеют персональные качества лидеров и личные, родственные отношения, тогда как постсоветские режимы в большей мере бюрократизированы, причем не на рациональной веберовской, а на сословной основе [Кордонский, 2008].

Обратимся к четырем типам отношений, формирующим каркас каждого неопатримониального режима (см. выше). В архетипичных африканских режимах доминируют личные вертикальные отношения ПО-1, соот-

⁷ Параллель между африканскими и постсоветскими режимами может казаться скандальной и обидной для нас, наследников одной из двух сверхдержав 1950–1980-х гг. Действительно, уровень образованности населения, науки, технологии, экономики, социального развития, по крайней мере в наиболее продвинутых постсоветских странах, включая Россию, гораздо выше, чем в странах Центральной Африки. Но означает ли это лучшие шансы на построение полноценной конкурентной демократии и открытого правового общества европейского типа? Последнее сомнительно по многим причинам, в том числе потому, что указанные преимущества может эффективно использовать не только и не столько демократическая оппозиция, сколько сам авторитарный режим, особенно когда в своей антизападнической направленности он задействует свои немалые административные, экономические и силовые ресурсы для достижения монопольного контроля над медиaprостранством, судебной системой и всей политической сферой, включая выборы. Кроме того, неоднократно отмечалось, что легкость эмиграции наиболее талантливого, образованного и социально активного слоя демпфирует возникающие напряжения и служит стабилизации режима.

ветствующие патронажные сети. Влиятельность корпоративистских, в том числе военных структур, религиозных сообществ в Латинской Америке и на Ближнем Востоке, классовых и сословных структур в Южной Европе, указывает на сравнительную силу горизонтальных партнерских ПО-2 и конфликтных ПО-3 отношений между политическими акторами, сформированными по клановому, клиентско-патронажному типу.

Постсоветские неопатримониальные режимы трудно привести к общему знаменателю в данном плане. Пожалуй, можно только предположить, что персональная влияние сильных лидеров, как правило, ограничивается бюрократическими традициями, оставшимися от советского прошлого. Вместе с тем следует указать на факторы устойчивости «президентских патрональных режимов», где президенту-патрону и его приспешникам удалось сформировать ожидания элит относительно своей силы и несменяемости.

«Эта система характеризуется тремя необходимыми отличительными элементами. Первый — это президентская власть, которую президент получает в результате регулярных прямых выборов, на которых имеется хотя какая-то возможность голосовать не за действующего президента. Во-вторых, этот президент располагает очень большими формальными полномочиями по сравнению с другими ветвями власти. В-третьих, в дополнение к своим формальным полномочиям президент располагает также широким набором неформальных полномочий, основанных на отношениях “патрон—клиент” на стыке государственной власти и экономики. Короче говоря, президент имеет огромную формальную и неформальную власть, но все же должен — хотя бы для проформы — победить на общенациональных выборах. Патрональное президентство — это просто политический институт, и как таковой не представляет собой отдельный тип политического режима, такой как демократия или автократия. В силу этого он может существовать в самых разных политических условиях — от явно автократического правления Каримова в Узбекистане до относительно либеральной политической среды в Грузии при Шеварднадзе» [Хейл, 2008].

Андреас Умланд следующим образом обобщает выводы того же Хейла, сделанные им в последней книге *«Патрональная политика. Динамика евразийских режимов в сравнительной перспективе»* [Hale, 2015]:

«...власть аккумулируется, сохраняется и применяется посредством более или менее успешного построения, поддержания и взаимодействия неформальных, иногда взаимосвязанных, иногда конкурирующих патронажных пирамид во главе с верховными патронами, которые руководят крупными экономическими конгломератами, региональными политическими машинами и/или влиятельными государственными институтами. Власть такого патрона истекает не столько из его формального положения и официальной функции, сколько из того, что он (реже — она) является “боссом” полусекретной клановой пира-

миды, которая, в свою очередь, часто состоит из нескольких меньших пирамид во главе с субпатронами, которые работают с отдельными кругами клиентов. Как правило, самые мощные из этих коррупционных кланов охватывают широкий спектр социальных институций, начиная с министерств, служб и партий, заканчивая компаниями, медиа- и общественными организациями. Сплоченность, действенность и устойчивость этих пирамидальных структур держатся не столько на формальной институциональной иерархии между их членами, сколько на их семейных связях, личной дружбе, долгосрочном знакомстве, неофициальных транзакциях и более прозаичном фундаменте, как полумафиозные правила поведения, накопленные долги или обязательства, блат, круговая порука, собранный компромат, да и обыкновенный страх» [Умланд, 2017].

Кстати, неслучайно отстраненные от власти политики почти никогда здесь не становятся успешными лидерами протестов и переворотов⁸.

Горизонтальные партнерские и конфликтные отношения также ослаблены, «скрыты под ковром» из-за доминирования вертикального принуждения, тогда как в большинстве постсоветских стран (кроме прибалтийских государств, отчасти Грузии, Молдовы и постмайданной Украины) главным остается отношение ПО-4, устанавливающее труднопроходимую границу между «допущенными и не допущенными к столу» политической власти (по Ф. Искандеру).

5. Стабильность и трансформация неопатримониальных режимов в сравнительной перспективе

В классической, часто цитируемой работе Ричарда Шнайдера показано, что в разных условиях патримониальные и неопатримониальные режимы могут либо распадаться вследствие революции, либо приводить к военным переворотам или к демократическому транзиту [Snyder, 1992]. Главные факторы связаны с протяженностью и надежностью патронажных сетей. Наиболее уязвимыми для революции являются режимы, где эти сети замыкаются в узком слое вокруг лидера и правящей группы (случаи Синьхайской революции 1911 г., Иранской революции 1979 г., революции в Тунисе 2011 г.). Влиятельность и самостоятельность военных препятствуют революции; при отсутствии патримониальных сетей военные в случаях делегитимации власти и лидера способны составить коалицию с оппозиционными силами и совершить переворот, свергнув правителя, но не разрушая при этом государственные структуры (военные перевороты в Греции, в Турции, на Филиппинах).

⁸ Яркий контрпример — устранение Б. Н. Ельцина из большой политики в 1988 г. и последующее триумфальное возвращение — скорее подтверждает данное наблюдение, поскольку стал возможным только в краткий период большого тектонического сдвига: разрушения советской государственности и глубокой трансформации почти всех бюрократических структур.

Исследователи также указывают на такие факторы, как доминирование сторонников жесткой политики (*hard-liners*) и мягкой, компромиссной политики (*soft-liners*) во власти, соотношение сил между приверженцами и противниками режима, причем среди последних могут преобладать как сторонники реформ, так и радикалы. Делегитимация и изоляция «жестких» лидеров во власти при преобладании радикалов в сильной оппозиции ведет к революции, но при надежной поддержке военных и разветвленных патронажных сетях, при слабой оппозиции «жесткая политика» может успешно преодолевать кризисы режима.

Это показал Джейсон Браунли на примерах Сирии, Ирака, Ливии и Туниса, которые сохраняли стабильность в последние десятилетия XX в. [Brownlee, 2002]. Отметим, что уже в начале нынешнего века стабильность в каждой из этих стран была по разным причинам утрачена: от революции и смены власти в Тунисе до военного поражения в Ираке, распада и гражданской войны в Ираке, Ливии, Сирии. Таким образом, жесткая линия и силовые ресурсы не являются панацеей; как внутренние, так и внешние факторы вполне могут разрушить стабильность таких режимов.

В последние 10–15 лет в сравнительной политологии и политической социологии получены значимые теоретические и эмпирические результаты относительно динамики авторитарных, в том числе неопатримониальных режимов, особенно на материале стран Африки и Латинской Америки [Bratton, van de Walle, 1994; Mahoney, 2001; Bechle, 2010].

Теоретическим прорывом является новая версия концепции эффекта колеи (*path dependence effect*), включающая «критические моменты» (*critical junctures*), когда акторы выбирают из ограниченного спектра альтернатив, что приводит к складыванию социальных структур (прежде всего институтов), воспроизводящихся в последующих периодах и препятствующих иным ответам и выборам. Модель дополняется соображением о том, что новые институты оказываются особо выгодными оказавшимся во власти группам, которые получают достаточно ресурсов, чтобы препятствовать любым изменениям режима, способным поставить под вопрос их позиции.

Кроме того, выбор стратегии в критические моменты может приводить к закономерным «ответным последовательностям» (*reactive sequences*) и логике конфликта, в том числе к его эскалации. Тогда структуры и институты складываются уже не как следствия начального выбора, а как следствия итогов конфликтного взаимодействия. На эту внутреннюю динамику накладываются также внешние вмешательства: прежде всего геоэкономическая экспансия, укрепляющая выгодные ей и/или угнетающая невыгодные структуры и институты.

На основе этой нетривиальной конструкции Джеймс Махони объяснил становление весьма отличных друг от друга политико-экономических режимов в Гватемале, Коста-Рике, Сальвадоре, Гондурасе и Никарагуа, несмотря на то что все они вышли из сходных «критических моментов» конца XIX – начала XX вв., когда в каждой из этих стран был выбран тот или иной путь аграрной политики [Mahoney, 2001, p. 113–115].

Очевидное влияние внешних (геополитических, геоэкономических, геокультурных) и внутренних социально-экономических, культурных факторов на стабильность и векторы развития неопатримониальных режимов является сложным, поливариантным. Здесь пока нет систематических исследований и надежных обобщений.

Общие теоретические соображения позволяют предположить, что стабильность режима укрепляется, когда его место в мировой политике и международном разделении труда (например, как надежного поставщика сырья) устраивает лидеров ядра глобальной мир-экономики (случаи Саудовской Аравии, Нигерии, Казахстана). Как всегда, высокий уровень внешнеполитического успеха и престижа способствует внутренней легитимности власти, укреплению режима.

Сложнее обстоит дело с военными победами и расширением геополитического контроля. Если раньше эти факторы однозначно повышали престиж правителей внутри страны, то теперь вмешивается момент международного признания оправданности, законности таких акций. Так, быстрая и в военном отношении блестящая победа США во 2-й Иракской войне по известным причинам не была признана оправданной международным сообществом, поэтому способствовала, скорее, дискредитации, а не триумфу Америки в мире. Во внутренней политике последующий провал республиканской партии на президентских выборах соответствовал паттерну дискредитации и отнюдь не привел к повышению престижа и легитимности власти.

Резонно полагать, что для неопатримониальных режимов действует та же закономерность, эффект которой может быть отсрочен, но не отменен монополией авторитарной власти на политическое информирование внутренней аудитории.

Этнополитическое отчуждение между населением, элитами разных регионов страны подрывает стабильность (перевороты и революции, вооруженные конфликты в Кыргызстане, Украине, Сирии, Ираке, Ливии). Трагический опыт прошлых революций, отсутствие убедительных политических альтернатив блокируют протестную активность, что способствует консервации режимов даже с высоким уровнем коррупции и злоупотребления властью.

6. Условия демократизации неопатримониальных режимов

Следует признать достаточно высокую устойчивость, приспособляемость тех неопатримониальных режимов, правящие кланы которых овладели широким спектром стратегий политического контроля: от манипулирования общественным мнением, создания псевдообщественных «палат», «фронтов» и подкупа до точечных репрессий, использования нелегитимного насилия сотрудничающих с властью криминальных и полукриминальных групп.

Не просматривается ни стимулов, ни причин для эволюции таких режимов в полноценную демократию. Возникающие кризисы, вплоть до тур-

булентности (массовых протестов), скорее, включают храповой механизм, усиливающий авторитаризм при блокировке обратного хода (см. выше). Даже в случае смены власти («цветные революции») наиболее вероятным сценарием оказывается не переход к демократии, а захват властных позиций новыми группами в сохраняющейся неопатримониальной логике, что ведет к последующему авторитарному закреплению их выигрыша⁹.

А. Фисун считает, что «ключевым конфликтом “цветных революций” является конфликт неопатримониальной бюрократии и рентоориентированных политических предпринимателей», когда по тем или иным причинам центр патронажной сети пытается упорядочить рентные потоки, что приводит к снижению лояльности и переходу части элиты на сторону оппозиции [Фисун, 2010, с. 180]. Такие явления могут происходить при общем сокращении ресурсных потоков (например, из-за ухудшения конъюнктуры сырьевых цен на мировых рынках). Политические решения и стратегии недовольной части элиты зависят при этом от соотношения надежд на укрепление позиций при победе протеста и угроз репрессий при поражении, соответственно, от оценки сил, энергии, сплоченности, привлекательности лидеров и идей, актуальной и потенциальной массовости поддержки как на стороне оппозиции, протестных движений, так и на стороне защитников режима.

Шанс (но отнюдь не гарантию) на демократизацию дает только глубокий социально-политический кризис режима, и то не всякий, а включающий сочетание целого ряда условий (см. также: [Коллинз, 2015, гл. 4; Розов, 2011, гл. 14]):

- причины провалов и неудач уже не удастся списать на внешних и внутренних «врагов», происходит делегитимация не только лидера и правящей группы, но базовых лозунгов, символов и принципов функционирования режима («так жить нельзя!»);
- политическую борьбу в разгар кризиса удалось удержать от крайних и затяжных форм насилия с практиками физического уничтожения противников; даже если насилие и жертвы имели место, они воспринимаются акторами как события, подлежащие преодолению и недопущению в политику, а не как «нормальные» и «эффективные» стратегии борьбы;
- центры силы победившей коалиции выходят за рамки прежнего неопатримониального «ядра» — клиентско-патронажной сети; не входившие в нее центры не могут стать ее новыми внутренними кланами (из-за внутренних установок, из-за опасности утратить поддержку), но

⁹ Ср.: «цветные революции как внешне, так и внутренне, могут быть лучше поняты не в качестве “демократических прорывов”, а именно как фазы открытого конкурентного противостояния в рамках более широкого режимного цикла, результатом которых является приход к власти оппозиционных сил» [Hale, 2005, p. 161]. В большой книге, посвященной неопатримониализму («патрональным режимам»), Генри Хейл подтверждает и развивает этот тезис своим детальным анализом кризисов и революций на постсоветском пространстве (кроме стран Прибалтики) [Hale, 2015, p. 178–240].

при этом достаточно сильны, чтобы не быть отстраненными от политики (как это случилось с «демократической платформой» в постперестроечной России);

- среди этих центров нет явно доминирующего, который сумел бы захватить контроль над главными административными (соответственно, силовыми, финансовыми, медийными) ресурсами; поэтому формируется «пакт элит»;
- центристские силы превосходят центробежные, т. е. геополитическая и геоэкономическая ситуация диктует участникам коалиции большие безопасность и выигрыш от сохранения единства, а большие риски — при отпадении от коалиции, «пакта элит»;
- в рамках этого «пакта» заключается в той или иной форме «договор о разоружении» (отказ от стратегий подавления соперников, устранения их из политического поля), а также принципы разрешения вопросов власти на основе выборов и разрешения конфликтов на основе права, что предполагает переучреждаемую независимую судебную систему, а также запрет на монополизацию и огосударствление СМИ;
- при строгом запрете на нечестную игру, фальсификации на выборах (с угрозой полной дискредитации нарушителей) каждый центр сил становится заинтересован в политической мобилизации своего потенциального электората, что разрушает «перегородки» важнейшего неопатримониального отношения ПО-4, способствует росту ответственности элит и их солидарности с поддерживающими их социальными группами, общей ориентации на выполнение формальных правил, а не на тайные межклановые договоренности;
- преодолевается центр-периферийный диссонанс по модели А (когда столица недовольна консервативной властью, выбранной провинциальным большинством), поскольку лидирующие в общественном сознании образованные слои столицы предпочитают стратегии политического просвещения и реванша на новых выборах попыткам переворота;
- преодолевается центр-периферийный диссонанс по модели Б (когда агрессивные сплоченные группы провинции вместе с реакционными силами в центре пытаются свергнуть прогрессистскую демократическую власть), поскольку благодаря восстановлению федерализма, децентрализации власти и финансовой системы политическая активность в каждом регионе сосредоточивается на местных проблемах и местных выборах;
- происходят как минимум два избирательных цикла со сменой власти по результатам выборов, причем с относительно благоприятным фоном геополитического престижа и экономического благополучия, что легитимирует уже сам принцип демократии и делает крайне опасными для любого актора попытки узурпировать власть.

Когда, в какой стране произойдет кризис достаточной глубины, приблизятся ли условия прохождения и разрешения кризиса к вышеуказанным, —

это вопросы политического прогнозирования, точность которого сильно зависит от владения эмпирическими данными и стремительно убывает при увеличении сроков прогноза. Поэтому внимание следует сосредоточить не столько на прогнозировании, сколько на мониторинге, интерпретации и моделировании текущей политической динамики с обнаружением открывающихся (и закрывающихся, увы) альтернатив и возможностей.

Именно этим целям служат проведенные теоретические рассуждения о структурных факторах динамики политических отношений и трансформации неопатримониальных режимов.

Теперь же обратимся к проблемам причин, динамики социально-политических кризисов и революций — главных угроз авторитарным режимам, в том числе неопатримониальным.

Часть II

Порядок в беспорядке: историческая роль, причины и динамика революций

Глава 4

Социальные революции, линии модернизации и смысл истории

1. Философия революций — угасающая тема?

Социальные революции не случайно являются излюбленной темой историков и социологов. Историю интересуют изменения, а социологию — социальные порядки. Ничто так ярко и драматично не изменяет социальные порядки как революции. Для синтетической дисциплины — исторической макросоциологии — революции всегда находятся в центре внимания, поскольку являются переломными моментами в развитии обществ — в социальной эволюции.

Научный подход к исследованию революций имеет свои преимущества, поскольку позволяет сосредоточивать внимание на конкретных деталях, последовательности событий, расстановке сил, характеристиках героев и противников революций, а в теоретическом плане — на моделях, закономерностях, механизмах конфликтной динамики, и при этом отвлекаться от таких щекотливых и смутных материй, как справедливость революционных идей и требований, (не)оправданность насилия, прогрессивность или регрессивность революций, наконец, место и смысл революций в мировой истории.

Наибольшее внимание исследователи уделяют причинам и движущим силам революций (драйверам, факторам, социальным группам, политическим акторам), а также их результатам¹. Несмотря на отсутствие полного согласия относительно причин революций, можно утверждать явный сдвиг от сугубо классовых и экономических схем (К. Маркс и его последователи), достаточно наивных психологизаторских концепций (типичные примеры: «психология толпы» Г. Тарда и «ущемление базовых инстинктов» по П. Сорокину) — к многофакторным и структурным теориям неовеберовского толка².

¹ См. обзоры классических и современных теорий революций в работах: [Голдстоун, 2006, 2015; Никифоров, 2008; Епархина, 2012; Коллинз, 2015; Шульц, 2017].

² Наиболее яркие и уже ставшие классическими работы: [Moore, 1966; Tilly, 1978; 2003; Goldstone, 1991; Коллинз, 1915; Скочпол, 2017].

Что касается самого революционного процесса, то здесь наиболее распространены две крайности: либо утверждается полная хаотичность, случайность протекания революции (популярны сравнения с бурей, неуправляемым водоворотом и проч.), либо авторы пытаются выстроить единую догматическую схему фаз протекания революций, причем каждая такая схема оказывается частной и рушится при расширении круга рассматриваемых случаев.

Сами революции всегда нагружены ценностями, идеями, идеалами, они играют исключительную роль в общественном развитии, и поэтому осмысление революций в философии истории и социальной философии не менее значимо, чем их научное изучение. Значительное философское внимание к восстаниям и революциям, начиная с Локка и Руссо, через Гегеля, Маркса, Бакунина, Кропоткина к Франкфуртской школе, Ханне Арендт сохраняется сейчас разве что в остаточных марксистской и анархистской традициях.

В либеральной и демократической мысли благожелательно оцениваются антикоммунистические, антиавторитарные революции, особенно мирные, «бархатные», настороженно или враждебно воспринимаются исламистские, антизападные и антикапиталистические революции, особенно с националистическими, этническими и расовыми идейными компонентами, но нет обоснованного, признанного общего осмысления природы и роли революций в мировой истории. В большинстве западных справочников тема «философии революций», как правило, сводится к пересказу идей все тех же Руссо, Гегеля, Маркса, Бакунина и Кропоткина, реже с добавлением Грамши, Лукача и Маркузе.

В данной главе попытаемся прояснить следующие моменты: определение социально-политических кризисов и революций, происходили ли революции в древности и средневековье, с какого времени и почему революции стали частыми и почти повсеместными, каким образом они связаны с модернизацией и ее линиями (автономными процессами) в контексте смысла истории, понятого как перманентное самоиспытание человеческого рода.

2. Социально-политический кризис и революция – определение базовых понятий

Любые политические режимы переживают неприятности, в том числе различные формы выражения недовольства населения властью и порядками, нелояльности элит, индивидуальных эксцессов, терроризма, групповых протестов, мятежей разного уровня массовости. Где провести границу, после которой интенсивность низовых протестов, недовольства и фронды элит уже следует квалифицировать как социально-политический кризис или революцию?

Воспользуемся классической тойнбианской схемой «вызов—ответ». Каждый сколько-нибудь серьезный протест представляет собой вызов для режима. Если стандартные ответные действия (подкуп, переговоры и уступки,

запугивание, репрессии и т. д.) гасят протест, то настоящего кризиса не возникает. Если же они приводят только к усилению протестов, росту недовольства властью и режимом, то следует говорить о наступлении социально-политического кризиса.

Теперь уже этот новый виток массового возмущения, конфликтности требует нового типа ответа от правящей группы. В зависимости от адекватности этого ответа кризис может быть подавлен, умиротворен, либо продолжится углубление кризиса, что уже чревато революцией.

Итак, *социально-политический кризис в государстве — это конфликтный период, когда низовые протесты и недовольство элит настолько сильны, что их не удастся погасить обычными действиями со стороны режима, поскольку они приводят к подъему и расширению протестов и недовольства.*

Сложнее дело обстоит с определением революций. Обилие дефиниций сделало бы их анализ большой самостоятельной главой (если не книгой). Поэтому оттолкнемся от двух определений, ставших классическими. Первое принадлежит Теде Скочпол, открывшей своей книгой *«Государства и социальные революции»* третье — структурное — поколение теорий революции; второе — ее ученику, признанному лидеру современного сравнительного изучения революций Джеку Голдстоуну; его определение сформулировано в книге *«Революции. Очень краткое введение»*.

«Социальные революции — это быстрые фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества; они сопровождаются и частично осуществляются низовыми восстаниями на классовой основе» [Скочпол, 2017, с. 25].

«Революция — это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [Голдстоун, 2015, с. 15].

В дефиниции Т. Скочпол сомнение вызывает признак «трансформация государственных и классовых структур». Свершившаяся радикальная революция (со свержением власти и государственным распадом, как после Октябрьского переворота 1917 г.) характеризуется не столько трансформацией, сколько разрушением институтов. Революции, завершившиеся уступками (как в Австрии, Пруссии 1848–1849 гг.), включают скорее появление новых институтов наряду с сохранившимися старыми.

Голдстоун в более ранней работе [Голдстоун, 2006] справедливо замечает, что в эмпирическое поле изучения революций неправомерно включать только успешные революции (со свержением власти, трансформацией институтов, государственных и классовых структур). Иными словами, революции могут происходить без смены власти, а могут быть вовсе провальными.

Также вызывает сомнение признак «во имя социальной справедливости». Если понимать «справедливость» в классовом, марксистском смысле, то из рассмотрения выпадают революционные события, связанные с религиозными, реформаторскими, антиколониальными, антиимперскими, нацио-

нально-освободительными, расовыми, антивоенными движениями. «Справедливость» в широком смысле, напротив, охватывает любые чаяния широких масс населения. Еврейские погромы, фашистские путчи, исламистские мятежи, избиения богатых и зажиточных, городских и образованных, будучи поддержаны массами, всегда включают смысловой компонент «справедливости», сколь бы мы ни считали его ошибочным или извращенным. По этой причине данный признак революции по Голдстоуну представляется излишним.

Признак «во имя ... создания новых политических институтов» также вызывает сомнение, поскольку протестующие отнюдь не всегда призывают к созданию институтов (например, парламента или независимого суда). В ходе революции или при завершении революции новые институты могут складываться или долго не складываться, часто без заметной связи с начальными революционными чаяниями и лозунгами.

Вообще говоря, понятия «государственных и классовых структур» по Т. Скочпол и «политических институтов» по Дж. Голдстоуну требуют уточнения. Такие структуры, институты, отношения, как армия, полиция, суд, органы верховной и исполнительной власти, наниматели и работники, собственники средств производства и лишённые таких средств, всегда остаются или возрождаются после завершения революций. Те же структуры и институты подвержены изменениям, иногда весьма быстрым (при реформах), и безо всяких революций. Что же считать главными элементами таких структур и институтов, трансформации которых имеют действительно революционный характер?

Подойдем к той же проблеме с другой стороны. Может ли политический режим после революции (даже подавленной) остаться тем же? Нет. Революция действительно предполагает существенную трансформацию режима. Но что именно в политическом режиме считать существенным? Многое ведь остается прежним. В ходе революции непременно переживают преобразование (трансформацию) отношения и устойчивые системы правил (институты) политического взаимодействия (см. типологию политических отношений в главе 2). Если такого превращения нет, то нет и революции. Кроме того, полезным является соотнесение революции с государством и социально-политическим кризисом (не бывает революций вне государства и без кризиса), и через кризис — с конфликтом как родовым понятием. Революция — это всегда острая стадия кризиса, отличительной чертой которой является реальная угроза свержения власти (удавшегося или нет).

Получаем следующее определение.

(Социальная) революция — это возможное следствие глубокого социально-политического кризиса государства с таким уровнем обострения конфликта, что из-за массовых протестов и восстаний верховная государственная власть испытывает реальную угрозу свержения, причем в ходе событий существенно преобразуется политический режим: отношения и институты политического взаимодействия.

Данное определение отнюдь не снимает проблемы отличия революций от нереволуций, но ставит конкретные проблемы операционализации и уточнения критериев. Так, для положительного решения о «реальной угрозе власти» следует учитывать целый комплекс явлений: бегство, попытки или планы бегства правителей из своих резиденций, захват составшими столицы или символически, функционально значимых правительственных зданий, явное падение лояльности столичного гарнизона, армейской и полицейской элиты.

Следует также провести границу между социальной революцией и политической революцией. Под последней обычно понимают либо достаточную радикальную «революцию сверху» (реформы Петра I, реформы Фридриха II, революция Мэйдзи [Скочпол, 2017]), либо переворот в верхах — свержение правящей группы другой элитной группой. В обоих типах случаев нет важнейшего компонента социальных революций — массовых протестов и восстаний.

Отнюдь не всякая социальная революция приводит к радикальным изменениям экономических отношений: таких изменений не было после европейских революций 1830–1831 и 1848–1849 гг., после Русской революции 1905 г., после революций Арабской весны 2011–2012 гг. В то же время понятия «политического режима» и «отношения, институты политического взаимодействия» следует трактовать гораздо шире, чем принадлежность верховной власти какой-то группе. Порядок представительства, избирательное право, полномочия различных институтов, правовые ограничения исполнительной власти, утверждение прав и свобод граждан, введение их судебной защиты — все это входит в политический режим и прямо относится к отношениям, институтам политического взаимодействия. Успешные социальные революции всегда ведут к существенным изменениям в этой сфере, даже когда свержения власти не было (опять же наиболее яркие примеры: развитие парламентаризма во Франции в результате Революции 1848 г. и введение парламентаризма в России Октябрьским манифестом 1905 г.).

3. Ритмы (не)стабильности и модель исторической динамики

Все менее серьезные проявления нестабильности — конфликты, напряженности, локальные протесты и мятежи, преодолеваемые, подавляемые стандартными действиями режима, — будем считать отчасти его нормальной жизнью, периодом стабильности, хотя те же проявления иногда бывают признаками назревания, предтечами, прелюдиями, репетициями социально-политического кризиса, чреватого революцией.

Поскольку наша задача — выявить порядок в беспорядке, зададим охватывающий контекст кризисов и революций. Таковым является историческая динамика, которая в рамках общества характеризуется ритмом перемены периодов стабильности и нестабильности. Рассмотрим соответствующую теоретическую модель (рис. 4.1).

Данная модель связывает между собой основные темы и концепции макросоциологии. Она является не только общей рамкой, но также удобным

и компактным способом сопряжения весьма обширного (и открытого для дальнейшего расширения) круга уже существующих более частных моделей и теорий. За каждым блоком (фазой) модели и за некоторыми переходами стоит свой набор моделей. Приведем краткое, далеко не полное перечисление с указанием только наиболее известных, классических концепций:

Фаза 1 «Социальная стабильность»: хозяйственные уклады, способы производства и формации по К. Марксу, социальные системы, структуры и функции по Б. Малиновскому и Т. Парсонсу, политические, социальные режимы как совокупности воспроизводящихся структур и рутинных процессов по Й. Гудсблomu и Ф. Спиру [Goudsblom et al., 1996; Spier, 1996], функционирование социальных и политических институтов в разных версиях неoinституционализма [Холл, 2006], представления об «обыкновенных состояниях» [Левада, 2006, с. 364–379].

Фазы 2 «Факторы исторической динамики», 3 «Вызов» и 6 «Кризис»: концепция вызовов А. Тойнби [Тойнби, 1991], модели перенаселенности и депопуляции как кризисогенных факторов в исторической демографии [Goldstone, 1991; Нефедов, 2005а; Турчин, 2007], всевозможные модели экономических циклов, кризисов и роста социальной напряженности [Шумпетер, 1995 и др.], модели социоестественной истории и экологических кризисов [Кульпин, 1992]; Карнейро, 2006], макроистория болезней и окружающей среды [McNeill, 1979; Crosby, 1986], геополитика и политический реализм в теории международных отношений [Ильин, 1997].

Фаза 4 «Ответ»: типология «ответов» по А. Тойнби, широкий спектр моделей рационального выбора, концепция QWERTY (предопределенность

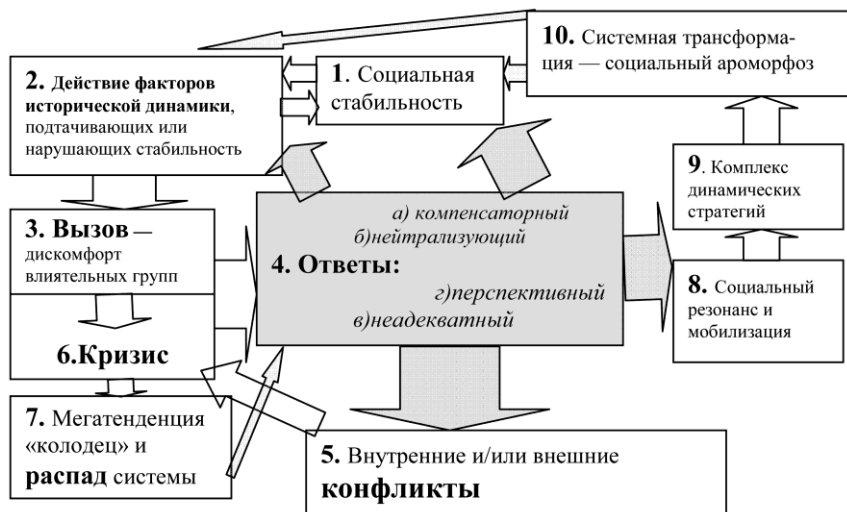

Рис. 4.1. Универсальная модель исторической динамики (детальное описание см.: [Розов, 2011, гл. 2])

выбора пути прежней траекторией — модель «колеи» [Цирель, 2005]), синергетические концепции бифуркации, концепции культурной и цивилизационной дивергенции [Даймонд, 2008, 2010].

Фазы 5 «Конфликты» и 7 «Мегатенденция “колодец”³ и распад системы»: концепции социальных конфликтов [Boulding, 1962], модели крушения империй [Kennedy, 1987; Tainter, 1988; Коллинз, 2015; Турчин, 2007; Даймонд, 2008], теории революции и государственного распада (К. Маркс, В. Ленин, Л. Троцкий, а также: [Moore, 1966; Goldstone, 1991; Tilly, 2003; Голдстоун, 2006, 2015; Скочпол, 2017]), представления о «возбужденных состояниях» [Левада, 2006, с. 364–379].

Фазы 8 «Социальный резонанс и мобилизация», 8а «Реформы» и 9 «Комплекс динамических стратегий»: концепции солидарности (Э. Дюркгейм), харизмы и легитимности (М. Вебер), эмоциональной энергии и интерактивных ритуалов (Р. Коллинз), модели групповой и массовой мобилизации (Ч. Тилли), концепции реформ и модернизации, теория динамических стратегий (Г. Снукс) [Коллинз, 2002, гл. 1; Collins, 2004; Snooks, 1996].

Фаза 10 Мегатенденция «лифт» — социальный ароморфоз: концепции смены формаций (К. Маркс), социальной эволюции [Карнейро, 2006; Sanderson, 1990], модернизации и перехода к постиндустриальному обществу [Белл, 1999], демократического транзита [Растоу, 1996; Пшеворский, 2000].

В социальном мире не бывает идеальной стабильности — беспроblemного воспроизводства всех прежних отношений и институтов при смене поколений. Нас интересуют четыре уровня (ступени) социальной нестабильности (рис. 4.2):

- а) *социально-политические кризисы*, которые могут быть преодолены без революции, здесь не действуют стандартные способы подавления протестов и восстаний, но еще нет реальной угрозы свержения власти;
- б) *революции без свержения прежней власти* (хотя такая угроза возникала), которые завершаются их подавлением или уступками;
- в) *революции со свержением власти*, когда после революционных, военных событий той или иной длительности устанавливается новый политический режим, но базовые структуры государственности и социальных порядков сохраняются;
- г) *революции с разрушением базовых структур государственности и социальных порядков* (распад контроля над насилием, собственности, правовых принципов, финансовой системы, рынков, правил, институтов политического и экономического взаимодействия).

Соотнесем элементы модели динамики (рис. 4.1) с указанными выше четырьмя уровнями нестабильности.

³ Мегатенденции — это совокупности тенденций (трендов), соединенных контурами положительной обратной связи. Мегатенденция «лифт» включает тренды роста и развития. Мегатенденция «колодец» — тренды падения и разрушения [Розов, 2011, гл. 2]. При средних вариантах либо положительные связи компенсируются отрицательными (стагнация, стабильность), либо контуры положительной связи работают то в одну, то в другую сторону (циклы подъемов и упадков, прежде всего в экономике).

Контур с последовательностью фаз 1–2–3–4–1 оставляет режим в рамках стабильности, поскольку компенсаторный ответ (подавление внешних признаков напряжения) или нейтрализующий ответ (устранение причин напряжения) восстанавливают прежнее состояние с порядком и достаточным комфортом влиятельных групп.

Когда причины напряжения не устранены (не было найдено нейтрализующего ответа), очередной стандартный ответ (часто — попытка силового подавления протестующих) ведут уже не к возврату к стабильности, а к эскалации конфликта и последующему кризису, на который правящим и влиятельным группам режима также необходимо давать ответ (контур 3–4–5–6–4).

При адекватном ответе кризис преодолевается и режим как политическая система возвращается к стабильности (3–4–5–6–4–1). Так были преодолены благодаря уступкам со стороны власти молодежные протесты в США и Франции 1968 г., которые имели статус глубоких кризисов режима, но не революций, поскольку реальной угрозы свержения власти не было. В России кризис 2011–2012 гг. также был преодолен вначале посредством некоторых политических уступок (возвращение губернаторских выборов, упрощение создания партий и др.), а затем с помощью репрессивных «блотовых» процессов.

Однако далеко не всегда власть отвечает на разразившийся кризис адекватным образом. Жесткие попытки подавления или запоздалые уступки, демонстрирующие слабость, вызывают дальнейшую эскалацию конфликта. Контур «неадекватный ответ власти → обострение кризиса → новый неадекватный ответ» (4–5–6–4) обретает характер спирали, подрывающей стабильность главных отношений, структур и институтов режима. Таких витков вряд ли должно быть много для достижения следующего уровня нестабильности — реальной угрозы свержения власти. Именно на этом уровне кризис обретает статус революции.

Не все революции приводят к свержению или радикальной смене верховной власти. Существенные уступки, такие как учреждение парламента, расширение избирательного права, назначение новых выборов с допуском на них ранее опальных лидеров или запрещенных партий, либо наоборот, реакция, авторитарный откат могут сохранить власть правящей группе, но существенно трансформируют политические отношения режима. Таковы были исходы революций в Пруссии и Австро-Венгрии в 1848–1849 гг., в Русской революции 1905 г., в «Пражской весне» 1968 г., на первом Майдане в Украине в 2004 г., в Алжире и Марокко в революциях 2011 г.

Наконец, нестабильность достигает самого глубокого уровня, когда вслед за свержением власти последующие события, отчасти целенаправленные, отчасти стихийные — следствия конфликтной динамики с насилием и войнами, — приводят к разрушению государственности и базовых социальных порядков: собственности, безопасности, обменов и рынков, денежной и банковской системы, судопроизводства и проч. Таковы следствия революций во Франции (1789–1815 г.), в Китае (1911–1949 гг.), в России (1917–1922 гг.), в Корее (1948–1953 гг.), на Кубе (1955–1966 гг.), в Камбодже (1968–1996 гг.), в Афганистане (с 1979 г.), в Сомали (с 1991 г.), в Сирии и Ливии (с 2011 г.).

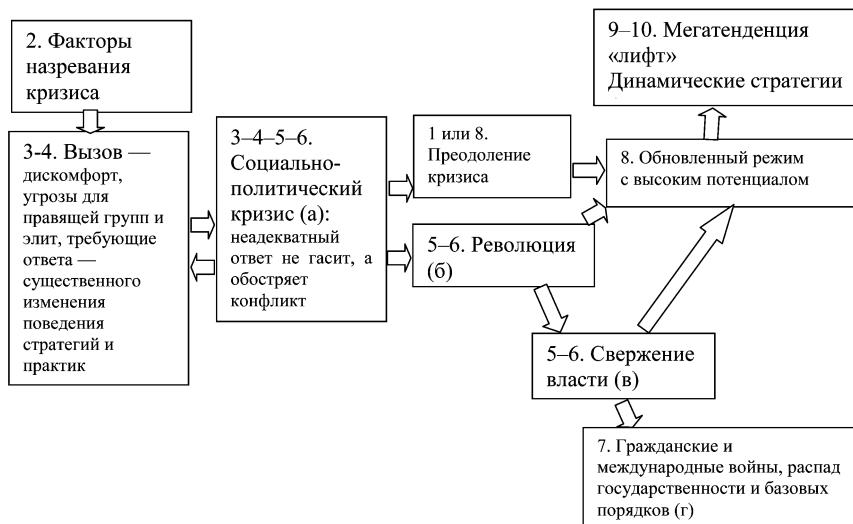

Рис. 4.2. Схема разветвляющихся последствий социально-политического кризиса. Цифры показывают соответствие с блоками в модели исторической динамики (рис. 4.1). Буквы в скобках означают ступени усугубления социальной нестабильности

4. Смысл истории как самоиспытание человеческого рода

Роль революций в мировой истории может быть понята и сформулирована только при наличии содержательного образа прошлого, настоящего и будущего человеческого рода — смысла истории.

Проблеме смысла истории была посвящена другая работа [Розов, 2016, с. 235–252], поэтому, опуская обоснования, представлю только результат проведенных рассуждений.

Мировая история предстает как *перманентное самоиспытание человеческого рода*, критерий успеха которого связан с обеспечением полноценной (защищенной, свободной, достойной, осмысленной) *жизни людей* при учете дефицита ресурсов и неустранимой конфликтности интересов.

Иными словами, смысл истории (то, что И. Кант называл «планом Природы» [Кант, 1994]) состоит в поиске и построении таких структур взаимодействия между людьми, способов нашего существования в природном окружении, которые сделали бы возможной полноценную жизнь для каждого человека в каждом поколении при условиях сосуществования обществ, групп с широким разнообразием стремлений, когда ресурсы ограничены, население растет, потребности людей возрастают, а интересы сталкиваются.

Так понятый смысл истории вполне соответствует идее и принципам *гуманизма*, но с упором на труднейшие задачи построения социальных и технологических систем с вышеуказанными требованиями относительно жизни каждого индивида, причем через *преодоление* перманентных и крайне

неблагоприятных препятствий для этого (от группового, национального, классового, сословного эгоизма, неизбежной конфликтности, соблазнов применять насилие — до дефицита ресурсов). Поэтому идейным основанием данной версии смысла истории является *гуманизм преодоления*. Такая позиция во многом перекликается с известными версиями «светского», «планетарного», «универсального», «глобального» гуманизма, с этикой не-насилия [Гусейнов, 1992; Kurtz, 2000; Чёрный, 2003; Гивишвили, 2009].

Различие состоит в том, что *гуманизм преодоления* не претендует на универсальную идеологию для повсеместного распространения, тем более для дискредитации каких-либо религий, верований. Вместо этого скромное признание неизбежности широкого разнообразия ценностных систем, в том числе религиозных, сочетается здесь с упором на необходимость через формальные правила и институты последовательно преодолевать главные препятствия мирного сосуществования сообществ разного масштаба — для свободной, достойной жизни каждого человека, во что бы он ни верил (обоснование соответствующей этики ценностного сознания см. в книге [Розов, 1998, раздел 2.1]).

Последующее рассуждение привело к результатам, в которых актуализируется классическая пара Фердинанда Тённиса *Gesellschaft* (социальные системы с холодными, безличными отношениями, основанными на формальных правилах и нормах) и *Gemeinschaft* (сообщества с теплыми, личными отношениями, основанными на солидарности, доверии, неформальных правилах).

Главным историческим испытанием оказывается *способность обществ создать и «настроить» такие большие Gesellschaft* (системы городского и регионального управления, государства с их учреждениями, международные структуры и союзы разного рода), которые предоставляли бы наиболее благоприятные условия для развития *разнообразных малых Gemeinschaft*, обеспечивающих, полноценную жизнь индивидов. При успехе испытания крупные *Gesellschaft* ответственны за поддержание таких правил взаимодействия малых *Gesellschaft* и *Gemeinschaft* с природным окружением (от потребления вещества и энергии до утилизации отходов) и между собой, чтобы всевозможные социальные и природные угрозы приводили к минимальному ущербу для жизни людей, к их свободе, достоинству, ценностям.

Все без исключения революции являются *испытаниями*, поскольку революционеры и восставшие жаждут справедливости, достоинства, проявляют, как могут, свою свободу, уверены, что их действия, поступки, риски, жертвы осмысленны, надеются на успех, хоть и далеко не всегда его достигают.

Способствуют ли революционные повороты успеху главного испытания человеческого рода (смыслу мировой истории) или подрывают его?

5. Когда начались первые революции

Поскольку революции связаны с ослаблением, распадом, трансформацией политических режимов в государствах, нет смысла говорить о революциях в догосударственные периоды (варварства с племенами, вожествами). В ту эпоху магистральным путем политической эволюции было терри-

ториальное расширение, соответствующее усложнение военной организации, административных и фискальных структур. Тогдашние социально-политические кризисы либо приводили к смене вождей, правящих кланов, либо завершались распадом, внешними завоеваниями.

Историки, как правило, настаивают, что первая революция случилась в Нидерландах в 1566–1609 гг., тогда как называть «революциями» прежние восстания, мятежи, даже со сменой власти и существенными реформами, дескать, «не принято».

Здесь действует негласное правило и не вполне осознанное предубеждение: не называть давние явления прошлого терминами, которые появились существенно позже этих явлений. На самом же деле это правило постоянно нарушается: о древней металлургии, о вождествах-чифдах, о доместикации животных и растений, об ирригационных системах, о сакральных комплексах, о профессиональном образовании, об аппарате принуждения и многих иных феноменах антропологи и историки говорят вполне свободно, несмотря на гораздо более позднее происхождение всех этих терминов в сравнении с самими явлениями. Поэтому и о революциях как исторических событиях, происходивших задолго до появления термина «революция»⁴ в современном значении, можно и нужно говорить, лишь бы имело место соответствие заданным в определении признакам.

В отличие от историков макросоциолог Дж. Голдстоун уверенно говорит о многих революциях в глубокой древности, начиная с крушения Древнего царства в Египте:

«Фараон терял власть, которая переходила к местным магнатам, и, когда центральное правление ослабло, люди начали нападать на дома богачей и захватывать их имущество. Магистратов изгоняли из канцелярий, а дворцы грабили. Древний папирус, описывающий это событие, повествует, как, посреди голода и разрухи, пал общественный строй: “Бедняк полон радости. В каждом селении говорят: ‘Свергнем начальников среди нас...?’ Теперь сын знатного человека ничем не отличается от того, у кого нет такого отца... Смотрите, обладатели мантий [теперь] в лохмотьях, [а] у того, кто просил подавание, наполненные до краев чаши... Царя прогнали нищие”. Местные олигархии пришли к власти и правили более ста лет, пока новый фараон не основал первую династию Среднего царства» [Голдстоун, 2015, с. 64–65].

Далее Голдстоун упоминает множество революций в греческих полисах, считает, что установление республиканского правления в Древнем Риме произошло также благодаря революции, свергнувшей власть этрусских царей. Важным моментом является массовое возмущение несправедливостью правителей, а также ослабление власти, переход части элит на

⁴ Сам термин «революция» стал распространенным благодаря знаменитому труду Николая Коперника («De revolutionibus orbium coelestium» — «О вращении небесных сфер», 1543 г.) и стал прилагаться к социально-политическим пертурбациям, начиная с реставрации Стюартов, 1660 г. и «Славной революции», 1688 г.

сторону восставших и значимость внешнего вмешательства. Проблемным остается такой важный признак, как «существенное преобразование отношений и институтов политического взаимодействия». В некоторых случаях, например, когда монархия сменяется республикой или олигархией, на смену аристократии приходит демократия, а на смену демократии — тирания, этот признак имеет место, но чаще одна правящая группа (династия) сменяется другой.

Систематическое сопоставление определения революции с сотнями случаев кризисов, народных восстаний и смены верховной власти в государствах известной мировой истории — масштабная задача, явно не для данной главы и книги. Укажем только на два ярких случая, однозначно попадающих под определение «социальной революции» и произошедших задолго до Нового времени.

Первым является восстание афинян против тирании, затем против захвативших Афины спартанцев, результатом чего стали реформы Клисфена, установившие демократию, новые принципы управления и гражданства (традиционно датируется концом VI в. до н. э.).

Второй случай — восстание пополанов («народа», а точнее — горожан) в Риме 1347 г. под предводительством Кола ди Риенцо, который, захватив власть, провел многочисленные реформы, в том числе с помощью городской милиции «смирил баронов, обеспечил отправление правосудия и на первое время установил хорошее правительство»⁵. Отметим, что в словаре Брокгауза и Ефрона эти события прямо и смело названы «революцией».

6. Контекст социальной эволюции

Согласно моделям структурирования мировой истории [Структуры истории, 2001; Дьяконов, 1994; Розов, 2002, гл. 5], последующие фазы включают *раннюю государственность* (королевства со структурой властных позиций, автономной от родства и воспроизводимой при смене поколений), *зрелую государственность* (империи, политические союзы торговых городов, государства с развитой, функционально разделенной центральной бюрократией, профессиональной армией, системой образования как минимум двух ступеней) и *сквозную государственность* (режимы с распространением бюрократического учета, контроля, фискальных, рекрутских, образовательных и прочих служб до каждого подданного или гражданина) [Кревельд ван, 2006; Тилли, 2009б].

Оставляем открытым вопрос о революциях в обществах ранней государственности. С теоретической точки зрения традиционная патримониальная структура их политического устройства не предполагает существенной трансформации отношений и институтов. Скорее всего, при свержении власти, даже при участии массовых восстаний, просто менялись правители, их кланы и династии, что не дает возможности трактовать такие события как революции.

⁵ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в 86 томах. Статья «Риенци. Кола ди Риенцо».

Характерно, что общества указанных выше случаев революций — классические Афины и средневековый Рим — по многим признакам относятся уже к типу зрелой государственности, что вполне соответствует множественности, сложности и артикулированности реформ, проведенных в постреволюционные периоды Клизфеном и Кола ди Риенцо соответственно. Более того, демос, поддерживавший Клизфена, и пополаны, повелившие в ди Риенцо, — это были свободные горожане среднего достатка (те же мещане, бюргеры, буржуа), т. е. сословие, которое будет главной социальной основой революций вплоть до первой трети XIX в. (когда эта роль стала переходить к рабочему классу).

Отнюдь не случайно волны революций охватывают Европу в начале перехода от зрелой к сквозной государственности. Таковы восстания вкупе с религиозными войнами периода Реформации, которые включают уже несколько успешных революций, — там, где победили протестанты. В конфликтах XVI в. и первой половины XVII в. как раз формировались первые «абсолютистские» режимы (в Испании, Франции) и первые новременные демократии (в Нидерландах, Швейцарии). Они и были провозвестниками наступающей эпохи сквозной государственности.

Если в XVI–XVII вв. настоящие революции (согласно данному выше определению) происходили только в некоторых странах Западной Европы (германские государства, Нидерланды, Англия), то начиная с «Атлантической волны» (Американская и Французская революции конца XVIII в.) весь XIX в. и весь XX в. полны революциями уже почти по всему миру (см. главу 11). «Арабская весна» 2011–2012 гг., продолжающиеся конфликты и войны в Ливии и Сирии, а также известные события в Грузии, Украине, Кыргызстане, Таиланде, Боснии, Венесуэле показывают, что в XXI в. глубокие социально-политические кризисы и революции отнюдь не прекратились.

В плане больших структур мировой истории многие революции происходят в основной период сквозной государственности и при этом существенно меняют режимы. Значит, для понимания их исторического смысла нам требуются более тонкие различия, уже внутри самой эпохи сквозной государственности при первых порывах к модернизации⁶. Следует соотнести главные составляющие модернизацию процессы (векторы, линии) с представленной выше версией смысла истории — и с этих позиций оценить вклад революций. Особое внимание будет уделено насилию как главному фактору в социальных взаимодействиях, наносящему прямой ущерб жизни, свободе и достоинству человека.

7. Революции и пять линий модернизации

Под *модернизацией* здесь будем вслед за Р. Коллинзом понимать совокупность следующих относительно долговременных линий — автономных исторических процессов [Коллинз, 2015, гл. 4–5]:

⁶ О связи революций с модернизацией см. [Хантингтон, 2004; Коротаев и др. 2017].

- *бюрократизация* (рост и разветвление государственных структур, берущих на себя функции прежних традиционных — патриимониальных и общинных — институтов);
 - *секуляризация* (вытеснение церкви и религии с центральных позиций в сфере культуры, морали, легитимации власти, образования и проч.);
 - *капиталистическая индустриализация* (распространение машинного производства при использовании открывающихся рынков капитала, земли и рабочей силы);
 - *демократизация* (развитие коллегиального разделения власти, конституционализма и расширение избирательного права).
- В дополнение к теме секуляризации добавим еще один момент:
- *рост творческой свободы в культурном производстве*, ведущий к беспрепятственному обновлению стилей и жанров (авангардизму в широком смысле), когда происходят частичные возвраты к прежним традициям, их синтез, рефлексия над ними, ирония, но не ригидное окостенение канонов.

Модернизация, с одной стороны, «пробивала себе дорогу» через революции, с другой стороны, вела к международным и внутривнутриполитическим кризисам, к войнам, к соответствующему ослаблению и делегитимации государств, что способствовало революциям, которые либо вели к дальнейшей модернизации обществ, либо сталкивали их в контрмодернизацию по одной, нескольким или даже по всем линиям.

8. Бюрократизация — стержень модернизации

Бюрократизация как проникновение государственных структур и порядков в недра общества обычно замещает прежние традиционные институты патриимониального (формирующегося вокруг «больших домов», поместий) или общинного (внутри родственных кланов, крестьянских миров, городских соседств, каст, сословий) характера⁷.

Бюрократизация европейских обществ Нового времени как начало перехода к эпохе сквозной государственности представляет собой неуклонное усиление и расширение роли формальных *Gesellschaft*, вытесняющих традиционные патриимонии (роды, кланы), личные патрон-клиентские отношения, локальные соседские общины, всегда имевшие много свойств неформальных *Gemeinschaft*. Этим определяется принципиальная двойственность бюрократизации в отношении смысла истории как испытания.

Огромное множество взаимодействий индивидов и групп может регулироваться безличными формальными правилами, поддержанными государственной бюрократией, в том числе правоохранительной системой, единой системой судов. Появление систем международной безопасности (начиная с Вестфальской системы 1648 г.) хоть не прекратило войны, но позволило ограничить их ведение какими-то принципами и рамками. Таким образом, бюрократизация выстроила весьма солидный фундамент для успеха исторического испытания.

⁷ Ср. [Кревельд ван, 2006, с. 161–179].

При этом бюрократия была выращена, а затем стала расти сама, подминая под себя прежние традиционные структуры, отнюдь не для свободы, счастья и благополучия населения⁸. Изначально бюрократизация была инструментом геополитической конкуренции великих европейских держав, а затем бюрократические принципы и практики показали свою эффективность почти во всех сферах жизни обществ: от систем образования и здравоохранения до тоталитарного контроля над умами и массовых репрессий.

Нет сомнений, что всегда бюрократизированные *Gesellschaft* насущно необходимы для успеха исторического испытания, но также очевидно, что сами они должны быть существенно ограничены там, где препятствуют свободе, достоинству и осмысленной жизни человека. Вмешательство государственной или международной бюрократии в частную жизнь индивидов, в семьи, в любые *Gemeinschaft*, в свободное общение и между ними может быть оправдано, только когда необходимо защитить те же жизнь, здоровье, достоинство человека. Несколько сложнее стоит вопрос с бюрократическим регулированием обменов и рынков (экономических и не только), которые, между прочим, также являются проявлением свободного общения между людьми. Здесь оправданием вмешательства служат защита участников от жульничества, а также вечные фискальные мотивы. Допустимые рамки вмешательства в демократических обществах устанавливаются как результаты парламентского торга и ротации власти.

С этих позиций рассмотрим (весьма пунктирно, разумеется) историю бюрократизации и роль революций в ней.

9. Революция и бюрократия: те, кто рождают и губят друг друга

Поскольку революции ставят под вопрос государственные устои, а бюрократия является стовым хребтом государства, отношения между бюрократией и революцией всегда имеют первостепенную значимость. Революции возникают при слабости и провалах государственной бюрократии, а побеждают при падении легитимности власти, при недостаточной лояльности, мощи ее силовых структур, их решимости защищать режим.

Сутью «абсолютизма» было расширение функций и полномочий центральной бюрократии (тогда — королевской администрации) за счет захвата, отвоевания политических, силовых, экономических, символических ресурсов у землевладельческой аристократии. В XVIII в. абсолютистскими становятся крупнейшие и сильнейшие европейские монархии, в число которых вошли Швеция, Россия, Пруссия и Австрия.

Однако все эти события и процессы оставались в рамках формативного периода эпохи сквозной государственности. Что же стало началом основного периода — триумфа обществ данного типа? Что привело к уверен-

⁸ «Возникнув как инструмент, позволивший монархам стать абсолютными властителями, государство зажило своей жизнью. Как некий апокалиптический монстр, оно нависло над обществом, а затем подвергло это общество процессу уравнивания, ранее не виданному в истории человечества» [Кревельд ван, 2006, с. 231].

ному победному шествию образцов новой эпохи не только в одном регионе, но и во всем мире?

Здесь открывается смысл величия Французской революции, а также оправданности титула «великий» для Наполеона Бонапарта.

Идеи нации, гражданства, гражданского равенства стали широко распространяться со времени Французской революции. Поскольку сословия были отменены, ни аристократии, ни духовенству нельзя было доверять дел нации. Для этого стало необходимым большое, разветвленное, всепроникающее государство. Именно в данном пункте прежние абсолютистские институты и практики соединились с республиканскими и демократическими преобразованиями.

Наполеон стал великим в масштабе истории не талантами военачальника, но внушительными успехами в государственном строительстве. Он хоть и вернул страну от республики к монархии (став императором), но сумел за короткое время с помощью талантливых помощников выстроить настолько разумную и эффективную для того времени государственную систему, что даже полностью проиграв в военном и политическом аспекте, сделал французское государство образцом почти для всей Европы. Достаточно указать на роль «Наполеоновского кодекса» для законодательства множества других стран, в том числе России.

Затем в XIX в. через конкуренцию и взаимное подражание европейских держав, через продолжавшуюся колонизацию остального мира образцы сквозной государственности стали распространяться повсеместно.

В XX в. победа коммунистического режима в Российской империи и фашистских режимов в Италии, Испании, Германии, хоть и носила антидемократический характер, но в плане роста вездесущности государства, бюрократической подконтрольности поведения граждан эти режимы продвигались в том же направлении, особенно в периоды расцвета тоталитаризма.

Национально-освободительные революции, распад колониальных империй в 1960-х гг., последующие «бархатные» революции, распад «социалистического лагеря», СССР, Югославии с появлением десятков новых государств не сократили, а напротив — увеличили число, величину и амбиции национальных бюрократий.

Как видим, триумфальное шествие бюрократизации по планете во многом обязано революциям. Но и сами революции совершаются при разложении, ослаблении бюрократий, способствуют их распаду, а затем при восстановлении государства победившие лидеры учреждают новые бюрократии. От чего же зависит их качество?

10. Бюрократия и насилие до и после революции

Выбор правителем (правлящей группой) задач и способов действия бюрократии (в том числе силовой) подчиняется общему закону оперантного обусловливания [Скиннер, 1986]: он расширяется при успехе (положительном подкреплении) и сокращается, ведет к попыткам найти альтернативные способы действия при неудачах (отрицательном подкреплении).

В революционные периоды, когда ослаблены или разрушены сдерживающие политическое насилие факторы (независимый суд, сопротивление оппозиции, влиятельных социальных групп и проч.), данный закон действует особенно надежно. Так, если тайные операции, политические убийства, массовые репрессии и казни в какой-то сфере показали руководству «успешность», то те же способы действия вполне закономерно будут расширяться и переноситься на другие сферы. В этих условиях любая реальная оппозиция становится незаконной, что ведет к радикализации, последующим кризисам, чреватых революцией, а также накладывает отпечаток на установки протестующих. Чем сильнее революционные лидеры и массы отчуждены от бюрократических структур и их представителей, тем выше уровень взаимного насилия следует ожидать при обострении конфликта.

Характер постреволюционного режима в значительной мере зависит от установок захватившей власть группы. Революционные идеалы больше связываются с низовым самоуправлением, защитой от государственного вмешательства, если есть сильные традиции и успешные образцы соответствующих локальных и автономных экономических институтов (например, в рамках городского самоуправления).

Если же таких традиций и институтов нет либо они считаются новой революционной властью враждебными задуманным социальным преобразованиям, тогда следует ожидать усилий по их разрушению и роста новой — уже постреволюционной — бюрократии, а также попыток распространить желаемые порядки на всю толщу жизни общества, вплоть до тотального контроля сознания и поведения каждого (таковы были случаи «социалистических» революций в России, в Северной Корее, на Кубе, в Камбодже).

Если бюрократизация имеет двойственный характер относительно успешности исторического испытания, то революция доводит эту двойственность до самых крайних пределов. Тогда как в некоторых постреволюционных режимах (Нидерланды, Великобритания, США) бюрократия была более или менее поставлена под контроль разделением властей, системой демократического представительства, свободной прессой, во многих других случаях (особенно в «социалистических» и «исламских» революциях) постреволюционные режимы стали диктатурами, где вся мощь бюрократического контроля направлена на развитие тоталитарных практик, а саму бюрократию правительствам приходится дисциплинировать регулярными «чистками».

Подтверждается давняя мудрость о том, что в коренных преобразованиях следует стремиться не к установлению Рая на земле, а к недопущению Ада. Как ни странно это звучит, успех революций в плане исторического самоиспытания человечества определяется скромностью их амбиций в установлении «всеобщего равенства, братства и счастья».

11. Закономерности динамики секуляризации

Секуляризация, по сути дела, есть лишение церкви монополии на духовную, культурную, моральную, символическую сферу, лишение ее статуса главного легитиматора власти, политической системы и социальной

иерархии. Идейным основанием секуляризации являются принципы свободы совести, веротерпимости и толерантности⁹.

В мире существует и, вероятно, всегда будет существовать огромное разнообразие религий, конфессий, сект, а также различных версий духовных, мировоззренческих, моральных течений, в том числе атеистических. Соответствующие малые локальные сообщества (приходы, общины, уммы, кружки), как правило, принадлежат типу *Gemeinschaft*, поскольку основаны не только на вере, убеждениях, но также на личных связях, доверии и солидарности. Сами эти общины являются выражением человеческой свободы¹⁰, поэтому секуляризация, в отличие от бюрократизации, вполне однозначно способствует успеху самоиспытания человечества как смысла истории.

Секуляризация и возникающий рано или поздно контрпроцесс десекуляризации прямо зависят от устройства доминирующей церкви, ее наднационального или национального характера, основного способа получения экономического дохода, характера отношений с властью, элитами, широкими массами и протестными группами.

Если церковь тесно связана с властью и элитами, участвует явно или неявно в поддержке эксплуатации, подавлении низших классов и сословий, то следует ожидать антиклерикальной направленности революционной идеологии, радикальной секуляризации при победе революции либо жесткой клерикализации режима при победе реакции.

Яркими примерами здесь служат Великая Французская революция и Реставрация. Новые национальные государства неуклонно расширяли бюрократическое проникновение в соответствующие общества, где сталкивались с локальными традиционными устоями и церковью. Отношения бюрократии и церкви могли быть более конфликтными (как во Франции и Германии) или менее конфликтными (как в Англии и США), но везде церковь, укорененная в старых режимах и элитах, по понятным небескорыстным мотивам была склонна поддерживать имущие классы, поэтому при обострении классового конфликта низовые движения нередко обретали антиклерикальный характер.

Если же церковь или религиозные общины отделены от государства, встроены в повседневную жизнь широких слоев населения, оказывают помощь беднейшим, особенно если правящая группа и элиты принадлежат к разным вероисповеданиям, подчеркивают отделенность власти от религии и церкви или даже принуждают к атеизму, тогда протестные и револю-

⁹ Следует отметить, что принудительный государственный атеизм противоречит этим принципам, поэтому является продуктом контрмодернизации наравне с десекуляризацией — клерикализацией общества и государства, т. е. проникновением церкви в школы, университеты, армию и полицию.

¹⁰ Разумеется, есть религиозные сообщества, как правило, закрытые, в которых явно нарушаются права, свобода, достоинство, даже здоровье человека: скопчество, тоталитарные секты, — где используются истязания, принудительное обрезание малолетних, монастырские практики систематического унижения, изнурительных «послушаний» и проч. Это как раз те случаи, когда внешние формальные *Gesellschaft* (государство, международные организации) должны вмешиваться в малые *Gemeinschaft* для защиты индивидов.

ционные движения включают религиозные настроения, идеи, лозунги и могут обретать форму сект, религиозного обновленчества или борьбы за освобождение гонимой и подавляемой веры.

Свидетельством этого тезиса служит множество исторических явлений: от роли хилиазма в крестьянских войнах в Германии, в Английской революции, от антипапской Реформации XVI–XVII вв., католического компонента в освободительной борьбе Ирландии, в бархатных революциях в Венгрии и Польше 1989 г. до исламской революции в Иране 1979 г., участия «Братьев мусульман» в Египетской революции 2011 г.

Уровень насилия в революционный и постреволюционный периоды зависит (кроме прочего) от общности или разделенности конфликтующих сторон в конфессиональном аспекте, от остроты борьбы между атеизмом и религией. Внутри общей веры насилие, как правило, более или менее ограничено, тогда как разделенность и наличие застарелых религиозных конфликтов провоцируют эскалацию насилия, достигающего максимума в форме террора или геноцида.

Революции, таким образом, могут как вести к секуляризации, так и оборачивать ее вспять. Растет или сокращается свобода совести в новом режиме по сравнению со старым — таков не единственный, но простой и надежный способ определения того, соответствует или противоречит революция успеху исторического испытания.

12. Авангардизм и традиционализм в культурном творчестве

Авангардизм понимается здесь как преобладающая направленность на новизну, небывалое и необычное в производстве образцов, продуктов культуры. Традиционные каноны и соответствующие культурные запреты, разумеется, противоречат принципу свободы, и в этом плане авангардизм как компонент модернизации соответствует успеху испытания. Однако приверженность традициям, неприятие новшеств остаются весьма распространенными, они характерны для очень многих людей, которые имеют полное право иметь такие культурные установки.

Поэтому революционное «сбрасывание с корабля современности», тем более запреты на старые книги, старое искусство уже противоречат смыслу исторического испытания.

Авангардизм появляется и растет, когда разрушаются прежние традиционалистские рамки, ограничения, поддерживающие их институты, когда появляются новые социальные группы и слои, которые самоутверждаются, обретают свою идентичность не через подражание прежним канонам культурного потребления, а через их отрицание и следование новым образцам.

Традиционализм преобладает, когда легитимные и доминирующие в культурной сфере правящий класс и элиты утверждают свое достоинство через следование канонам, поощрение их в производстве и потреблении культуры, ограничивают, подавляют авангардные течения — знамена опасных мятежных движений и угрозу нарушения порядка, «поругания святынь».

Если при старом режиме ограничивались или подавлялись новые, необычные течения, бросающие вызов устоям, то после победы революции

следует ожидать период расцвета авангардизма. Таковы были рождение романтизма, отвергнутого каноны классицизма после Французской революции, быстрая смена художественных стилей во Франции после Парижской коммуны, «Серебряный век» в 1910-е гг. в России, расцвет авангарда 1920-х гг. в СССР и Германии, в постреволюционные десятилетия в Мексике.

Когда же при консолидации нового режима правящие элиты получают монопольный контроль над культурным производством, то вероятны либо установление новых канонов, либо возврат к тем дореволюционным образцам, приверженность к которым считается элитами в наибольшей мере легитимирующей их власть и привилегии: таково было утверждение «социалистического реализма» и «сталинского классицизма» в 1930-е гг., таковой была и культурная политика Ирана после исламской революции.

Итак, лучшей позицией в отношении культурного творчества со стороны революционных лидеров и победителей опять-таки является скромность: ничего из старого не запрещать, но также ничего нового и ничего старого не навязывать в качестве принудительного канона. Наряду с отношением к свободе совести такой критерий исторической оценки революций также весьма полезен.

13. Эффекты капиталистической индустриализации

Индустриализация означает, прежде всего, гораздо более интенсивное потребление человеческими обществами природных ресурсов благодаря использованию машин и преобразованной энергии. Технический прогресс, будучи важнейшим компонентом модернизации, отчасти облегчая, отчасти рутинизируя труд, имеет хорошо известные негативные экологические следствия: от истощения ресурсов до деградации и загрязнения природного окружения. Как индустриализация, так и современные информатизация и роботизация нейтральны в отношении исторического самоиспытания человеческого рода: при разных социальных условиях и политических режимах они могут служить как росту, утверждению свободы, достоинства, осмысленности жизни людей, так и их подавлению.

Нет сомнений также в двойственной роли главных черт капитализма — системы производства товаров и услуг благодаря заемным средствам в условиях более или менее открытых рынков капитала, земли и рабочей силы. С одной стороны, высвобождение из сословных рамок, запрет на рабство и крепостничество, поощрение банковского дела по контрасту с прежней дискриминацией ростовщиков, расширяющийся доступ к земле как основе любого материального развития могут способствовать росту свободы, равенства, достоинства людей. С другой стороны, они открывают возможности безудержной эксплуатации, ведут к росту и закреплению социального неравенства — таковы классические претензии К. Маркса к капиталистическому обществу, которые, увы, не устаревают ни в национальном, ни в международном (геоэкономическом, миросистемном) масштабе.

Неслучайно наиболее бурно индустриализация стала разветвляться в постреволюционных Нидерландах и Англии. Так называемые буржуаз-

ные революции, устраняя сословные, цеховые рамки, открывали рынок труда, приводили к взрывному росту бирж и банков, давали возможность третьему сословию участвовать в государственном управлении. Ранний капитализм при этом был полон напряжений, дисбалансов, жестокой эксплуатации, которые вели к новым кризисам и революциям нового «пролетарского» — антикапиталистического — типа.

Индустриализация обычно сопровождается урбанизацией — массовым перетоком сельского населения в города. Новый класс рабочих оказывается изъятым из прежнего жизненного уклада, контролируемого союзом церкви и землевладельческой знати. Концентрация рабочих в городах, рост эксплуатации, социальные напряжения, а также сохранение актуальности, популярности революционного дискурса привели к распространению радикальных идеологий, волнам революций 1830, 1848–1849, 1870 гг., к существенным уступкам со стороны «старых режимов» и развитию парламентской демократии в ведущих западных государствах.

Развитие международных рынков сельскохозяйственной продукции ударило и по крестьянам, причем не столько из-за флуктуации цен, сколько из-за заинтересованности авторитарных правительств в экспорте, выигрыше за счет разницы во внутренних и внешних ценах благодаря разным формам принуждения, эксплуатации сельского населения.

Политические и экономические элиты в обществах, находящихся в ядре мир-экономики (по И. Валлерстайну) и уже имеющих парламентскую систему, сталкиваясь с сильным рабочим движением, с крестьянскими бунтами, обрели эффективные инструменты их «замирения» как через повышение заработной платы и закупочных цен, так и через расширение избирательного права. Традиционные монархии, находящиеся в полупериферийной части мир-экономики (в том числе Российская империя), продолжали делать ставку, скорее, на силовое подавление. Буржуазия в таких обществах оставалась не консолидированной, не выработавшей солидарного чувства ответственности за политическую стабильность и не склонной поступаться прибылью для умиротворения недовольного рабочего класса и крестьянства. Важную роль играла также интенсивность проникновения революционных идеологий в низы общества.

Режимы, установившиеся после победивших антикапиталистических революций, а также фашистских переворотов с массовой низовой поддержкой, обычно пытались начать ускоренную индустриализацию, особенно в области производства вооружений. Широкие образовательные программы, большое внимание этих режимов к науке и технологии вполне соответствуют вектору модернизации.

Для коммунистических режимов была чужда открытость рынков капитала, земли и труда. Фактическая государственная монополия на землю, природные ресурсы, подавление политической и экономической свободы, тем более прикрепление рабочих к заводам, крестьян к колхозам означают крайнюю степень падения в аспекте обеспечения свободной и достойной жизни граждан.

В фашистских режимах открытость рынков и значительная степень экономической свободы сохранялись, но их эффект с лихвой перекрывался внешней агрессией, практиками репрессий и геноцида.

Близкие к революциям социально-политические кризисы в странах Запада 1968–1969 гг., особенно во Франции и США, выразившиеся в анти-военных протестах, в молодежных выступлениях с левыми, даже коммунистическими идеями, в движениях за расовое и гендерное равенство, не отменили главные черты капитализма, но способствовали совершенствованию *Gesellschaft* — системы формальных норм, смягчавших его негативные стороны.

Дальнейшее развитие капитализма с бурным ростом информатизации и роботизации, глобализацией рынков рабочей силы ведет к новым напряжениям, связанным уже с проблемами занятости. Сумеют ли главные *Gesellschaft* — национальные государства, международные союзы (типа ЕС) и организации (типа ООН, ВТО) — адекватно отвечать на грядущие вызовы и кризисы, покажет время.

14. Демократизация и коллегиальное разделение власти

В демократизации как части мировых процессов модернизации будем различать два процесса: общеизвестное расширение избирательного права и малоизвестное коллегиальное разделение власти [Коллинз, 2015, гл. 4; Розов, 2011, гл. 14].

Коллегиально разделенная власть понимается как разделение властей (парламент и суд реально независимы от главы государства, правительства и его структур), дополненное существенной ролью прессы, гражданских институтов, представителей провинций и преимущественно горизонтальным характером политических взаимодействий.

На нижнем полюсе воображаемого континуума коллегиальности находится централизованная иерархия подчинения во главе с автократом или несменяемой, никем не избираемой правящей группой («политбюро»). По мере увеличения коллегиального разделения власти (демократизации в данном аспекте) возрастает число коллегиальных структур и растет их доля власти в сравнении с властью центральной исполнительной и силовой иерархии.

Р. Коллинз приводит убедительные аргументы в пользу первостепенной значимости именно данной стороны демократии. При низкой степени коллегиального разделения и широком избирательном праве вполне комфортно себя чувствуют режимы типа «электорального авторитаризма». По контрасту, важнейшие признаки либеральной демократии — надежная защита прав и свобод граждан, собственности, соблюдение интересов меньшинств, экономическая свобода — с необходимостью предполагают независимые от центральной иерархии властные институты, прежде всего судебную систему, свободные СМИ, местную и ответственную перед гражданами полицию, влиятельные гражданские организации.

Главным результатом революций и войн эпохи Реформации стали Вестфальская система международных отношений, первые варианты суве-

ренных национальных государств, а также первые, пусть и ограниченные демократии (в Нидерландах, Швейцарии и позже в Англии). Между прочим, оба типа структур являются типичными *Gesellschaft* — большими формальными образованиями, призванными прежде всего установить ясный порядок разделения могущества на территориях. Несмотря на то, что войны в Европе отнюдь не прекратились, был достигнут ощутимый прогресс для безопасности малых сообществ *Gemeinschaft* и отдельных индивидов: теперь они испытывали угрозы, только если их государство вступало в войну с другим государством. В любом случае эта угроза мягче и возникает реже, чем перманентный риск насилия в предыдущую эпоху военно-религиозной сумятицы при отсутствии ясных границ и принадлежности территорий.

Атлантические революции конца XVIII в. (в США и Франции), «весна народов» в Европе середины XIX в. сделали республиканизм и демократию уже не скандальным разрушением священных устоев, а политическим идеалом образованного класса многих обществ Европы, затем и за ее пределами¹¹.

Республика и демократия, ценности и нормы которых закреплены во множестве конституций, также являются типичными *Gesellschaft*, когда массы населения по единым формальным правилам выбирают своих представителей в парламент, верховных, провинциальных и городских правителей. При этом растут возможности различных *Gemeinschaft* (в том числе религиозных, этнических, расовых меньшинств) в защите их интересов. Происходит явное продвижение к большей свободе, достоинству индивидов, получивших голос в политической жизни. Пусть и нет гарантий счастья и осмысленности жизни (что вообще вряд ли возможно), но демократия и республиканизм, по крайней мере, дают для этого больше шансов тем, кто при их отсутствии влачил бы рабское, крепостное, униженное и бесправное существование.

Действительно, хотя рабство в США и крепостничество в Российской империи были отменены не в результате революционных событий, но сами идеи их отмены, возобладавшее понимание нетерпимости рабского состояния появились, без всякого сомнения, вследствие идей свободы, права, гражданского равенства — главных лозунгов предшествовавших революций.

XX век в плане революций как испытаний стал наиболее противоречивым. Масштабные, кровопролитные революции и гражданские войны в Китае и России, фашистские путчи в Италии, Испании, Германии, имевшие важные признаки революций (массовые движения, лозунги справедливости, раскол элит, возмущение против имущих классов и др.), привели к созданию тоталитарных режимов. Эти специфические *Gesellschaft*, построенные на полный контроль над сознанием и поведением индивидов, естественным образом разрушали малые *Gemeinschaft*, традиционно направ-

¹¹ О непростой связи между революциями и демократизацией см.: [McAdam et al., 2003, p. 264–304].

ленные на обеспечение безопасности, комфорта и осмысленности жизни своих членов.

Наряду с непрерывными войнами и хаосом насилия тоталитарные режимы (во многом появившиеся благодаря революционным событиям) представляют собой наиболее ужасные и трагичные провалы в истории человеческого рода, если учесть указанные в начале данного раздела критерии успешности испытания. Последующие не менее жестокие постреволуционные режимы Мао в Китае (периода «культурной революции»), Кимов в Северной Корее, Кастро на Кубе, Пол Пота в Камбодже-Кампучии подтверждают этот тезис.

Нужно обратить внимание также на следующий парадокс. Любая побеждающая революция характеризуется огромным вдохновением и энтузиазмом ее лидеров и участников восстания, всех сочувствующих. Как правило, в эти «великие дни» доминируют максималистские идеи и лозунги. В классической французской триаде наряду со «свободой» и «равенством» присутствует также «братство». Если свобода и политическое, правовое равенство могут быть в каких-то пределах обеспечены формальными законами и процедурами — средствами *Gesellschaft*, то «братство» — это очевидная претензия на превращение всей нации, всей страны в одну большую «семью» с родственными, т. е. теплыми и душевными отношениями. Иными словами, лозунг «братства» претендует на превращение нации в единое *Gemeinschaft*.

Однако наибольшее насилие, а значит и провал исторического испытания, происходит там, где революционеры, восставая против «старого режима» — разложившегося *Gesellschaft*, — пытаются построить новый порядок как обширный *Gemeinschaft* с всеобщим «братством» (общенациональным, как у якобинцев, или вовсе глобальным, как у большевиков). Отнюдь не случайно в итальянском и германском фашизме также прокламировались идеи «органичности», «корпоративного государства» (подобного большой семье), всепоглощающего, отвергающего индивидуализм единства («один народ — одна партия — один вождь»).

Показательно, что обе сверхдержавы в «холодной войне» охотно использовали революции, поддерживая их в чужом стане и подавляя в своем. Вначале огромную активность проявлял СССР через «коммунистический интернационал» и его аватары, подавляя при этом революционные поползновения в собственном «лагере» (в Венгрии, Чехословакии, Польше). С середины 1980-х гг. США как лидер западного блока способствовали подготовке и успеху антикоммунистических «бархатных» и «цветных» революций.

Множество черт симметрии не должно вводить в заблуждение. Если антикоммунистические, «буржуазные» революции не всегда, увы, приводили к устойчивым демократическим преобразованиям, экономическому расцвету, социальному развитию, повышению уровня безопасности, свободы, достоинства граждан, то коммунистические революции не приводили к ним никогда.

Революции могут приводить как к росту коллегиальности, включенности новых режимов в международную систему, так и к сужению коллечи-

альности — вплоть до единоличной диктатуры (так называемого постреволюционного бонапартизма), для которой отнюдь не случайно характерны попытки внешней агрессии, выхода за рамки международной связанности [Коллинз, 2015, с. 398–424].

Демократия с коллегиальным разделением власти, сильным парламентом и независимым судом, контролирующим в том числе государственное насилие, а также со свободой создания организаций, открытым доступом к административным ресурсам через публичную конкурентную политику, с надежной защитой прав и свобод граждан, при сочетании гарантий частной собственности и открытости рынков с заботой государства о равенстве возможностей является важнейшим достижением социальной эволюции¹² и, по-видимому, вполне может на сегодняшний день считаться оптимальной моделью *Gesellschaft* (на уровне государства)¹³.

Соответственно, революции, приближающие к этой модели, следует считать способствующими успеху испытания человеческого рода — смыслу мировой истории в данной интерпретации. Напротив, революции, (наряду с радикальными или «ползучими» переворотами), в результате которых устанавливаются более авторитарные режимы с монопольной «вертикалью власти» вместо ее коллегиального разделения, с подавлением гражданской самоорганизации, репрессиями против оппозиции, возможностью безнаказанно отбирать собственность, являются провальными историческими событиями, тупиковыми ветвями социальной эволюции.

¹² Ср. с аргументами в пользу «порядков открытого доступа» [Норт и др., 2011, с. 203–261].

¹³ На международном уровне, судя по возобновляющимся войнам, еще не найдено эффективной модели *Gesellschaft*; вряд ли долгие разговоры о «Мировом правительстве» и «Мировом парламенте» приведут к результату. Скорее, втягивание государств в единую юрисдикцию, подкрепленную системой международных судов разных уровней с эффективными санкциями, подкрепленными авторитетной коалицией великих держав, станет важным компонентом такой модели [Розов, 2011, с. 593–603]. См. также: <http://politconcept.sfedu.ru/2012.1/05.pdf>

Глава 5

Назревание кризисов и революций

1. Три слоя причин

Обычно выделяют только два слоя причин революций: причины-поводы и глубокие структурные причины [Голдстоун, 2015]. Значимость обоих не вызывает сомнений. Покажем необходимость выделения еще одного — промежуточного — слоя.

Будем считать *триггерные события*, непосредственно вызывающие революцию, первым слоем причин. Революции происходят в уже «заболевших» обществах, переживающих социально-политический кризис, пусть и не всегда в явной, открытой форме. Сам же кризис возникает не только потому, что накопились какие-то объективные причины (факторы, угрозы, дисбалансы, ущерб). Для предреволюционного кризисного периода характерны неадекватные действия правящей группы, правительства и/или ассоциируемых с ними элит, а также реакции на них.

Иными словами, происходит *серия вызовов и провальных ответов* государственной системы и влиятельных групп, тогда как широкие массы населения и часть элиты воспринимают эти действия со все большим отчуждением. *Вызовом* является такое снижение (обрушение) уровня комфорта влиятельных групп, прежде всего правителей и административной элиты, которое уже требует от них ответа — действий, стратегий, практик, отличающихся от привычных, стандартных реакций на проблемы и затруднения. Этот слой причин имеет важнейшее концептуальное значение медиатора, поскольку связывает крупные объективные сдвиги с триггерными событиями.

Наконец, третий, наиболее глубокий слой — *структурные причины*, — уже относится к сфере базовых факторов исторической динамики: к объективным сдвигам как следствиям работы сложившихся институтов, политических, экономических, образовательных, семейных практик, взаимодействия с природным окружением, демографических и миграционных трендов, ресурсных дисбалансов, смещений могущества в международной системе и проч.

События и взаимодействия (первые два слоя) привычно описывать через представление ситуаций и поведение акторов, а третий — через численные показатели, их временные тренды. На уровне онтологии взаимодействие акторов относится к сущностям и отношениям, а показатели являются численными выражениями качеств. Однако качества всегда принадлежат неким целостностям как системам сущностей, связанных отношениями. Поэтому методологически верным представляется для всех трех слоев причинности выдерживать «бинокулярный» подход: представлять и сопоставлять между собой модели двух основных типов: *акторные модели* (с расстановкой и взаимодействиями политических сил, других значимых субъектов

с ресурсами, включенностью в институты, обмены, сети и дискурсы) и *факторные модели* (с переменными, соединенными положительными и отрицательными связями).

Модели обоих типов относятся к разным социальным и временным масштабам: от ультрамикро- (здесь-и-сейчас) в первом слое причинности до уровня макро- и мега- (общество, международные отношения в течение нескольких лет и десятилетий) в третьем слое.

Попробуем на самом общем теоретическом уровне представить, каким образом объективные *структурные причины* третьего слоя преобразуются в *кризисную динамику вызовов и провальных ответов* второго слоя, что приводит к крайне напряженному и неустойчивому состоянию — *революционной ситуации*, когда одно случайное событие (триггер) способно запустить *каскад событий*, угрожающих распадом режима и даже всей государственности.

2. Структурные причины — накопление дисбалансов

Рутинные, повторяющиеся процессы, составляющие стабильность здесь не считаются изменениями. Соответствующие циклы принадлежат разным временным масштабам: от суточных до поколенческих (25–30 лет).

Устойчивость режимов обеспечивается как постоянством условий и практик, так и действием функциональных механизмов (по А. Стинч-комбу), поддерживающих гомеостатические переменные *H* для каждой социальной целостности: семьи, рода, поселения, города, провинции, страны (с ее политическим режимом) и международной системы (см. рис. 1.2). Накопление структурных причин — кризисогенных факторов — означает в рамках той же модели рост напряжений *T*, угнетающих значимые гомеостатические переменные *H* как предметы заботы. Зачастую эти напряжения вызываются дисбалансами.

Дж. Голдстоун приводит перечень основных структурных причин революций, которые проинтерпретируем в терминах напряжений и дисбалансов [Голдстоун, 2015, с. 38–42]:

- *демографические сдвиги, прежде всего перепроизводство элит и «молодежный бугор»*; достойные места для представителей элиты и численность новых поколений элиты, рабочие места для городской молодежи и численность молодых горожан во втором поколении как результат деревенских практик воспроизводства при резком сокращении младенческой смертности; здесь налицо дисбалансы, ведущие к напряжениям — к падению лояльности режиму и власти, к росту популярности политических альтернатив;
- *изменения в структуре международных отношений, войны, экономическая конкуренция; неравномерное или зависимое экономическое развитие*; войны, особенно тяжелые, затяжные, с досадными поражениями, всегда ведут к множеству напряжений, прежде всего к делегитимации правителей, возмущению жертвами, падению благосостояния,

жесткой фискальной политике, ухудшению внешней рыночной конъюнктуры (падению цен на основной экспорт); все это обнажает растущее социальное неравенство, вызывает возмущение несправедливостью порядков, ведет к падению популярной и авторитетной легитимности власти и режима;

- *практики вытеснения или дискриминации социальных групп*, которые они (и не только они) считают возмутительными и нетерпимыми; здесь сами напряжения очевидны, поэтому внимания требуют причины такой дискриминации; бывает противоречие между традиционными практиками и новыми идеями, нормами равенства, прав и свобод (таковой была борьба с расовой сегрегацией в США 1950-х гг.), или же возмущают новые практики дискриминации по этническому, профессиональному, классовому, образовательному признакам, принятые правящей группой, бюрократией из религиозных, идеологических, ксенофобских, фискальных мотивов;
- *эволюция персоналистских режимов, сужение поддержки до группы приближенных, «дилемма диктатора»*, когда для усиления военной мощи диктатору и правящей группе приходится развивать инженерию, образование, и появляется образованный класс — потенциально протестный социальный слой; общая черта этого блока причин — отчуждение существенной части административной, экономической и интеллектуальной элиты от власти, делегитимация правящей группы и режима; сама же «дилемма диктатора» является ярким случаем, когда напряжение вызывается непредвиденными издержками от активности обеспечивающей структуры *S* — систем образования, инженерии, науки, призванных усиливать военную мощь как важнейший предмет властной заботы — гомеостатическую переменную *H*.

Вообще говоря, все кризисы можно описать через критическое падение значений гомеостатических переменных *H*, когда имеющиеся обеспечивающие структуры *S₁* уже неспособны их поддерживать. Кризисы разрешаются через появление новых обеспечивающих структур (институтов и практик) *S₂*, а при наиболее глубоких трансформациях происходит также обновление основных гомеостатических переменных *H*, типов напряжений *T* и издержек *C*.

Заметим, что гомеостатические переменные могут пересекаться с макропоказателями (например, темпом экономического роста или ВВП на душу населения), но составы их различны. При этом они принадлежат одной онтологии, одному языку и вполне могут быть сопоставлены между собой.

Главными же звеньями схемы, соединяющими численные показатели (*structure*) с поведением акторов (*agency*), являются остальные ее элементы: обеспечивающие структуры *S*, издержки *C* и напряжения *T*.

Практики и стратегии, направленные на сотрудничество, обмена и конкуренцию по правилам (без подавления соперников), обычно реализуют обеспечивающие структуры *S* (институты и практики).

Издержки **С** следует понимать шире, чем финансовые потери от участия в структурах **S**. Недовольство, дискомфорт, угрозы, тревоги, связанные с этим участием, также увеличивают издержки, а могут приводить и к росту напряжений **T**.

К конфликтам и социально-политическим кризисам приводят чрезмерно большие издержки **С**, напряжения **T** и уже непереносимое падение гомеостатических переменных **H** для значимых социальных групп (таких переменных, как достоинство, легитимность, доступ к ресурсам, послушность силового аппарата, внешняя безопасность, сохранность собственности и проч.).

Модели назревания кризиса (раскрывающие фазы 2–3–4 на рис. 4.1, 4.2) включают известные закономерности изменения, в том числе достижения критических значений макропоказателей (младенческая смертность, молодежный бугор, социальное неравенство и/или относительное обнищание, уровень безработицы в столице и крупных городах, перепроизводство элит, фракционизм как взаимное отчуждение политических сил, «плохое соседство», опасность на границах — геополитическое напряжение и др. [Goldstone et al., 2010]). Однако, кризис отнюдь не всегда начинается при достижении пороговых величин показателями такого рода.

Парадоксальным образом напряжения, ведущие к кризисам и революциям, нередко связаны с ростом и развитием в экономике, демографии, социальной и культурной сферах¹. Почему?

Любой рост ведет к изменению условий и издержек **С**, к увеличению напряжений **T**, в том числе таких, при которых прежние обеспечивающие структуры (институты и практики) **S** уже неспособны поддерживать на должном уровне гомеостатические переменные **H**: от благополучия и здорового потомства в семье до сохранения мира и стабильности международной системы государств².

Накопление такого рода дисбалансов и соответствующего дискомфорта для лидеров и влиятельных групп может происходить в каждом социальном масштабе, причем напряжения и сбои в разных масштабах обычно усиливают друг друга, а при образовании кругов положительной обратной связи происходят кризисы вплоть до череды революций и мировых войн. Рассмотрим детальнее общую природу циклической динамики в обществах.

¹ По каким-то непонятным причинам Б. Н. Миронов противопоставляет кризис экономическому росту и модернизации: «Революции начала XX века произошли не потому, что Россия после Великих реформ 1860-х годов вступила в состояние глобального перманентного кризиса, а потому, что общество не справилось с процессом модернизации» [Миронов, 2012, с. 236]. Кризисное состояние (без которого революция невозможна) как раз и наступило вследствие побочных процессов роста и модернизации. А не справилось с этим вовсе не «общество», а самодержавное государство, которое Б. Н. Миронов упорно пытается в своих работах защищать.

² Связь модернизации и экономического роста с возникновением дисбалансов, конфликтов, социальной нестабильностью и революциями давно известна. Об этом писали еще классики теории революций Дж. Дэвис и К. Бринтон, см. также [Хантингтон, 2004; Миронов, 2012].

3. Рост и падение: единый контур связей

При стабилизации устанавливается равновесие между положительными и отрицательными связями в структуре переменных. Цикличность же предполагает многократные повороты тенденций, обращений вспять, которые и дают волны подъемов и спадов. Такие повторы указывают на единство структуры, порождающей динамику то в одном, то в обратном направлении. Естественно предположить, что данной структурой является контур положительной обратной связи (комплекс таких контуров), который попеременно действует то как *мегатенденция «лифт»* (подъем), то как *мегатенденция «колодец»* (спад, падение), каждый раз останавливается и меняет вектор динамики (детальнее о модели универсальной исторической динамики, включающей эти мегатенденции, см. [Розов, 2011, гл. 2]).

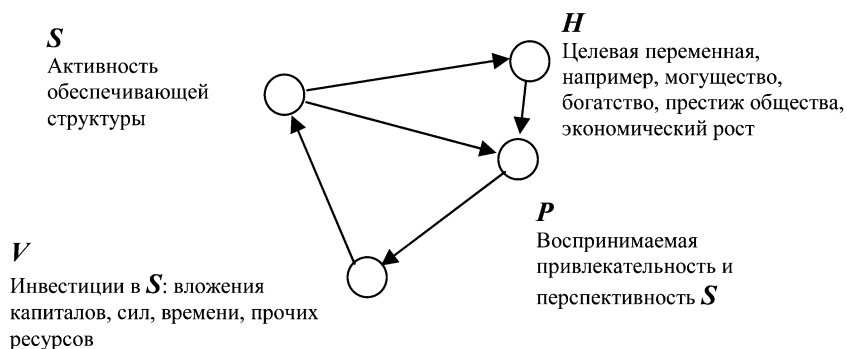

Рис. 5.1. Контур положительной обратной связи, объясняющий и подъемы (при росте каждой переменной), и упадки (при их снижении)

Почему же этот контур работает то на подъем, то на спад? При всем возможном разнообразии следующие четыре переменные представляются обязательными (рис. 5.1):

- **H** — целевая переменная (обычно власть, легитимность и престиж, богатство и доступ к ресурсам, экономический рост, безопасность и контроль над насилием, материальный, социальный, духовный комфорт либо их производные, совмещения, конкретизации); в модели А. Стинчкомба она названа гомеостатической, что подразумевает удержание на некотором уровне, но для целевой переменной вполне может игнорироваться, отсутствовать верхний предел, ведь зачастую власти, престижа и богатства не бывает слишком много; в связи с этим на схеме (рис. 5.1) намеренно не показана обратная негативная связь от **H** к **S**;
- **S** — активность обеспечивающей структуры, повышающая **H** (деятельность, практики институтов, организаций, прочих социальных структур и порядков);

- **V** — инвестиции в **S** (силы, время, деньги и прочие ресурсы, потраченные на создание, развитие, рост активности обеспечивающей структуры);
- **P** — воспринимаемая ответственными за **H** акторами привлекательность структуры **S**, обуславливающая готовность к инвестициям **V**.

Успех (рост **H**) только увеличивает привлекательность **P** и инвестиции **V** в активность структуры **S**, обеспечивающей этот успех. Кроме очевидных круговых связей есть еще прямая связь от активности структуры **S** к ее привлекательности **P**: сам масштаб структуры (государственного ведомства, коммерческой компании, производства, армии, церкви, ярмарки, банка, фестиваля и проч.) бывает внушительным, вызывает стремление присоединиться, приобщиться, стать членом или партнером, купить акции, поддержать, хоть как-то поучаствовать, что всегда означает рост и привлекательности **P** и инвестиций **V**.

Теперь представим, что по какой-то причине переменная **H** переживает сильное падение (власть и легитимность утеряны, доходы падают или вовсе богатство тает, экономический рост прекращается либо переходит в рецессию, упадок, контроль над насилием утрачен, что приводит к внутреннему хаосу, к агрессии и захватам извне). Естественно ожидать разочарования в обеспечивающей структуре **S**, последующего снижения привлекательности **P**, инвестиций **V**, а значит, и снижения активности самой **S**.

Заметим, что при наличии и силе обычной отрицательной связи от **H** к **S** (каноническая модель А. Стинчкомба, рис. 1.2) снижение целевой переменной приводит к росту активности **S** (принцип гомеостаза). Но если эта связь отсутствует или слаба, то вместо выравнивания наблюдается динамика общего упадка.

Почему же векторы этой динамики меняются? Модель, представленная на рис. 5.1, не помогает нам ответить на этот вопрос: в ней не хватает переключающих динамику факторов. Рассмотрим, почему бодро растущая целевая переменная **H** (новые земли завоевываются, престиж и легитимность растут, доходы и богатство увеличиваются) вдруг начинает падать?

4. Медленное накопление и быстрый крах

В канонической схеме А. Стинчкомба (см. рис. 1.2) сразу находим общую подсказку (эвристику): некое напряжение **T** снижает или вовсе обрушивает **H**. Отметим, что во время роста **H** это напряжение не действовало, но, очевидно, накапливалось (иначе не было бы такого эффекта). Вообще говоря, напряжения могут иметь разовые источники извне (от природных катаклизмов до атаки агрессора), но цикличность предполагает повторяемость, поэтому естественно предположить внутренний источник напряжения.

Разумеется, на сцене появляются издержки **C**, всегда растущие при росте активности структуры **S**. Включим сюда любые возможные неприятности, риски и угрозы, связанные с активностью институтов, организаций, прочих социальных порядков (рынков, сетей, повседневных практик и др.). Внутренний механизм циклов предполагает, что издержки **C** увеличивают напряжение **T** (в схеме А. Стинчкомба этой связи не было).

Растут денежные траты, истощаются природные ресурсы, загрязняется и деградирует окружающая среда, изнашивается оборудование, устают и теряют интерес участники, их сменяет менее активное и ответственное поколение «золотой молодежи», снижается норма прибыли, растет привлекательность активов для конкурентов, для криминала, для внешних захватчиков — перечень типов ущерба, зависящего от человеческой активности, и широк и открыт.

Итак, с ростом активности S растут издержки C и напряжение T . Однако отрицательная связь между T и целевой переменной H вначале либо слишком слабая, либо вовсе отсутствует. Это и позволяет расти H в течение какого-то времени, после чего «перезревшее» напряжение T «прорывается», что ведет к резкому снижению H (вплоть до обрушения). Быстрые эффекты от деградации среды, социальные революции, вспыхивающие межэтнические конфликты, религиозные войны, разразившиеся голод и эпидемии, экономические кризисы и депрессии, внезапные агрессия и завоевания извне — вот наиболее яркие исторические события, структурной основой которых является указанная динамика.

Остается пока непонятным странное поведение напряжения T : почему до какого-то предела оно «молчит», а потом начинает резко негативно влиять на целевую переменную H ?

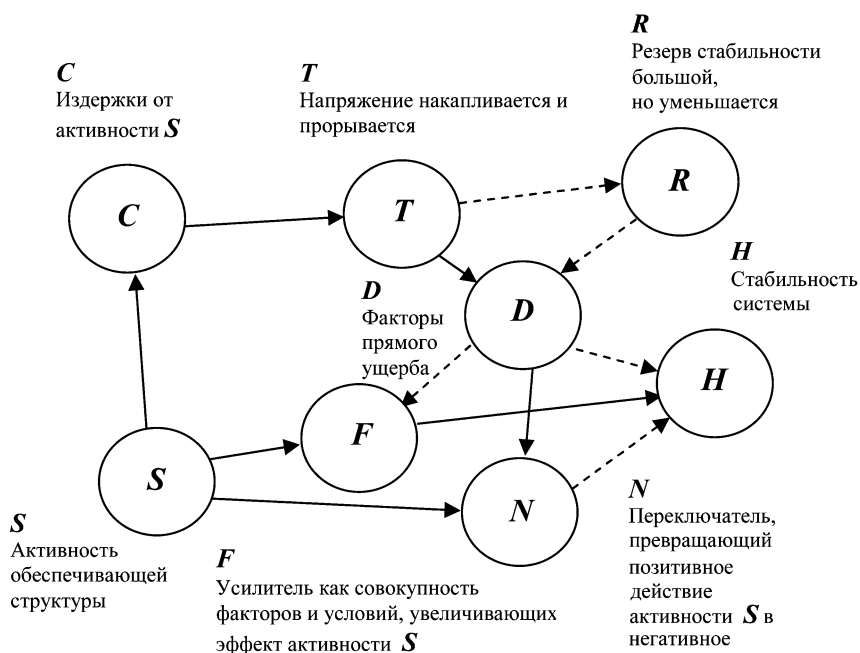

Рис. 5.2. Механизмы медленного накопления, быстрого крушения и переключения

Добавим в структуру динамики усложняющую конструкцию (рис. 5.2). Теперь напряжение T угнетает H не прямо, а через параллельные промежуточные звенья. Есть некий *резерв стабильности* R , позволяющий накапливаться напряжению до некоторого предела без заметного ущерба для H . Чем больше напряжение T , тем меньше резерв стабильности R .

Хорошо известны явления «переключения»: восхваление правителей вызывает уже не почтение, благоговение, а насмешку и презрение, жесткие репрессии вызывают уже не страх и угасание протеста, а ненависть и готовность бороться, рисковать свободой, здоровьем, жизнью.

Прежняя прямая связь $S \rightarrow H$ заменяется конструкцией с новыми переменными F (усилитель) и N (переключатель).

Что означает этот «разрыв»? Не всегда обучение, инструктирование, зубрежка ведут к росту знаний и квалификации (нередко приводят к отуплению, отвержению к учебе). Не всегда молитвы ведут к укреплению веры, а военные парады — к росту воинских добродетелей (результатом бывает раздражение, отчуждение, цинизм). Не всегда завоевание ведет к росту престижа державы-завоевателя (нередко оно вызывает тревогу, страх, стремление других государств сплотиться для сдерживания и борьбы). Не всегда массовое производство товаров обеспечивает прибыль (иногда бывают кризисы перепроизводства), не всегда вложения в образование ведут к экономическому росту (обученные специалисты могут не находить себе применения и/или массово эмигрировать).

Само это качество условий меняется по самым разнообразным причинам. В модели, представленной на рис. 5.2, предполагается, что угнетение усилителя F и активация переключателя N вызывается ростом издержек C , но не прямо, а через напряжение T и факторы прямого ущерба D . Через них сама активность S , направленная на восстановление H , ухудшает условия своего действия. Так, жестокий разгон протестующих, направленный на устрашение граждан и восстановление порядка, иногда вызывает общее отчуждение, даже ненависть к власти и режиму, что приводит к обратным реакциям на последующие попытки разгона, не восстанавливает, а разрушает порядок. Однако такое происходит не всегда и не сразу. Усложнение начальной модели позволяет прояснить структурные механизмы этих процессов.

Растущее напряжение T увеличивает прямой ущерб D , однако само негативное воздействие D на условия O и на сам предмет заботы H блокируется в течение какого-то времени высоким *резервом стабильности* R . Когда же последний истощается из-за продолжающегося роста напряжения T , то начинается лавинообразный рост ущерба D , ведущий к блокированию усилителя F , активации переключателя N и в результате — падению целевой переменной H . В случаях переключения эффекта от жестоких репрессий усилитель F можно трактовать как страх и стремление к уходу из ситуации, бегству, прекращению протеста, тогда как переключатель N интерпретируется как гнев, отчаяние и бесстрашие жертв репрессий. В таком случае важнейшим фактором прямого ущерба D будет уровень делегитимации власти, а резерв стабильности R объединяет множество факторов доверия к власти, принятия режима и своего положения в нем: покорность,

воспитанная в семье, школе, церкви, воинская присяга, экономическое благополучие, защищенность, боязнь перемен и проч. Все это составляет значительный резерв стабильности, но и он иногда рушится.

Так вспыхивают социальные революции и не планировавшиеся заранее большие войны, наступают жестокие экономические кризисы.

5. Роль иерархий, рынков и сетей

В период назревания кризиса затруднительно выделить однозначную структуру акторов, наиболее значимые проявятся на стадии вызовов и ответов. Поэтому здесь рассмотрим связь социальных структур, пронизывающих разные масштабы, с той же функциональной схемой. Таковыми являются *иерархии* (государственные, имущественные, сословные, образовательные), *рынки* (экономические, брачные, символические) и *сети* (с узлами, кружками, центрами, перифериями).

Заметим, что все эти структуры обладают устойчивостью, хотя могут и разрушаться. Резонно предполагать наличие ответственных за это гомеостатических переменных *H* и обеспечивающих структур *S*.

Для *иерархий* переменные *H* связаны с лояльностью, готовностью участников подчинять и подчиняться, способами *S* поддержания этой лояльности.

Для *рынков* важнейшими являются правила обменов, договоры, уверенность участников в их действенности, а также институты, практики *S* поддержания этих правил, договоров, порядок наказания нарушителей.

Сети держатся на заинтересованности участников сетей поддерживать контакты друг с другом (тем самым — оставаться внутри сети, не выходить из нее), а интерес этот, в свою очередь, зависит от особой гомеостатической переменной *H* — преимущества выигрыша при членстве в сети. Вероятно, каждая устойчивая сеть обладает какими-то структурами *S*, обеспечивающими этот выигрыш, например, через механизмы порождения и распространения значимых символов, информации, способов осмысления происходящего, возможности каждому члену сети поддерживать или улучшать свои социальные позиции.

Если разрушение старых и создание новых иерархий — значимая и явная часть содержания политических кризисов и революций, то релевантность рынков и сетей требует пояснения. Развитие экономических рынков является важнейшим двигателем изменения позиций различных классов и сословий, а значит, фактором дискомфорта, вызовов, кризисов и конфликтов. Разрешение глубоких кризисов всегда меняет базовые структуры собственности и правила обмена, меняет и сами рынки, тенденции их дальнейшего развития [Коллинз, 2015, гл. 6]. *Политические и символические рынки* (по сути дела, сфера бартерных сделок между акторами) — важнейшая часть кризисной и конфликтной динамики, формирования коалиций.

Сети важны прежде всего как каналы коммуникации, способы формирования новых групп и сообществ (например, контрэлиты, фронды, протестных движений, ополчения). Исключительную, даже фатальную роль иногда играют встречи и сотрудничество индивидов из разных сетей (политической,

силовой, финансовой, религиозной или идеологической), что *означает пересечение сетей* и образование синергии — новых коалиций, практик и институтов, способных к глубокой трансформации и даже разрушению остальных окружающих структур (наиболее ярко — в случаях успешных революций, взрывающих прежний режим).

При каких условиях ритуалы ответа на негативный вызов становятся ритуалами консолидации, а при каких условиях — ритуалами взаимных обвинений?

Если обсуждение вызова изначально и систематически проводится в разных местах с группами участников, которые соперничают между собой за властные позиции, ресурсы и/престиж, легитимность, то эти группы будут склонны обвинять друг друга; кроме того, сам ритуал может быть изначально организован как обвинительный. Если в последнем случае обвиняемые имеют достаточно ресурсов для защиты и контратаки, то также получается паттерн отчуждения. Если же изначально проводятся общие обсуждения с повесткой не обвинения, а совместного поиска пути выхода из ситуации, то скорее следует ожидать дальнейшего сотрудничества — паттерна доверия.

Качества негативного вызова, требующие солидарного ответа, повышают вероятность сотрудничества, тогда как при способности (реальной или воображаемой) одной группы справиться с вызовом без чьей-либо помощи эта вероятность снижается.

В любом случае, при назревании кризиса структурные причины (напряжения и дисбалансы) ухудшают *нишевые условия* влиятельных и сплоченных групп (акторов). Ухудшение это, как правило, состоит в угрозах положению в иерархии, в ослаблении позиций на экономических и социальных рынках, в ослаблении сетевой поддержки. Ответы же на эти вызовы (дискомфорт и угрозу дискомфорта) акторы ищут опять же пользуясь ресурсами, доступ к которым им дает положение в иерархии, на рынках бартерных (и не только) обменов, а также пытаются актуализировать сетевые связи.

6. Центр-периферийные дисбалансы

Дж. Голдстоун выделил следующие общие черты недавних кризисов и революций в Таиланде, Украине и Венесуэле:

- средний уровень развития, «... все эти страны подошли к такой точке в траектории своего развития, когда большинство их населения грамотно, ожидает, что правительство обеспечит ему эффективно работающую экономику, работу и нормально функционирующие общественные службы. Однако граждане этих стран совсем не чувствуют себя в экономической безопасности и недовольны своим уровнем жизни» [Goldstone, 2014];
- высокая коррумпированность;
- страны отнесены к «частично свободным», иными словами, здесь демократия неконсолидированная (имитационная), государство остается во многом авторитарным, а администрация — неэффективной.

С. В. Цирель обратил внимание на значимость расхождения между политическим сознанием центра и периферии в модернизирующихся обществах³. Л. М. Исаев и А. В. Коротаев эмпирически обосновывают этот фактор — «центр-периферийный диссонанс» — в качестве предиктора современных революций. Речь идет о том, что в столицах и самых крупных городах социальное развитие идет существенно быстрее, здесь появляется большая доля образованного класса, ориентированного на правовые, либеральные и демократические ценности, тогда как большинство периферийного населения остается с прежними стереотипами традиционного, патерналистского, религиозного (в мусульманских обществах) или перераспределительного (в постсоветских странах) сознания.

«...Установление демократии в подобного рода странах систематически ведет к такой ситуации, когда при проведении демократических выборов к власти приходит партия, пользующаяся поддержкой большинства страны, но не пользующаяся поддержкой большинства населения столиц» [Исаев, Коротаев, 2014].

В результате революционная динамика обретает форму «центрального коллапса» (Дж. Голдстоун), когда массы протестующих заполняют площади столицы, армия бездействует, правитель бежит или его арестовывают, толпы народа или перешедшие на его сторону военные захватывают главные административные здания, создается временное правительство.

7. Факторы кризисов и модели динамики легитимности

Как совместить эти важные обобщения с рассмотренными выше теоретическими моделями?

Общества с частичной демократией испытывают перманентные трудности в плане легитимности власти и режима. Традиционная монархическая легитимность ушла в прошлое, но надежной легитимности, характер-

³ «Центр конфликта — это противоречие между глобалистским/антиглобалистским и/или либеральным/социалистическим меньшинством столичных жителей, живущим в XXI в., и большинством, живущим в XX–XIX–XVIII и еще более ранних веках. Конфликт принимает открытые формы, когда большинство просыпается от векового сна и обретает свое мнение. Тогда правительство, имитирующее демократию (и, в общем-то, не только имитирующее), перестает подстраиваться только под горожан и начинает лавировать, ища баланс интересов. Или больше подлаживается к большинству, или к наиболее активной части большинства, или старается подкупить и удержать непроснувшуюся часть большинства, или угодает всем сразу, прикрывая свое воровство, и т. д. Рассерженные на такое поведение правительства горожане долго терпят, но потом переходят к открытым формам выражения недовольства. Дальнейшее в первую очередь зависит от степени единства остальной части населения. Если в нем нет явных расколов (Турция) и/или современные горожане не находят контактов ни с одной частью большинства (Россия, отчасти — “оккупации” в разных странах), то протест затухает. Если же народ расколот и рассерженные горожане объединяются с близкими силами (Венесуэла, Таиланд), достаточно далекими (Тунис) или совсем далекими (Египет, 1-я фаза), то начинаются революционные события. При этом количество жертв и длительность революционного беспорядка растут при увеличении доли молодежи в населении, столичных студентов и особенно молодых безработных» [Цирель, 2014].

ной для консолидированных демократий, еще нет. Общества стали свободнее, особенно в столицах и крупных городах, но ожидания там превосходят реальность, связанную с мощным остаточным авторитаризмом. Коррупция высока, поскольку прежние аристократические формы социального контроля разрушены или ослабли, а новые, демократические, судебные, крайне слабы, если вообще появились.

Центральная власть в таких обществах получает значительную *популярную* и *электоральную легитимность* благодаря поддержке традиционалистской периферии, однако испытывает дефицит *авторитетной* (со стороны культурных, идеологических элит), *популярной* (со стороны продвинутого населения столиц и крупных городов), а иногда и *силовой легитимности* (когда высшие чины и офицерство полиции и армии уже не считают лучшей стратегией послушное подавление протестов).

Различие в политических предпочтениях центра и периферии концептуализируется различием главных гомеостатических переменных, трактовками обеспечивающих структур, издержек и напряжений. Действительно, для патерналистского традиционного сознания периферии главные интересы — выживание и защищенность. Обеспечение этих интересов люди видят в сильной центральной власти, обычно персонифицированной в «Царе» или «Вожде». Предполагается, что такая власть обеспечивает терпимый уровень благосостояния через перераспределение, а также защищает «простого человека» без лишних судебных формальностей.

Реальные издержки такого типа правления (коррупцию, безответственность элит, закупоренные карьерные каналы, административную неэффективность, склонность к репрессиям и проч.) периферийное население обычно не замечает или относит к «злым боярам», на которых нужна «управа». Напряжения (угрозы для главных интересов — выживания и защищенности) видятся не в деградации экономики и правоохранительной системы, а напротив — в любой оппозиционности, в протестах против центральной власти, поскольку «ничего изменить нельзя, а будет только хуже».

В продвинутом классе столицы и крупных городов интересы сдвинуты от выживания к личной самореализации, социальному успеху семьи, престижному потреблению, накоплению активов, причем достигается все это благодаря квалификации, инициативе, талантам, инвестициям в образование⁴.

Обеспечивающими структурами для этого со стороны государства являются институты конкуренции (в том числе рыночные), институты защиты собственности, капиталов, инвестиций (прежде всего честный независимый суд), соответствующее законодательство и эффективная администрация.

Издержки от такого рода структур касаются главным образом правящих элит в обществах с частичной (имитационной, неконсолидированной) демократией: свободная конкуренция может поставить под вопрос нахождение каждого в должности, надежная защита капиталов не дает возмож-

⁴ Возможности получения объективной информации, открытость разным опытам и каналам общения вообще считаются образованным классом само собой разумеющимися благами современного общества.

ности вольно обращаться с чужими активами, манипулировать людьми посредством угроз, выгораживать близких, преступивших закон, и т.д. (см. о несовместимости полноценной демократии с неопатримониализмом в главе 3). Реальные напряжения, угрожающие таким интересам столичного образованного класса, связаны с институтами и практиками авторитарного режима, интересами и жизненными стратегиями правящих элит, однако субъективно в сознании протестующих причины и невзгоды персонифицируются в самом ненавистном лидере, что порождает известные иллюзии о том, что при его смене или свержении «все наладится».

Парадоксальность ситуаций такого рода состоит в том, что в «джентльменский набор» либеральных требований столиц входят всеобщие демократические выборы, но результаты их, определяемые периферийным традиционалистским большинством, бывают весьма далеки от либеральных надежд. Так что протесты и даже революции в столице могут повторяться (недавние примеры: Египет, Украина, Таиланд, Тунис, Венесуэла).

В истории были случаи, как правило трагические, когда в результате потрясений образованный класс в столице либо подвергался гонениям, репрессиям, эмигрировал (революции во Франции, в Российской империи, в Китае и на Кубе), либо вовсе уничтожался (Камбоджа при Пол Поте).

Немало было и таких случаев, когда новая более либеральная и демократическая власть в столице постепенно и эффективно модернизировала периферию (Британия после Славной революции, Швеция в XIX в., ФРГ, Испания после Франко, Чили после Пиночета, послевоенные Япония и Южная Корея, постсоциалистические страны Прибалтики и Центральной Европы).

Теоретическое объяснение случаев второго рода состоит в том, что населению периферии были предложены альтернативные структуры (модерные институты), обеспечивающие базовые интересы — выживание и защищенность. А затем через диффузию и подражание стали распространяться интересы (с соответствующими гомеостатическими переменными) новых продвинутых классов, связанные с самореализацией на основе образования, квалификации, инициативы и талантов. Тогда уже резко снижается (хотя и не исчезает) опасность обратного скатывания общества к домодерным образцам закрытой авторитарной политики.

8. Складывание революционной ситуации

Дж. Голдстоун в своем обзоре научной литературы [Голдстоун, 2006] и в популярной книге о революциях [Голдстоун, 2015] представляет весьма широкое разнообразие причин возникновения революций, которое обобщает таким образом:

«Когда совпадают пять условий (экономические или фискальные проблемы, отчуждение и сопротивление элит, широко распространенное возмущение несправедливостью, убедительный и разделяемый всеми нарратив сопротивления и благоприятная международная обстановка), обычные социальные механизмы, которые восстанавливают

порядок во время кризисов, перестают работать, и общество переходит в состояние неустойчивого равновесия. Теперь любое неблагоприятное событие может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит, — и тогда произойдет революция» [Голдстоун, 2015, с. 35].

Сходный, но отличающийся вариант условий революционной ситуации представил С. В. Цирель:

1. Делегитимация власти, под которой понимается потеря веры не только в существующую власть, но и в возможность законным путем улучшить ситуацию. Особо велика опасность делегитимации у имитационных демократий, в которых потеря популярности правительства почти тождественна осознанию ранее молчащим большинством фиктивности демократических процедур.
2. Слабость правительства, включающая как реальную слабость (отсутствие финансовых возможностей, слабый контроль над армией, полицией и другими силовыми ведомствами), так и раскол внутри власти и отсутствие решимости пойти на жесткие меры.
3. Наличие альтернативной идеологии или, по меньшей мере, представлений о существовании альтернатив(ы) существующему режиму.
4. Наличие «горючего материала» — людей, готовых «выйти на площадь» и принять участие в революционных действиях, рискуя собой. Горючим материалом особо высокого качества является образованная молодежь, которая одновременно играет роли и идеологов, и солдат революции» [Цирель, 2012].

Обе версии содержательны, во многом пересекаются. В пояснениях к каждому пункту (признаку) не всегда понятно: имеются ли в виду его составляющие или причины. Для прояснения этих моментов используем следующую графическую модель (рис. 5.3).

Стрелки здесь означают положительные, усиливающие связи. В правом столбце (с черными блоками) указан набор признаков революционной ситуации как результат синтеза и коррекции версий Дж. Голдстоуна и С. В. Циреля. Добавлен признак «*Падение лояльности аппарата принуждения*» (при высокой лояльности протесты подавляются). «*Раскол элит*» должен быть именно явным: недостаточно глухого, молчаливого отчуждения части элиты, важно, чтобы некая критическая масса представителей политического, экономического, медийного истеблишмента открыто встала в оппозицию к правящей группе. Наличие «*горючего материала*» должно быть дополнено моральной и политической поддержкой, идейным и организационным руководством, ресурсами, которыми обладает контрэлиты. Обычно аморфное и конформное большинство населения, даже будучи недовольным властью и режимом, решает поддержать протест, только когда видит в нем силу и перспективу, о которой и свидетельствует союз контрэлиты с протестующими. Без такого фактора восставшие остаются в изоляции, будут физически подавлены или, как минимум, деморализованы.

Рис. 5.3. Переход от стадии назревания кризиса к революционной ситуации — неустойчивому равновесию, чреватому социальным взрывом

«Слабость правительства» (пресловутое «верхи не могут»), «широкое возмущение несправедливостью» и внешние благоприятные обстоятельства отнесены к причинам, а не признакам революционной ситуации. Если эти причины не приводят к ее признакам (падению лояльности силовых структур, делегитимации власти, расколу элит, появлению привлекательной политической альтернативы, критической массы отчаявшихся — «горючего материала»), то режим выстоит. Остальные факторы, как видим на схеме, относятся к следующим слоям причинности и, судя по всему, уже вызываются структурными причинами (см. выше).

Ядро акторной модели составляют пять главных субъектов, способных к политическим действиям:

- *правящая группа* (правители, лидеры и уполномоченные представители режима);
- *потенциальная контрэлита* (недовольные, ущемляемые, оскорбленные группы экономической, культурной, религиозной, административной, политической, медийной элит);
- *аппарат принуждения*, прежде всего высшие чины и офицеры силовых структур;
- *низовые протестные группы*, их лидеры и организации;
- *внешние акторы*, способные сделать вызов — угрозу или ущерб для кого-то из четырех внутренних акторов.

Каждый актер обладает следующими характеристиками:

- *ресурсы* (административные, финансовые, силовые, социальные, символические) и *возможности доступа* к ресурсам;
- *актуальные и латентные установки* (фреймы, символы, отношения, идентичности, а также поведенческие стереотипы, включающие «мелкие ответных стратегий» как реакций на типовые вызовы.

Действия акторов определяются их ранее обретенными установками (см. главу 1). Успех действий в конфликте прямо зависит от силы и ресурсов коалиции в сравнении с противником. Каждое действие, затрагивающее других акторов, является для них вызовом, на который они отвечают своими действиями соответственно имеющимся установкам и арсеналу ответов. Также вызовы, успех и провал действий влекут за собой трансформирующие ритуалы, меняющие установки участников.

Наиболее общая модель преобразования структурных причин в кризисную динамику вызовов и провальных ответов состоит в следующем. Правящая группа реагирует на вызовы привычным образом, но при изменившихся условиях этот ответ становится провальным, никак не исправляет ситуацию, ведет к раздражению потенциальной контрэлиты, низовых протестных групп, вызывает недоумение, недоверие со стороны силовых структур. Таким провальным ответом может быть акт репрессии, несвоевременная попытка политической или налоговой реформы, созыв представителей с мест с последующим их разочарованием, раздражающий общественность поворот во внешней политике.

Почему дальнейший обмен ходами, последовательность вызовов и ответов увеличивает напряженность, делегитимирует власть и режим, приближает к революционной ситуации?

Здесь следует учитывать по крайней мере четыре аспекта: 1) накопившиеся объективные неблагоприятные для устойчивости режима условия; 2) появление полноценной политической альтернативы; 3) неудачные действия власти, провалы; 4) их негативная общественная оценка.

Неблагоприятные условия — от бюджетного дефицита, геополитической напряженности до инфляции и «молодежного бугра» в столице и крупных городах — являются следствием накопления структурных причин, побочными результатами действия сложившихся режимов и практик.

Полноценная политическая альтернатива включает идеи (лозунги), организацию и лидера, их персонифицирующего. Вначале может появиться или же проявиться как значимый и популярный только один из этих компонентов, который затем дополняется остальными. Так, в Февральскую революцию уличные протесты, действия восставших в столице в первые дни происходили при отсутствии явных лидеров (см. главу 10). В Кубинскую революцию лидеры революции (братья Кастро, Че Гевара) начинали партизанскую войну, когда еще не имели широкой известности и массовой поддержки.

Необходимым условием для появления политической альтернативы является рост общественного разочарования в правителе и действиях власти.

Любая власть в государстве играет роль охватывающего обеспечивающего сообщества, дающего гражданам безопасность, достоинство, благосостояние и положение в иерархии. Справедливость и эффективность — два главных параметра власти, на которые справедливо указывает Дж. Голдстоун, — как раз служат мерилami того, как власть справляется с этой ролью. Жестокие неоправданные репрессии, унижение, чрезмерные поборы, закрытие социальных лифтов для амбициозной молодежи, разорение, обнищание, голод среди низших классов — все это показывает, что на власть уже нельзя надеяться. Появляется вакуум — пустота на месте обеспечивающего сообщества.

Автоматически такая ситуация еще не ведет к появлению альтернативы. Люди, не привыкшие слишком рассчитывать на власть (как в России, во многих африканских и латиноамериканских странах), имеют обычно свои локальные обеспечивающие сообщества: семьи, круги близких друзей, соседей, приходы, землячества. Однако эти сообщества сами терпят общее давление, в их внутренних ритуальных взаимодействиях возбуждаются чувства разочарования, отчуждения, раздражения в отношении к власти, политическому порядку и персонифицирующему их правителю.

Для появления политической альтернативы требуется также *заявка на лидерство*. Она исходит от людей любого социального слоя, но обладающих определенными качествами:

- наличие взгляда на происходящее с объяснением бедствий, провалов через лишенность правителя, власти, режима каких-то достоинств (от благочестия до демократичности);
- полное недоверие к тому, что власть сама изменится и проведет требуемые реформы;
- отсутствие надежд, перспектив продвинуться в существующей политической системе;
- способность донести свои идеи до широкой публики, формировать вокруг себя дееспособную организацию (либо приспосабливать уже существующую для новых целей).

Механизмы и закономерности протестного лидерства еще ждут систематических сравнительных исследований, но некоторые моменты не вызывают сомнений. Никогда не появляется единственный претендент, и никому не удастся достичь настоящего лидерства без помощников и организации. Значит, ключевым условием успеха является признание верховенства лидера ранее соперничавшими претендентами, а также функционерами организаций. Такие решения означают, что перспектива быть в свите лидера оказывается более реальной и привлекательной для политического успеха, чем состязание с ним на одном протестном поле. Разумеется, здесь играют роль личная харизма, умение договариваться, вызывать доверие, убеждать, но главным фактором представляется демонстрация лидером своей политической силы, популярности, способности привлекать ресурсы, добиваться успеха в трудных ситуациях.

Большой загадкой остается известный феномен провальных решений и действий правящей группы в кризисный период. Так бывает не всегда,

многие кризисы преодолеваются репрессиями, уступками, реформами или сочетанием таких действий; так были подавлены или замирены протесты Арабской весны в Алжире, Марокко, Саудовской Аравии, «болотные» протесты в России 2011–2012 гг., движения «Оккупай» в США и Великобритании, протесты в Таиланде. В других же случаях, особенно в преддверии революций, власть начинает делать ошибку за ошибкой. Предположительно — здесь совместно действуют как минимум три фактора.

Во-первых, имеет место известный феномен «разложения» правящей верхушки: долгое нахождение у власти, лесть приспешников, искажение картины мира, негативная селекция в административном аппарате, слишком благодушная или, наоборот, истеричная реакция на возникшие напряжения и угрозы — все это способно существенно снизить качество решений.

Во-вторых, сами решения обретают плоть только при их выполнении на нижних этажах административной иерархии. Если же к этому времени снизилась легитимность правителя, возросло общественное отчуждение по отношению к власти, то оно затрагивает также средние и нижние слои управленческой пирамиды. Поступающие сверху решения либо игнорируются, либо их выполнение затягивается, либо они карикатурно извращаются так, что приводят к обратному результату.

Наконец, в-третьих, качество решений и действий власти получает общественную оценку всегда под влиянием господствующих в обществе настроений. Если власть начинают презирать и ненавидеть, то позитивные моменты в ее действиях, скорее, будут игнорировать, а любые недочеты и проколы — выпячивать, раздувать, высмеивать, представлять как лишние подтверждения неумения управлять и/или свидетельства подлых, коварных умыслов. Особую роль в такой интерпретации играют СМИ, поскольку ничто так не добавляет популярности журналистам и изданиям, как критика ставшего непопулярным правительства.

Для полноты комплекта революционной ситуации недостает еще трех компонентов: раскола элит, падения лояльности силовых структур и «горючего материала» — большого числа людей, готовых открыто выступить против власти (см. рис. 5.3).

Поведенческие стратегии потенциальной контрэлиты, высших чинов и офицеров аппарата принуждения следует объяснять на вполне рациональных основаниях. Эти группы способны достаточно трезво оценивать перспективы безопасности и политического продвижения в вариантах явной поддержки власти, саботирования ее решений и «ухода на дно» или же открытого перехода на сторону протеста. На действия последнего типа решаются обычно те представители элиты, которые уже попали в опалу, унижены и оскорблены действующей властью, осознали полное отсутствие перспектив не только роста, но и сохранения своего положения при прежнем порядке. Офицеры высшего и среднего звена обычно выжидают до последнего, и только при полной очевидности победы протеста переходят на его сторону.

Рациональные соображения есть и у недовольных масс. Они касаются прежде всего оценки опасности/безопасности участия в открытом протесте,

оценки силы политической альтернативы (лидера и организации), соответствующих перспектив победы. Наряду с этими соображениями в протестной среде всегда огромную роль играют групповые эмоции. Гнев, отчаяние, стремление быть с соратниками, разделить судьбу с близкими добавляют решимости к радикальному поведению. Разумеется, для полноценного «горючего материала» должна быть социальная и демографическая основа, например, избыток безработной городской молодежи.

Затруднительно найти такую революцию (тем более успешную, со свержением власти), которую не предваряла бы революционная ситуация с комплектом вышеуказанных признаков (см. рис. 5.3). Однако не каждая революционная ситуация непременно ведет к революции. Трудность состоит в том, что в таких случаях гораздо труднее выяснить, достигли ли эти признаки критических значений: если победители с удовольствием бравировуют своей ролью и приверженностью революционным идеям, то потерпевшие провал надежд неудачники предпочитают помалкивать о своих неоправдавшихся чаяниях.

Тем не менее, систематический теоретико-исторический анализ революционных ситуаций, приведших и не приведших к революциям, еще ждет своих исследователей. Только такой анализ позволит уточнить, как и где проходит грань значений признаков, а также при каких условиях и какие успешные действия власти позволяют избежать революции (см. метод теоретической истории в книге [Розов, 2009, гл. 6]).

Далее обратимся к теоретическому анализу самой революционной динамики.

Глава 6

Закономерности и траектории революционной динамики

1. Фазы открытого конфликта

Если эти возникшие массовые протесты подхватываются в разных местах и разными слоями, группами населения, тогда как режим продолжает делать ошибки и слабеет, то начинается период открытого революционного конфликта, чреватый свержением власти, а в крайних случаях — разрушением государственности, базовых социальных структур и распадом страны.

Модели конфликтной динамики (см. блоки 3–7 на рис. 4.1) в острые периоды кризиса и революции разработаны слабее всего, поскольку слишком много в ведущейся борьбе зависит от складывающихся обстоятельств и меняющегося поведения акторов в этих обстоятельствах при ослаблении или разрушении институциональных рамок.

То же относится к *моделям разрешения кризиса, завершения революции и становления новой стабильности*, относящимся к периоду, когда некая коалиция начинает уверенно доминировать, устанавливает свои правила и институты (иногда через десятилетия политической турбулентности и гражданских войн). Вместе с тем взаимодействие, в том числе конфликтное и конкурентное, продолжается и после открытого конфликта, результатом чего становится становление институтов и консолидация соответствующих групп, их отношений как основа новой стабильности.

Для моделей конфликтной динамики и разрешения кризиса перспективным представляется средний путь между частными историческими описаниями и формальными моделями. От характера акторов, их коалиций и выбранных стратегий зависит тип динамики (русло, сценарий), а в каждом типе динамики есть свои правила ее протекания и разрешения. Здесь трудности объяснения следует преодолевать через формулирование и проверку гипотетических принципов, закономерностей, через переключение между моделями разного масштаба и учет разных полей взаимодействия.

2. Подход к объяснению динамики революций

Представим рассмотренные в главе 4 варианты углубления и разрешения социально-политических кризисов следующей фазовой схемой (рис. 6.1).

Блок «*Общие закономерности и механизмы динамики*» методологически играет роль универсальной гипотезы в схеме научного объяснения К. Гемпеля [Гемпель, 2000], но с существенным усложнением: речь идет не об одном процессе, который при заданных начальных условиях и верности гипотезы должен привести к явлениям определенного класса, а о множестве разномасштабных и разнонаправленных процессов, связанных между

собой в циклы и сети. Соответственно, мы здесь имеем дело не с одной гипотезой, а с множеством групп гипотез, относящихся к разным аспектам и разным масштабам исторической динамики, начиная от ритуальных действ в ситуациях здесь-и-сейчас и кончая вековыми трендами.

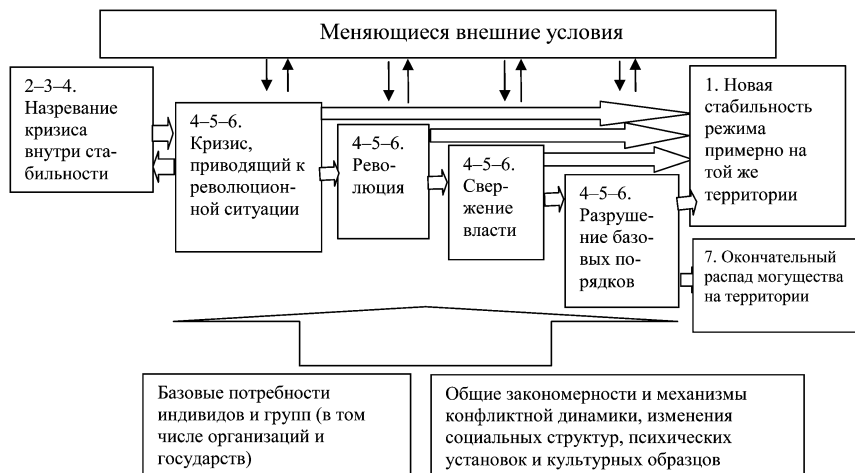

Рис. 6.1. Фазы углубления кризиса под действием меняющихся и постоянных детерминант конфликтной динамики. Номера блоков показывают соответствие с фазами универсальной модели исторической динамики (рис. 4.1)

3. Действие триггеров

Общим местом всей литературы о революциях стало представление о непредсказуемости и широчайшей вариативности событий первого слоя причинности — триггеров подъема массового и нарастающего возмущения.

Не следует даже пытаться классифицировать такие события. Достаточно указать на их природу «закономерных случайностей». Эффект триггеров имеет место, когда система настолько напряжена и готова к бурному изменению (см. главу 5), что к этому ее может подтолкнуть любое событие некоторого класса, а вот именно где, когда и какое это будет событие — уже не имеет особого значения и не поддается предсказанию [Perrow, 1984; Коллинз, 2015, гл. 2].

Предположительно, смысловые характеристики таких событий должны соответствовать сложившимся установкам отчуждения и ненависти в отношении конкретных представителей власти, правительства или режима в целом. Именно тогда возникают общие эмоции гнева, возмущения, которые поднимают людей на открытые протесты, восстания, акты разрушения и насилия.

Раскроем метафору «напряженности и взрыва» вначале в терминах динамики переменных, а затем на основе объединенной концепции ритуалов, габитусов и оперантного обусловливания.

На рис. 6.2 представлены следствия перехода к стратегиям подавления S_2 в отношении признанных виновными за угрозу или ущерб (ухудшение H из-за напряжения T). Сама активность обвиняемых акторов действительно может усиливать напряжение и негативный вызов, но само обвинение иногда оказывается наветом (стрелка $S_2 \rightarrow T$ прервана знаком вопроса).

Заметим, что стратегии подавления не преодолевают вызов (нет прямой усиливающей связи от S_2 к H). Лавинообразный рост отчуждения и эскалация конфликта происходят благодаря тому, что применяемые противниками стратегии подавления ведут к издержкам C , ущербу сторон, ответным ударам (активности S_3 обвиняемого актора), т. е. формируется контур положительной обратной связи $S_2 \rightarrow C \rightarrow S_3 \rightarrow S_2$. Кроме того, издержки C ведут к еще большему ослаблению прежней обеспечивающей структуры S_1 — переговоров и компромиссов.

Здесь приходится схему расширить и ввести дополнительный тип — *разрушающие структуры D (Destruction)*. Эти структуры также имеют свои издержки C_1 (нарушения общественного порядка, лояльности, легитимности, миролюбия, выполнения договоров и проч.), которые начинают угнетать другие гомеостатические переменные H_1 , что и ведет к формированию разрушительных кругов положительной обратной связи — к глубокому кризису (революции, государственному распаду, войне).

Как выглядят те же процессы на языке ритуалов, установок и подкреплений? Состояния благополучия и стабильности выражаются не только в успешных практиках, но и в регулярных ритуалах солидарности и лояльности, где соответствующие символы и установки подкрепляются плодами этих успехов: праздники, чествования, награды, пиры и т. п. Рост напряжения, падения гомеостатических переменных, накопления соответствующего дискомфорта и раздражения выражается в срыве ритуалов солидарности и лояльности, в скандалах, а также учащении ритуалов иного типа — с поиском и порицанием виновных, формированием новой солидарности между согласными в этих обвинительных и агрессивных установках.

Пусковое событие (обычно связанное с особо скандальным насилием, убийством, гибелью, унижением достоинства) приводит к «взрыву» именно по той причине, что тут же становится предметом страстных обсуждений, переживаний. Тогда эмоции, возбужденные в этих ритуалах, становятся настолько сильными, что кто-то предпринимает уже явные, известные другим действия против «назначенных виновными». Скорая солидарная поддержка этих действий воодушевляет остальных, становится сильнейшим положительным подкреплением коллективных действий — и далее включается модель «снежного кома». При этом растущий мятеж, массовые уличные протесты или массовые патриотические подъемы в начале крупных войн — все имеют ритуальную природу. Ритуалы уже здесь не камерные (в семье, среди своих), а широкие, иногда — общенациональные.

5. Переход к революции

Когда при ослабевшем режиме уверенно и масштабно нарастает мобилизация протеста, появляется прямая угроза свержения власти, т. е. начинается революция. Ее признаками являются доминирование, популярность радикальных лозунгов («Долой...!», «Смерть...!»), сдвиг центра внимания и активности на поле силового противостояния. Но и в этой ситуации революция может быть подавлена, если режиму удастся привлечь верные войска, готовые к насилию, переломить ход борьбы, переложить вину за кровопролитие на бунтовщиков (случай Парижской коммуны). Следствием такого развития событий обычно является реакция, усиление авторитаризма, когда дисбалансы и напряжения не преодолеваются, но «загоняются внутрь».

Обнаруживший свою неспособность к силовому подавлению революции режим становится готовым к переговорам и уступкам [Tilly, 2003; Шарп, 2012]. Даже при крайнем упрямстве правителя и правящей группы в такой ситуации их обычно смещают, поскольку поражение в силовом противостоянии — универсальный фактор делегитимации.

Но будет ли готова сторона протеста к уступкам, либо она потребует радикальной смены власти и режима? Можно лишь указать на главные факторы, способствующие согласию лидеров протеста на уступки:

- обещания и поведение представителей режима производят впечатлительные готовности к существенным реформам, прежде всего к выполнению требований протеста и к допуску во власть его лидеров;
- предлагающие мирные переговоры («круглый стол») представители режима не считаются преступниками, например, отдававшими приказы расстрела мирных граждан;
- наиболее одиозные, вызывающие негодование представители режима (нередко сам правитель, руководители его силовых структур) либо смещены, арестованы, убиты, либо бежали.

Успешные переговоры, обновление власти с включением в нее лидеров протеста или свержение, смена власти не дают гарантий последующей стабильности. Революционный процесс продолжается уже с меньшими, но не исчезнувшими рисками обрушения в гражданскую и/или международную войну, с территориальным распадом той или иной глубины.

6. Открытый конфликт — результат выбора сторонами агрессивных стратегий

Для понимания природы и общих черт конфликтов полезно представить те характеристики ситуаций, когда конфликты не возникают. Такое бывает при разделении субъектами (индивидами или группами) территорий, когда границы между ними признаны (чья квартира или дом, где именно граница провинции или страны), никто никому не наносит ущерб и каждому достаточно собственных ресурсов.

Долгое и устойчивое мирное взаимодействие субъектов на одной территории также возможно, но только при институционализации отношений,

таких как международный порядок дипломатического разрешения конфликтов, политическая борьба за власть при демократических выборах и экономическая конкуренция при эффективных законах, защищающих стороны. Возможна также институционализация иерархических отношений (родители — дети, свободные — рабы, сеньоры — крестьяне, хозяева — слуги, мастера гильдий — ученики, администрация — работники, профессора — студенты), когда частные конфликты нередко случаются, но разрешаются или подавляются согласно институциональным правилам в рамках типовых практик.

Итак, значимые, ведущие к существенным изменениям в исторической динамике конфликты происходят при ослаблении институтов (вплоть до разрушения) и могут приводить к их замене новыми институтами. Поэтому сила, авторитет институтов, соответствующих правил взаимодействия с необходимостью входят в состав главных переменных конфликтной парадигмы.

Также в конфликтах всегда значимы уровни насилия, агрессивности, отчуждения, потенциальной и реальной разрушительности. Дело здесь не ограничивается жертвами и материальным ущербом. Высокий уровень насилия (где архетипичны этнические чистки, геноцид, международные и гражданские войны) оставляет глубокие следы и долговременные травмы в ментальности, отношениях, институтах, культуре.

Интенсивность и длительность конфликтов связаны с величиной мобилизованных ресурсов, а последняя — с обширностью круга вовлеченных в конфликт, с величиной коалиций. Конфликты, особенно с высоким уровнем насилия, сопровождаются издержками, сокращающими ресурсы, поэтому тлеющие конфликты могут продолжаться гораздо дольше, чем открыто насильственные, вооруженные, разрушительные.

Наиболее трудными, неопределенными являются вопросы траектории и сроков конфликтов, вопросы о том, кто станет победителем, каковы будут результаты этой победы, к чему приведет «ничья», разрешится ли на этом конфликт или вспыхнет с новой силой [Boulding, 1962; McAdam et al., 2003, p. 193–226].

7. Три главных русла конфликтной динамики

На основе обобщения и развития классических и современных концепций социально-политических кризисов и конфликтов [Boulding, 1962; Moore, 1966; Козер, 2000; Tilly, 2003; Коллинз, 2015] примем в качестве рабочей следующую конструкцию (ключевые понятия выделены курсивом).

Каждый актор имеет *стратегические и меняющиеся тактические цели* из набора имеющихся *политических альтернатив*, вступает в *союзнические или конфликтные отношения* с другими акторами, пытается мобилизовать ресурсы, сосредоточить силы и общественное внимание на том или ином предпочтительном для себя *поле взаимодействия*. При этом каждый актор стремится повысить свою *легитимность* и обрушить легитимность противников, переживает подъемы и спады собственной легитимности как вследствие своих действий, так и под влиянием их трактовки другими акторами.

Конфликт идет по руслу *эскалации взаимной агрессии и насилия* при следующих условиях:

- провалы многих попыток договоров и компромиссов;
- унижение словами или действиями, откровенная жестокость с одной или с обеих сторон, когда жажда мести за убитых товарищей захлестывает остальные соображения, при слабой дисциплине;
- наличие ресурсов для агрессивных действий (захваты площадей, улиц и зданий и их «зачистка», правовые основания и оперативные силы для арестов, спецсредства для рассеивания протестующих, самодельные средства для возведения и защиты баррикад, для противостояния силам режима, различные типы оружия, в том числе огнестрельного);
- надежды той или иной стороны на свое преимущество и скорую победу (запланированное насилие);
- когда силовые ресурсы накоплены, стагнация становится невыносимой, и в какой-то момент на каждое действие другая сторона отвечает более агрессивным действием, что включает круг положительной обратной связи (никем не запланированная эскалация взаимного насилия).

Агрессия — опасное, рискованное направление активности, к тому же чреватое большими издержками. Тем более важно указать на факторы, подкрепляющие агрессивные стратегии:

- неожиданный и внушительный триумф победы над противником;
- временное снижение интенсивности вызова, снижение уровня дискомфорта, воспринимаемое как следствие победы;
- успешное ассоциирование результата агрессивной стратегии с общим архетипом прошлых славных побед, связанных с групповой (национальной, конфессиональной, этнической) идентичностью;
- надежды на помощь со стороны могущественного внешнего союзника, его посулы;
- уступки противной стороны, интерпретированные как ее слабость и готовность уступать дальше;
- агрессивный ответ противной стороны, характер которого (особая неадекватная жестокость, коварство, подлость, избиение слабых и безоружных и проч.) вызывает не страх, а ожесточенное упорство;
- наличие организационных и силовых ресурсов для продолжения агрессивных стратегий.

Конфликтная динамика идет по руслу *договоров, компромиссов и перехода к мирной конкуренции* при следующих условиях:

- переговоры ведут хотя бы к небольшим успехам для каждой стороны, что дает перспективу и настрой на продолжение этой линии поведения;
- накал страстей не достиг уровня, когда жажда мести затмевает остальное, либо долгое перемирие (две-три недели и более) снижает гнев и агрессивные чувства сторон;

- продолжение агрессивных действий для обеих сторон представляется бесперспективным и/или крайне опасным как для себя, так и для значимых ценностей (риски раскола страны, гражданской войны и проч.);
- истощены ресурсы для агрессивных стратегий, насилия с обеих сторон;
- зависимость каждой стороны от внешних сил, не заинтересованных в эскалации насилия, блокирует агрессивные действия сторон;
- обе стороны достаточно дисциплинированы для того, чтобы выполнять условия соглашений.

Конфликтная динамика *неустойчива, агрессия сменяется перемириями и вновь возобновляется, но без большой эскалации*, когда нет выраженных условий для эскалации и условий для угасания насилия, вместо этого:

- в переговорах что-то достигается, но надежного и поступательного улучшения положения нет, поэтому переговоры разочаровывают и на время прекращаются;
- при возобновлении агрессии новые жертвы насилия ощутимо роняют репутацию нападающей стороны (делегитимируют ее), что ограничивает обоюдное насилие;
- ресурсы агрессивных стратегий не полностью истощены (проводится некое пополнение и замена уставших, выбывших), но ни у одной из сторон нет большого резервуара, возможностей быстро нарастить силы для борьбы;
- организованность и дисциплина обеих сторон достаточна для продолжения противостояния и стычек, но недостаточна для надежного выполнения мирных договоренностей;
- нет надежд акторов на скорую победу, но нет и удовлетворительных перспектив замирения, поскольку остается ситуация «загнанности в угол» у обеих сторон, так как каждая опасается наказаний за свои прошлые насильственные действия.

Очевидно, что аспекты победы, поражения или патовой ситуации («ничьей») всегда связаны с соотношением ресурсов и их мобилизованностью — готовностью к применению. При этом простое арифметическое сравнение ресурсов недостаточно (хотя и необходимо). Ситуация, как правило, усложняется тем, что борьба ведется на разных *полях взаимодействия*.

8. Поля конфликтного взаимодействия

Состав полей может меняться от общества к обществу, от эпохи к эпохе, но всегда полезно выделять при исследовании социально-политических процессов следующие.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА — взаимодействие по установленным, часто писанным, правилам:

- *правовое поле* — иски, судебные разбирательства и все, что с ними связано; контроль над насилием (поддержание порядка и безопасности);

- *административное поле* — взаимодействие между ведомствами и внутри них в соответствии с бюрократическими практиками;
- *электоральное поле* — предвыборная борьба, выборы и последующее перераспределение должностей в обществах с реальными или декларируемыми демократическими принципами государственного устройства;
- *поле парламентской политики* — взаимодействия в представительных, законодательных собраниях разного уровня.

СФЕРА МИРНОЙ КОНКУРЕНЦИИ ВНЕ ФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ:

- *символическое поле, или поле публичного дискурса* — идейная борьба, публицистика, пропаганда, продвижение лозунгов, манифесты, речи лидеров, информирование и информационные войны;
- *поле организационной работы и мобилизации* — создание и расширение групп, иерархий, сетей, способных к скоординированным действиям;
- *поле политического торга и образования коалиций* — переговоры, как правило, скрытые, относительно бартерного обмена в отношении поддержки, доступа, услуг, коалиций и проч.;
- *экономическое поле* — переговоры, сделки, сотрудничество относительно денег, материальных ресурсов, благ, товаров и услуг.

СФЕРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ БЕЗ ПРАВИЛ ИЛИ С «ПЛАВАЮЩИМИ» ПРАВИЛАМИ:

- *поле уличной политики* — протестные демонстрации, шествия, митинги, пикеты, а также массовые действия в поддержку властей, марши и парады, демонстрирующие силу режима;
- *поле вооруженной борьбы* — конфликтующие стороны уже используют оружие, готовы убивать и умирать, но у хотя бы одной стороны нет полноценной военной, армейской организации;
- *поле войны* — систематические вооруженные столкновения, когда запреты на насилие практически сняты и обе стороны имеют военную организацию, способности доставать, производить оружие и боеприпасы, рекрутировать новых бойцов, используют оружие с направленностью на уничтожение противника.

В определенный период некоторые поля могут быть незадействованными (нет выборов, нет уличной политики) или стабильными (когда в институциональном, силовом полях все идет по заведенному порядку). В политически напряженные периоды, особенно во времена кризисов, острых конфликтов, в большинстве полей идет напряженное взаимодействие. Центр общественного внимания и приложения политических сил может перемещаться от поля к полю (например, от фальсификаций на выборах — к уличной политике — к силовому противостоянию — к политическому торгу и созданию коалиций — к войне или обратно к электоральному полю).

В революционные периоды институциональная и конкурентная сферы ослаблены или вовсе разрушены, хотя электоральное поле в еще мирное время остается актуальным: проходят партийные выборы, выборы представителей на разные съезды, в ассамблеи, учредительные собрания и проч.

Поля публичного дискурса и переговоров всегда исключительно важны в политике. В революционные периоды наиболее опасно, когда в дискурсе начинают преобладать призывы к уничтожению противника, а от переговоров стороны отказываются. Тогда уличная политика радикализуется и превращается в поле вооруженной борьбы. Победившая сторона всегда с тем или иным успехом пытается восстановить поля мирного взаимодействия под своей властью.

При паритете сил, когда ни одна сторона не способна убедительно выиграть на основной территории страны, остается возможность вернуться к переговорам, созданию коалиционных органов власти, выборам или признаваемым сторонами судебным разбирательствам. Если такой возможностью стороны не воспользовались, тогда вооруженная борьба переходит в стадию гражданской войны, которая имеет уже свою специфическую динамику.

В каждом поле есть своя логика выигрыша и проигрыша, а также есть логика перехода основной активности от поля к полю, например, проигрыш актора в одном поле обычно ведет к тому, что он пытается «отыграть» в другом поле, где обладает (считает, что обладает) превосходящими ресурсами. Кроме того, выигрыш в одном поле (например, в символическом) обычно ведет к росту ресурсов в других полях (легче рекрутировать новых участников, легче создавать коалиции, легче получать финансирование).

Методологию исследования взаимодействий в этих полях еще предстоит разработать. Пока ясно только, что потребуются как минимум три типа моделей:

- *игровые модели с правилами выигрышей и проигрышей* участников взаимодействия в каждом из этих полей в зависимости от условий, ресурсов акторов и выбираемых ими стратегий;
- *модели влияния* этих выигрышей и проигрышей актора в одном поле на его условия и ресурсы в других полях;
- *модели закономерностей переходов от поля к полю* основной активности актора в зависимости от его прошлых результатов, собственных ресурсов и представлений о ресурсах противников.

Как правило, основные акторы одновременно «играют на нескольких досках» — предпринимают ходы и стратегии в нескольких полях, а следствия выигрышей и проигрышей на одних полях более или менее закономерно влияют на прирост или потерю ресурсов в других. Самое трудное, но и самое значимое в объяснении и понимании кризисной, конфликтной динамики — это переломные моменты, когда в одном поле (обычно в силовом или в поле политического торга) происходят события, «опрокидывающие доску с фигурами», после чего происходят быстрые драматические изменения в силе и ресурсах акторов на всех остальных полях.

Интересы каждой стороны обычно состоят в переводе главных взаимодействий и центра внимания на то поле, где она обладает ресурсным преимуществом.

Принцип удержания поля: каждый актер стремится удержать политическое взаимодействие в том поле, в котором имеет ресурсное преимущество (или рассчитывает на него).

Принцип смены поля: при недостаточности ресурсов в актуальном поле взаимодействия (например, мирном, правовом, электоральном) и невозможности, при угрозе проигрыша и отсутствии надежд, получить в нем преимущество, политические акторы склонны накапливать альтернативные ресурсы и переводить взаимодействие в иное поле (например, поле уличных протестов и/или вооруженного противостояния).

При обострении конфликта рано или поздно происходят решающие битвы на одном или нескольких полях, после чего закрепляются результаты через установление новых отношений между сторонами, через соответствующую институционализацию.

9. Модель «режим/протест»

В самой общей априорной модели с двумя противниками конфликт обостряется при двух условиях: продолжении агрессивных стратегий обеими сторонами и примерном равенстве ресурсов. Конфликт прекращается двумя главными способами: либо одна сторона оказывается сильнейшей, обладающей большими ресурсами в решающих схватках, и уверенно выигрывает, либо стороны по каким-то причинам (усталость, истощение ресурсов и веры в победу, актуализация мирных мотивов и ценностей, внешнее принуждение и проч.) прекращают агрессию и начинают договариваться. В третьем случае конфликт переходит в долговременную тлеющую форму.

Приблизим эту модель к нашей проблеме и обозначим двух участников конфликта как *режим* (правящая группа с лояльными элитами и аппаратом принуждения) и *протест* (контрэлита, а также лидеры, организации, массы недовольных и восстающих против режима).

Вплоть до свержения власти режим является либо сильнейшей стороной, либо паритетной в сравнении с протестом. Соответственно, кризис преодолевается, и революция завершается без свержения власти либо через убедительную победу режима (прямые репрессии, иногда подкрепленные внушительной символической дискредитацией протеста), либо через замирение, переговоры, уступки и реформы.

Режим побеждает благодаря преимуществу в ресурсах, прежде всего силовых, организационных, символических и финансовых. Трудность состоит в том, что с началом кризиса режим теряет уверенность в этом преимуществе, ведь стандартные ответы не работают, а новый ответ на растущий протест (как правило, наращивание репрессий и агрессивной пропаганды) также не ведет к разрешению кризиса.

Фактически суть всей динамики кризиса состоит в состязании между режимной мобилизацией и протестной мобилизацией [Tilly, 1977]. Режим привлекает все больше силовых структур, ужесточает репрессии, наращивает разоблачительную пропаганду против лидеров протеста. Мирный протест пытается вывести на улицы больше людей, клеймит режим за неоправдан-

ную жестокость, а при радикализации протест начинает создавать вооруженные отряды, сам начинает применять насилие.

Обе мобилизации могут давать сбой. На стороне режима все больше офицеров, в том числе высших, отказываются подчиняться жестким приказам «восстановления порядка», а на стороне протеста социальная поддержка истощается, когда после первых поражений в силовых схватках решимость протестующих уступает настроениям провала и отчаяния.

Если явно буксует режимная мобилизация, то режим становится готовым на уступки. Когда протест также испытывает затруднения с дальнейшей мобилизацией, его лидеры соглашаются, и кризис преодолевается. Насколько надежной и длительной будет восстановленная стабильность, зависит от адекватности уступок и реформ природе напряжений и недовольств, которые привели к кризису. При сугубо демонстративных, жульнических уступках напряжения будут вновь копиться.

10. Взаимосвязь факторов эскалации и угасания конфликта

Вариант взаимосвязи основных переменных, значимых для интенсивности конфликта, представлен на рис. 6.3. При относительном балансе сил стороны достигают согласия, когда ожидаемые выгоды мира для обеих сторон весомее, чем надежды на победу, а также реальный и угрожающий в будущем ущерб от продолжения борьбы.

Рис. 6.3. Взаимосвязь факторов конфликтной динамики. Черные блоки больше связаны с эскалацией (обострением и расширением) конфликтов. Белые блоки — с угасанием, разрешением конфликтов, а также с их профилактикой благодаря установлению авторитетных правил мирного взаимодействия

Разные контуры тренд-структуры активны в разных фазах динамики кризиса. При отсутствии открытого конфликта действует контур со следующими блоками-факторами:

- 6 — нежелание стороны терпеть издержки от взаимной агрессии;
- 10 — авторитетность правил социального мира и институционального взаимодействия;
- 11 — накапливаются ресурсы для мирной конкуренции, а не для насилия;
- 1 — предпочтение стратегий компромиссов;
- 3 — низкий уровень агрессивности;
- 7 — победители в мирной конкуренции выполняют ее правила и вновь 10 — авторитетность этих правил.

Почему же все-таки возникает открытый конфликт? В рамках данной модели главным его источником является фактор 4, когда одна из сторон получает существенное ресурсное преимущество. Таковой обычно бывает правящая группа (коалиция) при авторитарном режиме, «подмявшая» под себя основные административные, силовые, финансовые, символические ресурсы. Маховик конфликта раскручивается в следующей взаимосвязи факторов:

- 4 — ресурсное преимущество правящей группы и сил режима;
- 9 — расчет режима на внешнюю поддержку благодаря своему легитимному могуществу на территории;
- 1 — компромиссы со слабыми уже не нужны, режим принимает стратегии подавления;
- 6 — издержки от таких стратегий пока малы и не принимаются во внимание;
- 7 — режим нарушает правила, поскольку власть не ждет санкций за нарушение;
- 10 — авторитетность правил падает;
- 11 — стороны копят ресурсы уже для борьбы, а не для мирной конкуренции;
- 2 — растет сила противостоящих коалиций и вновь усиливаются факторы 1 и 3, что ведет к эскалации насилия в открытом конфликте на поле насилия или даже войны.

Далее в главной развилке такого конфликта либо побеждает одна сторона (режим или восставшие против режима), либо стороны договариваются, переходят к мирному взаимодействию (например, соглашаются о порядке новых выборов), либо продолжается тлеющий, временами вспыхивающий новыми рецидивами насилия конфликт.

Победа одной из сторон обычно связана с высокими значениями для нее факторов 4 (ресурсное преимущество), 8 (легитимность) и 9 (внешняя поддержка). В редких случаях победы революции через свержение прежней власти именно это сочетание играет главную роль.

Стороны договариваются, переходят к мирному взаимодействию по следующим причинам:

- 6 — для обеих сторон выросшие издержки от агрессивных стратегий, насилия и разрушений становятся неприемлемыми;
- 5 — растет внешнее сочувствие жертвам победителя;
- 8 и 9 — снижаются легитимность и внешняя поддержка победителя;
- 4 — пропадает одностороннее ресурсное преимущество;
- 1 — в патовой ситуации стороны отдают предпочтение стратегии компромиссов.

Наконец, третье русло протекания конфликта — переход в длительную фазу тления с рецидивами насилия — определяется совместным действием тех же контуров. Уровень обоюдной агрессивности 3 циклически меняется, поскольку то одна, то другая сторона получает преимущество в легитимности 8, внешней поддержке, ресурсах 4. Соответственно, колеблются величина издержек 6, строгость соблюдения правил сторонами 7, и авторитетность этих правил 10 не столь низкая, чтобы стороны все свои силы бросали в бой, но и недостаточно высокая, чтобы они отказались от взаимной агрессии.

Процессы государственного распада происходят при достаточно долгой насильственной борьбе — гражданской войне, что предполагает отсутствие очевидного и подавляющего преимущества какой-либо стороны, т. е. при примерной паритетности ресурсов, причем стороны уже не принимают во внимание огромные издержки взаимного насилия: им нужна победа «любой ценой» (см. главу 7 о динамике государственного распада).

11. От чего зависит соотношение сил и уровень насилия

Следующие факторы способствуют преимуществу правящего режима в силе и социальной поддержке:

- уровень централизации и государственной монополии в контроле над оружием и вооруженными отрядами (снижается в военное время);
- уровень лояльности и дисциплинированности в силовых структурах (армии, полиции, спецслужбах); снижается при военных поражениях, делегитимации власти, рекрутских наборах из недовольных социальных групп;
- уровень административного, финансового и символического контроля над СМИ;
- опыт, структуры и кадры мобилизации общественной поддержки со стороны режима.

Всегда есть объективные (в институтах) и субъективные (в установках и габитусах участников) факторы, ограничивающие настроения агрессии и препятствующие насилию. Так, трудность поляризации на враждующие лагеря из-за переплетенности сетей ограничивает отчужденность и агрессию, поскольку при любом проведении разграничительной линии («линии фронта») для каждого участника, в том числе для лидеров, на «вражеской стороне» оказывается слишком много людей, с которыми есть разного рода связи солидарности (родственные, этнические, соседские, конфессиональные, сословные, профессиональные и проч.). При высокой общности

символов и идентичностей в противостоящих лагерях затруднительно или вовсе невозможно осуществлять агрессию в отношении «своих».

Высокая социальная мобильность, открытость социальных групп также служит ограничением, поскольку усиливает ту самую переплетенность, тогда как при закрытости общества сословные, классовые, этнические, профессиональные границы с большей легкостью превращаются в линии отчуждения и вражды.

В той же логике высокая демократичность, или шире — партиципаторность политического режима (уровень участия граждан в принятии решений, управлении) снижает агрессию, поскольку конфликты переводятся в модальность голосования, переговоров, споров с возможностью коллегиальных решений и компромиссов. То же касается общего уважения к праву, суду, другим способам мирного разрешения конфликтов. Большое значение имеет наличие авторитетных лиц, групп, которым делегируется право на общее решение.

Таким образом, при противоположных значениях по каждому аспекту вероятность эскалации конфликта с высокой агрессией и большим насилием увеличивается: когда нет переплетенности сетей, когда социальные группы (сословия, классы, касты) закрыты и затруднена социальная мобильность, нет общих символов поклонения, низка партиципаторность, никто не доверяет ни суду, ни авторитетам в решении накопившихся проблем со взаимными претензиями.

12. Принципы конфликтной динамики

Реальная расстановка сил в кризисах и революциях гораздо сложнее, чем упрощенная модель «режим/протест». Акторы (политические организации с лидерами) многочисленны, они распадаются и трансформируются, образуют между собой разные коалиции.

На основе обобщения теоретических результатов М. Вебера, Г. Зиммеля, Л. Козера, Б. Мура, К. Боулдинга, А. Стинчкомба, Ч. Тилли, Р. Коллинза, а также с учетом идей, хлестких лозунгов успешных практиков революции (В. Ленина, Л. Троцкого, Мао Цзэдуна, Че Гевары) зафиксирруем следующие принципы конфликтной динамики.

О ЦЕЛЯХ И СТРАТЕГИЯХ АКТОРОВ:

- *принцип позиционного предпочтения политических альтернатив (принцип Мура)*; каждый актер склонен поддерживать ту политическую альтернативу (проект института власти, образ будущего государственного устройства, характер будущих экономических отношений и проч.), при которой он укрепит свои позиции благодаря преимуществу в специфических ресурсах и ослабит позиции наиболее опасных для себя противников; в согласии с тем же принципом каждый актер склонен отвергать те альтернативы, при которых он ослабит свои позиции из-за дефицита специфических ресурсов, тогда как наиболее опасные противники свои позиции усилят;

- *принцип идейной зависимости*; каждый актор в той или иной мере ограничен в выборе политической альтернативы обязательностью ее соответствия принимаемой им идеологии (публично заявленным ранее идеалам, образцам, нормам, принципам); это ограничение тем более строгое, чем больше актор направлен на сохранение, повышение своей правовой и международной легитимности, и тем менее строгое, чем больше актор стремится к получению парамилитарной, идеологической, популярной и силовой легитимности и чем больше он пренебрегает правовой и международной легитимностью.

О ВЫБОРЕ СОЮЗНИКОВ И ФОРМИРОВАНИИ КОАЛИЦИЙ:

- *принцип предпочтения союзников*; в ситуациях альтернативных возможностей заключения союзов политический актор склонен приглашать в союзники того актора, от которого меньше ожидает угроз для своей позиции и от которого ожидает большей поддержки в недостающих ресурсах;
- *принцип «враг моего врага — мой друг»*; акторы, чувствующие угрозу для своих позиций, угрозу дискредитации, репрессии, уничтожения, склонны составлять союзы с любыми противниками угрожающих акторов; при этом у разных акторов есть разные пороги допустимого в составлении таких коалиций; чем больше их идентичность связана с правовыми, конституционными установками, с авторитетной, правовой и международной легитимностью, тем строже идеологический правовой, моральный ценз для принятия в союзники.

О ТИПАХ И ФАКТОРАХ ЛЕГИТИМНОСТИ:

- *принцип Вебера*; легитимность политического актора (в том числе верховного органа государственной власти) прямо зависит от престижа и могущества на внешней арене, от побед и поражений в военное время, заслуга или вина в которых приписываются этому актору;
- *принцип сдвига легитимности*; в больших и могущественных державах при глубоком политическом кризисе, революционных событиях снижается роль правовой и международной легитимности в пользу идеологической, авторитетной, силовой и появившейся парамилитарной; в такие периоды сама авторитетная легитимность сдвигается от интеллектуальных, духовных авторитетов к политическим лидерам с яркой риторикой, а идеологические символы превосходят по значимости формально-правовые нормы и общеправовые принципы;
- *эффект вооруженной мобилизации*; когда происходит мобилизация для ведения открытых насильственных действий и население получает в руки оружие, — тогда резко повышается роль не только парамилитарной и силовой легитимности, но также популярной и идеологической.

О ФАКТОРАХ И СЛЕДСТВИЯХ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ:

- *эффект актуальности лозунгов для мобилизации (принцип Ленина*: «пришлифоваться к массам»); в публичной риторике выигрывает тот актор, который убеждает слушателей в способности своего движения удовле-

творить их наиболее актуальные потребности; чем выше популярная, силовая или парамилитарная легитимность политического актора, тем более он способен мобилизовать сторонников с установками (идеями, ценностями, идентичностями), соответствующими характеру этой легитимности, а значит, способен контролировать насилие и/или изменять насилие к противникам;

- *факторы победы в силовом противостоянии (принцип Троцкого)*; в открытом конфликте и силовом столкновении выигрывает политический актор с лучшей организацией, планированием и координацией действий, более эффективным оружием в критических столкновениях, решимостью его применять;
- *факторы готовности к насилию (принцип Че Гевары: «что значат их жертвы, когда на кону судьба человечества?»)*; чем больше политический актор привержен сверхидеям тотального «счастья» или «спасения» в будущем, чем больше он убежден в своей правоте и виновности противника, чем больше получает парамилитарную, популярную и силовую поддержку, чем больше чувствует угрозу для своих позиций, тем более он склонен к применению открытого насилия; напротив, чем больше актор ориентирован на правовую и международную легитимность, чем меньше имеет силовой и популярной поддержки, чем менее он убежден в своей правоте и виновности противника, тем менее склонен к применению насилия, особенно не соответствующего формально-правовым законам и общеправовым принципам;
- *эффекты успеха и провала в силовом противостоянии (принцип Мао: «винтовка рождает власть»)*; при общем низком уровне правового сознания победа в открытом столкновении (в том числе вооруженном) резко увеличивает силовую, парамилитарную и популярную легитимность тех, кому приписываются главные заслуги в победе, а также увеличивает поддержку их лозунгов и способов действия; напротив, поражение ведет к падению легитимности проигравших, к дискредитации их идей, стратегий и практик (по сути дела, это вариант принципа Вебера, расширенный для кризисных и революционных периодов).

Особого внимания требует известный *феномен переключения*, когда устрашение, жестокое подавление, убийства со стороны режима вдруг вызывают уже не страх и угасание протеста, а гнев, озлобление, решимость сопротивляться, ответную агрессию и рост массовой поддержки. Такое переключение — это всегда массовый рефрейминг, быстрая и драматическая смена установок. Начальный фрейм «опасный, преступный бунт против порядка и власти» меняется на фрейм «наша праведная борьба с подлым ненавистным врагом». Соответственно, меняются идентичности: от «мы — бунтовщики, недовольные, несогласные, протестующие» к новой идентичности «мы — героические революционеры, борцы за свободу и достоинство». К такому рефреймингу ведут следующие факторы:

- неожиданное, непривычное, особо жестокое, несоразмерное насилие в отношении протестующих, тем более мирных, включающих женщин, детей, стариков;
- массовость протеста, его нарастание изо дня в день, что ведет к уверенности в расширении движения, к общему возбуждению, энтузиазму и ощущению себя «народом»;
- признаки нерешительности и слабости со стороны режима и репрессивных сил, особенно случаи их отказа от насилия, выражения солидарности с протестующими и переход на их сторону;
- наличие критической массы потенциальных бойцов с прошлым опытом силового противостояния, способностями к мобилизации, к организации сопротивления, в том числе вооруженного;
- известность недавно произошедших случаев успеха сопротивления.

13. Историческая развилка как цепочка событий-микроразвилок

В революционный период решающим является не одиночное столкновение, а весь каскад множественных и взаимосвязанных цепочек событий. В рамках данной концепции главными результатами этих событий являются сдвиги в легитимности сторон, так или иначе зафиксированные в институциональных изменениях в сферах власти, контроля над насилием и доступа к ресурсам.

Микроразвилка представляет собой такую ситуацию здесь-и-сейчас, в которой либо выиграть в столкновении может та или иная сторона, либо участники колеблются между разными способами действий (реакциями на происходящее, стратегиями поведения). Если есть примерное равенство сил, факторов, склоняющих поведение участников и ситуацию к тому или иному исходу, тогда предсказать его невозможно, а ретроспективное объяснение обычно сводится к подчеркиванию силы тех факторов, которые привели к уже известному исходу.

В теоретическом плане исключительно интересны такие цепочки микроразвилки, которые последовательно ведут к существенному, масштабному изменению — макрособытию. Каждая победившая революция (в том числе русская, см. главу 8) относится к такому классу макрособытий. Каждая попытка восстановления порядка, которая могла удалиться, но провалилась (случай корниловского выступления в августе 1917 г.), каждый успешный захват и утверждение власти при наличии значительных противостоящих сил (случаи большевистской узурпации власти в октябре 1917 г. и январе 1918 г.) — тот же структурный тип.

Простейшая модель включает два следующих друг за другом события-микроразвилки, когда исход первого существенно повлиял на исход второго. Это влияние может иметь два главных вектора: *уравновешивающий* (ход и противоход) или *усугубляющий* (ход и следующий ход в том же направлении).

В первом приближении стихийное влияние одной ситуации на другие ситуации заключается в том, что участники ведут себя согласно положительно подкрепленным установкам (фреймам, символам, отношениям, идентичностям, стереотипам), притом что установки, получившие ранее отрицательное подкрепление, блокируются или вовсе разрушаются (см. о принципе оперантного обусловливания в главе 1).

Усугубляющий вектор цепочки имеет место, когда критическая масса участников получила в прошлой ситуации положительное подкрепление своих установок и действий, имеет преимущество ресурсов в актуальном поле последующей ситуации и воспринимает соответственно ту же линию поведения как ведущую к победе и соответствующую принятым символам, идентичностям, обязательствам. При этом противостоящие им участники ослабляют или прекращают борьбу из-за полученного отрицательного подкрепления, нехватки ресурсов и появления более привлекательных альтернатив для сохранения или увеличения комфорта.

В той же логике, *противоход с уравниванием* происходит, когда эта масса участников ранее была фрустрирована, воспринимает поддержку прежнего направления действий как проигрыш для себя, предательство символов, отказ от идентичности и обязательств, а противоположную линию поведения — как соответствие символам и идентичностям, продвижение к победе или хотя бы уход от поражения.

В реальности цепочки событий переплетены между собой таким образом, что результаты одного события становятся входами в нескольких других событиях. Поток таких переплетенных событийных цепочек образует *каскад*, который также может иметь усугубляющий, уравнивающий вектор или циклическую динамику в том или ином пространстве измерений [Розов, 2011, гл. 7–10].

Февральская революция, как будет показано далее (см. главы 7–9), имеет структуру усугубляющего каскада. Корниловское выступление в августе того же года интересно тем, что один усугубляющий каскад (до и после Московского государственного совещания) двигал динамику революции в одном направлении (подавления анархо-большевистского радикализма), тогда как после объявления А. Керенским этого выступления «контрреволюционным мятежом» начался каскад с противоположным вектором (делегитимацией не только правых сил, но и Временного правительства, что дало впоследствии возможность узурпации власти большевиками).

14. Поведение в конфликтных ситуациях здесь-и-сейчас (уровень ультрамикро-)

На основе рассмотренных в главе 1 моделей и понятийных конструкций сформулируем следующие закономерности.

- *Принцип выбора альтернатив.* При прочих равных субъект (индивид или группа) выбирает из двух и более альтернатив ту поведенческую стратегию, которая соответствует идентичности субъекта, его организационным и моральным обязательствам в составе социальных уста-

новок, обретенных в недавних наиболее эмоционально внушительных ритуальных действиях, а также с учетом положительного или отрицательного подкрепления прошлых действий.

- *Принцип импрессивности* (ритуальной внушительности установок). В конфликтных столкновениях участники склонны принимать те установки (фреймы, символы, отношения, идентичности, поведенческие стереотипы), которые:
 - в большей мере представляются как соответствующие наиболее сильным актуальным интересам, выражающим потребности сохранить и/или повысить комфорт жизнеобеспечения, или социальный комфорт, или духовный комфорт (а они у разных субъектов разные);
 - актуализируются через близость к общему центру внимания и эмоционального воодушевления, актуализирующему те или иные интересы (потребности комфорта), что обычно задается доминирующим в ритуале престижным, харизматическим лидером, а также участниками, с которыми ранее достигнут высокий уровень солидарности;
 - ассоциируются с прошлым значимым успехом, выигрышем, победой, либо воспринимаются как противоположные причинам досадных, фрустрирующих провалов, проигрышей, поражений.
- *Принцип ритуального доминирования*. Среди нескольких конкурирующих в ритуале лидеров доминировать будет тот, который: а) ассоциируется с победой над внешним противником (по принципам Вебера и Мао); б) наиболее убедительно обещает защиту от угроз и защиту интересов, представляя как сильный, решительный лидер, богатый организационными и/или иными актуальными в сложившейся ситуации ресурсами (силовыми, финансовыми, символическими); в) представляет такую картину реальности и такой план действий, которые либо соответствуют ранее сложившимся убеждениям, либо настолько убедительны и привлекательны (благодаря опоре на более глубинные установки), что производят рефрейминг — смену всех установок в пользу такого лидера.
- *Факторы решимости применять насилие в конфликтных столкновениях*. Физическое, тем более вооруженное насилие, угрожающее здоровью и жизни противника, является крайним типом действий по навязыванию своего ритуала (подавления, устрашения, возмездия, казни и т. д.). Решимости способствуют уверенность в своем силовом преимуществе, чувство правоты (защиты надличностных символов, святынь, ценностей), успех прошлых акций насилия, уверенность в защите «своих» через применение насилия, накопленные отчуждение и агрессия по отношению к «чужим», а в редких случаях — отчаяние, когда любая иная альтернатива оказывается неприемлемой для сохранения идентичности и достоинства.

- *Факторы, воздерживающие от применения насилия.* Тормозят, блокируют решимость к насилию страх поражения, неприемлемость потери идентичности, достоинства, репутации, когда противник безоружен, слаб (особенно если это дети, женщины, старики) или воспринимается как принадлежащий к «своим».

15. Динамическая модель взаимосвязи легитимности и внешнего конфликта

В приложении к своей книге *«Макроистория: опыты социологии большой длительности»* Рэндалл Коллинз вместе с соавторами Габриэль Мордт и Робертом Ханнеманом следующим образом формулирует свою базовую модель:

«Стремление правителей начать внешний конфликт прямо пропорционально разнице между их текущей легитимностью и целью достижения максимальной легитимности. Для любого данного уровня начатого конфликта уровень успеха или неудачи определяется отношением превосходства либо недостаточности могущества рассматриваемого государства к могуществу его противников. Изменение престижа в статусном порядке политических сообществ прямо пропорционально успеху в конфликте, а легитимность следует с некоторым опозданием за престижем» [Коллинз, 2015, с. 405–406].

Заметим, что в этой крайне упрощенной модели есть только один фактор легитимности — геополитический престиж на международной арене. Экономическое состояние страны, уровень довольства граждан не учитываются вовсе. Но и последние, как мы знаем, могут быть следствием внешнеполитических конфликтов (например, в результате санкций). Далее авторы развивают свою модель следующим образом:

«Если рассматриваемое государство сильнее, чем его противники, то наступает успех, а затем растут престиж и легитимность до тех пор, пока правитель не добивается своей цели. Там, где рассматриваемое государство слабее, чем его противники, начинается конфликт, за которым следуют потери, что приводит к падению престижа и легитимности, а тем самым и к росту агрессивности правителя. Это означает, что правитель попадает в ловушку усугубления неудачного конфликта, который предположительно приводит в какой-то момент к его гибели. Эти процессы являются очевидными, когда теория представлена в виде контура обратной связи. Однако мы подозреваем, что большинство социальных исследователей, которые заявляли модели “стремление к конфликту для достижения солидарности” (seeking conflict for seeking solidarity), не думали в терминах динамической системы, и, следовательно, упустили вывод о том, что конфликт в долгосрочной перспективе может либо прекратиться, либо усилиться» [Коллинз, 2015, с. 406].

Графически данная модель представлена на рис. 6.4.

Заметим, что согласно данной модели провал во внешнем конфликте может привести и к последующим авантюрам (попыткам восстановить утрачиваемую легитимность), и к их прекращению (результату страха вновь проиграть). Эта двойственность на схеме выражается усиливающими факторами — к вершине «Международный конфликт»: от дефицита легитимности и от военного успеха. Однако при математическом моделировании ситуации борьбы с более сильным противником выиграла вторая альтернатива: правители предпочитают не ввязываться в конфликты, получая поражения, они готовы мириться с низким уровнем легитимности.

Рис. 6.4. Динамическая модель взаимосвязи легитимности и результатов внешнего конфликта [Коллинз, 2015, с. 406]

16. К чему приводит свержение власти?

Революционное свержение власти — это точка бифуркации с широким спектром политических последствий. Рассмотрим только крайние полюса: относительно быстрое восстановление порядка с преодолением главных напряжений и разрушение государственности, базовых социальных институтов и отношений.

Обобщение признаков наиболее разрушительных революций в Китае (1911–1949 гг.), в России (1917–1920 гг.), в Корее (1948–1953 гг.), на Кубе (1955–1966 гг.), в Камбодже (1968–1996 гг.), в Афганистане (с 1978 г.),

в Сомали (с 1991 г.), в Сирии и Ливии (с 2011 г.) дает следующий комплекс факторов:

- значительное большинство лидеров и участников протестов, восстаний не были включены в институты и отношения, ассоциируемые с режимом (суды, система собственности, банки, биржи, образовательные и научные системы, городское и сельское управление и проч.), не получали от них безопасности, статуса, дохода, защиты;
- контрэлита, примкнувшая к протесту и революционным силам, либо в процессе конфликтной динамики отстранена от власти, делегитимирована, либо слишком мала и слаба, чтобы влиять на политические процессы после свержения прежней власти;
- достаточно масштабная и длительная гражданская война не только разрушает инфраструктуру, материальную, экономическую основу социальных порядков, но также приводит к власти командиров победившей стороны, которые склонны использовать в мирной жизни упрощенные армейские подходы, основанные на прямом принуждении.

Напротив, включенность большинства протестующих в базовые социальные структуры и институты («есть что терять»), сохранение влияния контролэлиты в постреволюционном режиме, отсутствие гражданской войны и относительно быстрый, мирный характер смены власти сохраняют основы государственности и социальных порядков. Обратная сторона такого рода транзита состоит в том, что при смене власти сохраняются — либо через несколько лет восстанавливаются — пороки прежней системы, например, системная коррупция, гиперцентрализация, слабость парламента, зависимость судов и проч.

Большинство постсоветских государств в той или иной мере воспроизводят этот паттерн в своей политической динамике, даже когда проходят через цепь драматических «цветных» революций (Грузия, Кыргызстан, Молдова, Украина). Громкие революционные события и череда смен власти иногда возвращают политическую систему почти к исходному состоянию (как в Египте с весны 2011 г.).

Относительно успешное постреволюционное развитие постсоветских (Эстония, Литва), постсоциалистических (Польша, Чехия, Словакия, Словения, Черногория), арабских стран (Тунис) требует специального анализа и объяснения. Очевидными факторами являются ориентация на престижные западноевропейские демократии, усилия по выполнению требований для большей интеграции с ними. Однако далеко не везде эти факторы срабатывают (например, Болгария и Румыния, мягко говоря, не показывают больших успехов в социальном, экономическом, технологическом развитии). Вероятно, речь должна идти о характеристиках административных, экономических и интеллектуальных элит, в интересы и компетенции которых входит или не входит следование европейским стандартам и требованиям.

* * *

Итак, сложная конфликтная динамика кризисов и революций отнюдь не является ни полным хаосом, ни гарантией перехода к справедливому обществу, ни ужасным бесполезным кровопролитием. Кризисы и революции следует понимать и изучать как неизбежные «стихийные встряски» тех политических режимов, которые отказываются от регулярных «искусственных встрясок» — регулярных честных и открытых демократических выборов.

Революции же являются крайне затратным (во всех смыслах) средством развития с большими рисками и слабо предсказуемыми результатами. В следующей части книги рассмотрим уже конкретные революции на основе представленных моделей и принципов конфликтной динамики.

Часть III

Русская революция — теоретический анализ

Глава 7

Российская империя и Югославия: сравнение государственных распадов¹

1. Государственный распад: непохожие случаи и общий паттерн

К одинаковым следствиям ведут в чем-то одинаковые причины. Это «в чем-то» может быть разной степени глубины, онтологической основательности. Чем ближе между собой сравниваемые случаи, тем эта глубина меньше. Сравнение же весьма далеких друг от друга случаев — в историческом периоде, в локализации, культуре, политической системе, внешних обстоятельствах — позволяет «заглянуть» за скрытые обычно факторы общности². В то же время для самой возможности сравнения должна быть некая платформа.

Нет нужды обосновывать огромные различия между Российской империей 1917–1918 гг. и Югославией начала 1990-х гг. Но каждая из стран претерпела глубокий политический кризис, сепаратистские движения и распад. Есть и платформа для сравнения — общий паттерн: *в результате существенных сдвигов в геополитическом положении страны, последующих экономических трудностей обостряются прежние социально-политические конфликты, растущие напряжения выливаются в стычки, уличные протесты с насилием, что ведет к появлению новых политических акторов, для которых открываются новые возможности получения власти и легитимности; политически активные социальные группы получают надежду на овладение*

¹ В основу главы положен текст статьи «Динамика государственных распадов: опыт концептуального моделирования» (Политическая концептология. 2016. № 3. С. 58–73).

² Образец сравнения случаев из разных исторических эпох и мировых регионов дает классическая книга Теды Скочпол, сопоставлявшей Французскую, Китайскую и Русскую революции [Скочпол, 2017]. Дуг Макадам, Сидней Тарроу и Чарльз Тилли попарно сравнивали конфликты, механизмы протестов, траектории революций на Филиппинах (1983–1986 гг.) и в Кении (1950–1960 гг.), конфликт между индуистами и мусульманами в Южной Азии и борьбу против апартеида в Южной Африке, мобилизацию против рабства в США XIX в. и демократизацию в Испании в 1970-е гг., Сандинистскую революцию в Никарагуа и молодежные протесты на площади Тяньаньмэнь в Китае, борьбу за объединение Италии 1848–1900 гг. и распад СССР 1991 г., политический конфликт в Швейцарии 1830–1848 гг. и демократизацию в Мексике с 1968 г. [McAdam et al., 2003]. В сравнении с такой смелостью сопоставление двух распадов имперских государств XX в. уже не выглядит столь вызывающим.

наиболее значимыми для них экономическими ресурсами; серия конфликтных взаимодействий и неудачных попыток мирных компромиссов, выборных процедур завершается эскалацией насилия, переходом к гражданской войне, поскольку акторы делают ставку на подавление противников, а не на компромиссы и соглашения с ними.

Рассмотрим, как представлены основные пункты этого обобщения в обоих случаях.

Сдвиг в геополитическом положении страны и ухудшение экономического положения. Российская империя стала терпеть поражения в Первой мировой войне, что делегитимировало царскую власть, привело к голоду и хлебным бунтам в столице весной 1917 г.

Югославия в связи с либерализацией и последующими бархатными революциями в странах Варшавского блока, с перестройкой и распадом СССР утратила прежний выгодный статус буферной нейтральной страны [Коллинз, 2015, с. 17]. Также исчез прежний страх перед Советским Союзом, ранее сплачивавший народы Югославии. Децентрализация привела к усилению республиканской этнократии. Повсеместно росло недовольство перераспределительной системой, причем каждая республика считала себя обиженной. Стали возникать внутренние барьеры. Росли инфляция, безработица, внешние долги.

Уличные протесты с насилием, появление новых политических акторов, для которых открываются новые возможности получения власти и легитимности. В Петрограде, затем в Москве и других городах происходили массовые волнения, захваты административных зданий, складов, тюрем, переход войск на сторону восставших. Члены Государственной Думы учредили Временный комитет Думы, ставший затем Временным правительством. Росли сила и влияние Советов, в которых наряду с партиями (эсерами, меньшевиками, большевиками) большую роль играл «комитетский класс» (солдатские лидеры, младшие офицеры, отличившиеся в боях, активисты революционных собраний), поскольку для него революция открывала статусные перспективы [Колоницкий, 2010].

В Югославии происходили массовые драки между футбольными фанатами, множественные стычки на этнической почве, главную роль играли наиболее радикально настроенные лидеры национального самоопределения в республиках, тогда как в центре оставались сторонники унитаризма, поддержания государственной целостности любыми средствами, вплоть до силовых акций.

Политически активные социальные группы получают надежду на овладение наиболее значимыми для них экономическими ресурсами. В России революционные солдаты с крестьянским самосознанием надеялись на скорейшее получение земли, на легализацию уже захваченных угодий, поэтому поддерживали наиболее радикальные силы (анархистов, а затем большевиков). В Югославии с конца 1980-х гг. планировалось, а затем началось разгосударствление предприятий. Этнократия, предприниматели, рабочие, широкие слои населения рассчитывали на будущие выгоды при монополии местной (моноэтнической) власти на территории. Все они поддерживали радикальную сепаратистскую политику.

Серия конфликтных взаимодействий и попыток мирных компромиссов, выборов процедур завершается эскалацией насилия, переходом к гражданской войне, поскольку акторы делают ставку на подавление противников, а не на соглашения с ними. В России перемирие договоров, кризисов и столкновений между Временным правительством и Советами, большевиками, корниловцами привело к захвату власти большевиками. Всероссийские выборы и созыв Учредительного собрания не разрешили конфликт: силовой разгон Собрания, последующий расстрел большевиками мирной демонстрации в защиту Собрания привели к тому, что далее все акторы уже стали делать ставку только на военную силу (см. детальнее в главе 9).

В Югославии первые выборы в условиях многопартийности (1990 г.) привели к резкому усилению на местах национальных партий и ослаблению центральных, унитаристских сил. Последующая серия сепаратистских решений в республиках (начиная со Словении и Хорватии) и централизаторских решений в центре привели к ожесточению и череде военных столкновений.

Как видим, при всех очевидных различиях рассмотренных случаев обнаруживаются сходные структурные моменты, а значит, есть общая платформа для сравнения. Однако внутренняя динамика процессов эскалации политического кризиса и конфликта остается пока неясной. Здесь нужны иные модели.

2. Динамика отчуждения и распада

Разрастающийся антагонистический конфликт пагубно влияет на общее функционирование системы, ведет к разрушению социальных структур и институтов, поддерживающих главные гомеостатические переменные (предметы заботы и главные факторы стабильности) общества или иной социальной целостности.

В Российской империи 1918 г. и Югославии 1991 г. распад имел форму жестокой гражданской войны. При всех различных обстоятельствах к общему следствию (гражданской войне) должна вести общая причина (принцип Бэкона—Милля, на который делал упор Э. Дюркгейм). В качестве этой общей причины и предполагается динамическая модель, представленная на рис. 7.1.

Здесь в ранее рассмотренную схему (см. рис. 6.2) введены дополнительные переменные: *I* — *Institutions*, уровень сохранности и эффективности социальных институтов, отношений как основы обеспечивающих структур, *M* — *Megatrend*, условная агрегатная переменная с полюсами «лифт» (контуры положительной обратной связи между трендами роста) и «колодец» (те же контуры, но между трендами упадка). Срединные значения *M* означают либо *стабильность* (положительные связи уравновешены отрицательными), либо *цикличность* — колебательные движения (рост упирается в «потолок», сменяется упадком, упирающимся в «дно», что ведет к новому росту, и т. д.).

Упадок системы может выражаться в росте иных напряжений, в падении иных гомеостатических структур, в ослаблении, усилении, переключении

вооруженных отрядов в городах, особенно в столице) являются главными факторами эффективности власти в условиях революции и войны.

Очевидно также, что весь 1917 год эффективность и легитимность каждой верховной власти в Петрограде (царская администрация, Временное правительство всех составов, Учредительное собрание) находились на весьма низком уровне (в ином случае они не допускали бы такой легкой смены).

Согласно модели (см. рис. 7.2), происходит принципиальный сдвиг от прежней структуры S_1 , обеспечивавшей легитимность и эффективность власти, к новой структуре S_2 , основанной уже на стратегиях подавления соперников. В российской реальности первой декады XX в. стратегии подавления со стороны царской власти сохранялись, но лишь частично были дополнены и ограничены учреждением Государственной Думы согласно Октябрьскому манифесту 1905 г.

В ситуации зимы и начала весны 1917 г., в связи с тяжелой ситуацией на фронте, брожениями в армии, продовольственным кризисом в столице, очередной обвал легитимности власти получил выражение в серии хлебных бунтов. Дума никак не смогла смягчить, замирить протесты, иными словами, парламентаризм как обеспечивающая структура S_1 не восстановил легитимность и эффективность власти H . Произошел переход к стратегиям подавления S_2 , но уже с обеих сторон.

Уже 25 февраля в демонстрантов начали стрелять, а в ответ полетели гранаты, петарды, камни. Царь потребовал телеграммой от генерала Хабалова решительного прекращения беспорядков. Войскам в столице было приказано стрелять в демонстрантов. На следующий день десятки людей были убиты. Но потом солдаты уже перестали подчиняться приказам, перешли на сторону протестующих рабочих, последовали еще более массовые выступления, захваты зданий, тюрем. Политическое руководство парламента поддержало революцию. Вместе с созданным Временным комитетом Думы (предтечей Временного правительства) стали укрепляться и наращивать легитимность Советы. Очевидно, что агрессия вызывает ответную агрессию у тех, кто обладает достаточными для нее организационными и силовыми ресурсами. Так выстраивается петля положительной обратной связи $S_2 \rightarrow C \rightarrow S_3 \rightarrow S_2$ (см. рис. 7.2)³.

³ В явном виде цепную реакцию положительной связи факторов распада фиксирует историк С. Н. Нефедов: «События развивались неумолимо: война породила инфляцию, инфляция породила продовольственный кризис, продовольственный кризис породил голодный бунт, и, хотя власти не желали применять оружие для его подавления, они были вынуждены отдать роковой приказ. Как теперь становится ясным, отдавать такой приказ ненадежным войскам — войскам, состоящим из крестьян, которые ненавидели власть, не желали сражаться за нее и требовали земли — означало провоцировать почти неизбежный солдатский мятеж и революцию. [...] Солдаты вышли на улицу и направились поднимать другие полки; началась цепная реакция. Колонна солдат и рабочих двигалась по Петрограду от казармы к казарме, и полки один за другим с криками ликования и стрельбой в воздух присоединялись к восстанию. Утром 27 февраля восставших солдат насчитывалось 10 тысяч, днем — 26 тысяч, вечером — 66 тысяч, на следующий день — 127 тысяч, 1 марта — 170 тысяч, т. е. весь гарнизон Петрограда» [Нефедов, 2005б].

Итак, здесь тоже присутствовали негативные внешние и внутренние вызовы, на которые государственная власть дала неадекватный ответ, ведущий к ее ослаблению и делегитимации, появлению новых центров силы и влияния.

Обычно власть дает такой ответ на вызов, который либо был успешен в преодолении прошлых сходных вызовов, либо повторяет успешные образцы референтной державы. Радикальная новизна обстоятельств делает этот ответ неадекватным.

Так, попытки подавления мятежа в Петербурге в феврале 1917 г. повторяли успешное подавление революции 1904–1905 гг., но в новых обстоятельствах (война и военные поражения 1915 г., сильная дискредитация царской власти⁴, наличие Думы как альтернативной легитимной власти, скопление раздвоенных солдатских масс в столице) эти попытки стали провальными.

В течение 1917 г. роль обеспечивающей структуры S_1 (*мирные политические переговоры, попытки достичь компромисса*) играли следующие взаимодействия:

- между Государственной Думой, Двором и Правительством (разрушено Февральской революцией);
- между Временным правительством и Советами (разрушено июльским кризисом, расстрелами);
- между Временным правительством, корниловцами и Советами (разрушено подавлением корниловского мятежа, после — Октябрьским переворотом);
- уже в январе 1918 г. — созывом и работой Учредительного собрания (разрушено его разгоном большевиками).

Заметим, что каждый раз усиливалась активность *стратегий подавления* S_2 . Главные издержки C — это полный коллапс общественного порядка и контроля над насилием в стране, волны грабежей, поджогов, потеря управляемости, появление множества вооруженных групп, движений, готовых к насилию.

До революции стратегии подавления S_2 осуществляла царская власть, но и против нее с осени 1916 г. в Думе уже замышлялся заговор⁵, а после

⁴ «Впервые во все времена либералы и монархисты объединились в оппозицию к царскому двору. К концу 1916 года оппозиционные настроения охватили и высшие военные круги, и высшую бюрократию, и даже великих князей, которые решили, как говорилось, “спасти монархию от монарха”. Россия еще не знала такого единения, а двор — такой изоляции» [Пайпс, 2005].

⁵ «Военные и придворные круги чувствовали надвигающиеся события, но представляли себе их как простой дворцовый переворот в пользу великого князя Михаила Александровича с объявлением конституционной монархии. В этом были убеждены даже такие люди, как Миллюков, лидер партии конституционных демократов. В этой иллюзии пребывала даже большая часть членов прогрессивного блока. Но совсем другое думали более крайние элементы с Керенским во главе. После монархии Россию они представляли себе только демократической республикой. Ни те, ни другие не могли даже себе представить, во что все выльется» [Глобачёв, 2009].

революции каждый актор с силовым ресурсом (в нашем случае — Временное правительство, Советы, корниловцы) делал свой вклад и в S_2 (стратегии подавления), и в S_3 (ответная агрессия обвиняемого актора). Знак вопроса в схеме исчезает, конфликты между акторами снижают легитимность власти H вообще, что дает дополнительный контур усиления взаимной агрессии $S_2 \rightarrow S_3 \rightarrow H \rightarrow S_2$.

В канонической схеме А. Стинчкомба (см. рис. 1.2) рост издержек C должен снижать активность обеспечивающей структуры S_2 . Было ли такое в 1917 году? Да, сразу после февральских событий созданное Временное правительство и Советы не были настроены на конфронтацию. Было достигнуто принципиальное согласие о созыве Учредительного собрания и даже о продолжении участия в войне («революционное оборончество»). Иными словами, частично был совершен возврат к S_1 , хотя глубокий антагонизм оставался⁶, и удержаться в этом политическом модусе не удалось.

Цепь известных кризисов 1917 г. — это каждый раз обмен ударами, попытки подавления политического конкурента. Три относительно успешные попытки подавления (против большевиков в июле, против корниловцев в августе и против Временного правительства в октябре) подкрепили эту политическую стратегию, которую реализовали большевики уже окончательно против Учредительного собрания, позже против своих союзников — левых эсеров (см. главу 9). Далее в 1918 г. стратегии подавления стали полностью доминировать — в форме Гражданской войны.

Главные факторы эскалации взаимной агрессии в политических процессах 1917 г. известны: исключительно эффективная деятельность и пропаганда В. Ленина, направленная как раз на свержение «министров-капиталистов», получившая отклик благодаря доминирующим настроениям в рабочих и солдатских (вчерашних крестьянских) массах, множественные ошибки Временного правительства (от роспуска полиции и попустительства до жестоких расстрелов демонстраций), упрямая направленность Правительства на продолжение войны в условиях разложения армии и сильных антивоенных настроений, которыми столь успешно воспользовались большевики.

⁶ «Вожди Совета не скрывали того факта, что Временное правительство существует лишь с их благоволения. На Всероссийском совещании рабочих и солдатских депутатов 29 марта Церетели, меньшевистский председатель Исполкома, заявил, что Временное правительство существует благодаря соглашению, заключенному Петроградским Советом с “буржуазными цензовыми элементами общества”. Другой член Исполкома, трудовик В. Б. Станкевич, хвастался, что Совет может распустить Временное правительство в пятнадцать минут, дав соответствующие указания по телефону. Защитники системы “двоевластия” впоследствии говорили, что Совет делал все от него зависящее, чтобы поддерживать под руку шаткое правительство, и не только не думал о его свержении, а, наоборот, служил ему главным источником силы. Исторические свидетельства не дают подтверждения таким заявлениям. Они говорят о том, что, даже когда Исполком как будто шел на выручку правительству, помогая усмирить волнения, он в то же время непременно старался подорвать его авторитет и престиж» [Пайпс, 2005].

Судя по всему, именно провалы переговоров и компромиссов, успехи стратегий подавления подкрепляют агрессивные стратегии сторон. Главная причина провалов компромиссных стратегий состоит в получении преимущества и поддержки (силовой, популярной или международной) теми сторонами (непримиримыми антагонистами), для которых любые компромиссы воспринимаются и/или являются полным политическим проигрышем. Таковы были Ленин и Троцкий во главе большевиков-ленинцев, этнократия в стремящихся к отделению республиках Югославии.

Общая причина такой поддержки — соответствие лозунгов, прокламируемых непримиримыми антагонистами целей экономическим и политическим установкам, стремлениям групп. Такое соответствие значимо для достижения легитимности (силовой, популярной или международной). Так, ленинские лозунги прекращения войны и раздачи земли крестьянами получили отклик солдатских масс в 1917 г., а лозунги государственной самостоятельности, демократии и присоединения республик Югославии к ЕС получили отклик этнического большинства в них, а также со стороны влиятельных западноевропейских держав.

Самый темный вопрос в нашей модели — издержки *С* стратегий подавления и их угнетающее влияние на сохранность отношений и институтов *I*. Пойдем от следствий к причинам по цепочке $M \leftarrow I \leftarrow C \leftarrow S_2$ (см. рис. 7.1). В России мегатенденция «колодец», распад Империи, всей прежней системы отношений и институтов произошли из-за захвата власти большевиками⁷, с которым оставшиеся политические акторы, обладавшие силовым ресурсом (руководители Белого движения, члены Учредительного собрания, многочисленные революционные группы, отвергавшие большевизм), не только не согласились, но в скором времени вступили в военное противостояние.

Для стратегий подавления всегда нужны бойцы и руководители, материальные ресурсы (в натуральной или денежной форме) для их обеспечения, оружие, средства транспорта и связи. Поскольку в ситуации распада общественного порядка нарушен контроль над насилием и не защищена собственность (отсутствует или бездействует полиция), вместо прежних сложных и разнообразных отношений, институтов главную роль начинают играть отношения принуждения, подчинения и насилия под видом практик «мобилизации» и «экспроприации».

Прежние достигнутые уровни богатства, власти, престижа (авторитета, репутации) почти повсеместно обнуляются, получают маркеры «старорежимного» и «буржуазного». Соответствующие инвестиции (в широком смысле) в прежние институты, в которых шла упорядоченная политическая, экономическая и статусная конкуренция, прекращаются. Только встраивание в иерархию новой власти, в соответствующие «революционные», позже «советские», «партийные» институты давало перспективу обретения

⁷ После победы Красной армии оставшиеся от Империи институты и отношения уже целенаправленно разрушались, трансформировались (в направлении национализации и гиперцентрализации) в течение 1920–1930-х гг., но это уже другая история.

указанных базовых благ, причем материальный и социальный комфорт дополнялся также духовным — причастностью к высоким идеалам («строительству нового мира»)⁸.

Когда стороны обвиняют друг друга, борются между собой, применяя угрозы, захваты, насилие, множество функциональных процессов в обществе нарушаются или вовсе прерываются: сбор налогов, контроль общественного порядка, ограничение насилия, поддержание лояльности и целостности армии, торговые перевозки, администрирование в бюрократических структурах, защита границ, удержание провинций и т. д. Иными словами, падает переменная *I* — уровень сохранности и эффективности социальных институтов. Все эти неприятности усиливают друг друга, каждая группа обвиняет в новых бедах своих противников, борьба обостряется, происходит сдвиг агрегатной переменной *M* к полюсу «колодец».

Окончательный коллапс государственности произошел вследствие разгона Учредительного собрания. Именно это событие стало фатальным для судьбы страны (и демократии в ней), а не Октябрьский переворот. Не только тяготеющие к центру партии и движения были дискредитированы (кадеты, правые эсеры, меньшевики), но сам мирный способ решения вопроса о власти уже практически не рассматривался главными претендентами. Гражданская война и распад государственности стали неизбежными.

4. Югославия — немирный развод народов

Как говорилось выше, власть дает такой ответ на вызов, который либо был успешен в преодолении прошлых сходных вызовов, либо повторяет успешные образцы референтной державы, причем радикальная новизна обстоятельств делает этот ответ неадекватным. Каким же образцам следовала югославская власть в своем неадекватном ответе на негативный вызов снижения внешней и внутренней легитимности?

Судя по всему, проведение демократических выборов 1990 г. в Югославии повторяло образцы политической жизни референтных западноевропейских держав, но в условиях давнишней межэтнической напряженности допуск к выборам и победа этнических партий с сепаратистски настроенными лидерами в республиках привели к фатальному ослаблению, еще большей делегитимации не только центральных органов власти, но и самой идеи единой Югославии, югославской солидарности.

Партии, ориентированные на единство, проиграли: они ассоциировались либо с дискредитированным коммунизмом, либо с доминированием сербского Белграда. Жесткая направленность победившей в Словении и Хорватии этнократии на отделение не оставляла шансов множеству попыток,

⁸ Есть множество военных, политических, экономических, логистических причин поражения Белого движения и прочих противников большевиков в Гражданской войне, но главной представляется отсутствие массовой поддержки. Большевики же получили такую поддержку не только благодаря живым посулам и успешной пропаганде «коммунизма», временным союзам с вооруженными формированиями разного рода, но и за счет реальных перспектив вертикальной мобильности для «комитетского класса», амбициозных фигур из вчерашних крестьян, рабочих, разорившихся мещан.

проектов сохранения целостности страны в форме федерации, конфедерации или промежуточного варианта.

После выборов стали неуклонно снижаться роль, сила центрального коллегиального органа власти. К середине 1991 г. он стал восприниматься республиканскими властями как сугубо сербский и враждебный. Отношения стали строиться не по оси центр — республики, а по оси республика, претендующая на доминирование (Сербия) — другие республики. Это уже была игра с нулевой суммой.

Стратегии подавления S_2 вначале предпринимались республиканскими властями против ослабевшей центральной власти с ее требованиями (относительно налогов, открытости внутренних границ, порядка прохождения воинской службы и т. д.). Параллельно с переговорами создавались республиканские вооруженные силы, было мобилизовано и вооружено гражданское население стремящихся к отделению республик.

Югославская армия сначала не была готова к настоящей внутренней войне, поскольку создавалась для обороны от внешних противников и сама была полиэтничной (это показала «малая война» в Словении). Позже, по мере разбегания военных по своим республикам, югославская армия превращалась в сербскую армию. Предпринимались силовые попытки со стороны Белграда вернуть Хорватию, отделить от нее Сербскую Краину (кровопролитная сербо-хорватская война). Успешные и безуспешные этнические чистки с разных сторон также сюда относятся. Жестокая вооруженная борьба Сербии с отделяющимися республиками при отсутствии подавляющего военного преимущества центра сделала невозможным существование Югославии как единого государства.

5. Роль внешних сил и значимость международной легитимности

Многие верно отмечают значительную роль внешних сил, особенно Германии, Австрии, ЕС и позже — США, в распаде Югославии [Гуськова, 2001]. Пожалуй, здесь есть целый веер принципиальных различий в двух наших случаях.

Распад Российской империи произошел в разгар ожесточенной войны в Европе, на стороне Белой армии вначале выступили силы Антанты. Большевики, хоть и пользовались немецкими деньгами, но тщательно это скрывали. Идеи социализма, марксизма, революции были тоже импортированы из Запада, но российская революция воспринималась ее лидерами как флагманская, ведущая к последующей мировой революции, к глобальному переходу от капитализма к коммунизму.

Югославия переживала распад на фоне долгих мирных десятилетий в европейском окружении, лидеры Европы крайне болезненно восприняли вооруженное насилие в этой стране, постоянно призывали к миру (американские бомбежки Сербии в связи с косовским кризисом — это уже другая, более поздняя история). Настроенные на сепаратизм республиканские лидеры в Югославии открыто апеллировали к авторитету и поддержке западных

держав, прокламировали цель присоединения к Европейскому Союзу. Главным идеологическим лозунгом была идея «демократии», опять же импортированная с Запада.

Все упомянутые обстоятельства — разные, тем более важна попытка выявить общность роли внешних факторов в распаде государств. На поверхности лежит *интерес держав в ослаблении или распаде крупных соседних государств имперского типа*. За этим интересом может стоять геополитическая опасность, состояние войны (Германская империя относительно Российской империи в 1917 г.) или интерес более легкой геоэкономической и геокультурной экспансии в отделившиеся провинции (ФРГ относительно Словении и Хорватии в 1990–1991 гг.).

Более глубоким фактором является *императив поиска международной легитимности конфликтующими силами*. Временное правительство и Советы (последние — до успеха ленинской антивоенной пропаганды) объявили «революционное оборончество», т.е. сохранение союзнических обязательств со странами Антанты и продолжение участия в войне. Тогда это был важнейший момент обретения международной легитимности новой российской властью. План провалился из-за слабости, разложения армии и тяжелых поражений летом 1917 г., которые привели к падению силовой и парамилитарной легитимности Временного правительства, росту влияния Советов и корниловцев.

В 1917 г. большевики в борьбе за власть, хотя и отдавали некую дань «легальности Советов», не особенно заботились о международной легитимности, справедливо полагая, что в краткосрочном плане гораздо важнее заручиться силовой и популярной поддержкой: это и привело их к победе в революции, к последующей Гражданской войне. Добровольческая армия прибегала к помощи союзных держав, но безуспешно.

Словения и Хорватия, позже Босния и Герцеговина, Македония, Косово, Черногория активно апеллировали к международному сообществу, особенно к ЕС, ООН, Германии, Австрии, Великобритании, Италии, США. Не столько силой оружия, сколько благодаря отступлению Сербии было достигнуто отделение. Жестокие этнические чистки проводились с разных сторон, однако в западном общественном мнении главными виновниками стали считать сербских лидеров: С. Милошевича и Р. Караджича.

Высвечивается такой общий паттерн: *в остром насильственном конфликте (в том числе в гражданской войне) выигрывают те акторы, которые делают ставку на достижение самой главной в сложившейся ситуации легитимности: силовой, международной, авторитетной или популярной*. Главной же является та легитимность, которая при имеющемся раскладе сил, ресурсов, влияния помогает не только получить и удержать власть, но также обеспечить достижение остальных значимых в данный период типов легитимности.

В России 1917–1918 гг. главной оказалась *парамилитарная легитимность*: скопившиеся в столице солдаты и матросы все больше поддерживали большевиков, всевозможные анархисты, «зеленые», мамонтовцы и проч. чаще вступали в союзы именно с Красной армией. Международная легитим-

ность Белой армии, хоть и позволила получить некоторую материальную и военную поддержку от стран Антанты, результатов не принесла.

В Югославии в 1990–1991 гг. и позже главной оказалась как раз международная легитимность — признание со стороны важнейших международных организаций (ООН и ЕС), сильнейших (США) и соседних (Германия, Австрия, Италия) держав. Уже в позднейшем косовском конфликте Сербия пыталась опереться на помощь России, однако поддержка одной страны, даже ядерной державы, не может переломить ситуацию. В результате новые правители Сербии сами сдали С. Милошевича и Р. Караджича в Гаагский суд.

Наконец, самый глубокий слой внешнего фактора распада государства и мотиваций претендентов на власть оказывается вполне веберовским: *режим и правители теряют легитимность при снижении престижа могущества на внешней арене, тогда как силы, претендующие на власть, сами стремятся достичь тем или иным образом такого престижа.*

Действительно, царская власть в России стала особенно непопулярной после серии военных поражений 1915 г. Провал военной кампании летом 1917 г. делегитимировал Временное правительство. Победа Красной армии над всеми противниками, включая интервенцию сил Антанты, надолго укрепила власть большевиков. Сами же они в перспективе планировали стать во главе всемирной пролетарской революции, т. е. получить престиж могущества уже в глобальном масштабе.

Югославский кризис назревал еще с начала 1970-х гг., но по-настоящему начался с распада системы социализма (Варшавского пакта и СЭВ), когда Югославия утеряла выгодный статус медиатора, что обеспечивало особое внимание обеих сторон холодной войны [Коллинз, 2015, с. 17]. Словенцы и хорваты задались целью «возвращения в Европу», что обещало им как суверенным государствам, будущим членам ЕС гораздо больший престиж, чем был у этнических провинций ослабшей и уже мало кому интересной Югославии. Сербь опять же бились за сохранение Югославии, поскольку быть во главе большой европейской страны — это больший престиж могущества, чем остаться неудачником, потерявшим провинции, с гораздо более туманными надеждами войти в тот же ЕС.

6. Обобщение случаев государственного распада: теоретические гипотезы

- К существенному ослаблению, делегитимации власти и режима, к появлению новых центров силы и влияния приводят не столько сами негативные внешние и внутренние вызовы, сколько *неадекватные ответы, которые дает государственная власть*. Обычно власть предпринимает такой ответ на вызов, который либо был успешен в преодолении прошлых сходных вызовов, либо повторяет успешные образцы референтной державы. Радикальная новизна обстоятельств делает этот ответ неадекватным, в результате чего ущерб негативного вызова только увеличивается.
- Провалы переговоров и компромиссов, успехи подавления подкрепляют агрессивные стратегии сторон. Главная причина провалов ком-

промиссных стратегий состоит в получении преимущества поддержки (силовой, популярной или международной) теми сторонами (непримиримыми антагонистами), для которых любые компромиссы восприимчивы и/или являются полным политическим проигрышем. Общая причина такой поддержки — соответствие лозунгов, прокламируемых непримиримыми антагонистами целей экономическим и политическим установкам, стремлениям групп, значимых для силовой, популярной или международной легитимности стороны конфликта.

- Распад государственности происходит при победе стороны, отвергающей прежнее государственное устройство. Естественным образом, к такому отвержению склонны стороны, которые автоматически теряют шансы на получение власти, легитимности (и тем более шансы сохранить свою жизнь и личную свободу) при восстановлении государственности.
- В гражданском конфликте побеждает сторона, сделавшая ставку на главный тип легитимности (который в сложившихся условиях увеличивает легитимность остальных типов) и обладающая достаточными ресурсами для достижения победы.
- К государственному распаду может вести как направленность к международной легитимности, если наиболее влиятельные соседние и мировые державы заинтересованы в сепаратизме провинций (случай распада Югославии), так и направленность к силовой и популярной легитимности, если наиболее влиятельные соседние и мировые державы не имеют достаточно решимости и ресурсов для военной реставрации прежнего режима (случай падения Российской империи).

Глава 8

Вектор Большой русской революции (1905–1930 гг.): модернизация или контрмодернизация?¹

Содержанием и целью Русской революции была эмансипация общества и индивида. К весне 1917 года эта цель была достигнута. После этой победы движение повернулось вспять, в сторону восстановления рабства.

Юрий Пивоваров

Революция в России еще не завершилась.

Чарльз Тилли

1. Определение и двойное значение Революции

Под Русской революцией 1917 г. (в узком смысле) будем понимать череду бурных событий в Петрограде и на территории бывшей Российской империи с февраля 1917 г. по январь 1918 г., когда разгон большевиками Учредительного собрания послужил толчком к Гражданской войне.

При этом исход Революции — тип относительно стабильного постреволюционного режима — не был предопределен ни в Гражданскую, ни с учреждением СССР, ни в период нэпа, поскольку внутри правящей группы и правящей партии сохранялись влиятельные силы (Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев, Киров и их приверженцы), которые, вообще говоря, могли повернуть политику по иному пути. Настоящим итогом Революции стал Великий перелом — коллективизация 1929–1930 гг. после победы Сталина во внутрипартийной борьбе, тогда траектория дальнейшего развития режима была задана на многие годы вперед. Поэтому Русскую революцию (в широком смысле) правомерно датировать периодом 1917–1930 гг., учитывая также ее предысторию — революционные события 1905–1907 гг.²

В данной главе также ограничим анализ Революции процессами и событиями в столице и российском хартленде Империи, поскольку революционная динамика в этнических провинциях всегда имеет свою специфику и требует отдельного разговора.

¹ В основу данной главы положен текст одноименной статьи (Полис. 2017. № 2. С. 8–25).

² Ср.: «Наша революция разгуливалась от месяца к месяцу Семнадцатого года — вполне уже стихийно, и потом Гражданской войной, и миллионным же чекистским террором, и вполне стихийными крестьянскими восстаниями, и искусственными большевицкими голодами по 30, по 40 губерний — и, может быть, закончилась лишь искоренением крестьянства в 1930–1932 и перетряхом всего уклада в первой пятилетке. Так вот и катилась революция — 15 лет» [Солженицын, 2007]. «Русская Революция — это историческая эпоха между примерно 1860 и 1930 годами» [Пивоваров, 2009, с. 216].

2. Теории революций: классика и современность

За прошедшее столетие мировая наука накопила солидный арсенал подходов, концепций, теорий, фактов, позволяющих рассматривать революционные события в России 1917 г. в оптике, недоступной их современникам, в том числе их непосредственным участникам. Наиболее адекватной является (историческая) макросоциология, включающая не только макромоделли назревания, течения социально-политических кризисов и революций, но также модели генезиса, трансформации ментальных установок на уровне микро-, модели социальных движений, институтов, конфликтной динамики на уровне мезо- [Tilly, 2002; Хантингтон, 2004; Голдстоун, 2006; Турчин, 2007; Норт и др., 2011; Коллинз, 2015; Разработка..., 2001; Розов, 2009; 2011].

Русская революция 1917 г., вместе с Французской революцией 1789 г. и Синьхайской революцией в Китае 1911 г. стали главными случаями в классическом исследовании Теды Скочпол [Скочпол, 2017; Розов, 2002, разд. 4.3], положившем начало до сих пор расширяющемуся фронту изучения социальной нестабильности, кризисов, революций. Весь набор факторов революции по Скочпол — геополитическое напряжение, фискальный кризис, межэлитный конфликт (между царской бюрократией и Прогрессивным блоком в Думе), локальная мобилизация (комитеты Земгора становились в оппозицию монархии) — ярко присутствовал перед февралем 1917 г.

Другие модели позволяют объяснить складывание революционной ситуации через действие таких факторов, как падение легитимности власти, лояльности силовых структур [Коллинз, 2015, гл. 1, 2], возникновение политической альтернативы, наличие «горючего материала» [Голдстоун, 2006; Булдаков, 2010; Цирель, 2012], интересы основных классов и их лидеров — акторов революции, зависимость этих интересов от складывающихся коалиций [Moore, 1966], влияние идей мировой культуры, экспорт и импорт революций [Beck, 2011, 2015], генезис антагонизма и агрессивных установок акторов, особенности их ответов на вызовы, следствия позитивных и негативных подкреплений этих ответов, причины низкой легитимности постреволюционной власти [Розов, 2011; Tilly, 2003]. Исследованы также механизмы государственного распада и последующего восстановления авторитаризма как часть закономерностей циклической динамики в истории России [Янов, 1997; Розов, 2011, гл. 7–10].

В данной главе рассмотрим связь между Большой русской революцией и модернизацией, которая здесь понимается как совокупность автономных пяти долговременных процессов (трендов): секуляризации, бюрократизации, капиталистической индустриализации, демократизации и роста свободы культурного творчества (см. главу 4).

3. Путь к воинствующему атеизму и «социалистическому реализму»

Уже с последних десятилетий XIX в. интеллигенция, революционные вожди, а затем и массы вполне правомерно ассоциировали православную церковь как одно из государственных учреждений с царской властью и

старым режимом. Временное правительство, хоть и продолжало управлять церковью — даже финансировало Всероссийский собор (август 1917 г.), — было явно настроено на секуляризацию: отделение церкви от государства и школы от церкви, свободу вероисповедания [Соколов, 2014].

Противостоявшие Временному правительству Советы, а затем победившие в Революции большевики были настроены гораздо более радикально. Такое расхождение в отношении к церкви и православию углубило мировоззренческий разрыв и агрессивное отчуждение между «белыми» и «красными» в Гражданскую войну.

После создания СССР нацеленность правящей группы большевиков на создание «нового советского человека» предполагала очищение от прежних традиционных устоев, где православие, особенно за пределами крупных городов, еще сохраняло свои позиции. Демонстративная борьба с религией в форме разрушения церквей и репрессий против священнослужителей проходила под флагом идеологии *воинствующего атеизма*.

Если секуляризация ограничивается вытеснением вопросов веры на периферию общественной жизни или вовсе переводит их в приватную область, то воинствующий атеизм как идеология государства с тоталитарным вектором развития является принудительным и всеохватным. Таким образом, секуляризация, начавшаяся в Феврале 1917 г. в качестве важной части культурной модернизации, вследствие конфликтной динамики Революции и Гражданской войны и победы большевиков как радикальных противников религии и церкви становится принудительным атеизмом, который навязывается репрессивным государством.

Растущий на освободившемся от прежних святынь месте культ вождя со своей священной книгой («Кратким курсом») претендовал стать, как было многократно отмечено, некой псевдорелигией. Широкое распространение светского образования, культивируемое уважение к науке и технике лежали в русле модернизации и с полным правом могут быть отнесены к заслугам Революции и Советской власти. Но принудительный государственный атеизм, с репрессиями против клира и верующих, с последующим негласным контролем спецслужб над церковью являет собой яркий пример *контрмодернизации* — отдаленного и парадоксального следствия Февраля как символа и надежды политического и духовного модерна.

4. Взлет и падение революционного авангардизма

Вполне закономерен был рост авангардных течений в живописи, архитектуре, музыке, театре в 1920-х годах — после победы революционных сил, низвержения церкви, разрушения, кардинального обновления прежних культурных институтов, поддерживавших прежние каноны (академий, учебных заведений, профессиональных сообществ, журналов и т. д.).

С начала 1930-х годов консолидация режима из политической и экономической сферы распространяется и на сферу культуры. Вместо разноцветья творческих групп со своими манифестами, новыми формами и стилями появляются контролируемые правящей партией профессиональные союзы со своими иерархиями, фактически близкие к статусу государственных

ведомств. Этой трансформации соответствует становление нового общеобязательного канона, названного «социалистическим реализмом», в рамках которого темы «строительства коммунизма», «борьбы с врагами социалистического Отечества», «формирования нового человека» сопрягались с заимствованными из «буржуазной» эпохи образцами «высокого стиля» — классицизма («сталинский ампи́р» в архитектуре) и популярного массового искусства (доступные массам кинокомедии по образцу голливудских).

Таким образом, в сфере культурного творчества, как и в сфере религии, начальный революционный порыв к модернизации сменился закономерной *контрмодернизацией*.

5. Русская революция как конфликтный переход между двумя бюрократиями

После реформы 1861 г. общество оставалось сословным, что означало для «разночинцев» (выходцев из неблагородных классов) сохранение преград на карьерном пути к престижным позициям в имперской бюрократии. Появление «народничества» и его последующая радикализация (терроризм «Народной воли») были связаны как раз с упорным нежеланием бюрократии вести диалог с протестными движениями, использовать их активистский потенциал для необходимых реформ.

С этим грузом конфликтов, несмотря на реакцию при Александре III, Российская империя в конце XIX в. уверенно вошла в процесс глобальной модернизации, прежде всего через экономическую политику С. Ю. Витте [Давидович, 1975; Пайпс, 2005], причем достигла впечатляющих успехов в плане экономического роста [Миронов, 2012].

С революционных событий 1905 г., Октябрьского манифеста и первых государственных дум (их избрания, работы и разгонов) оформляется и углубляется *раскол элит* [Аврех, 1989; Демин, 1996].

Весной 1917 г. оппозиция в лице «Прогрессивного блока» (отчасти кадетской, отчасти социалистической части Думы) воспользовалась февральскими восстаниями и на начальном этапе захватила власть [Катков, 1997]. Таким образом, Временное правительство было сформировано контрэлитой, при этом глубоко вовлеченной в имперские государственные структуры и бюрократию. Поэтому до июльских событий 1917 г. государственное и антигосударственное насилие было минимальным [Нефедов, 2005б; Пивоваров, 2009]. Поджоги крестьянами имений стали следствием фактического разгона полиции, т. е. непростительного разрушения низовых силовых структур государственной бюрократии [Солженицын, 2007].

Параллельно Временному правительству на откровенно «антибуржуазных» основах был создан Петросовет, последовательно сдвигавшийся (во многом благодаря энергичной и высокоэффективной пропаганде В. И. Ленина) к полному неприятию «министров-капиталистов» и всей остаточной имперской государственной машины — бюрократии [Пайпс, 2005]. Конфликт между ними вылился в июльский кризис, радикально изменивший ход революционных событий.

За июльскими протестами последовали аресты большевиков, корниловский мятеж, Октябрьский переворот и жестокие бои в Москве, разгон Учредительного собрания, учреждение ЧК, так называемое триумфальное шествие Советской власти весной 1918 г., начало Гражданской войны.

Все эти и прочие эксцессы революционного насилия стали проявлением решительных преобразований принципов и практики управления страной: на смену слабой бюрократии Февраля, так и не сумевшей отделить себя в массовом протестном сознании от ненавистного царского режима, приходила нарождающаяся в Советах и созревавшая в большевистском правительстве (Совете народных комиссаров) новая революционная бюрократия. Характерным для нее стал отказ от прежних названий государственных органов, должностей (в том числе офицерских должностей в армии) и многие другие перемены. Особую роль в кадровом наполнении новой бюрократии играли вернувшиеся с войны «комитетчики» [Красный террор..., 2004; Колоницкий, 2010].

Патримониальная поместная система была подорвана еще реформой 1861 г. и окончательно разрушена массовыми поджогами имений и земельными захватами в 1917–1918 гг., бегством дворянства. Крестьянские общины еще существовали, в начале века появлялись, бурно росли новые формы кооперации, толстовские коммуны и проч. Все эти структуры низовой самоорганизации воспринимались большевистской бюрократией как чуждые и враждебные, подобные нэпманским предприятиям, трестам, частным банкам. Поэтому сплошная коллективизация 1929–1930 гг., создание полностью подконтрольных государству колхозов и совхозов, последующая замена художественных, писательских сообществ централизованными и полностью подконтрольными «союзами» и все подобные мероприятия в остальных сферах социальной жизни, по сути дела, являлись *всеохватной постреволюционной бюрократизацией*.

Большевики весьма осторожно использовали услуги царских чиновников, они не доверяли даже «спецам», остававшимся объектами репрессивной политики («дело Промпартии» и др.). Не было даже речи о политической оппозиции, самостоятельной влиятельной прессе и независимом суде. Таким образом, единственным способом эффективного дисциплинирования собственной бюрократии по-прежнему было устрашающее принуждение «сверху», включавшее регулярные «чистки». Готовность к насилию и умение его применять, сформировавшиеся в ходе Гражданской войны, первоначально адресовались «контрреволюционерам» и «классово чуждым», но затем стали использоваться и в отношении «своих».

Судя по всему, важную роль в выборе приоритетов государственного строительства, задач и способов действия бюрократии сыграла серия тайных операций Советской России за рубежом, направленная на раскол эмиграции, на уничтожение лидеров ее политической и военной организации [Голдин, 2006]. Насилие показало себя исключительно эффективным средством³.

³ Большевики предприняли целый комплекс весьма успешных мер, направленных на подрыв Съезда российской эмиграции 1926 г., путем внедрения тайных агентов, дискредитации,

Человеком, который быстрее и лучше других почувствовал, какие огромные возможности предоставляет умелое использование насилия в политической конкуренции и аппаратной борьбе при отсутствии уничтоженных революцией противовесов, стал Иосиф Сталин. Ловко сколачивая коалиции против очередных «козлов отпущения», Сталин последовательно одерживал победы над всеми влиятельными лидерами и группами. Вскоре огромный заново созданный аппарат насилия стал использоваться им для целого спектра целей: от полного подчинения и удержания в постоянном страхе партийной, советской, промышленной, военной бюрократии и бюрократизированных «творческих союзов» до систематической массовой поставки рабской рабочей силы для рытья каналов, лесозаготовок, добычи ископаемых, «великих строек» советской индустрии и даже кадров для научных и конструкторских «шарашек».

Бюрократизация как неотъемлемая часть модернизации шла и в постреволюционной России (в масштабе и формах СССР). Основанные во многом на насилии и страхе большевистская бюрократия и выросшая из нее коммунистическая номенклатура вполне закономерно имели выраженный тоталитарный характер.

6. Экономическая сторона Русской революции — слом и перерождение индустриализации

Индустриализация в царскую эпоху имела только отчасти капиталистический характер, поскольку настоящего открытия рынков земли, капитала и рабочей силы не произошло. Причина состояла не только в остатках прежних политико-экономических отношений в пореформенной России, но и в громадном государственном участии в экономике, прежде всего в финансовой сфере, в железнодорожном строительстве (Транссиб и др.), военной промышленности, металлургии, горном деле, производстве и продаже алкоголя [Давидович, 1975; Шацилло, 1992]⁴.

В 1890-х годах в России началась особенно бурная индустриализация и урбанизация [Аврех, 1989; Пайпс, 2005]. Города росли, наполнялись «рабочими слободками», оставшиеся в сельской местности крестьяне страдали от малоземелья и экономических тягот как следствий реформы. Уязвимость

а затем и целенаправленного уничтожения руководства. При странных обстоятельствах умерли создатель и фактический глава Российского общевоинского союза П. Н. Врангель (апрель 1928 г., предположительно отравлен агентом НКВД), признанный на Съезде вождем эмиграции Великий князь Николай Николаевич (январь 1929 г.); похищен агентами ГПУ преемник Врангеля, председатель РОВС А. П. Кутепов (январь 1930 г., вероятно, убит тогда же). Дзержинским была проведена известная операция «Трест». В среде эмиграции нарастал страх перед «всесилием ГПУ», даже боевое офицерство было деморализовано, а планируемое освобождение России от большевизма — сорвано [Голдин, 2006].

⁴ «...Царизм владел и управлял 2/3 всей железнодорожной сети, 7/8 всех телеграфов, 1/3 всей земли и 2/3 лесов страны, а также наиболее ценными рудниками, продукция которых обрабатывалась на казенных же заводах; правительство продавало все спиртные напитки и скупало весь спирт; с помощью центрального Государственного банка оно контролировало финансовое положение страны» [Давидович, 1975, с. 47–48].

режима в Российской империи была особенно высока. Совместное действие факторов быстрой урбанизации, импортных революционных идеологий, невыгодного для большинства населения характера включенности в международные рынки было наиболее сильным в России. Из «мальтузианской ловушки» (быстрый рост населения и малоземелье) страна попала в «марксову ловушку» (углубление социального неравенства, которое уже стало нетерпимым) [Гринин, 2010].

В результате неполноценная в плане своей «капиталистичности» индустриализация была сломлена Революцией и Гражданской войной. Вектор постреволюционного развития экономики зависел от доминировавших идеологий, планов и действий победившей группы, ее ответов на вызовы (трудности, конфликты, кризисы).

Постреволюционная власть национализировала крупные сферы экономики, удерживала главные рычаги управления «народным хозяйством». Нэп был введен как вынужденный ответ большевиков на провал «военного коммунизма», на шок Кронштадтского мятежа и реальные опасности повторения подобных событий. При нэпе стали быстро восстанавливаться мелкий и даже средний бизнес, появилось множество трестов, синдикатов, коопераций, относительно самостоятельных банков, росли иностранные концессии, бурно развивалась рыночная торговля, преодолев начальные запреты и ограничения. Фактически, возрождался капитализм, что хорошо понимали Ленин, Троцкий и другие лидеры большевиков. Государство, борясь с пугающим ростом капитализма, прямо вмешивалось в установление цен, в банковскую сферу, что закономерно приводило к дисбалансам, тромбам в экономических потоках, кризисам.

После особенно глубокого кризиса 1927 г. с поставкой хлеба городам было принято принципиальное решение о сворачивании нэпа. Реализация этого решения, вероятно, была прямо увязана с ликвидацией внешней военной угрозы со стороны эмиграции в 1928 г. (см. выше). В октябре того же года был объявлен первый пятилетний план с курсом на коллективизацию и ускоренную индустриализацию. Последняя, таким образом, носила откровенно *антикапиталистический* характер: частные банки были ликвидированы, управление промышленностью полностью централизовано.

С одной стороны, были запущены широкие государственные образовательные программы, имела место большая государственная поддержка науки и инженерии, строились современные предприятия, в основном благодаря участию американских технологий, специалистов и высококвалифицированных рабочих. С другой стороны, отечественные рабочие фактически становились крепостными при заводах, а крестьяне — при колхозах. Начиная со строительства Беломорканала (1931–1933 гг.) стало все масштабней использоваться государственное рабство — принудительный труд узников ГУЛАГа.

Как видим, оборотная сторона «недокапиталистической» индустриализации в дореволюционный период, запоздалого и невыгодного включения Российской империи в европейскую мир-экономику стала значимым

(наряду с другими) фактором Революции — крушения Империи. «Социалистическую» индустриализацию следует отнести к модернизации лишь в моментах образования, науки и заимствованных технологий, социальные же процессы имели отчетливо *контрмодернизационный* характер. Полугодарственная и полукапиталистическая экономика царизма в результате бурных революционных событий стала тотально государственной.

7. Трагический парадокс: от демократической революции — к тоталитаризму

Эволюция избирательного права с первых государственных дум и до становления сталинского режима хорошо изучена [Демин, 1996; Государственная Дума России..., 2006]. Грубо говоря, от элитистской дискриминации первых дум через антиэлитистскую дискриминацию выборов в Советы в 1917 г., с трудовым и политическим цензом в Конституции 1918 г. страна пришла к зафиксированному в Конституции СССР 1936 г. всеобщему избирательному праву. Разумеется, этот процесс нельзя считать движением к демократии, причем не только из-за жесткого партийного контроля над выборами и полной подчиненности выборных советских органов невыборной власти ВКП(б). Гораздо большее значение имела динамика в континууме *коллегиального разделения власти* (см. главу 4).

Самодержавие и по своему имени (формально, прямому аналогу «автократии»), и по существу отрицает коллегиальное разделение власти, т. е. появление отдельных от него политических центров, с которыми самодержец вынужден был бы делиться своим могуществом. Делегирование множества властных функций Сенату, Государственному Совету, Канцелярии Его Императорского Величества, Синоду, министерствам и другим органам, в том числе коллегиальным, *не разделяет*, а только *осуществляет* самодержавную власть [Аврех, 1989; Пайпс, 2005].

Учреждение выборных земских собраний как часть реформы 1906 г. было довольно слабым продвижением к коллегиальной власти, поскольку в ведение земств попали (и то частично) только местные хозяйственные и социальные вопросы, такие как народное образование, медицинская помощь, благотворительность, строительство дорог, мостов и т. д.

Настоящей победой революции 1905 г. был учрежденный Октябрьским манифестом парламентаризм, а это уже весьма существенное продвижение к коллегиальному разделению власти, явное ограничение самодержавия⁵. Царская администрация сразу попыталась нивелировать это ограничение, поставить под контроль Государственную Думу, сделав назначаемый царем Государственный Совет верхней палатой законодательного собрания.

⁵ Ср.: «Главная удача революции 1905–1907 годов в том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, но не победой одной из этих двух сил. Результатом этого компромисса стали конституция 23 апреля 1906 года, широкая политическая реформа и столыпинское преобразование страны» [Пивоваров, 2009, с. 216].

Постоянно воспроизводившийся конфликт приводил к известным роспускам дум. В напряжении военного времени этот конфликт достиг апогея осенью 1916 г. (речь П. Н. Милюкова 1 ноября со знаменитым рефреном «Глупость или измена?»), а при крайнем обострении уличных протестов весной 1917 г. привел к отречению царя и формированию оппозиционной Думой Временного правительства, учреждению Советов, что и составило политическое существо Февральской революции (см. главу 10).

Эпоха «двоевластия» продолжалась до Октябрьского переворота. Общепринятым в российском политическом сознании является весьма негативное отношение к «двоевластию», причем обычно ему противопоставляется единоначалие (по образцу военного) с полной централизацией власти и ресурсов. С негативной оценкой того «двоевластия» следует согласиться, поскольку отношения между двумя центрами власти в России 1917 г. развивались как сугубо конфликтные, даже антагонистические, что вело к разрушению не только государства, социального порядка, но и остатков общенациональной солидарности. Разгон Учредительного собрания, преимущественно насильственное распространение власти большевиков по стране и кровопролитная Гражданская война — прямые следствия и выражения этих деструктивных процессов⁶.

Закономерная динамика отказа от сотрудничества и роста антагонизма проанализирована в главах 6 и 7. Провалы переговоров и компромиссов, успехи стратегий подавления подкрепляют агрессивные стратегии сторон. Главная причина провалов компромиссных стратегий состоит в том, что именно бескомпромиссность обеспечивает получение поддержки (силовой, популярной или международной) непримиримым антагонистам власти, которыми любые уступки со стороны последней воспринимаются как симптомы ее слабости и близящегося политического поражения (зачастую таковыми и являясь).

Наличие же такой поддержки обеспечивается тем, что прокламируемые этими *непримиримыми* акторами цели и лозунги соответствуют массовым экономическим и политическим установкам, а также стремлениям влиятельных групп, значимых в их борьбе за власть и ее легитимацию. Так, ленинские лозунги прекращения войны и раздачи земли крестьянами получили широкий отклик в солдатских массах в 1917–1918 гг., а конфликт с Временным правительством, его низложение и разгон Учредительного собрания привели большевиков и левых эсеров на высшие государственные посты [Пивоваров, 2009; Колоницкий, 2010].

«Двоевластие» действительно не стало, а в той ситуации и не могло стать коллегиальным разделением власти, которое предполагает базовый

⁶ В этот антагонизм сделали вклад как объективные классовые, сословные мотивы, историческая память недавних репрессий 1908–1910 гг., так и зажигательные речи, тексты «злых гениев революции», таких как Владимир Ленин и Лев Троцкий. Они успешно оседали, использовали, направили массовую ненависть посредством лозунгов типа «Превратим империалистическую войну в гражданскую!», «Долой министров-капиталистов!», а впоследствии начали красный террор — «устрашение, аресты и уничтожение врагов революции по принципу их классовой принадлежности» [Красный террор..., 2004].

уровень солидарности, правила и процедуры взаимодействия, партнерство на основе разделения функций и полномочий, блокирование стремлений подавить и уничтожить конкурента. Беда в том, что в советском, антисоветском эмигрантском, да и в современном российском политическом сознании антиподом негодного «двоевластия» до сих пор остается единоначалие (в форме всевластия Партии и «культы личности» Вождя, или Государя Императора, или Политбюро и Генерального секретаря КПСС, или Президента как «национального лидера»). Однако *антагонистическое двоевластие вместе с единоначалием противостоят коллегиальному разделению власти как основе демократии.*

После победы в Гражданской войне большевистский режим сразу стал претендовать на всевластие, подавлял остатки и ростки политической оппозиции. В 1920-е годы большевикам еще не хватало аппаратной мощи для полного могущества, сохранялась «внутрипартийная демократия». Затем последовали изгнание Троцкого, подавление правой (Бухарин) и левой (Зиновьев и Каменев) «антипартийных групп». Становление сталинизма являло собой последовательное и жесткое продвижение к автократии через массовое насилие и устрашение. В результате сталинская автократия во многом превосходила царское самодержавие. Достаточно сказать, что как бы автономные от партийной власти «выборные» советские и профсоюзные органы, профессиональные сообщества не имели и сотой доли самостоятельности, полномочий и ресурсов, которые были у земств, дворянских, купеческих собраний и профессиональных организаций в дореволюционный период.

Итак, важнейшая линия становления демократии как компонента модернизации — развитие коллегиального разделения власти — стала самой провальной в истории России первой трети XX в. Установка на захват всей полноты власти любыми средствами (читай: насилием и устрашением) была характерна для наиболее успешных акторов во всех конфликтах этой эпохи.

Немногие участники политического взаимодействия были настроены на выборные процедуры, разделение и ограничение власти, разрешение конфликтов через переговоры. Такие люди имелись среди кадетов, меньшевиков, членов Учредительного собрания, лидеров Белой армии с идеями «непредрешенчества». Сюда относятся даже некоторые большевики типа Федора Раскольникова, Николая Бухарина и Сергея Кирова, но все они неслучайно проигрывали конфликты, изгонялись из политики, бежали из страны или вовсе уничтожались.

Склонность к полному властному контролю, идеал «вертикали власти» характеризует и современных лидеров российской политики. Кажется, в «несистемной» оппозиции от этих стереотипов стали отказываться. Однако сам отказ не означает автоматического появления умений вести горизонтальные переговоры и составлять широкие эффективные коалиции. Судя по плачевному состоянию, разрозненности, возобновляющимся скандалам и расколам в оппозиционной среде, такие умения российским политикам еще предстоит осваивать.

8. Революция в контексте российских циклов

Российские циклы сложнее, чем их обычно представляют (регулярные смены оттепелей и заморозков, реформ и контрреформ). Циклы включают закономерную динамику в пространстве государственный успех/провал и свобода/несвобода [Розов, 2011а, гл. 7–10], переходы между фазами (рис. 8.1).

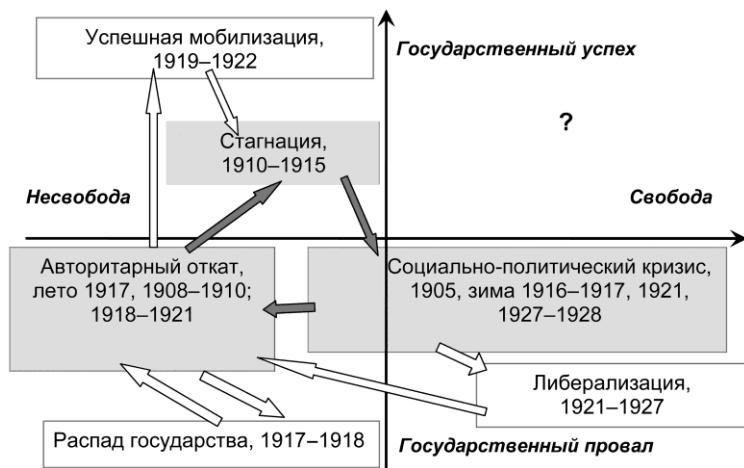

Рис. 8.1. Основные такты и межтактыые переходы в циклической динамике истории России. Контур серых блоков и стрелок – *кольцевая динамика* наиболее частых переходов. Контур между «Успешной мобилизацией», «Либерализацией» и «Распадом государства» – *размашистая маятниковая динамика* [Розов, 2011а, гл. 7]

Перечислим эти фазы и сопоставим им события и периоды Большой русской революции (с 1905 по 1930-е гг.)⁷:

- «*Авторитарный откат*» (восстановление государства, порядка за счет подавления свободы); подавление мятежей, карательные акции 1908–1910 гг., провальные попытки Временного правительства, корниловского мятежа подавить склоняющиеся к большевизму Советы, разгон Учредительного собрания, военный коммунизм и красный террор 1918–1921 гг., коллективизация 1929–1930 гг., «чистки» и Большой террор 1930-х гг.;
- «*Успешная мобилизация*» (государственный успех, обычно через военное расширение территории при низких уровнях свободы); победа большевиков в Гражданской войне; восстановление почти всей прежней Империи при создании СССР в 1922 г.;
- «*Стагнация*» (умеренные колебания в экономике, назревание социальной и политической нестабильности при росте свободы, эмансипации от государственного принуждения);

⁷ Анализ циклической динамики в самый бурный революционный период (февраль 1917 г. – январь 1918 г.) см. в главе 9.

- «Социально-политический кризис» (делегитимация власти и режима, массовые протесты); революционные события 1905–1907 гг., продовольственный кризис и беспорядки в Петрограде зимой 1916–1917 гг., Тамбовское восстание и Кронштадтский мятеж 1920–1921 гг.; кризис хлебозаготовок для городов 1927–1928 гг.;
- «Либерализация» (устранение репрессивных и ограничивающих институтов, рост свободы, как правило, в тяжелой ситуации для власти и режима); начальные действия Временного правительства весной 1917 г., вынужденное введение Советским правительством нэпа 1921–1927 гг.;
- «Распад государства» (крайняя форма «кризиса» — свержение власти, разрушение государственных институтов, отпадение провинций, обычно после провальной попытки «авторитарного отката»). Полное разрушение прежних государственных структур при большевизации страны и в Гражданской войне (с начала 1918 г.).

9. Ущербоность односторонней модернизации

Модернизация в своих главных процессах является одновременно продвижением к свободе и государственному успеху.

Действительно, *секуляризация* продвигает общество к свободе совести; *демократизация* — к росту политического участия, защите прав и свобод через коллегиальное разделение власти; *разнообразие и смена стилей* — к свободе в культурном творчестве и потреблении культуры. *Бюрократизация* является усилением государства, расширением его функций, ее растущая роль в жизни общества соответствует концентрации финансовых, силовых, административных, символических ресурсов. *Капиталистическая индустриализация* обеспечивает это современное бюрократизированное государство мощными экономическими институтами и технологиями, позволяет наполнять бюджет благодаря налогам с растущего богатства частных лиц и компаний.

Таким образом, успешная модернизация переводит общество в оптимальный квадрант: высокий уровень свободы + высокий государственный успех, до сих пор остающийся для России недостижимым (отмечен на рис. 8.1 знаком «?»).

Как видно на примере нашей истории (и не только нашей), модернизация не всегда бывает успешной, она также ведет в ловушку, к провалам, революциям, гражданским войнам и даже государственным распадам [Хантингтон, 2004; Миронов, 2012]. Подведем итоги проведенного анализа.

Секуляризация, предполагавшаяся после Февраля, обернулась принудительным государственным атеизмом, послереволюционный расцвет культурного авангарда — жесткой цензурой под эгидой обязательного «социалистического реализма», потерей свободы.

Начальные подвижки Февраля к демократии, коллегиальному разделению власти после бурных событий привели к сталинизму — одной из наиболее жестоких форм тоталитаризма. Проигрыш в свободе уже предельный.

Разрушенные Революцией «недокапиталистическая» индустриализация и старорежимная бюрократия затем возродились уже в форме «социа-

листической» индустриализации и сталинской «номенклатуры». Оба процесса усилили тоталитарное и агрессивное государство (с амбициями «всемирной победы коммунизма»), сыграли большую роль в победе 1945 г., в достижении наивысшего успеха — превращении СССР в сверхдержаву с многочисленными сателлитами «соцлагеря».

Дальнейшая история СССР и Российской Федерации продолжается в более описанных выше циклов. Страна прошла через еще один революционный период, сопряженный с государственным распадом 1991 г., теперь проходит через очередной период «авторитарного отката», с тенденциями десекуляризации и даже клерикализации общества, признаками неофициальной цензуры в культурном творчестве, попытками восстановления государственной идеологии. Продолжается деиндустриализация, тогда как государственная бюрократия соскальзывает к неопатримониализму — системе множественных кланов, построенных на основе личной лояльности (см. главу 3). Таким образом, прошедшее после Революции 1917 г. столетие показывает ущербность односторонней модернизации, когда государственный успех достигается за счет подавления свободы: даже прежние достижения обращаются вспять.

Как верно отметил Чарльз Тилли, «революция в России еще не завершилась» [Тилли, 2006, с. 210]. Удастся ли удержать неизбежные будущие кризисы в мирном русле, направить протесты, политические изменения и реформы к полноценной модернизации, коллегиальному разделению власти и через «Перевал», преодолевая инерцию «Колеи» порочных циклов, перейти тем самым к новой логике исторического развития, — это зависит от множества объективных и субъективных факторов. В том числе от адекватности общественного осмысления сущности и следствий Русской революции.

Глава 9

Механизмы конфликтной динамики в Петрограде 1917 г.

1. Причины Февраля – хрестоматийный случай назревания революции

Нет никакой загадки в причинах февральских событий 1917 г. Современный арсенал концептов и теорий социальных революций позволяет представить Февраль как хрестоматийный случай проявления чуть ли не большинства объяснительных понятий и моделей.

Долгосрочные (десятилетия лет) факторы¹:

- *демографическое давление и массовое возмущение несправедливостью* (малоземелье, недовольство крестьян результатами реформы);
- *негативные следствия бурного развития капитализма с гипертрофией государства* (концентрация вчерашних крестьян на крупных предприятиях);
- *взаимное сословное отчуждение* (разрыв между городским образованным классом и общинным крестьянством, «рабочими слободками»);
- *влиятельность мировых культурных идей* (марксизм, социализм, конституционализм, республиканизм);
- *делегитимация режима* (давние, широкие и усиливающиеся антимонархические настроения, затронувшие даже военных и полицию).

Среднесрочные (годы) факторы:

- *геополитическое напряжение* (затяжная, тяжелая, непонятная массам война);
- *фискальный кризис, невыполнение правительством обязательств* (огромные военные траты с трудом покрывались займами и печатаньем необеспеченных денег, откуда инфляция, массовое недоверие к деньгам, отказ продавать хлеб государству);

¹ Ср. с перечнем модернизационных преобразований, оказавшихся кризисогенными: «Так, в России в начале XX в. действия правительства П. А. Столыпина в стремлении решить проблему отсталости сельского хозяйства и бедности крестьян за счет разрушения общины и приобретения крестьянами права на индивидуальное хозяйство вызвали рост неравенства и напряженности в деревне, да и в целом в обществе. А развитие народного образования привело к росту численности людей, среди которых было проще агитировать против правительства. Введение рабочих законов, решив на время наиболее острые проблемы, в целом ни в коей мере не успокоило рабочий класс. А создание парламента, пусть и с ограниченными правами, только усилило стремление либералов требовать новых уступок. Это показывает, насколько сложно избежать модернизационной ловушки. Проблема еще и в том, что в некоторые периоды запоздалые реформы только ухудшают положение правительства» [Коротаяев и др. 2017, с. 34–35].

- *явный раскол элит* (Прогрессивный блок Думы против царской администрации)²;
- *наличие привлекательных политических альтернатив* (республиканизм, социализм и «Прогрессивный блок» Думы для городского образованного класса, а также образцы Советов, фабричных комитетов для рабочих, для солдатских-крестьянских масс);
- *широкая популярность революционерства* (даже учителя разучивали с учениками «Рабочую Марсельезу»);
- *«молодежный бугор»* (демографический перекосяк в столице и крупных городах);
- *низовой опыт коллективных политических организаций и действий* (известные образцы Советов, заводских комитетов, шествия, митинги, стачки, забастовки — от событий 1905–1907 гг.).

Краткосрочные (месяцы и недели) факторы:

- *военные поражения, ведущие к делегитимации власти и режима* (неудачи 1915 г., отсутствие значимых успехов 1916 г., растущая непопулярность войны);
- *делегитимация верховного правителя* (слухи о сексуальной связи Г. Распутина с царицей как «немецкой шпионкой», пусть и ложные)³;
- *слабость правительства* (неспособность решить продовольственную проблему, успокоить и замирить бунтующих);

² Справедливости ради надо сказать, что в России роковой раскол власти и антагонистический конфликт (переход к стратегии подавления политического противника) начали именно думские либералы во главе с Милюковым еще в ноябре 1916 г., что воплотилось в его думской речи со знаменитым рефреном «Глупость или измена?» Р. Пайпс вполне убедителен в утверждении клеветнического характера этих обвинений в сторону правительства и его тогдашнего главы Штюрмера: «Упомянутая Милюковым “субъективная уверенность” в том, что высшие сановники идут на соглашение с врагом, не имела под собой ни малейших оснований. Грубо говоря, это был чистейший вымысел. Милюков, конечно, прекрасно понимал, что ни Штюрмер, ни кто-либо другой из министров не совершали измены, и каковы бы ни были недостатки премьер-министра, он оставался лояльным российским гражданином. Позднее в своих мемуарах Милюков признал это. И тем не менее, он чувствовал за собой моральное право клеветать на невинного человека и бросать самые тяжкие обвинения в адрес правительства, ибо считал, что в настоящий момент всего важнее кадетской партии получить власть в стране, пока страна еще не погибла» [Пайпс, 2005]. После уступки царя и отставки Штюрмера, замены его более лояльным к Думе Треповым примирения не получилось и думцы стали уже требовать отставки министра МВД Протопопова.

³ Иностранные делегаты Петроградской конференции по союзным действиям и вооружениям (январь–февраль 1917 г.) уже явственно ощущали полную дискредитацию императорской четы и самодержавия. «В Москве, как и в Петрограде, делегаты услышали, что царская чета — угроза для страны. Генерал Вильсон записал в дневнике: “Они потеряли свой народ, свое дворянство, а теперь и свою армию — и я не вижу для них никакой надежды; однажды здесь произойдет что-то ужасное”. Делегатам устроили овацию, когда увидели их в царской ложе Большого театра, но и это не подняло им настроения. И на следующий день в дневнике Вильсона появилась запись: “Император и императрица — на пути к свержению. Все — офицеры, купцы, женщины — открыто говорят, что надо избавляться от них”» [Давидсон, 2007].

- *локальная мобилизация* (комитеты Земгора становились в оппозицию монархии, в 1917 г. стали повсеместно вырастать Советы на основе опыта 1905 г.);
- наличие *«горючего материала»* (скопление в столице недовольных рабочих, а также солдат и матросов, дезертиров — вчерашних крестьян, теперь вооруженных);
- продовольственный кризис и хлебный бунт в столице⁴.

Все это и многое другое создавало к весне 1917 г., особенно в Петрограде, высочайший уровень социально-политической нестабильности («революционную ситуацию»), поэтому любой достаточно сильный триггер должен был привести к революции [Пайпс, 2005; Нефедов, 2005б; Пивоваров, 2009; О причинах..., 2010; Цирель, 2011; Колоницкий, 2012].

2. 1917 год: развилки после воронки

Если Февральская революция была предопределена, то совсем иное дело — последующие процессы и события 1917 – нач. 1918 гг., т. е. бурная конфликтная динамика, которая завершилась разгоном Учредительного собрания и началом Гражданской войны. Традиционно такие периоды описывались как «революционная буря» — совершенно иррациональный поток драматических происшествий. Современные историки делают упор на детальное документирование событий, на отдельные аспекты происшедшего: формы насилия, эмоции, настроения разных групп, символы, ритуалы, изменения в быте и повседневном поведении [Аксенов, 2002; Булдаков, 2010; Колоницкий, 2012].

Общим местом является тезис о полной непредсказуемости революционных процессов. Действительно, на основе любых данных по февралю–марту 1917 г. и сколь угодно продвинутых теоретических моделей нельзя ни предсказать, ни объяснить (полноценно и научно по К. Гемпелю) завершение этого бурного года, последующие события.

«Хаос» революции здесь трактуется как сложная, поливариантная конфликтная динамика с перемежением периодов относительно закономерных процессов («воронка» или «русло», «колея») и кратких периодов бифуркации, прямых столкновений, неустойчивого равновесия с несколькими открывающимися альтернативами («развилки»).

⁴ Любопытно, что суть проблемы состояла не столько в нехватке хлеба (как раз в Петрограде ситуация не была особенно острой), сколько в бюрократических конфликтах относительно управления продовольственным снабжением столицы. «С некоторых пор между петроградскими городскими властями и правительством шла распря по поводу контроля над продовольственным снабжением. Городские власти, поддерживаемые Союзом городов и Прогрессивным блоком Государственной Думы, настаивали на том, что снабжение продовольствием граждан столицы должно быть в их руках, а министр внутренних дел Протопопов, хотя нужных средств к тому у него не было, хотел взять эту дополнительную ответственность на себя, что вызвало новые нападки на него в печати и в петроградской городской Думе и создало общую атмосферу продовольственного кризиса» [Катков, 1997].

Если осень 1916 г. со знаменитой речью Милюкова («Глупость или измена?») и зима 1916–1917 гг. представляют собой *историческую воронку* к неизбежной революции (см. выше перечень факторов), то далее начинается цепь *исторических развилок*. Наибольший интерес вызывают именно развилки, где многое решается в ситуациях здесь-и-сейчас. Поворот событий в таких столкновениях всегда зависит от «расстановки сил», которая в свою очередь определяется предшествующим периодом множества социальных процессов и явлений, всегда также происходящих в ситуациях — в каких-то моментах времени и в каких-то местах. Именно в развилках особенно высока неопределенность развития событий, а значит, резко возрастает роль случайности, стечения обстоятельств, увеличивается значимость решений, поступков лидеров. Таким образом, следует спуститься на временной масштаб месяцев и недель (вплоть до дней для наиболее критических событий).

Разумеется, революционные события 1917 г. гораздо шире происходившего в Петрограде. Следует говорить о целом «букете революций» (Н. Покровский, А. Солженицын, В. Булдаков, Ю. Пивоваров и др.):

- эмансипационная революция (республиканизм образованного класса в столице и крупных городах);
- солдатско-матросская революция («революционное» насилие и разбой в городах);
- общинная революция (захват земли, разгром поместий крестьянами на селе);
- национально-освободительные движения (в Финляндии, Польше, Украине, на Кавказе, в Туркестане).

Главный вопрос революции состоит в следующем: какой актор или коалиция получит контроль над административным аппаратом в столице и губернских центрах, причем контроль, обеспеченный силовой поддержкой. Для борьбы между главными акторами в Петрограде процессы и результаты всех четырех революций представляют собой:

- условия в гонке за легитимность (меняющиеся привлекательность и уровни поддержки лозунгов «восстанавливаем законность и порядок» или «даем всем свободу и углубляем революцию»);
- политический ресурс (на съездах) и силовой ресурс (в уличной политике, в подавлении противников);
- ограничение стратегий (какие политические действия возможны, а какие — нет).

Далее речь пойдет только о Петрограде 1917 г., где «букет революций» образует динамичное силовое поле для главной — столичной — конфликтной динамики. Данная глава представляет собой эскиз теоретического объяснения ключевых политических процессов и событий в Петрограде 1917 – нач. 1918 гг. на основе априорной понятийной схемы, универсальных принципов динамики политических конфликтов в кризисные и переходные периоды, а также российской специфики — внутреннего механизма циклов в истории страны [Розов, 2011].

3. Революционный маятник 1917 г. — микрокосм циклической динамики России

Помимо общих закономерностей, в период Революции и Гражданской войны действовали специфические для России закономерности, лежащие в основе ее исторических циклов (см. главу 8 и рис. 8.1).

Порождающий механизм этих циклов с шестью тактами («Стагнация», «Кризис», «Авторитарный откат», «Успешная мобилизация», «Либерализация» и «Государственный распад») был детально исследован в книге [Розов, 2011, гл. 7–12]. Релевантным для нашей темы является обвал Российской империи в такт «Социально-политический кризис» с частичной «Либерализацией» (февраль–декабрь 1917 г.), тогда как начало Гражданской войны представляет собой переход к такту «Государственный распад».

В основе порождающего механизма российских циклов лежит триада:

- *социальные структуры* (усиление или распад институтов с доминирующим принципом принуждения);
- *культурные образцы* (ментальные схемы и символы-святыни, через которые люди осмысливают происходящее);
- *ментальные установки* (воспринятые культурные образцы, картины мира, идентичности, стереотипы поведения).

Для российского менталитета характерны маятниковые колебания в квалификации событий, лидеров, идей, социальных движений, но в рамках одних и тех же *фреймов* — когнитивных схем, зачастую имеющих структуру дихотомии: «свои/чужие», «порядок/смута», «царь/самозванец», «хороший царь/плохие бояре», «Россия/Европа», «народ/интеллигенция». Также остаются инвариантными *символы* (святыни, ценности), такие как «Порядок», «Царь», «Держава», «Правда-Справедливость», «Прогресс», «Демократия» [Розов, 2011, гл. 8–10].

В бурном 1917 году несколько раз менялась верховная власть, создавались и рушились политические коалиции, однако базовые социальные, культурные и ментальные структуры оставались теми же, что определяли и до сих пор определяют историческую динамику России.

В Революцию они только обнажились и явственно показали свои особые черты: упование на «Сильную руку» как основу «Порядка», опору на принуждение и насилие, бескомпромиссное отвержение «чужих» и «врагов», низкая способность к горизонтальным отношениям, переговорам, уступкам, соблюдению договоренностей, неуважение к праву, свободе, собственности, человеческому достоинству.

Участники Революции (преимущественно кадеты и октябристы, отчасти социалисты, меньшевики и правые эсеры), связывавшие «Порядок» не только с принудительной властью, но также с законностью, представительной демократией, компромиссами, были вытеснены, а затем и вовсе исключены из политической борьбы, впоследствии эмигрировали или были репрессированы.

Горизонтальные структуры рушились: первоначальная коалиция Временного правительства и Петросовета оказалась хрупкой, терпела кризисы и распалась, а многопартийное Учредительное собрание прожило лишь один день. Здесь сыграл роль важнейший паттерн российской политической культуры, вероятно, имеющий корни не только в самодержавии, но и в военизированном сознании: недоверие к «двоевластию», «семибоярщине» и ставка на полноту единоначалия⁵. Соответственно, после краткого периода революционной эйфории все больше проявлялось общее тяготение к вертикальным социальным отношениям подчинения и принуждения; борьба же шла за верховные позиции с полномочиями подчинять и принуждать.

Ни в Революцию, ни после нее не сложилась главная основа демократии — *коллегиальное разделение власти* как горизонтальная солидарная коалиция центров силы с установленными «правилами игры» [Коллинз, 2015, гл. 4].

Именно благодаря обнажению и усилению базовых структур революционная динамика 1917 – нач.1918 гг. представляет собой не столько «иррациональный хаос», сколько быструю и закономерную смену тактов, знаковых по «большой» динамике истории России (рис. 9.1).

Рис. 9.1. Часть циклической динамики истории России в период 1917–1929 гг.

⁵ Колея российских циклов во многом определяется тем, что при разобщенности и кризисе, вследствие особенностей менталитета и институтов почти все стороны выбирают путь авторитарной принудительной власти как единственный возможный способ консолидации и восстановления порядка [Розов, 2011, гл. 9–10].

Действительно, внутри общего такта «Кризис» 1917–1918 гг. произошли:

- две попытки «*Либерализации*» («медовый месяц» Февраля, созыв и начало работы Учредительного собрания), обе провальные;
- три политических «*Кризиса*» — открытого конфликта (апрельский, июльский и корниловский «мятеж»);
- связанные с ними пять попыток «*Авторитарного отката*»:
 - относительно успешное подавление анархо-большевистского мятежа, временное преодоление двоевластия (июль 1917 г.);
 - провал выступления Корнилова, имевшего цель подавить Советы (конец августа 1917 г.);
 - последующая провальная попытка Керенского установить личную диктатуру (сентябрь–октябрь 1917 г.);
 - успешный захват власти обретшими военную организацию Советами во главе с большевиками (переворот конца октября 1917 г.);
 - успешный (для большевиков) и трагический (для демократии в России) разгон Учредительного собрания (начало января 1918 г.).

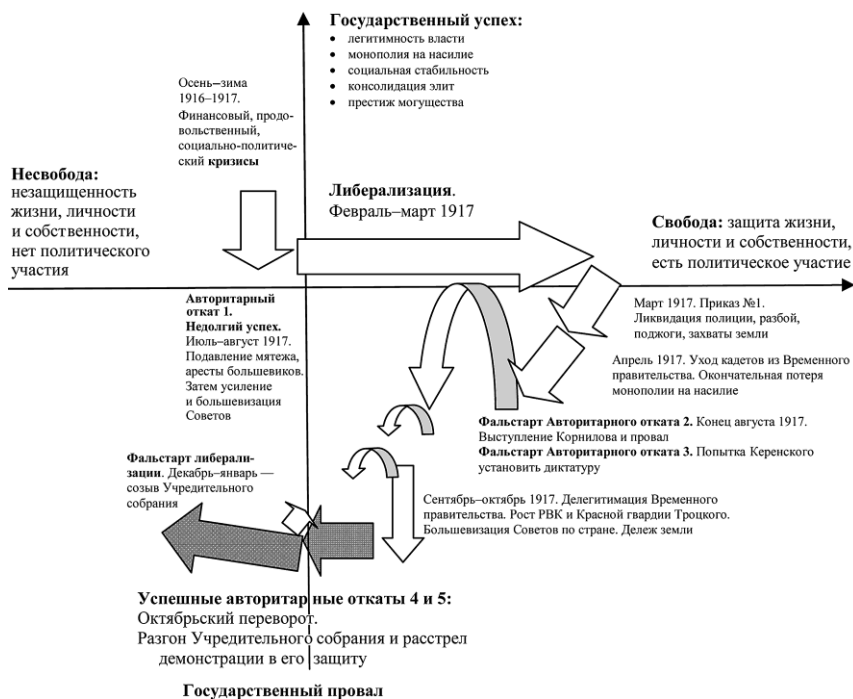

Рис. 9.2. Конфликтная динамика 1917 – нач. 1918 гг. На фоне общего углубления «Кризиса» две попытки «Либерализации» (обе провальные) и пять попыток «Авторитарного отката» ради восстановления порядка: одна с временным успехом (июль), две провальные (август–сентябрь), две успешные (октябрь 1917 г. и январь 1918 г.)

Учтем также следующие выявленные закономерности, которые представляются релевантными и для настоящего периода истории России:

- *принцип попустительства*; при такте «Либерализация» и после свержения Правительства, с которым ассоциируются авторитарные институты и практики принуждения, последние дискредитируются; далее следует период «разгула демократии» — терпимости к насилию и радикализму, внутренней неспособности им противостоять;
- *принцип тоски по порядку*; усталость от насилия и хаоса («смуты») как следствий попустительства способствует возврату к привычным вертикальным отношениям и практикам принуждения либо со стороны прежней власти (при реакции или реставрации), либо со стороны новой власти (при победе революции).

4. Поля взаимодействия и стратегии сторон

Появление двоевластия весной 1917 г. объясняется тем, что в двух главных полях политического взаимодействия кристаллизовались и временно консолидировались два центра силы (актора), причем каждый обладал преимуществом в специфических ресурсах, релевантных своему полю.

Первым полем было *мирное взаимодействие на основе сохранившихся от монархии административных и правовых институтов*. Это поле первоначально было почти полностью монополизировано Временным правительством, перехватившим у низложенного царизма практически весь государственный аппарат. Правовая, авторитетная, популярная легитимности также являются важными ресурсами акторов, действующих в данном поле.

Второе поле включало *уличную политику, как мирную, так и насильственную*, а также известные практики политического протеста: забастовки, стачки, печатание и распространение листовок и т. п. Поскольку Февральская революция только что произошла именно благодаря массовым низовым действиям в этом поле, оно само получило высокую значимость, а победители в нем — признание. Соответственно, немалую легитимность (популярную и парамилитарную) обрел Петросовет как конгломерат политических акторов, ставший во главе солдатских и рабочих масс в столице. На первый план здесь выходит силовой ресурс уличных лидеров, успешных ораторов (анархистов, социалистов, меньшевиков, большевиков), необходимый для проведения ими уличной политики.

Повороты дальнейшего конфликтного взаимодействия между Временным правительством и Петросоветом следует рассматривать в контексте стратегии каждого.

В полном соответствии с *принципом удержания поля взаимодействия* (см. главу 6) Временное правительство пыталось сохранить действенность административных и правовых институтов и практик. Эта стратегия становилась все более провальной во многом из-за общего *сдвига легитимности*

к парамилитарной и авторитетной, причем авторитет обретали лидеры с наиболее радикальной революционной риторикой (прежде всего Ленин и Троцкий).

Советы в то же время осуществляли двойственную стратегию: а) поэтапно забирать у Временного правительства административные и правовые prerogatives в первом поле; б) накапливать массовую поддержку и силовые ресурсы во втором поле вначале для «продавливания» своих требований, а затем, при большевизации Петросовета, для свержения противника открытым вооруженным насилием [Пайпс, 2005].

5. Причины провалов «Либерализации»

Итак, почему же демократические силы не смогли удержать страну на путях свободы и парламентаризма?

При множестве очевидных различий двух попыток «Либерализации» — «медового месяца» Временного правительства (март–апрель 1917 г.) и скоротечной жизни Учредительного собрания (от созыва в декабре 1917 г. до разгона 6 января 1918 г.) — между ними есть важные сходные черты. Ни то ни другое не сумело обеспечить нормальное государственное управление, не сумело даже защитить себя, хоть в какой-то мере утвердить за собой монополию легитимного насилия. В обоих случаях сыграл свою роль *принцип попустительства*, поскольку преследование радикалов (анархистов, большевиков, левых эсеров) жестко ассоциировалось с царской «охранкой» [Рабинович, 1994; Колоницкий, 2012, с. 7; Верт, 2010, гл. 1].

В бытовых терминах, причина заключалась в крайней наивности и прекраснодушии лидеров этих властных институтов. В научных терминах, Временное правительство первого состава и большинство Учредительного собрания делали ставку на свои *правовую и популярную легитимности*, рассчитывали также (вполне резонно) на последующие *авторитетную и международную легитимности*, но пренебрегли *парамилитарным и силовым типами легитимности*. Однако именно последние в сложившихся обстоятельствах оказывались наиболее значимыми согласно *принципу сдвига легитимности* (см. главу 6).

Умеренные, «буржуазные» деятели революции видели главную угрозу в монархической реставрации, поэтому по *принципу «враг моего врага — мой друг»* они шли на коалицию и немалые уступки левым радикалам, тогда как опасность поджидала именно со стороны последних и их пропаганды «углубления революции» в солдатских и рабочих массах.

Учредительное собрание даже не предпринимало попыток получения поддержки и защиты от силовых структур, оно понадеялось на большевистский караул, который в конце первого же дня заседания «устал». Судя по свидетельствам современников [Реден, 2006; Кантакузина, 2007], по фактам создания последующих Комучей (комитетов членов Учредительного собрания), потенциал защиты имелся, но не был востребован. Если с самих депутатов — небольшой спрос (не были еще организованы и растерялись в столице), то небольшевистские лидеры и партийные структуры в столице

показали полную недееспособность (по контрасту с целеустремленной и нахрапистой стратегией большевиков). Наряду с ментальной связкой организации аппарата насилия с поверженным и отверженным самодержавием сыграла роль делегитимация поверженного Корнилова, а значит и провала его стратегии жесткого противостояния левым радикалам (*фактор провала в столкновении*).

6. Причины успехов и провалов «Авторитарного отката»

Разброс результатов пяти попыток совершить «Авторитарный откат» от полного поражения (корниловское выступление) до полнокровного успеха (Октябрьский переворот и разгон Учредительного собрания) зависит от следующих взаимосвязанных факторов:

- релевантность пропагандистских лозунгов массовым установкам (*принцип Ленина*), способность каждой стороны привлечь на свою сторону «человека с ружьем»;
- соотношение силовых ресурсов, включая военную организацию, планирование, обученные, вооруженные и дисциплинированные отряды (*принцип Троцкого*);
- уровень решимости применять неправомерное насилие (*принцип Че Гевары*);
- принцип легитимации победителей в силовом противостоянии (*принцип Мао*).

Соотношение ресурсов в период революционной турбулентности имеет в своей основе способность противостоящих политических акторов к *привлечению на свою сторону и мобилизации «человека с ружьем»*. Кого же он будет поддерживать? Для ответа на этот вопрос нужно знать доминирующие установки среди этого контингента (вернувшихся с фронта солдат и матросов, а также получивших в руки оружие этнических меньшинств, таких как латыши).

Судя по наиболее популярным тогда лозунгам и призывам, их картина мира включала противоборство старого, отвергаемого режима (с царем, министрами, генералами, «буржуями») и «Революции», ведущей к будущему торжеству справедливости в России, а затем и во всем мире. Именно «Революция» с февраля 1917 г. стала сакральным объектом (святыней, высшей ценностью), а также способом оправдания действий среди социальных низов, получивших в руки оружие.

На протяжении 1917 г. с «Революцией» то больше, то меньше ассоциировались Временное правительство и Советы. Соответственно, противостоящий «Революции» блок обозначался как «силы, угрожающие Революции», «Контрреволюция» и «враги народа». Пропагандистская борьба шла (в нынешних терминах) именно за «приватизацию» Революции. Успеха в поддержке и мобилизации достигал тот актер, который более успешно убеждал, что сам представляет сторону Революции, а его противники являются «контрами» [Реден, 2006].

Более сложным, динамичным, но не менее важным было *отношение к войне*. Здесь начальные настроения «революционного оборончества»,

«войны до победного конца», «выполнения союзного долга» неуклонно сменялись настроем на прекращение войны. В следующем причинном слое на данную переменную влияли три фактора:

- успехи на фронте, как обычно, вдохновляли на участие в войне с надеждой на дальнейшие победы, а поражения деморализовали солдат, усиливали пораженческие и пацифистские настроения;
- колебания легитимности политических акторов, призывавших к продолжению войны (Временное правительство) и к выходу из войны (Петросовет), соответственно усиливали военные и антивоенные установки;
- при сохранении иерархии, дисциплины в армии сохраняется и ее боевой дух, тогда как с подрывом иерархии и разложением дисциплины он улетучивается, сменяясь настроем на бунты и/или дезертирство.

При некоторых колебаниях общий тренд в 1917–1918 гг. был направлен на усиление *антивоенных настроений в солдатских массах*. Этот тренд также имел обратное воздействие на легитимность. Те, кто поддерживал продолжение участия в войне (кадеты, Временное правительство, армейские генералы и офицеры), теряли легитимность. Те, кто призывал к выходу из войны, «братанию», «превращению империалистической войны в гражданскую войну» (большевики), быстро и неуклонно наращивали свою легитимность, прежде всего парамилитарную, даже несмотря на временное поражение большевиков — провал июльского мятежа, обвинения их в предательстве и аресты.

Каждая смена состава Временного правительства (в апреле, июле, сентябре) была вызвана кризисом его легитимности и была направлена на все больший компромисс с Советами, тогда как сами Советы радикализались и большевизировались.

В июле 1917 г. благодаря сохранявшейся легитимности Временному правительству удалось дискредитировать большевиков как предателей и подавить анархистско-большевистский мятеж. Здесь можно квалифицировать успех «Авторитарного отката», но достижение оказалось весьма хрупким.

Чувство правоты, сознание оправданности, легитимности своей позиции и своих действий является важнейшим основанием *решимости применять вооруженное насилие*, убивать и рисковать собственной жизнью (принцип Че Гевары). Этой правоты и решимости не хватало левым мятежникам в июле 1917 г., но в тот период хватало тем, кто с ними боролся от лица Временного правительства (пушечные выстрелы быстро рассеяли огромную толпу).

А. Керенский, став после июльского кризиса во главе правительства и пытаясь поддерживать свою революционную популярность, шел на все большие уступки Советам и неуклонно терял политический контроль над вооруженными отрядами в столице [Кантакузина, 2007].

Судя по всему, здесь действовали оба принципа предпочтения союзников: предпочтение наименее угрожающих и «враг моего врага — мой друг» (см. главу 6). Уже в июле и августе Керенский стал выпускать из тюрем

большевиков, чтобы укрепить свой авторитет в Петросовете, восполняющем дефицитный для Временного правительства силовой ресурс. Затем, уже почувствовав угрозу от Советов, Керенский пошел на союз с Корниловым, приняв участие в Московском государственном совещании.

Под началом Корнилова были собраны немалые силы, поначалу его поддерживали промышленники, военачальники, кадровые офицеры и казаки, не потерявшие дисциплину солдаты. Из-за трусости и недальновидности Керенского, сбоя в коммуникации и вспыхнувшего раздора между ним и Корниловым выступление последнего стало трактоваться государственной пропагандой как военный «мятеж» против гражданского, революционного Временного правительства. Керенский второй раз действовал по принципу «враг моего врага — мой друг», теперь уже взяв в союзники большевизированные Советы против Корнилова, которого стал воспринимать как главную для себя угрозу. Обе попытки политического альянса впоследствии только ухудшали позиции Керенского.

Тогда же оказалось, что крупные военачальники (Крымов, Деникин, Каледин и др.), офицеры и казаки, стремившиеся ранее «навести порядок» и устранить Советы, вовсе не были готовы с оружием в руках свергать Временное правительство [Никитин, 1937; Реден, 2006; Кантакузина, 2007]. Кроме того, сам Корнилов и его сторонники вовсе не желали массового кровопролития и братоубийственной войны. Застрелиться (Крымов) и сдать (Корнилов) — стало для них более предпочтительной альтернативой бою и попытке свержения Временного правительства, тогда еще символа освободительной Революции.

Таким образом, главными причинами провала следует признать не само соотношение ресурсов, а фактор легитимности: (не)готовность применять открытое вооруженное насилие к легитимному противнику.

После подавления корниловского выступления силовая легитимность в столице почти полностью перешла к Л. Троцкому с его Красной гвардией, а затем и Военно-революционным Комитетом. Керенский провозгласил себя «диктатором», но в условиях сохраняющейся популярности символа «Революция» он лишь сильнее обрушил легитимность, причем не только собственную, но и всего Временного правительства.

Октябрьский переворот только выразил и укрепил политический и военно-организационный успех Советов (уже преимущественно большевистских). Временное правительство даже толком никто не защищал. Как было уже отмечено, оно само не позаботилось о своей защите. Сохранявшиеся антибольшевистские силы, а также гражданские авторитеты (например, писатель и философ Дм. Мережковский) перенесли надежды и фокус внимания на будущее Учредительное собрание.

Парадоксальным образом те же принципы объясняют успехи большевиков в свержении Временного правительства и разгоне Учредительного собрания. Большевики после победы над Корниловым получили популярную и парамилитарную легитимность среди «комитетчиков», революционных солдат и матросов, благодаря чему выстроили относительно сплоченную и организованную военную структуру (ВРК и Красную гвардию под

руководством Троцкого). У них также было сознание собственной правоты, ведь они «превратили буржуазную революцию в пролетарскую» и оставались тогда в полной уверенности в скорой «мировой революции». Соответственно, согласно *принципу Че Гевары*, они были преисполнены решимости на насилие, не боялись гражданской войны, но даже стремились к ней. Легкие силовые победы (захват Зимнего дворца, разгон Учредительного собрания, решительный расстрел мирной демонстрации в защиту последнего) обеспечили им немалую популярную и парамилитарную легитимность в не слишком обремененной правовым сознанием стране — уже согласно *принципу Мао* («винтовка рождает власть»).

7. Политическая гибкость большевиков-ленинцев и главные причины провала всех их противников

Хорошо известна многократная смена большевистских лозунгов в течение 1917 г. Согласно *Принципу зависимости* (см. главу 6), большевики (а среди них наиболее последовательно — В. Ленин и его соратники) сохраняли в кризисный период наибольшую внутреннюю свободу в смене направленности своей политики и пропаганды, поскольку отвергали правовую легитимность, авторитетную легитимность (как «буржуазные предрассудки») и международную легитимность (как «пособничество интересам империалистических держав»).

Вполне откровенно заявленная В. Лениным цель перерастания буржуазной революции в социалистическую, а империалистической войны — в гражданскую, направленность на построение власти в стране по образцу Парижской коммуны («Апрельские тезисы») означали стремление к получению парамилитарной и популярной легитимности. Соответственно, ради этого было вполне допустимо вначале торопить с созывом Учредительного собрания, а потом его разгонять. Было допустимо сначала требовать «Вся власть Советам!», «Фабрики — рабочим!», «Землю — крестьянам!», а потом отказываться от этих лозунгов и действовать прямо против них.

Иными словами, именно повороты в политике большевиков-ленинцев в наибольшей мере соответствовали *принципу позиционного предпочтения политических альтернатив*. Проверить этот тезис может каждый, проследив зависимость смены ленинских лозунгов от конъюнктуры политической борьбы.

Кроме анархистов и левых эсеров (неслучайно бывших основными союзниками большевиков) остальные политические силы — кадеты и октябристы, социалисты и трудовики, меньшевики и антиленинские «диссиденты» в партии большевиков — сохраняли, пусть и в разной степени, уважение к праву, руководствовались «революционным легализмом», заботились о своем реноме, об образе новой России в международном сообществе (тогда — союзников в мировой войне) и среди лидеров общественного мнения. Нельзя сказать, что небольшевистские акторы не понимали значимости поддержки армии, солдатской массы, широких слоев городского и сельского населения, но весьма показательны трудности, самоблокировки

в организации проправительственной пропаганды, направленной против радикалов [Никитин, 1937, гл. 2].

Радикальные силы, особенно большевики-ленинцы на поздних этапах конфликтной динамики Революции, в полной мере воспользовались и политическими ошибками Временного правительства, и трагическим провалом корниловского выступления. Они наиболее нагло и решительно использовали насилие в политике, не заморачиваясь рамками «буржуазной законности», что дало им возможность успешной узурпации власти, а страну ввергло в пучину Гражданской войны с известными удручающими последствиями.

Если своим итоговым успехом большевики-ленинцы во многом обязаны своей «гибкости» (чтобы не сказать — политической и моральной беспринципности), то не следует ли обвинить их противников в ригидности и излишней, не соответствовавшей обстоятельствам, моралистичности?

Такой вывод означал бы нравственную капитуляцию в отношении ленинизма. Вина и беда тогдашних политических сил, настроенных на республиканизм и демократию, состояла не в ригидности (приверженности «революционному легализму»), а напротив, в дефиците последовательности и принципиальности проведения правового принципа, в боязни быть обозванными «охранкой» и «контрреволюцией», когда было необходимо привлекать к суду политических радикалов, стремящихся к насильственной узурпации власти.

8. Смысл и урок «пути Февраля»

Смысл исторического явления выявляется через отнесение его роли и последствий к более глубокому плану бытия, а также к проблемам и заботам современной ситуации (см. главу 4).

Сводя всю рассмотренную выше сложность к простейшей фабуле, получаем такой сюжет. В Революции и ее следствиях (1917–1930 гг.) сначала выиграли Массы и Общество (городской образованный класс), затем Государство в несколько этапов разрушалось, потом восстановилось в новой форме и тогда уже полностью подчинило и поработило Массы, расправилось с Обществом. В итоге Революция трансформировала самодержавный авторитаризм в гораздо более жестокий коммунистический тоталитаризм.

Первый слой смысла здесь предельно прозрачен: *революция способна привести не к желанному, а ровно противоположному результату*. По понятным причинам именно на этой формуле останавливаются все консервативные режимы, которые страшатся даже любых намеков на революции, мятежи, майданы, считая их (вполне оправданно) прямой угрозой для «стабильности», читай: безответственного полновластия и привилегий правящих групп.

В парадигме циклической динамики истории России приходится признать, что до сих пор, во втором десятилетии XXI в., так и не удалось достичь сочетания высокого государственного успеха и высокого уровня свободы (защищенности личности и собственности, участия граждан в управ-

лении). Второй смысл Февраля состоит в том, что исторические шансы преодоления колеи порочных циклов — редкие, их нельзя упускать. Ничто не свидетельствует о том, что внутренний механизм циклов [Розов, 2011, гл. 10] вдруг угас и перестал их порождать. «Революция в России еще не завершена» [Тилли, 2006]. Значит, впереди страну ожидают новые кризисы, но и новые шансы достичь «Перевала» — новой логики исторического развития с высокими уровнями государственного успеха и свободы, с преодолением порочной цикличности.

Продвинемся дальше и зададимся следующими вопросами. Какие именно качества кризиса, революционных событий наиболее опасны? Какими главными принципами должны руководствоваться зачинатели, лидеры и участники революции, чтобы ее итоги не обратились против исходных светлых идей и целей? Какова оптимальная структура постреволюционной власти с точки зрения выполнения начальных стремлений к свободе, равенству, справедливости, демократии?

Уроки Русской революции проясняются при учете главных явлений и процессов, которые привели к краху идеалов Февраля:

- проявившееся межсословное отчуждение, непонимание интересов и целей друг друга;
- распад монополии легитимного насилия на территории, антагонизм между центрами силы; бесконтрольное и неправовое насилие как результат;
- попустительство радикалам, откровенным разрушителям правовых, экономических, административных институтов;
- затягивание с учреждением демократически избранной общепризнанной верховной власти, неспособность защитить ее от узурпаторов.

Все это привело к трагическим итогам Русской революции, но относится, между прочим, не только к ней.

Говоря общо, *успех революции требует удержания монополии легитимного насилия на территории, несмотря на любые изменения во власти и государственном устройстве*. Не партийные и идеологические принципы должны быть основаниями для решений, а соответствие Праву, — разумеется, при учете имеющихся ресурсов и ограничений.

Как же понимать это соответствие в период неизбежного правового разрыва в революционный период? Вот здесь как раз необходимо тонкое и четкое различие: *отвергая и отменяя репрессивные полицейские законы прежнего режима, новая власть непременно должна сама подчинять свои решения обычным, установленным законам, а главное — общеправовым принципам, защищающим личность, собственность, права и свободы граждан, утверждать их равенство перед законом* (подробнее см. главу 13).

Это значит, что несмотря на любую риторику («углубления Революции» или «восстановления Порядка») нельзя давать волю и силы тем, кто направлен на использование насилия в политической борьбе, кто готов к противоправным действиям и уже их вершит, кто пытается своей силой

вмешаться в выборы, покушаясь на их открытость и честность, кто отвергает мирные процедуры, институты, результаты демократических выборов.

При распаде прежнего режима и глубоком кризисе всегда появляются несколько центров силы со своей поддержкой. Соответственно, первоочередными задачами являются:

- соединение их в коалицию, установление «пакта о ненападении» (запрет на насилие в политической борьбе);
- построение охватывающего образа политического будущего, в котором находит свой интерес каждая социальная группа;
- преодоление межсословного, межклассового отчуждения, агрессии через практики переговоров и включение в общую деятельность;
- отсечение и подавление потенциальных узурпаторов;
- совместное установление контроля над насилием в стране;
- публичная договоренность о передаче власти по результатам выборов и гарантиях проигравшим (чтобы делегитимизировать нарушителей).

По-настоящему выигрывает, оправдывает начальные светлые стремления только та революция, которая, выступая против несправедливого порядка, по необходимости нарушая какие-то границы и правила, следует базовым принципам Права, иными словами, признает и защищает *общезначимые ценности*⁶.

⁶ [Розов, 1998, разд. 2.1].

Глава 10

Падение монархии — развилки и каскад событий в дни Февраля

1. Хронология столкновений

Когда известен итог, то кажется, что иного и быть не могло. Однако в 1905 г. не только столицу, но и всю Империю потрясали волнения, в 1916 г. произошли вполне серьезные революционные «репетиции» [Нефедов, 2016], и тем не менее режим выстоял. В феврале 1917 г. цепочка следующих эпизодов — конфликтных столкновений — сыграла роковую роль для монархии:

- 23 февраля; первыми на центральные площади и улицы Петрограда вышли женщины, начались забастовки на заводах, колонны демонстрантов шли с лозунгами «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!»; казаки, полицейские отказались тогда разгонять, бить, расстреливать женщин;
- 24 февраля; проведена всеобщая забастовка (более 200 тыс. рабочих), продолжались демонстрации, к которым присоединились студенты и курсистки; примерно 30 полицейских были избиты; казаки замечены в сочувствии протестующим; командующий столичным округом генерал Хабалов направил гвардейские запасные полки к центру города;
- 25 февраля; выставлены заставы; многотысячные колонны протестующих пытались прорваться в центр города; произошли столкновения со стрельбой, с применением петард и ручных гранат;
- 26 февраля; разведены мосты через Неву, но протестующие прорывались в центр по льду; на Знаменской площади и в других местах был открыт огонь по демонстрантам (несколько десятков убитых и раненых); рабочие стали захватывать предприятия;
- 27 февраля; Волынский и Московский полки, а затем весь столичный гарнизон вместо того, чтобы участвовать в подавлении мятежа, присоединились к восставшим; Совет министров самораспустился; по призыву левых революционеров, освобожденных из тюрьмы «Кресты», солдаты и рабочие заняли Таврический дворец — резиденцию Думы; Дума поддержала восстание, образовав «Временный комитет», меньшевики и социалисты образовали Совет рабочих депутатов (Петросовет); начались погромы и убийства полицейских; Временный комитет к ночи объявил, что берет власть в свои руки;
- 28 февраля в Петрограде; подавление остатков сопротивления, арест министров «Временным комитетом», поиски, аресты, убийства спрятавшихся полицейских, слухи про «пулеметы на чердаках»; начавшаяся эйфория победы соединяется с тревогой — придут ли карательные войска с фронтов;
- 28 февраля – 1 марта; начальники фронтов сообщают в Ставку о подготовке к отправке полков для подавления столичного восстания;

многочисленные телеграммы, телефонные переговоры, встречи между главными акторами (см. ниже); начальник штаба М. Алексеев после переговоров с главой Думы М. Родзянко затягивает отправку войск в Петроград, фактически начинает поддерживать новую власть в столице;

- 2 марта; Николай II после информации о том, что Ставка фактически поддержала Думу и план формирования Временного правительства, телеграммой приказывает остановить карательный поход на столицу, подписывает манифест об отречении, что означало победу Февральской революции.

В каждый из этих дней при иных объективных и субъективных условиях ситуация могла развиваться по иным руслу, т. е. в критических местах на главных *полях взаимодействий* (см. главу 6) возникали *развилки*, их результаты соединялись между собой, порождая новые развилки. При всей сложности, переплетенности событий и процессов общая канва сети микрособытий известна и имеет *усугубляющий характер*: легитимность и властные ресурсы монаршей власти приходили в упадок, тогда как легитимность и властные ресурсы новых органов власти — Временного комитета (предтечи Временного правительства) и Петросовета — рождались и росли.

Поле публичного дискурса поначалу оставалось незадействованным. Вероятно, отложенным образом сыграли роль усилия А. Гучкова и «рабочей группы» организовать массовые шествия в Петрограде, запланированные на 14 февраля, с требованиями «ответственного правительства» (что тогда не получилось) [Нефедов, 2017].

Главным стало *поле уличной политики*, быстро превратившееся в *поле вооруженной борьбы*, в котором восставшие уверенно победили благодаря переходу на их сторону двух полков, а затем и почти всего столичного гарнизона.

Начиная с этой победы 27 февраля главным в последующие дни становится *поле переговоров и торга*: между восставшими и членами Думы, между представителями Думы и императором, между императором и Ставкой, между созданными Временным комитетом и Петросоветом, между Ставкой и Временным комитетом. Именно благодаря успешным переговорам и соглашениям прекратилась вооруженная борьба, страна тогда не скатилась в *поле войны* (что произойдет через год-полтора уже совсем в иных обстоятельствах, когда захватившие власть большевики и антибольшевистские силы отвергли любую возможность переговоров).

2. Действие закономерностей в конфликтной динамике Февраля

Отказ казаков подавлять женский протест был обусловлен идентичностью мужчины-воина, стража порядка, для которого «бить баб» недостойно. Для казаков и полицейских в первый день сработал *фактор, снижающий решимость применять насилие*.

Получив *положительное подкрепление* (открытый протест оказался безнаказанным), женщины решили продолжать и расширять свою линию поведения, призвав уже мужчин-рабочих с заводов. Этот более широкий протест уже получил жесткий отпор, в том числе расстрел из боевых пуле-

метов. Все это происходило в условиях *сдвига легитимности*: правовые рамки поведения, правовая, популярная и силовая легитимность власти подорваны, тогда как популярную и парамилитарную легитимность получают лидеры с наиболее радикальными призывами и речами (позже престиж Керенского взлетел именно на этой основе [Колоницкий, 2017]).

25 и 26 февраля были днями неустойчивого равновесия. Многим даже казалось, что бунт подавлен. На самом же деле произошло классическое *переклечение с бегства от насилия к ответному насилию* (см. главу 6). Жестокие пулеметные расстрелы, нарастание массовости протеста, явные признаки нерешительности, даже солидарности со стороны сил режима — все эти факторы *переклечения* сыграли роль, увенчавшись 27 февраля переходом двух полков, а потом и всего столичного гарнизона на сторону восставших.

Это важнейшее событие само состояло из цепочки микрособытий: бурных обсуждений в казармах происходящего в городе, солдатских бунтов и расправ с офицерами, братания с восставшими, включения в их движение и борьбу.

Здесь действовали сразу несколько принципов конфликтной динамики:

- *принцип выбора в союзники менее угрожающих и «враг моего врага — мой друг»*; солдаты боялись отправки на фронт, опасались офицеров как представителей режима, тогда как от восставших рабочих не чувствовали угроз, напротив, ожидали поддержки, которую потом и получили (знаменитый Приказ № 1 Петросовета);
- *принцип смены поля*; солдаты не часто решаются на бунт против офицеров, поскольку хорошо знают, чувствуют, что вся мощь армии будет на стороне офицеров, а бунтовщиков сурово покарают; если же армия далеко, а город полон возмущенными толпами, уже не боящимися пуль, готовыми к ответному сопротивлению, то при накопившемся раздражении против офицеров соблазн бунта многократно возрастает; успех бунта и отсутствие наказания за него в соседней части вдохновляет на последующие бунты уже по принципу «снежного кома»; в результате солдаты с успехом сменили невыгодное для них *административное поле военной дисциплины на поле уличной политики и вооруженного противостояния*, где чувствовали свое растущее превосходство;
- *принцип импрессивности*; не только и не столько лозунги восставших привлекали солдат (хотя и были им близки); в каждом микрособытии происходила *трансформация ритуала*, когда латентные установки и интересы солдат (нежелание идти воевать, раздражение против офицеров, власти и режима, жажда этих вчерашних крестьян получить землю) вышли на первый план; солидарность с восставшими, включенность в охватившее всех возбуждение от чувства своей силы и близкой победы оттеснили иные установки, оказавшиеся слишком слабыми (армейская идентичность, воинская дисциплина и обязательность подчинения приказам начальства).

Переход гарнизона на сторону восставших кардинально изменил соотношение сил, однако оставались открытыми вопросы власти и ее легитимности. В этом аспекте главную роль сыграли такие события:

- а) самороспуск Совета министров и фактическая поддержка мятежников Думой;
- б) отказ от карательного похода на столицу, признание думских предложений, легитимности «Временного комитета» руководством армии (штабом и командующими фронтами).

Событие (а) может казаться автоматическим следствием победы восставших в столице, но дело обстоит сложнее. Члены обоих органов власти могли пытаться выехать из мятежного города, чтобы затем участвовать в восстановлении в нем порядка (как это было в случае Парижской коммуны в 1870–1871 гг.). Сыграло роль сочетание нескольких обстоятельств:

- отсутствие в столице императора Николая II, к тому же изрядно делегитимированного из-за военных поражений (*принцип Вебера*), из-за недавних грязных слухов о Распутине и царице-немке (падение *популярной легитимности*), из-за упрямого противостояния императора требованиям Думы (падение *авторитетной и бюрократической легитимности*);
- министры, привыкшие к подчиненности и зависимости, при затрудненных, сильно запаздывающих контактах с Николаем, не могли взять на себя полноту власти и ответственности за происходящее; не решились без высочайшего приказа покинуть столицу и не сохранили тем самым правительство (в полном согласии с *факторами воли к власти*);
- осажденные с Таврическим дворце члены Думы были поставлены перед жестким выбором: при отказе поддержать мятежников они могли поплатиться свободой и жизнью, тогда как при поддержке мятежников, объявлении «победы Революции» и решении возглавить мятеж уже как «Революцию Свободы» они получали взлет престижа и легитимности, сохраняя возможности как-то договориться с царем и военными (*принцип выбора поведенческих альтернатив*);
- широкая распространенность идеи революции, популярность революционерства; поэтому Дума воспользовалась мятежом, чтобы объявить свой «Временный комитет» верховной исполнительной властью до решения вопросов с учреждением конституционной монархии или отречением царя (*принцип выбора поведенческих альтернатив*).

Если вернуться к приведенному выше объяснению усугубляющего характера каскада событий, то обнаружим, что *принцип продолжения и расширения ранее положительно подкреплённых действий* работал не только для восставших масс в первые дни Революции, но и для акторов, формировавших в своих взаимодействиях ее начальные политические итоги. Таким же образом ослабляли и прекращали борьбу вначале силы правопорядка (полиция и казаки), а затем политические акторы, стремившиеся сохранить монархию (от думских депутатов до армейских генералов): они не желали повторять недавних провалов, им не хватало ресурсов, они нашли для себя более привлекательную альтернативу — поддержать Революцию и новую власть. Рассмотрим каскад политических событий после переворота в столице более детально.

3. Отмена карательного похода и двойное отречение

Событие (б) — признание думских предложений руководством армии — включает множество контактов и взаимодействий между Николаем II, Ставкой, главой Думы М. Родзянко, новым комиссаром железнодорожного сообщения А. Бубликовым, Временным комитетом Думы, Петросоветом, революционными войсками и проч.

При всей сложности стремительно развивавшейся ситуации несколько главных фактов предопределили известный итог (отречение Николая II, отказ Михаила принять престол и передача верховной власти Временному правительству):

- символический центр государства (столица) был захвачен альтернативным политическим актором, который одновременно имел преемственную формально-правовую легитимность и силовой ресурс для своей защиты, исключаящий легкую и бескровную победу над ним;
- поскольку Россия находилась в состоянии войны, большая и кровопролитная карательная операция с подавлением значительных революционных сил, захвативших столицу, представлялась военному руководству (начальнику штаба генералу М. Алексею и др.) крайне нежелательной, опасной, к тому же, отнюдь не престижной (идентичность армейских генералов и офицеров связана с воинской честью, присягой, ядро которых составляет защита Родины от внешних врагов, а вовсе не кровавое подавление восставших соотечественников);
- соответственно, для военного руководства, формально подчиненного и ранее лояльного верховному правителю, попытка вооруженного захвата этого центра сопряжена с большими издержками и дальнейшими политическими рисками; тогда как переход на сторону этого центра, с одной стороны, сулил существенный выигрыш в плане актуальных интересов, с другой стороны, давал возможность избежать обвинений в предательстве;
- образ происходящего, представления о новой власти в столице, преобладавшие в непосредственном окружении военного руководства, среди подчиненных, не позволяли однозначно трактовать ситуацию через фрейм «кучка опасных мятежников, которых необходимо подавить»; скорее этот образ соответствовал фрейму «появился серьезный претендент с как-то обоснованными претензиями на власть и широкой народной поддержкой, который вполне может выиграть»;
- поддержка Думой восставших в столице, временное успокоение создали такое впечатление у военного руководства, что смуту в стране можно остановить уступками; соответственно, Временный комитет Думы обрел легитимность для военного руководства, которое стало поддерживать его требования;
- в условиях возникшего двоевластия, практически полной поддержки столичными войсками Петросовета, взрыва революционного энтузиазма в столице, когда все вдруг стали надевать красные банты, Временный комитет Думы был вынужден в течение двух-трех суток наращивать радикализм в своих требованиях уступок от царя; в результате вместо допущения «ответственного правительства» и согласия на

конституционную монархию уже требовалось отречение; здесь сыграли роль как уступка силовому давлению со стороны Петросовета и возбужденных масс, так и стремление Временного комитета поддержать, укрепить свою популярную, силовую, парамилитарную, бюрократическую и международную легитимность как «новой революционной власти Свободной России»;

- согласившись поддерживать новую власть в столице, военное руководство фактически присоединилось и к этому требованию, иначе опять пришлось бы готовиться к карательному походу, решимости на который уже ни у кого не было;
- захват революционными отрядами Царского Села, где находилась семья императора, отсутствие у него значительных верных сил, телеграммы Николаю II от начальников фронтов с просьбами согласиться с требованиями, отказ и реальная неспособность Временного комитета гарантировать безопасность Михаилу, знавшему о широких антимонархических настроениях.

Все это привело к двойному отречению (принять Михаилу престол в той ситуации сулило гораздо больше угроз комфорту и жизни, чем отречение).

В решающие дни Февральской революции (27 февраля – 2 марта) большинство акторов сохранили или упрочили свои позиции (Прогрессивный блок Думы, Петросовет, военное руководство), тогда как в проигрыше оказались император со своим двором, ну и М. Родзянко, безуспешно пытавшийся конвертировать свое формальное лидерство в Думе и роль посредника во властное лидерство при смене режима.

Заговоры и перевороты со свержением верховного правителя — нередкие случаи в мировой истории, весьма распространенные в политической истории России, особенно в XVIII и XX вв. В случае Февральской революции внимание обычно направлено только на проигрыш царя, выраженный в его отречении, за которым последовали дальнейшие трагические события для него и семьи. Однако менее значимый случай проигрыша М. Родзянко позволяет выявить основные инварианты.

Оба имели высший статус в соответствующих властных институтах, оба лишились легитимности и силовой поддержки. Оба не имели влияния на настроения и действия основных политических сил и вооруженных групп в столице. Лишение обоих формального статуса и формальных полномочий было крайне выгодно актерам, получившим в новых условиях легитимность и силовую поддержку (Временному комитету Думы и Петросовету). Кроме того, Николай II и М. Родзянко не имели никакого контроля над коммуникациями между остальными актерами, которые и составили коалиции, достаточно сильные для лишения их обоих как статуса, так и полномочий.

Если у читателя хоть сколько-то поколебались привычные многим убеждения об абсолютной уникальности, неповторимости исторических явлений, о полном хаосе революционных событий и безнадежности поиска любых закономерностей для их объяснения, то сверхзадача книги уже во многом выполнена.

Революции, историю и Россию можно и нужно «понимать умом», а значит, строить и проверять теоретические концепции и модели.

Часть IV

Макросоциология и политическая философия революций

Глава 11

Революционные волны в мировой истории

Революционные волны — это серии близких во времени революционных событий, которые происходят в различных (нередко соседних) обществах, служат причинами друг для друга или имеют общие причины.

Далее, революционные события, понимаемые как массовые протестные выступления, сопряженные с политическим кризисом, будем для краткости называть революциями, причем вне зависимости от последствий: революция может победить (свержение власти или значимые уступки), быть усмиренной (нет свержения, нет уступок, но нет и репрессий) или быть подавленной (реакция, массовые аресты, казни).

1. Вехи осмысления

К. Маркс не описывал волны революций, но призывал к интернационализации революций, например, в работе «Классовая борьба во Франции» (1850 г.). В последующей марксистской традиции волны революций неоднократно отмечались, пусть и в иной терминологии (в частности, в работах Розы Люксембург), и приветствовались как свидетельство грядущей всемирной победы пролетариата и коммунизма.

В 1950–1970 гг. на Западе была популярна «теория домино», где считалось, что победа коммунистического движения в одной стране (например, во Вьетнаме или на Кубе) прямо угрожала подобными событиями в соседних странах.

Относительно свободное от идеологии предметное изучение революционных волн началось только в последние десятилетия XX в. Так, в специальной монографии Марк Кац сравнивал «марксистско-ленинские», арабские, националистические и исламские революции именно как волны [Katz, 1999].

Со времен К. Маркса общим местом в понимании революционных волн стало представление о том, что общества откликаются на волну соответственно степени своего «созревания» для революции¹. Это «созревание»

¹ «Революция 1848 г. заставила все европейские народы высказаться за или против нее. В течение одного месяца все народы, созревшие для революции, устроили революцию, все не созревшие народы объединились против революции» [Маркс, Энгельс, 1954–1974, т. 7, с. 215].

может быть представлено как интегральная переменная с полюсами «революционная ситуация» (когда достаточно малого толчка для вспышки массовых и упорных протестов) и «совершенно стабильный режим», где любые напряжения и конфликты разрешаются в соответствии с принятыми институтами и ничто не может нарушить крепости и легитимности такого устройства. Исследователи уделяют наибольшее внимание трем большим группам структурных факторов, движущих от стабильности к революционной ситуации:

- демографические изменения, особенно перенаселенность, массовый приток селян в города, которые не могут их «переварить», «молодежный бугор» и т. д. [Goldstone, 1991; О причинах..., 2010];
- геоэкономические и зависящие от них социально-экономические факторы; так, спады в циклах мировой экономики ведут к падению благосостояния элит, обнищанию населения, бюджетному дефициту в слабейших обществах, что ведет к политической нестабильности, чревато революциями и государственным распадом [Boswell, Dixon, 1990];
- геополитика и циклы гегемонии; если установление сильной гегемонии обеспечивает относительную стабильность международной системы, то при упадке гегемонии становятся вероятными вспышки протестной мобилизации, мятежи против режимов, зависящих от терпящего кризис международного порядка [Arrighi, Silver, 1999].

Интерес исследователей к теме особенно повысился после волн «цветных революций» 1990–2000-х гг. и «Арабской весны» 2011–2012 гг.

В статьях отечественных исследователей фиксируется сам факт волн и выдвигаются общие гипотезы их возникновения [Цирель, 2012; Исаев, Коротаяев, 2014]. Есть также случаи использования термина в откровенно тенденциозных, идеологизированных публикациях [Жильцов, 2005].

В настоящее время преобладают либо конкретные исследования отдельных революций, либо большие статистические исследования множества случаев нестабильности с формальным анализом факторов. Несколько книг и десятки статей посвящены разным аспектам феномена революционных волн.

В *исторических описаниях* подчеркивается общность идеологических требований и сил культурного изменения поверх национальных границ. В *социологических объяснениях* главную роль играют общие для стран структурные процессы.

Колин Бек исследует идеологические корни революционных волн. Он предлагает: «объединить социологическую структурную перспективу и историческое культуральное описание революционных волн с принятием двух утверждений:

- революционные волны являются транснациональными событиями системы государств как целого;
- революционные волны — это глубокие культурные события, поскольку включают альтернативные идеалы политического порядка» [Beck, 2011, p. 168].

Он указывает на соответствие периода революционных волн и периода относительно быстрого роста мировой культуры на системном уровне.

К. Бек рассматривает два механизма действия мировой культуры. Во-первых, согласно новым сценариям мировой культуры для индивидов открываются возможности новых политических практик (забастовки, стачки, митинги, шествия, пикеты, палаточные городки и т. д.). Во-вторых, идеи мировой культуры действуют на элиты, обычная уверенность которых в оправданности жесткого подавления уличных протестов и государственных репрессий размывается, их легитимность в собственных глазах снижается, происходит раскол элит и появление контрэлиты.

Любопытны соображения Бека об истоках воспроизводящегося разрыва между идеями мировой культуры и консервативными идеологиями защиты существующих режимов. Он ссылается на «Социологию философий» Р. Коллинза [Коллинз, 2002], где показано, что новые идеи возникают в интеллектуальных сетях вследствие продолжающегося спора (идейного конфликта) между фракциями интеллектуалов.

«Если это верно, то трансформативная революционная идеология может быть продуктом самого по себе идеационного процесса. Революция и контрреволюция нуждаются друг в друге и вырастают одновременно» [Beck, 2011, p. 173–174].

Со времен Реформации и Просвещения развиваются две доминирующие идейные линии: 1) прогрессизм, оправдывающий изменения, новации, новые интерпретации, новые институты и практики; 2) защита личности в форме равенства душ перед Богом, гражданского равенства, критики и отрицания рабства, крепостничества, сословности, гендерного, расового, этнического, конфессионального и прочих неравенств. Старые режимы, вызывающие протесты и революционный гнев, как правило, опираются на консерватизм (недоверие к изменениям), а также устоявшиеся порядки социального неравенства: от сословного до гендерного и расового. Таким образом, развитие обеих идейных линий мировой культуры закономерно снова и снова вступает в противоречие со старыми режимами, что К. Бек и считает главным фактором революционных волн.

Революционные волны могут быть исследованы в разных контекстах: с точки зрения процессов модернизации, глубинных причин назревания кризисов, социально-философской проблематики прогресса, эволюции, легитимности старых и новых режимов, критериев оценки революционных и контрреволюционных действий и стратегий политических акторов.

Остаются недостаточно изученными международные факторы: когда одна революция приводит к революции в соседней стране (эффект «домино»), когда великие державы по каким-то причинам либо выступают на стороне старых режимов, либо поддерживают революционные движения, либо разделяются в своей поддержке, причем сравнение революционных волн из разных эпох позволяет выделить не частные, конкретно-исторические, а общие, структурные факторы этих явлений.

2. Типы революционных волн

Основанием для типологии служит связь между революциями в разных обществах. Обозначим революцию, послужившую причиной волны, как «исходную». Далее идут «последующие» революции или революционные события, глубокие социально-политические кризисы с реальной опасностью свержения власти и, наконец, «замыкающее» революционное событие, после которого волна прекращается.

Будем называть «обществом-донором» то, революция которого послужила причиной последующих революций в «обществах-реципиентах». «Обществом» обычно бывает страна (национальное государство, полиция), но в больших империях, мир-империях, колониальных империях, союзных государствах и конфедерациях «обществами» также считаются культурно и политически автономные провинции (княжества, этнические анклавы, национальные республики), среди которых также могут проходить революционные волны.

На основе первичного обобщения волн революций XVI–XXI вв. выделено пять типов связи: прямая эмоциональная («домино»), трансферная (перенос способов политического действия через общение), идейная (преемственность целей, лозунгов, организационных образцов), военная (включение в общую войну) и структурная (общность базовых, прежде всего социально-экономических и демографических, причин). В этом перечне нет полноты и единого основания. Поэтому могут быть выделены новые типы связи, либо обнаружится, что какие-то из указанных типов следует разделить. Пока же представим типологию революционных волн на основе данного ряда связей.

Домино-волны происходят, когда революция в одном обществе (доноре) прямо и непосредственно, через сильный эмоциональный эффект приводит к революции в другом обществе (реципиенте). «Весна народов» 1848–1849 гг. и «Арабская весна» (2011–2012 гг.) служат яркими примерами домино-волн. В таких волнах нет чьей-то целенаправленной деятельности по экспорту или импорту революций, они возникают в силу достаточной степени «созревания» обществ и толчка впечатляющих (особенно успешных) революций в соседних и/или политически, культурно референтных обществах.

Наведенные (индуцированные) волны происходят, когда имеет место перенос образцов организации и ведения протестных политических действий (насилованных и/или мирных): либо эмиссары, «миссионеры» из общества-донора, из державы, спонсирующей революцию, привозят литературу, обучают местных лидеров, активистов, сами могут участвовать в протестах, революционных действиях (экспорт революции), либо стремятся к революции «паломники» приезжают в общество-донор с победившей революцией, в державу-спонсор за опытом и инструкциями (импорт революции)². Примерами служат революции, инспирированные, под-

² В литературе выделяют следующие элементы, распространяемые в революционных волнах: цели мобилизации, темы, идеи; формы организации; тактика и типы действий; общие стратегии для движения; информацию о вероятном успехе и результатах мобилизации [Giugni, 1995, p. 185–186, цит. по Beck, 2015, p. 134].

держанные Коминтерном, СССР (от Испании 1936 г., помощи маоистам в Китае в 1940-х гг. до афганских событий конца 1970-х гг.); роль Кубы в революциях в странах Латинской Америки и Африки; роль различных организаций, фондов США и ЕС в «бархатных» и «цветных» революциях, роль Саудовской Аравии, Катар, Ирана в революциях арабских стран 2011–2012 гг.

Полемогенные волны (от греческого πόλεμος — война) происходят в обществах, вовлеченных в общую войну или серию связанных войн; как правило, в проигрывающих державах (таковы Кемалистская революция в Турции 1918–1923 гг., Ноябрьская революция в Германии 1918 г.), но также вследствие военного напряжения, ослабления имперского принуждения (революция в Российской империи 1917–1918 гг., восстание ирландцев 1916 г. и их война за независимость против Великобритании 1919–1921 гг.).

Идейные волны происходят при наличии явной преемственности лозунгов, религиозных идей, идеологических ценностей, социальных и политических идеалов. Сюда относится также заимствование организационных, институциональных образцов прошлых революций, но образцы эти почерпнуты из книг, а не обязательно из личного общения и взаимодействия (как в наведенных волнах). Реформация в Северной Европе XVI в., буржуазные революции в Нидерландах, Англии, Франции, революции в России 1905 г. и феврале 1917 г., в Османской империи 1908 г., в Мексике 1910 г. и Китае 1911 г., связанные с общими идеями перехода к современному типу государства (с конституцией и парламентом), марксистские и советские революции 1910–1930-х гг., национально-освободительные революции 1950–1960-х гг., антикоммунистические революции 1980–1990-х гг. — все представляют собой прежде всего идейные волны.

Структурные волны, происходят в разных обществах, но вследствие общих базовых — социально-экономических, геополитических, геоэкономических, технологических, экологических, демографических, культурных — причин. Таковыми причинами могут быть процессы колонизации, быстрого прогресса в военных технологиях (военные революции), коммерциализации, модернизации, индустриализации, урбанизации, роботизации, глобализации, геокультурной экспансии и т. д. Крестьянские и рабочие восстания, антифеодальные буржуазные революции, национально-освободительные движения, как правило, имеют общие структурные причины, и некоторые из них входят в структурные волны.

Наличие одной связи между революциями в разных обществах ни в коем случае не означает отсутствия между ними иных связей. Таким образом, выделенные типы волн не исключают друг друга, но образуют пересекающиеся подмножества единого множества революционных волн.

Все наведенные волны являются также идейными, поскольку лозунги, революционные цели и идеалы — важный компонент переноса образцов.

Предположительно многие полемогенные волны распространяются по принципу «домино» (в едином информационном и эмоциональном пространстве общей войны), а большинство домино-волн и идейных волн являются структурными (легкость «возгорания» в территориально и/или

культурно близких обществах задается назреванием напряжений вследствие общих базовых причин, что связано и с популярностью общих лозунгов).

Домино-волны, наведенные волны и полемогенные волны (далее объединим эти три типа под общим именем «волны-цепочки») всегда сконцентрированы во времени, часто в пространстве, а если и разнесены в пространстве, то между революциями всегда прослеживаются информационные, организационные или военные связи.

Сложнее обстоит дело с идейными и структурными волнами. Что если общие идеи или базовые причины были в революционных событиях, отстоящих друг от друга на десятки и сотни лет, в обществах на разных континентах? Здесь уже требуются критерии различения волн и неволн (т. е. рядов отдельных, несвязанных меж собой революций).

3. Критерии выделения революционных волн как класса явлений

Если международная война идет непрерывно, то все революции, произошедшие в военный период и последующие три года после окончания войны в воюющих обществах в их сателлитах и колониях, будем считать входящими в одну *полемогенную волну*. Такой подход мотивирован тем, что революции обычно происходят при ослаблении правительств, падении легитимности власти, снижении государственной монополии на насилие, при истощении ресурсов и росте социальной конфликтности. Международные войны составляют сильнейший стресс для каждого из этих факторов.

Домино-волны имеют место, если временной промежуток между революционными событиями в разных обществах не превышает полгода (для ранних исторических периодов, до XIX в., следует делать поправку на малую скорость коммуникаций — здесь временной лаг может быть до 2–3 лет). Также для квалификации серии революций как домино-волны необходимы свидетельства сильного впечатления, произведенного событиями в обществе-доноре на протестные группы, их лидеров в обществе-реципиенте, своего рода «эмоционального заражения»; достаточны также зафиксированные призывы к подражанию иноземным мятежам, протестам, революциям.

Для *наведенных волн* этот промежуток может быть существенно больше. Пожалуй, здесь не обойтись без произвола. Для наведенных волн срок не должен быть больше одного поколения (25 лет), поскольку разрыв более одного поколения ставит под вопрос непосредственное взаимодействие по экспорту и импорту революции.

Если революции следуют друг за другом за меньший срок, то считаются принадлежащими одной волне; если за больший, то считаются отдельными революциями.

Отсчитывать срок нужно не от истоков революции в обществе-доноре, а от первого яркого резонансного события, вернее даже от того момента (нескольких дней), когда оно стало достоверно известно, «прозвучало», стало важнейшей новостью в обществе-реципиенте. В качестве хрестоматийного

тийных примеров таких событий можно привести взятие Бастилии в июле 1789 г., отречение Луи-Филиппа в феврале 1848 г., отречение Николая II в марте 1917 г., разрушение Берлинской стены в ноябре 1989 г., победу Ельцина и его сторонников над ГКЧП в августе 1991 г.

Что же считать первым значимым революционным событием? Революции могут вызревать долго, разворачиваться в течение недель и месяцев. Установление жесткой границы между событиями всегда отчасти произвольно. Правильно будет указать на массовые протестные акции (митинги, шествия, забастовки и проч.), но и они могут проходить в меньших масштабах до того, как революция действительно разразится. Поэтому прием следующие три критерия для установления срока *начала революции*:

- происходит массовая протестная акция с политическими требованиями к властям, причем ее численность, как минимум, в 5–10 раз больше, чем подобные предшествующие акции за последний год;
- в последующих массовых акциях численность либо возрастает, либо не падает, тогда как лозунги и требования становятся радикальнее, возможно, также повышается уровень взаимного насилия;
- в результате этих последующих акций происходят существенные изменения во власти и контроле над насилием (уступки, роспуск правительства, отречения, свержения, объявление чрезвычайного положения, ввод войск, переход к репрессиям и т. д.);
- дата такой первой массовой акции (с последующим неудержимым разворачиванием событий) и будет считаться *началом революции* (удавшейся, усмирненной или подавленной).

Идейная преемственность (например, свобода, равенство, национальное самоопределение) и общие структурные причины (например, модернизация или урбанизация) могут быть у революций в обществах, весьма далеко отстоящих друг от друга во времени и/или в пространстве. Что считать идейной или структурной волной? Общий принцип такой: для вхождения в одну волну революциям в близких обществах нужно происходить при достаточно большом разрыве, а революциям в отдаленных обществах — при кратком разрыве.

Вначале сформулируем точнее общие критерии для этих двух типов нецепных волн. В ряду революций:

- либо общество-донор и общество-реципиент являются соседями (имеют общую сухопутную границу или водоем при развитом водном общении);
- либо принадлежат некоему политическому, культурному целому (например, провинции одной империи, метрополия и колония, колонии одной метрополии и т. д.);
- либо имеют между собой настолько плотные экономические, культурные и политические связи, что крупные события в обществе-доноре обычно являются важными новостями и активно обсуждаются, остро переживаются в обществе-реципиенте.

Тогда революции в разных обществах считаются принадлежащими одной волне, если промежуток между ними составляет не более одного поколения (условно — 25 лет). Если же общества пространственно, культурно, экономически отдалены (не выполняются первые три условия), тогда для принадлежности одной волне промежуток между революциями не должен превышать три года.

Для идейных волн также примем дополнительный критерий:

- есть достоверные свидетельства преемственности идей, лозунгов, использования революционных текстов общества-донора в обществе-реципиенте.

Для структурных волн дополнительный критерий формулируется так:

- обнаруживаются общие базовые (геоэкономические, геополитические, социально-экономические, демографические, технологические, экологические, культурные) причины революций в одной волне.

4. Основные революционные волны

Было несколько попыток составить список революционных волн. Совместим эти списки с указанием характера каждой волны (Д — домино, Н — наведенные, П — полемогенные, И — идейные, С — структурные).

Признанный авторитет в исследовании революций Дж. Голдстоун [2006] выделяет следующие революционные волны:

1. 1776–1794 гг. — атлантические революции, движимые антимонархическими настроениями (США, Нидерланды, Франция); Н, И.
2. 1848–1850 гг. — европейские революции, движимые либерализмом («Европейская весна»); Д, Н, И, С.
3. 1950–1970 гг. — антиколониальные революции, движимые национализмом; Н, И, С.
4. 1945–1979 гг. — коммунистические революции (страны Восточной Европы, Китай, Куба, Вьетнам и другие развивающиеся страны); П, Н, И, С.
5. 1952–1969 гг. — арабские националистические революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке; Н, И, С.
6. 1979–1989 гг. — исламские революции (Иран, Судан, Афганистан); И, Н?, С.
7. 1989–1991 гг. — антикоммунистические революции (страны Восточной Европы и СССР; Д, Н, И, С.

Как видим, в этот список попали идейные волны революций, притом что некоторые из них явно имеют цепную природу: наведенные, домино-волны, полемогенные, или сочетающие эти связи.

С. В. Цирель [2012] не включает в свой список атлантические революции, коммунистические революции 1945–1970-х гг., арабские националистические революции, исламские революции, зато добавляет следующие волны:

8. 1810–1822 гг. — освободительная война в Латинской Америке; Д, Н, П, И, С.

9. 1830–1831 гг. — малая волна революций и восстаний в Европе; Д, И, С.
10. 1905–1911 гг. — первая красная волна, начавшая с русской революции 1905 г.; И, С.
11. 1917–1920 гг. — вторая красная волна (во время и после Первой мировой войны); Д, Н, П, И, С.
12. 1968 г. — волна молодежных протестов; Д, И, С.
13. 2011 г. — Арабская весна; Д, Н, И, С.

Более полный список революционных волн представляет К. Бек, причем начинает отсчет уже с XVI в. (ниже указаны только волны, не представленные в предыдущих списках):

14. 1566–1609 гг. — Первая кальвинистская, или Вторая реформация (Франция, Нидерланды); Д, Н, П, И, С.
15. 1618–1630 гг. — Вторая кальвинистская, пересекается с Тридцатилетней войной (Франция, Швейцария); Д, Н, П, И, С.
16. 1821–1831 гг. — Греческая война за независимость (Греция, Молдавия, Крит); Д, П, И, С. Сюда следует добавить революционные события в Италии, Испании (1820 г.), Неаполе (1820 г.).
17. 1875–1878 гг. — Балканский кризис (Босния, Герцеговина, Болгария, Фессалия, Крит); Д, Н, П, И, С.
18. 1926–1945 гг. — фашистские перевороты и антифашистские движения (Португалия, Испания, Югославия, Франция); Н, П, И, С.

Наконец, совместно с В. В. Цыганковым, Ю. А. Пустовойтом и С. И. Филипповым мы дополнили эти ряды следующими волнами революций:

19. 1514–1555 гг. — антифеодальные бюргерские мятежи и войны, или Первая Реформация (Венгрия, Словения, Испания, Виттенберг, Швейцария, Фландрия, Богемия); Д, Н, П, И, С.
20. 1595–1608 гг. — евразийские крестьянские войны (Османская империя, Московия); П, С.
21. 1648–1650 гг. — славянские бунты (Украина, Польша, Московия); Д, И, С.
22. 1703–1709 гг. — Антиимперские восточнославянские восстания (Венгрия, Россия); И, С.
23. 1861–1878 гг. — американские освободительные восстания и войны (США, Доминикана, Куба); Д, Н, П, И, С.
24. 1930–1940 гг. — латиноамериканские восстания и путчи (Бразилия, Перу, Куба); И, Н, С.
25. 2000–2009 гг. — «цветные революции» (Сербия, Грузия, Украина, Ливан, Беларусь, Мьянма, Молдова, Иран); И, Н, С.
26. 2011–2012 гг. — Движение «Оккупей» и «болотные» протесты (США, Испания, Канада, Израиль, Португалия, Греция, Австралия, Великобритания, Россия); Д, И, Н, С.
27. 2013–2014 гг. — восстания против гибридных режимов (волна «Центрального коллапса» в Таиланде, Украине, Боснии, Венесуэле, Турции, Тунисе, Египте); И, С.

Итак, получившийся общий список из 27 пунктов вполне может претендовать на генеральную совокупность — полный перечень явлений, попадающих в класс «революционные волны».

5. Типы революционных событий

Следует согласиться с Дж. Голдстоуном в том, что в теоретическом анализе революций и революционных волн следует учитывать не только успешные революции (со сменой власти или существенными уступками протестующим), но также революционные события или социально-политические кризисы, которые не привели к успеху протеста или завершились его подавлением, последующей реакцией [Голдстоун, 2006].

Революциями будем называть для краткости все явления, могущие быть элементами революционных волн:

- *успешные революции*, которые завершились либо сменой верховной власти, либо существенными институциональными уступками, долгосрочным замирением (не подавлением) протестов; таковы революция августа 1991 г., «бархатные» и «цветные революции», революции 2011 г. в Тунисе и Египте, победа Евромайдана в феврале 2014 г.;
- *революционные события*, включающие массовые протестные акции, как минимум, в столице (не менее 5% от взрослого населения столицы), происходящие несмотря на запреты режима и вне установленных им рамок; ведут к значительным изменениям внутренней и/или внешней политики; могут привести к социально-политическому кризису, распаду государства, гражданской войне; таковы были события в Алжире, Марокко, Ливии, Сирии с 2011 г.;
- *социально-политические кризисы*, включающие продолжительные массовые уличные протесты (не менее 30 000 чел.), как минимум, в столице, конфликты во власти, которые не удается разрешить стандартными способами; таковы были антивоенные протесты в США и студенческие волнения во Франции 1968 г.; «болотные» протесты в Москве (2011–2012 гг.);
- *массовые протесты* (не менее 10 000 чел.), а также забастовки, стачки, насильственные действия, не обязательно в столице, но получившие общенациональный резонанс. Таковы были протесты студентов в Китае (площадь Тяньаньмэнь 1989 г.), движения «Оккупай» в США и Великобритании (2011 г.).

6. Факторы нестабильности

В каждой стране есть некое состояние кризисогенных факторов, которые при достижении высоких значений составляют революционную ситуацию (более детально см. в главе 5):

- *уровень делегитимации* власти и режима — силовой, авторитетной, популярной и международной [Розов, 2014]; «под делегитимацией понимается потеря веры не только в существующую власть, но и в возможность законным путем улучшить ситуацию» [Цирель, 2012];

- наличие и влияние *политической альтернативы* старому режиму (идеи, организации, лидеры, перспективы);
- *явный раскол элит*, т. е. появление контрэлиты с существенными политическими ресурсами, недовольной властью, своим положением, рассчитывающей на улучшение своих позиций при смене власти, открыто поддерживающей низовые протесты;
- *падение лояльности аппарата принуждения*, т. е. разложение принудительной коалиции и растущая готовность силовых структур к самоблокированию; при этом их руководители теряют обычную уверенность в том, что самой надежной стратегией является полная лояльность и подчинение правителям, особенно в подавлении протестов и мятежей; более безопасными им представляются стратегии «пересидеть» или даже «перейти на сторону возмущенного народа»;
- *наличие недовольных масс*, готовых к протесту и радикальным политическим действиям («горючий материал»).

Революционная ситуация переходит в революцию, когда вследствие некоего триггерного события эмоции (гнев, враждебность, отчаяние) масс достигают такого предела, что численность протестов, радикальность требований многократно возрастают, тогда как попытки их подавления, усмирения приводят не к угасанию, а напротив — к дальнейшей эскалации и радикализации протестов. Для того чтобы протесты не угасти, важно также наличие *готовых структур или образцов организации и мобилизации протеста*, — таковыми могут быть либо уже сложившиеся группы и сети на основе прежнего опыта протестов и насилия, родства, соседства, делового сотрудничества, участия в войнах и т. д., либо воспринятые извне модели рекрутирования и индоктринации новых членов, планирования действий, распределения полномочий, консолидации усилий.

Сочетание высоких значений по всем кризисогенным факторам означает наличие революционной ситуации, сочетание низких значений — отсутствие ее. Совмещение высоких и низких значений означает неустойчивость с вызовами, кризисами, адекватные ответы на которые ведут к укреплению режима (снижению значений указанных факторов), а неадекватные — к ослаблению его и приближению к революционной ситуации.

Крайне высокие значения по всем факторам можно метафорически представить как «предельно насыщенный раствор», когда даже малое возмущение (пусковое событие, триггер) ведет к взрывному росту протестов и радикальных действий.

7. Протестное напряжение и сила примера

Полезное понятие «революционная ситуация» обычно имеет бинарную структуру (есть/нет), хотя очевидно, что каждый фактор, составляющий революционную ситуацию, динамически меняется по некоторой своей шкале: легитимность правительства колеблется, конфликты в элитах меняются от обычной конкуренции до полного раскола и антагонизма, привлекательность политической альтернативы — идей, лидеров, органи-

заций — то растет, то падает и т. д. Если условно сложить все факторы, способствующие революционной ситуации, то получим агрегированную переменную, которую назовем «протестное напряжение». Выделим следующие ступени соответствующей шкалы:

- 0 — нет напряжения, режим легитимен и крепок, пользуется надежной поддержкой влиятельных групп и масс населения;
- 1 — слабое напряжение, наблюдается ослабление режима, легитимности власти, а также недовольство групп по отдельным факторам;
- 2 — сильное напряжение по большинству факторов, состояние кризиса, при котором, однако, политические ресурсы и практики правящей группы и лояльных элит позволяют удерживать стабильность режима;
- 3 — предельное напряжение (глубокий кризис, революционная ситуация), когда достаточно любого небольшого толчка («закономерной случайности» — пускового события) для взрыва негодования, что проявляется в массовых политических акциях с высоким потенциалом агрессии.

В первых революциях каждой волны следует ожидать сочетания предельного протестного напряжения (ступень 3) и пускового события внутри страны (обществе-доноре). Первые последующие революции происходят в обществах с предельным (3) или хотя бы сильным (2) напряжением, причем роль пускового события уже играет революция в обществе-доноре.

Чем более референтно и культурно близко общество-донор к обществу-реципиенту, чем успешнее представляется в первом революция, тем сильнее эффект для совершения революции во втором. Как видим, уровень революционного воздействия общества-донора также представляет собой агрегированную переменную, которую назовем «сила примера».

Вполне резонно предположить, что при успехе революций в двух и более референтных обществах эта сила примера складывается. Тогда ее может хватить и для того, чтобы у следующего общества с более низкими уровнями протестного напряжения также произошла революция. Крайне сомнительно, что любой силы примера хватит для успешной революции в обществе с уровнем напряжения 1 или 0, хотя и здесь вероятны отдельные протесты, последующие изменения в политике либо в направлении уступок (либерализации), либо, напротив, в ужесточении режима (ограничения свобод, «заморозки», авторитарного отката).

8. Гипотеза восполнения кризисогенных факторов

Происходит или нет революционная волна, зависит от того, насколько назрела революционная ситуация в каждом обществе — потенциальном участнике волны, от успеха и внушительности предшествующих революций, а также от активности сильных и влиятельных государств («великих держав»), которые в одних случаях стремятся подавить революции в значимых или зависимых от них странах, в других — поддержать или даже спровоцировать их, причем и то и другое делают с весьма разной успешностью.

Следует отдельно рассмотреть воздействие революции в обществе-доноре (далее — донорской революции) на факторы революционной ситуации, на уровень нестабильности, на успех или провал революции.

Самая общая гипотеза состоит в том, что донорская революция так или иначе *восполняет* недостающие факторы для революционных событий в обществе-реципиенте. Совершенно очевидно, что в каждом случае протестные движения в обществе-реципиенте могут получить *политическую альтернативу* [Цирель, 2012] благодаря успешной революции в обществе-доноре («у них получилось, тогда и мы должны попробовать»).

Если в обоих обществах режимы сходны или представляются в общественном мнении как сходные, тогда успешная революция в обществе-доноре почти автоматически ведет к *относительной делегитимации режима* в обществе-реципиенте. Дело в том, что революционная риторика всегда содержит обвинения старого режима и его лидеров в *несправедливости* (нарушении ценностей) и *неэффективности* (неспособности править, систематических и закономерных провалах), а эти обвинения легко переносятся с режима донора на режим реципиента, что и означает делегитимацию последнего.

Почему иногда эта делегитимация весьма значительна и охватывает элиты и массы общества-реципиента, а иногда остается только в узких кругах упрямых противников режима, — также важная проблема для дальнейшего изучения.

Вряд ли революция в одном обществе может привести к *слабости правительства* в другом обществе, зато она может ее обнаружить. Вероятно, это происходит вследствие провальных попыток правительства общества-реципиента либо участвовать в подавлении революции в обществе-доноре, либо препятствовать подобным событиям в своей стране — через репрессии, которые вызывают уже не страх, а гнев, или через уступки, которые воспринимаются уже как запоздалые, жульнические или недостаточные.

Как правители, так и элиты всегда внимательно и ревниво следят за бурными политическими событиями в соседних и влиятельных, референтных обществах. Успешная революция в обществе-доноре непременно вызывает тревогу у тех и других, но если правители всегда направлены на сохранение status quo, пусть через уступки или ужесточение режима, то элиты в разных условиях либо плачиваются вокруг правителей, либо *раскалываются с выделением контрэлиты*, которая уже допускает подобные события в своей стране и может даже надеяться на них, способствовать им. Движение в данной развилке идет по тому или иному пути, вероятно, в зависимости от перспектив безопасности и предпочтительности ожидаемых позиций элиты при сохранении и защите режима либо при его революционной смене.

Также неясен вопрос с влиянием революции общества-донора на потенциальный «горючий материал» в обществе-реципиенте. Вероятно, главное воздействие состоит в воодушевлении масс (что сходно с появлением политической альтернативы), а также в *поставке образцов мобилизации* через эмиссаров и паломников, обучении революционным методам и приемам, пропаганде, создании организаций и сетей, снабжении революционной литературой и т. д.

9. Роль силовых структур

Лояльность или нелояльность силовой элиты имеет экстраординарное значение для судьбы революций: будут они подавлены или одержат верх.

Резонно предположить, что силовая элита каждого общества — потенциального реципиента — особенно внимательно следит за судьбой своих коллег в революционной буре общества-донора. Всегда есть склонность повторять успех себе подобных и избегать провала [Beissinger, 2007].

Если при победе революции в обществе-доноре миролюбивые, оставшиеся нейтральными руководители полиции, армии, спецслужб не пострадали, даже остались на своих местах, то готовность силовиков к репрессиям в обществе-реципиенте падает.

Если жестокое подавление протестов привело после победы революции к репрессиям против руководителей этого подавления, то уже возникает развилка: либо «сплотиться вокруг трона» и не допустить революции даже самыми жестокими средствами, либо отказаться от подавления и искать контактов с потенциальными новыми правителями.

Итак, для каждой отдельной революции на первый план выступает следующий фактор: *внушительность политической альтернативы (лидеров протеста, их организации и идей) в демонстрации силы, массовой поддержки, будущей легитимности для силовых структур режима.*

Судьба революций (успех или подавление) в рамках волны в этом аспекте определяется склонностью силовых элит подражать успеху зарубежных коллег (в защите режима, «отсиживании» или переходе на сторону протеста) и не повторять их провалов (когда пострадали те, кто безуспешно пытался защищать режим, выжидал или поддерживал революцию).

10. Роль внешних держав

В роли влиятельной внешней державы может выступать общество-донор, в таком случае обычно следует вести речь о попытках экспорта революции. Направленность на подавление революций в чужих странах со стороны постреволюционных режимов — не редкость.

- Великобритания с конца XVII в. принимала то или иное участие в подавлении революций во Франции, в колониях, в Китае, в России.
- Республиканская Франция в XX в. вела попытки подавления революций во Вьетнаме, в Алжире.
- США с успехом или с провалом пытались подавить революции в Китае, в Корее, на Кубе, во Вьетнаме, в Никарагуа и др.
- СССР подавлял освободительные движения в Венгрии, Чехословакии, Польше.
- Руководство Российской Федерации уже в XXI в. поддерживало режим Януковича, враждебно относилась к Майдану и постмайданному режиму, осуществляло известные акции, направленные на его ослабление и подрыв.

Отметим, что все эти государства и политические режимы сами появились в результате успешных революций.

Каждая волна-цепочка происходит в определенной *геополитической ойкумене*, т. е. совокупности держав (государств, способных защищать свою территорию и территорию своих клиентов военной силой), связанных союзными, нейтральными, конфликтными отношениями.

Неконфликтная ойкумена характеризуется либо наличием единого признанного остальными державами лидера, либо альянсом великих держав, из которых ни одна не заинтересована в том, чтобы в другой происходили революции, смены режима и/или государственный распад. Очевидно, что в этой ситуации начавшаяся революционная волна вызывает тревогу, а рост волны ведет к сплоченности держав и их решимости к подавлению революций.

Если «революционный пожар» сильнее совокупной мощи альянса великих держав, то начинается эпоха масштабного насилия, подчиняющаяся уже военной динамике. Таковы Тридцатилетняя война после мятежей Реформации XVI в., революционные и наполеоновские войны после Великой французской революции, Вторая мировая война после волны фашистских переворотов в Европе 1920–1930 гг.

Если же союз контрреволюционных держав или держава-гегемон достаточно сильны, то слабые протестные движения подавляются, остальные потенциальные революции купированы (случай волны революций 1830–1831 гг.).

Немало революционных волн оказываются успешными, несмотря на внешнее сопротивление: Реформация в Северной Европе, атлантические революции, боливарианские революции в Южной Америке, антикапиталистические революции 1950–1960 гг., исламские революции 1970–1980 гг. не были подавлены, хотя каждый раз такие попытки со стороны могущественных сил имели место. Так бывает при иной геополитической конфигурации, когда есть два или более конфликтующих лидера, великие державы расколоты и враждуют между собой настолько сильно, что каждый лагерь заинтересован в кризисе и упадке держав из другого лагеря, соответственно, склонен поддерживать в нем революции.

Эта внешняя поддержка со стороны одного лагеря (от моральной до финансовой и военной) играет существенную роль в росте революционной волны в другом лагере. Так, Россией поддерживались балканские антитурецкие мятежи в 1870-х гг., Советским Союзом — прокоммунистические и антиколониальные революции 1950–1960-х гг., Западной Европой и США — сепаратистские движения в Югославии, «бархатные» и «цветные» революции, «Арабская весна».

Если держава-гегемон и ее коалиция, поддерживающие старые режимы, ослаблены, то революции побеждают, но только там, где старые режимы в большой мере зависели от этой державы-гегемона, а при снижении ее помощи утеряли контроль и решимость защищаться. Причина состоит в следующем. Сами революции возникают в условиях падения легитимности не только власти и режима отдельного общества, но также охватывающей его коалиции и державы-гегемона.

Поддержка этих революций со стороны конфликтующей коалиции помимо «идеалистических» мотивов и лозунгов (свободы, справедливости, демократии, прав человека, избавления от эксплуатации и т. д.) всегда имеет «политреалистскую» подоплеку — ослабление противника. Поэтому поддержка направлена на революции в обществах, наиболее тесно связанных, зависимых в военном, экономическом и идеологическом аспектах от этого противника — державы-гегемона. Ослабление последней, потеря ею ресурсного преимущества наиболее болезненны именно для зависимых режимов, тогда как режимы с военной, экономической и идеологической автономией оказываются в данной ситуации более устойчивы, они блокируют или успешно подавляют протестные поползновения в своих обществах.

Успех поддержанных СССР антиколониальных движений, революций в Китае, Корее, во Вьетнаме, на Кубе, в Анголе и Мозамбике связан с послевоенной делегитимацией колониализма, капитализма, ослаблением метрополий Западной Европы, когда США были вынуждены обороняться (стратегия сдерживания вовне, маккартизм внутри) и только нащупывали свою новую роль в мире, допуская большие ошибки (наиболее яркая — Вьетнамская война). В странах, самостоятельно и быстро развивавшихся (ФРГ, Япония, Великобритания, Франция, Италия), антикапиталистические, прокоммунистические движения либо трансформировались, либо вовсе заглохли, несмотря на массивную поддержку со стороны Москвы.

Сходная ситуация сложилась с антикоммунистическими революциями в Центральной Европе в 1989 г. Они были успешны в странах, режимы которых в наибольшей степени зависели от СССР, переживавшего перестройку; она же, в свою очередь, стимулировала дискредитацию коммунизма (Польша, ГДР, Венгрия, Чехословакия, Румыния). А опирающиеся на собственную военную силу и идеологию режимы в Китае, Албании, КНДР, на Кубе остались практически неуязвимыми.

Кажется, что драматический распад Югославии (см. главу 7) нарушает эту закономерность, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что он только подкрепляет ее. Здесь в роли державы-гегемона выступала Сербия, тогда как в большинстве зависимых от нее обществ (республик с титульной нацией) — Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Косово, Македонии — побеждали национально-освободительные (сепаратистские, если угодно) тенденции при явной и сильной поддержке со стороны Западной Европы, а позже и США.

Геополитическая логика не отвергает фактор мировой культуры, на который делает упор К. Бек, но дополняет и даже фундирует этот механизм. Действительно, мировая культура не только помогает выигрывать геополитическим гегемониям, но и следует за геополитикой: символы, ценности, лозунги победившей коалиции широко распространяются в мире, тогда как при упадке гегемонии нарастает критика ценностей, принципов соответствующего мейнстрима и разворачивается бурная конкуренция идейных альтернатив — от радикальных фундаменталистских до радикальных про-

грессистских. И те и другие порождали революционные волны в прошлом и вполне способны порождать их в будущем.

Далее развернем высказанные соображения о динамике революционных волн в более строгих моделях.

11. Модель «Предел горючести»

Революционные события вначале возникают только в обществе, «дозревшем до революции», т. е. с накопившимися напряжениями, слабостью режима и прочими факторами, которые составляют «революционную ситуацию». Другие общества (часто соседние, родственные по языку, культуре, религии или имеющие с ним тесные культурные, экономические и политические связи) «дозревали» в разной мере, — т. е. либо в них возникает революционная ситуация, либо действуют стабильные, легитимные, сильные режимы, неуязвимые для революционного влияния, либо они располагаются между этими полюсами. Очевидно, волну подхватывают общества с максимумом потенциальной нестабильности — революционной ситуацией. Но эффекта нескольких революций достаточно, чтобы «революционный пожар» «воспламенил» даже общества с относительно стабильными режимами [Цирель, 2012].

При всем этом волна революций рано или поздно перестает расширяться. Простейшее объяснение — волна, даже самая мощная, не захватывает стабильные режимы.

В качестве объясняемой переменной (экспланандума) зафиксируем **R** (*revolutionary intensity*) — совокупную интенсивность революционных событий в вошедших в революционную волну обществах. Этот показатель можно трактовать, например, как сумму максимальных интенсивностей революционных событий в этих обществах за каждый фиксированный период (неделю, месяц, год). Данная сумма считается нулевой до начала волны и после ее окончания. Во время самой волны объясняемая переменная флуктуирует, в какие-то периоды достигая своего максимума, числовое значение которого (всегда условное) зависит от интенсивности событий в каждом обществе.

Уровень «созревания» общества к революции выразим через переменную **P** (*Potential*). Максимум **P** и составляет *революционную ситуацию*, когда какое-либо относительно малое возмущение приводит к буре протеста и началу революции. Среди других причин — делегитимация власти, слабость правительства, нелояльность аппарата принуждения, бюджетный дефицит, ведущий к неспособности правительства выполнять обязательства и основные функции, наличие политической альтернативы: ярких лидеров, организаций и идей, масштабы «горючего материала» революции — отчаявшихся людей, которым нечего терять при сохранении режима. К этим факторам будем обращаться по мере необходимости, но пока считаем достаточной агрегированную переменную — потенциал нестабильности. Полезно также учитывать **P_м** — средний потенциал нестабильности в данном мировом регионе, где связи между обществами достаточно сильны для возникновения волны. Разумеется, эта величина исторически измен-

чива, но для простоты будем считать ее константой для периода, в котором назревает, разворачивается и гаснет революционная волна.

Потенциал охвата обществ революционной волной W (Wideness) определим как число обществ, еще не испытывавших революцию, но либо достигших революционной ситуации, либо имеющих настолько высокий потенциал, что интенсивные революционные события в других обществах способны привести их к революции.

Будем различать также n_i — число вновь вступивших в волну обществ за каждый период i , и их сумму n_{ri} — общую численность охваченных волной обществ к периоду i .

Итак, интенсивность революционных событий охватывает все новые общества, отчего растет их сумма, что еще больше увеличивает интенсивность этих событий. Так появляется круг положительной обратной связи, объясняющий быстрый рост революционной волны. Этот рост был бы бесконечным, если бы не тормозящая связь.

В волну могут попасть только «дозревшие до революции» (по К. Марксу) общества, а их потенциал ограничен. Пока он велик (при больших значениях среднего потенциала нестабильности P_m в данном мировом регионе), все новые и новые общества вступают в волну — переживают революционные события. Но с каждым новым участником волны потенциал охвата W скудеет. Наконец, уже не остается «дозревших» обществ, сумма числа участников волны n_{ri} также перестает увеличиваться и «подогревать» интенсивность революционных событий. Данная модель представлена как тренд-структура (ориентированный граф, где вершины — переменные, а стрелки — усиливающие и ослабляющие воздействия) на рис. 11.1.

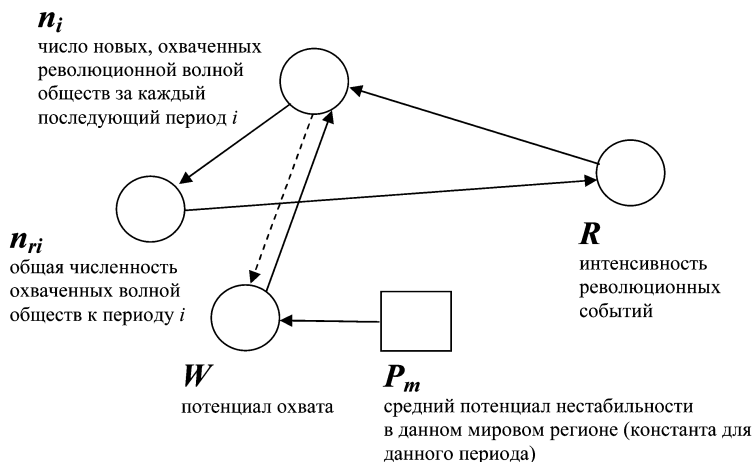

Рис. 11.1. Модель «Предел горючести». Контур $n_i \rightarrow n_{ri} \rightarrow R \rightarrow n_i$ является кругом положительной обратной связи, «разгоняющим» революционную волну. При уменьшении ограниченного потенциала охвата W эта волна гаснет. Чем больше в данном мировом регионе средний потенциал нестабильности P_m , тем больше охват w и тем шире распространяется революционная волна

12. Модель «Розжиг тушителей»

Следующая причинная связь касается уже успешности революций. Во-первых, чем выше потенциальная нестабильность и чем менее силен и легитимен режим, тем больше шансов на успех революции, под которым будем понимать либо захват власти лидерами протеста, либо существенные уступки революционным требованиям со стороны власти. Во-вторых, заразителен для других обществ именно революционный успех, тогда как провал скорее фрустрирует потенциальные силы протеста и вдохновляет режим на сопротивление.

Получаем такую причинную цепь динамики роста и угасания: чем шире распространяется «революционный пожар», тем менее «дозревшие» общества охватываются волной, тем скорее революции в них будут неуспешными, тем более фрустрирующее влияние они оказывают на остальные общества, тем слабее в них решимость к открытым политическим протестам, что и означает угасание и прекращение революционной волны.

Подавление революции 1848 г. в Пруссии и других германских государствах, победа Австрии над восставшими итальянцами в Пьемонте, над чехами в Праге и поляками в Галиции явно сыграли роль в угасании всей европейской «весны народов». «Арабская весна» 2011 г. началась громкими успехами революций в Тунисе и Египте, но затем также охватила Бахрейн (протесты подавлены при содействии саудовской армии), Ирак, Сомали, Кувейт, Западную Сахару, Ливан, где выступления ни к чему не привели, что, по-видимому, снизило решимость открыто протестовать в других арабских обществах.

Успешность революции *S* (*Success*) понимается как мера выполнения целей протестных движений либо через смену власти, либо через уступки со стороны оставшейся у власти правящей группы. Пик успеха достигается в краткий (1–3 дня) период свержения прежнего режима или объявления уступок, ведущих к умиротворению. Затем успех может снижаться как потому, что новая революционная власть не оправдывает ожиданий, так и потому, что уступки сворачиваются. Важными факторами успеха являются сила, организованность, дееспособность организаций протестного движения, а также готовность государственных институтов к перестройке в соответствии с революционными требованиями. В обоих случаях успеха — смены власти или уступок — это означает эффективное реформирование государственных и классовых структур, тогда как слабость революционных организаций и неготовность государственных институтов к восприятию новых требований ведут к провалам, что может выражаться в победе реакции, перерождении революционной власти, эскалации насилия, чреватой гражданской войной и распадом страны (см. главу 7).

Привлекательность революции *A* (*Attractiveness*) является прямой функцией от восприятия ее успешности в других обществах. Разумеется, одна и та же революция в разной степени привлекательна для разных обществ, что зависит от близости ее символов и лозунгов к популярным в каждом данном обществе идеям. Резонно предполагать, что чем больше

в некотором обществе потенциал нестабильности P , тем выше и привлекательность. Соответственно, в обществах со стабильными и легитимными режимами следует ожидать неприятие чужой революции (низкие, отрицательные значения A — в полном согласии с формулой К. Маркса). Учитываем также P_r — средний потенциал нестабильности в охваченных волной обществах (см. рис. 11.2).

При разрастании волны (росте ее интенсивности, числа новых вступивших в волну обществ) падает средний потенциал нестабильности в охваченных волной обществах. Именно так работает метафора «розжиг тушителей»: слишком «недозревшие до революции» общества вступили в волну, революция в них закономерно терпит провал, т. е., поддавшись общему пламени революционного подъема, они невольно становятся тушителями этого пламени.

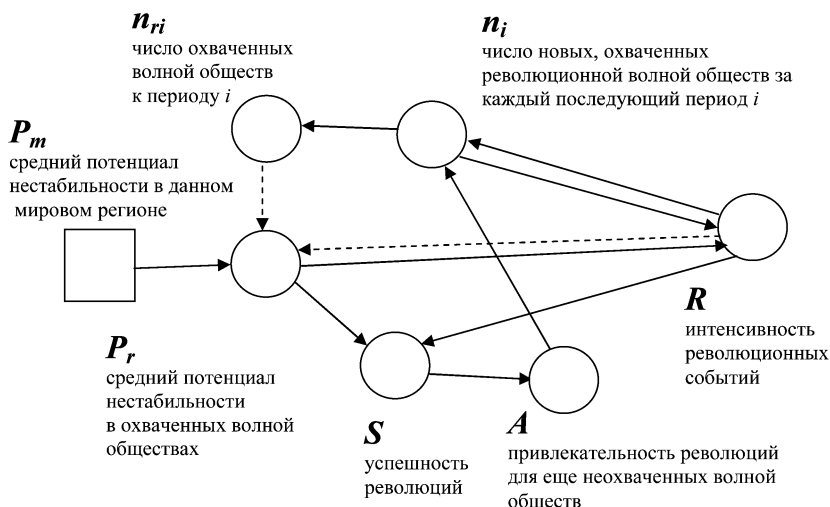

Рис. 11.2. Модель «Розжиг тушителей»

Волна растет благодаря положительной обратной связи между n_i и R . Вовлекаются все более «недозревшие до революции» общества. Соответствующее падение среднего потенциала нестабильности P_r ведет к дальнейшим провалам революций, т. е. снижает их успешность S , а значит, и их привлекательность A для еще не охваченных обществ. Снижение революционной интенсивности R прекращает пополнение волны n_i новыми обществами, и революционная волна угасает.

13. Модель «Послереволюционная фрустрация»

В каждой успешной революции после смены власти или уступок, триумфа и общей эйфории всегда наступают трудные времена, связанные с трансформацией (вплоть до разрушения и упадка) прежних структур и

порядков, а также со стремлением новой или старой власти укрепиться за счет подавления конкурентов. Эти процессы выражаются в социально-экономических неурядицах (росте инфляции, экономическом спаде, увольнениях, перебоях в снабжении), а также в политическом насилии вплоть до террора. Такие процессы снижают привлекательность даже успешных революций для других обществ как потенциальных участников волны.

Так, Французская революция 1789 г., Русская революция 1917 г., недавние революционные, а затем военные события в Ливии и Сирии (с 2011 г.), которые поначалу вдохновляли протестные движения в других странах, затем стали устрашающими и отталкивающими.

Нам понадобятся следующие переменные: ***F*** (*Function*) — сохранность социальных порядков и функций в охваченных волной обществах; ***D*** (*Damage*) — уровень послереволюционных бедствий.

Рассмотрим также отзывчивость, или сензитивность ***E*** (*sEnsitivity*), означающую уровень влиятельности общества-потенциального донора революции на общество-реципиент. Сензитивность зависит от геокультурной влиятельности, языкового, этнического родства, конфессионального, идеологического сходства, геополитического престижа, географической близости общества-донора по отношению к обществу-реципиенту, а также от силы экономических связей между ними. Сензитивность является крайне медленно меняющимся фактором, поэтому в модели будет фигурировать в роли коэффициента, сказывающегося на силе воздействия (не)привлекательности революций доноров на реципиентов, либо в качестве константы, влияющей на привлекательность ***a*** (рис. 11.3).

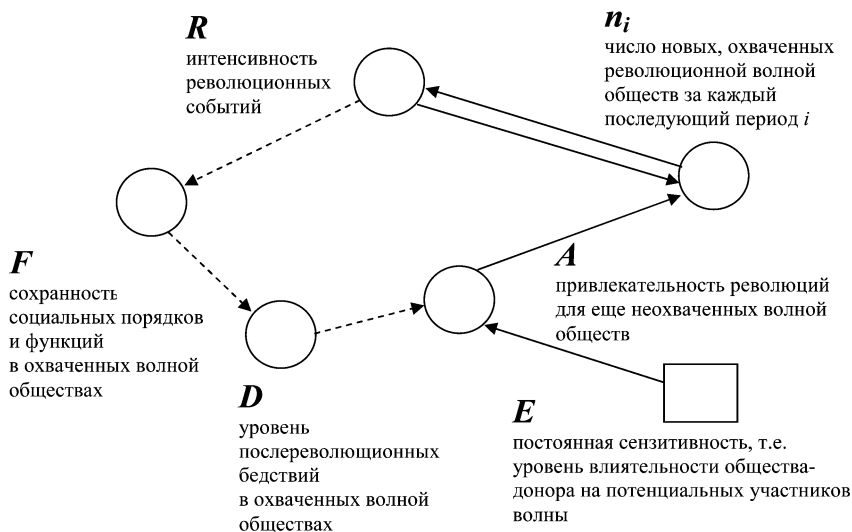

Рис. 11.3. Модель «Постреволюционная фрустрация»

14. Модель «Порядок извне под вопросом»

Каждая волна-цепочка происходит в определенной геополитической ойкумене, т. е. совокупности политий или держав (обществ, способных защищать свою территорию и территорию своих клиентов военной силой), связанных союзными, нейтральными, конфликтными отношениями.

Внешняя поддержка революции u (*support*) означает уровень помощи, от моральной и идейной до финансовой, организационной и военной, со стороны режимов других обществ. Для таких ситуаций можно было бы ввести дополнительную переменную, но пока довольствуемся одной, считая положительные значения u поддержкой революции, а отрицательные — активностью по поддержке старого режима и подавлению революции.

В модели участвуют следующие переменные: X (*anXxiety*) — тревога коалиции держав, доминирующей в данной геополитической ойкумене; C (*Consolidation*) — сплочение коалиции и решимость к «восстановлению порядка»; H (*inHibition*) — успех в подавлении революций извне; R_c (*Resources of coalition predominance*) — ресурсное преимущество антиреволюционной коалиции по сравнению с силами революции, причем значимы не только силовые, но и финансовые, символические, производственные, организационные ресурсы (рис. 11.4).

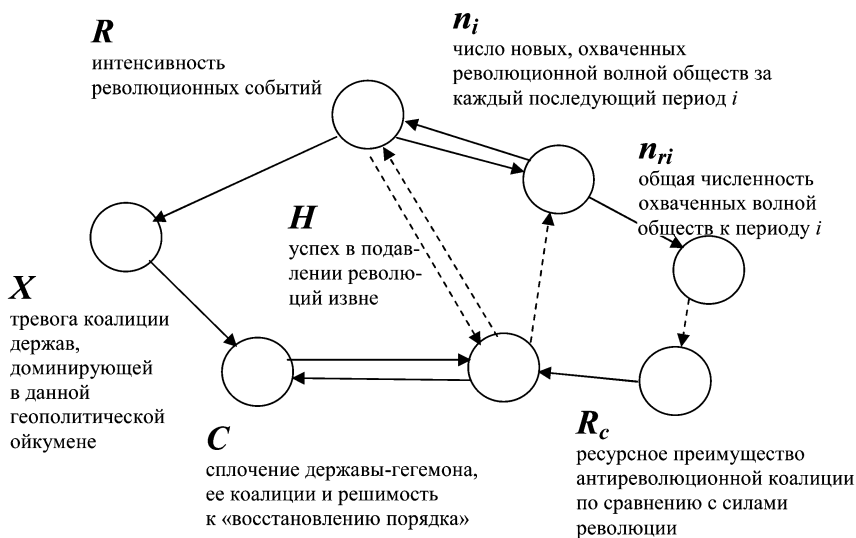

Рис. 11.4. Модель «Порядок извне под вопросом»

Модель имеет два главных контура. Контур подавления ($n_i \rightarrow R \rightarrow X \rightarrow C \rightarrow H \rightarrow R$) описан в начале главы. Поскольку успех внешней антиреволюционной коалиции H не предопределен, в игру вступает новый контур динамики. Успех подавления H зависит не только от сплоченности и решимости

коалиции c , но также и от преимущества в ресурсах R_c . Но это преимущество падает при разрастании волны n_i — увеличении числа охваченных ею обществ. Иными словами, если волна быстро охватывает критическую часть обществ со значимыми для борьбы ресурсами, то ресурсное преимущество подавляющей коалиции падает, — соответственно, вместо успеха она испытывает провал, что всегда угнетающе действует на сплоченность и решимость антиреволюционной коалиции.

15. Модель «Уязвимость зависимых режимов»

При ослаблении державы-гегемона слабеют и поддерживающие ее старые режимы. Тогда революции побеждают, но только там, где старые режимы в большой мере зависели от этой державы-гегемона, а при снижении ее помощи утеряли контроль и решимость защищаться.

Для построения модели нам понадобятся новые переменные: T (*support*) — поддержка революций конфликтующей державой или коалицией; B_n (*stability, independent*) — устойчивость режимов, независимых от державы-гегемона, и B_d (*stability, dependent*) — устойчивость режимов, зависимых от нее (рис. 11.5).

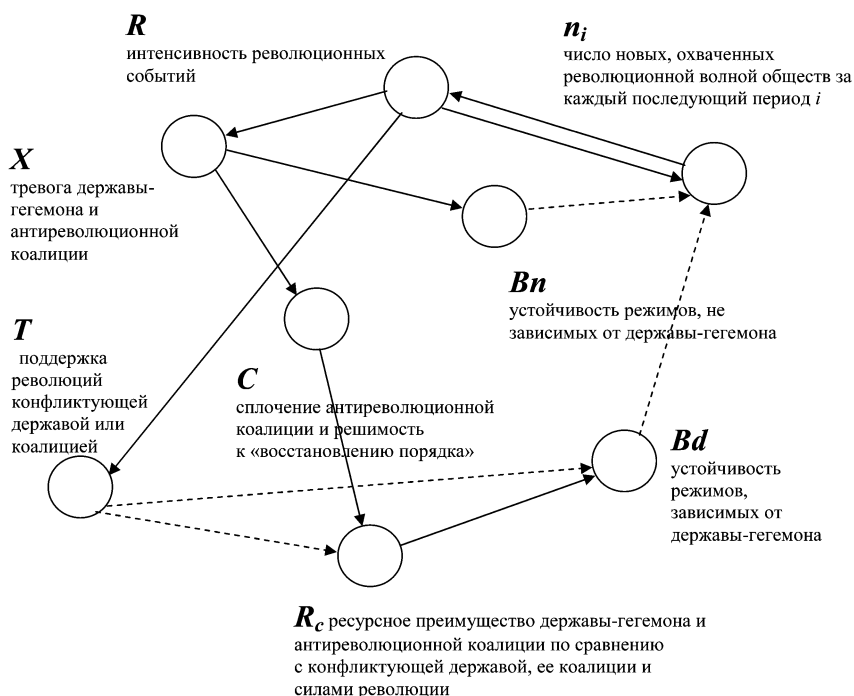

Рис. 11.5. Модель «Уязвимость зависимых режимов»

Модель включает малый контур $R \rightarrow X \rightarrow Bn \rightarrow n_i \rightarrow R$, объясняющий устойчивость автономных режимов в отношении революций, а также большой контур (вся нижняя часть схемы), где устойчивость режимов, зависящих от державы-гегемона, определяется соотношением ресурсов между антиреволюционной коалицией (во главе с державой-гегемоном) и конфликтующей с ней коалицией.

16. Модель «Истощение ресурсов борьбы»

Если волна не расширяется (ни в каких новых обществах уже не возникают революции), это не означает угасания самой волны, поскольку революционные события могут продолжаться длительное время, однако рано или поздно устанавливается какая-то стабильность. Главная причина видится в «усталости», точнее, в истощении революционных ресурсов у основных сторон конфликта (или хотя бы у проигрывающей): эмоциональных (решимости бороться), социальных (уже не удастся никого привлечь на свою сторону), финансовых, силовых, символических.

Типовая динамика угасания конфликта дополняется эффектами волны: победа и замирение в каждой революции служат примерами для остальных революций той же волны. Вероятно, евразийские крестьянские войны 1595–1608 гг., славянские бунты 1648–1650 гг., антиимперские восточнославянские восстания 1703–1709 гг. соответствуют этому паттерну.

Послереволюционные гражданские войны (нередко с участием внешних сил) заканчиваются либо победой одной из сторон (в России — в 1918–1920 гг., в Ливии — в 2011 г.), либо разделом территории (Корея в 1953 г.). Многолетние гражданские войны объясняются либо малой интенсивностью, тлеющим характером (Афганистан с 1990-х гг., государства Центральной Африки, Колумбия), либо постоянной ресурсной подпиткой извне (сегодняшняя Сирия).

В затянувшихся революционных кризисах паритетность ресурсов борьбы в каждом обществе высокая при одновременно значительном потенциале нестабильности (иначе режим легко побеждает протестующих) и при сильных факторах, препятствующих успешности революции. Паритетность ведет либо к компромиссам, либо к эскалации конфликта, переходящего в гражданскую войну (часто с элементами международной войны, см. рис. 11.6).

Многое в данной динамике зависит от общей величины ресурсного потенциала Q (населения и богатства, способных конвертироваться в военную силу), мобилизованности этого потенциала L и актуальной величины ресурсов борьбы V_r у конфликтующих сторон. Мобилизация увеличивает ресурсы, но истощает общий потенциал. Сама интенсивность революционных событий и гражданской войны R расходует ресурсы борьбы и увеличивает бедствия D , которые сокращают ресурсный потенциал Q (население и богатство, решимость умирать и убивать). Чем больше бедствий D и чем меньше ресурсов борьбы V_r у конфликтующих сторон, тем выше у них склонность к прекращению борьбы (соглашению или сдаче в зависимости от соотношения побед и поражений), что и ведет к падению интенсивности взаимной агрессии R — замирению, угасанию конфликта.

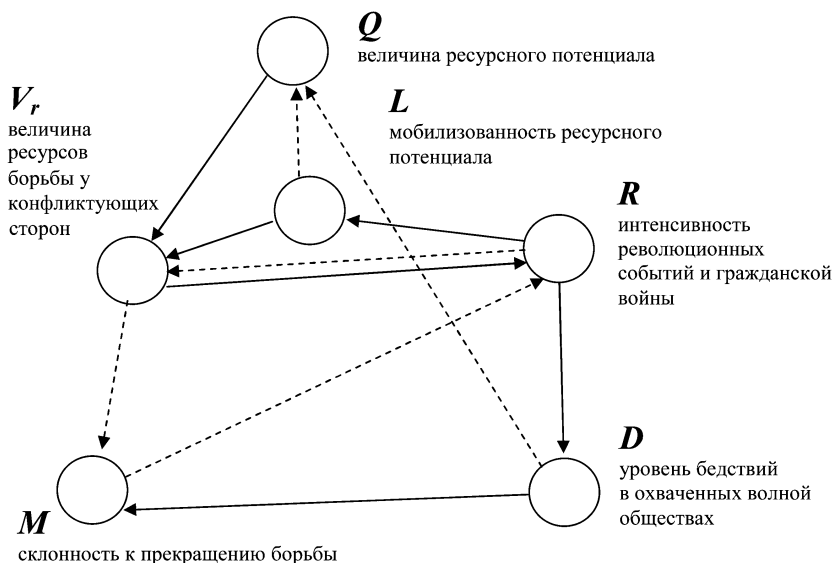

Рис. 11.6. Модель «Истощение ресурсов борьбы»

17. Россия в контексте революционных волн в прошлом и будущем

Наша страна на протяжении долгой истории (Московия — Российская империя — СССР — РФ) даже по сугубо формальному критерию занимает важное место в волнах революций за последние пять столетий. Если принять за основу 27 волн (см. начало главы), то в семи из них Россия прямо участвовала, еще в семи играла важную роль (и как защитник старых режимов, и как спонсор революций). Здесь есть пересечение — в волне антикоммунистических революций 1989–1991 г. СССР присутствовал в обеих ипостасях, — поэтому получаем 13 случаев.

Почти половина из всех 27 мировых революционных волн — это очень много для одной страны. Более того, в реставрации монархии после Великой французской революции, в обеих «красных» волнах, в послевоенных коммунистических, антиколониальных, арабских, антикоммунистических волнах революций Россия играла одну из ключевых, а иногда и главную роль. Все это позволяет с уверенностью утверждать, что Россия не останется вне того или иного участия и в неминуемых будущих революциях, и в революционных волнах.

Для научного прогнозирования необходимы не только модели, уточняющие их теории, но и большие объемы данных, причем релевантных моделям и теориям. Кроме того, представленные модели помогают осмыслить, объяснить уже начавшиеся волны революций, прогнозировать их динамику, но непригодны для предсказания волн, пока они не начались. Поэтому

удовлетворить законный интерес читателя к «нашим палестинам» можно лишь в очень малом объеме — через сопоставление некоторых элементов моделей с внешне- и внутривосточным российским контекстом.

Потенциал стабильности нынешнего режима представляется пока достаточно высоким, несмотря на явный экономический спад и известные трудности, растущую изоляцию России на внешней арене. В плане *пределов горючести* трудно представить настолько мощную волну успешных революций в референтных для России обществах, которая вовлекла бы и ее.

Механизм *розожиг тушителей* в какой-то мере сыграл роль, если учесть воздействие бурных событий «Арабской весны» и движения «Оккупай» на «болотные» протесты и «Оккупай-Абай» в России 2011–2012 гг., которые были жестко и весьма эффективно подавлены. Если бы потенциал стабильности режима был гораздо ниже, а «горючесть» — выше (вплоть до «революционной ситуации»), то события в России, несомненно, повлекли бы за собой целую революционную цепочку на постсоветском пространстве. Но «разожжен» был именно «тушитель» — общество, не созревшее к революции и показавшее драматический провал массовых протестов.

Успех Евромайдана в Украине и опасность распространения волны были весьма оперативно купированы Кремлем через присоединение Крыма, т. е. через активизацию эффекта *послереволюционной фрустрации*. К слову сказать, режим В. Януковича в полной мере испытал *уязвимость зависимости* от той же России, когда для критической массы населения и элит присоединение к Европейскому союзу стало доминирующим настроением.

Порядок извне — утасующий паттерн в современном мире, вероятно, из-за отсутствия настолько широкой, сплоченной и решительной коалиции, которая была бы готова посылать войска и восстанавливать старые режимы, свергнутые в революциях. Кроме того, большинство современных революций происходит в авторитарных государствах под лозунгами демократии, что делает еще более затруднительной реставрацию извне. События на Донбассе, в Ливии, Сирии, Ираке, Афганистане, странах Центральной Африки показывают скорее удручающие провалы, чем успехи в «наведении порядка».

Хуже того, попытки восстановления порядка извне ставят конфликты в переживших революционные события странах в центр внимания, что ведет к притоку туда и добровольцев, и денег, и оружия, и войск (наиболее яркий пример — продолжающаяся гражданская война в Сирии). А это сводит на нет эффект *истощения ресурсов*: подпитываемые извне войны растягиваются на многие годы и десятилетия.

В самой России в обозримом будущем не просматривается рисков революции или включения в революционную волну. Скорее, политика Кремля будет состоять в купировании революционных попыток в государствах-сателлитах (членах СНГ и ОДКБ), особенно протестных движений с демократической и западнической направленностью. Такая политика не отменяет подспудных внутренних процессов в самой России, способных в будущем подорвать стабильность режима. Но это уже предмет особого разговора.

Глава 12

Режимы, кризисы и революции на постсоветском пространстве

1. Ненадежная стабильность неопатримониальных режимов

Высокая стабильность жестких авторитарных и тоталитарных режимов объясняется монополизацией главных политических ресурсов правящей группой, а также сплоченностью, солидарностью элит, которая обычно достигается страхом их членов «выпасть из обоймы», благоприятными условиями ренты, личной харизмой правителя, геополитическим престижем, заслуга которого приписывается лидеру и режиму, эффектом «принудительной коалиции» — уверенностью, что каждый отступник будет подавлен соединенными усилиями тех, кто сохранил лояльность.

Особенности устройства неопатримониальных режимов на постсоветском пространстве А. Фисун охарактеризовал следующим образом:

«...в отличие от моделей демократизации в Латинской Америке, Южной и Центральной, Восточной Европе, неопатримониальные элиты в бывших постсоветских государствах разделены и конкурируют между собой, прежде всего за доступ к клиентарно-патронажной сети, в центре которой находится лидер государства. Постсоветские элитно-партийные кливажи могут быть определены именно через позиционирование внутри или вне системы “раздела государства”. Вместо классического разделения между умеренными и радикалами, либералами и консерваторами, левыми и правыми постсоветские неопатримониальные режимы могут быть охарактеризованы субэлитным расколом, вырастающим из конкуренции за лучшую позицию в иерархическом клиентарном распределении “благ и привилегий”. В этом смысле сущность политической борьбы в неопатримониальной системе состоит в борьбе за расположение и покровительство со стороны главы государства, но отнюдь не в борьбе за голоса потенциальных избирателей» [Фисун, 2010, с. 171–172].

Если признать верными эти факторы, то их ослабление, тем более совпадение их упадка должно снизить стабильность как минимум до уровня турбулентности. Действительно, по прошлой истории тоталитарных режимов смерть диктатора, военное поражение, падение международного престижа, существенное сокращение государственных доходов и ренты для элиты — все это приводило к кризисам, а то и к распадам, глубоким трансформациям режимов (см. главы 2–3 и 5–6).

Будущая стабильность жестких режимов на постсоветском пространстве зависит, таким образом, от того, насколько правящие группы сумеют нивелировать указанные факторы или хотя бы не допускать их одновременного действия. Сохранение сплоченности элит и поддержание лояль-

ности силовых структур, как всегда, оказываются главными условиями удержания авторитарной власти.

Ошибочным оказывается прекраснодушное представление о том, что коррупция (как «порча») разъедает государство и ведет его к кризису. К. Дарден убедительно показал, что коррупция является эффективным способом поддержания вертикального контроля в бюрократической иерархии, поскольку предоставляет «клиентам» дополнительный доход (кормление на должности), увеличивающий послушание, лояльность «патронам», в том числе из-за незаконности дохода и уязвимости его получателей, страха попасть в опалу, а потом и в тюрьму [Darden, 2008, p. 38].

Преимущественно авторитарный крен режимов, терпящих турбулентность (Азербайджан, Беларусь, Россия, Таджикистан, Узбекистан), структурно сходен с храповым механизмом: в одну сторону движение легко и естественно, а в другую полностью заблокировано. Как это объяснить?

Авторитарный крен — это всегда следствие репрессивных стратегий правящей группы. При турбулентности (среднем уровне нестабильности) кризисы и протесты преодолеваются властью, значит, согласно *принципу подкрепления стратегий* (глава 1), при каждой последующей трудности будет выбрана скорее репрессивная, запретительная, принудительная стратегия. При этом повышается опасность личных преследований правителя и членов правящей группы при утере власти; соответственно, любые сдвиги в сторону демократии, свободных выборов чреваты неприемлемыми потерями для власти имущих, и наоборот, усиливаются мотивы к большей концентрации власти и ресурсов, что и дает авторитарный крен.

Особый интерес вызывает случай Молдовы, которая умудрилась выйти из весьма острого социально-политического кризиса 2009 г. (с захватом президентского дворца, погромами, уличным насилием) не в сторону авторитаризма, а в сторону демократии. До сих пор Молдова особых успехов в этом направлении не добилась, хотя существенно обгоняет Россию (62 из 100 баллов демократичности для Молдовы по сравнению с 20 из 100 для России на 2017 г. по оценке Freedom House). Патовая ситуация, отсутствие решающего ресурсного преимущества у какой-либо силы на политической арене Молдовы служит первым объяснением. Второй объяснительный принцип можно назвать «внешней демократической референцией»: здесь близость, влияние авторитетных европейских стран, Европейского Союза служат ограничителем для агрессивных стратегий каждой политической силы, а также мотивирует на образцы консенсуса и решения конфликтов через новые выборы.

Заметим, что для Беларуси этот фактор вовсе не действовал, а для Украины начал действовать только после победы второго Майдана. Причина заключается в том, что референтной страной для них была Россия, где как раз стратегии захвата властной монополии и подавления политических конкурентов доминируют с октября 1993 г. Любопытно, что попыток захвата монополии, вытеснения соперников не избежал и откровенно анти-российски настроенный В. Ющенко: внешняя референция при выборе стратегий оказывается глубже и сильнее, чем демонстративная риторика.

2. Измерения и векторы постсоветской динамики

Для теоретического осмысления динамики режимов необходимо определить главные измерения (шкалы, оси), по которым режимы меняются. Резонно одной такой осью считать уже упомянутое измерение уровня авторитарности (от полноценной демократии до тоталитаризма). В некотором приближении ранги «уровней свободы», выставляемые ежегодно для каждой страны организацией Freedom House, отражают динамику вдоль этой оси (1 — полноценные демократии, 1,5–3,0 — частичные демократии, 3,5–6 — жесткий авторитаризм, 6,5–7 — тоталитаризм)¹.

Здесь постсоветские страны либо усугубляют уровень «несвободы» (Азербайджан, Беларусь, Россия, Таджикистан, Узбекистан), либо надолго укрепились на том или ином уровне «несвободы» (Казахстан, Туркменистан), либо переживают волнообразную динамику между «свободой» и «несвободой» (Армения, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Украина).

Другое важное измерение — стабильность/нестабильность режима. Здесь также есть «индексы хрупкости государств», но для наших целей достаточно учитывать три ступени: *стабильность* (протесты отсутствуют либо происходят слабые, редкие протесты, которые успешно подавляются), *турбулентность*, или средний уровень нестабильности (затяжные массовые протесты, политические кризисы, которые, однако, преодолеваются властью) и *нестабильность* — (перевороты и революции со свержением власти, гражданские войны, государственные распады).

Так, на постсоветском пространстве среди неопатримониальных режимов стабильными являются: Туркменистан, Казахстан, Азербайджан с 1993 г., Таджикистан с 2009 г., Россия 2000–2011 гг. и с 2012 г. Иными словами, по сию пору режимы жестко авторитарные и тоталитарные показывают максимум стабильности.

Турбулентность наблюдалась в России (преодоленные кризисы 1993 и 1998–1999 гг., 2011 – нач. 2012 гг.), в Беларуси (политический кризис 1996 г., подавление оппозиции), в Молдове (отставка президента, беспорядки, состоявшийся референдум 2009–2010 гг.), в Узбекистане (мятежи 1999–2000 гг., 2005 г.), в Таджикистане (мятеж 1998 г., уличные беспорядки 2008 г. и их подавление). Здесь видим как мягкие имитационные демократии, так и жесткие авторитарные режимы. Обращает на себя внимание, что только в одном случае — в Молдове — кризисы привели к некоторому росту уровня свободы (согласно отчетам Freedom House, после 3,5 и 4 Молдова получает ранг 3 и на этом уровне остается до 2017 г.). В остальных случаях турбулентности повышается авторитаризм (до 6,5 в Беларуси, России и Таджикистане, до 7 в Узбекистане на 2017 г.).

¹ Дальнейший анализ постсоветских режимов отчасти продолжает линию, заданную Дм. Фурманом [Фурман, 2004], который объяснял их дивергенцию (в тогдашних оценках Freedom House) через религию, цивилизационную принадлежность, прошлое вхождение в ту или иную империю, роль в ней, а также через индивидуальные качества правителей. Мой подход отличается большим вниманием не к стационарным (цивилизационная принадлежность, религия) и случайным (качества правителя), а к структурным и динамическим факторам трансформации режимов.

Случаи высокой нестабильности включают: провал ГКЧП в Москве и распад СССР в 1991 г. (формально случай не попадает в постсоветскую динамику, но уж очень он яркий и показательный), вооруженный конфликт относительно статуса Приднестровья 1990–1992 гг. в Молдове, перевороты в Азербайджане 1992, 1993 гг., в Грузии 1992, 1993, 2003 гг., в Кыргызстане 1993, 2005, 2010 гг., гражданская война в Таджикистане 1992–1997 гг., «мягкий переворот» 1998 г. в Армении, майданы в Украине 2004 и 2013–2014 гг. Здесь динамика самая противоречивая.

Среди терпящих нестабильность режимов нет откровенно тоталитарных, но уровень авторитаризма в них самый разный. Также нет и единой тенденции сдвигов между старыми и победившими режимами. Наблюдают скорее более разнонаправленные и волнообразные движения. Только в случаях Молдовы и Украины с некоторой осторожностью можно говорить о сдвигах в сторону демократии (обе получили неплохой балл 3,0 в 2017 г.)

3. Революции и перевороты в неопатримониальных режимах

Наиболее сложными для объяснения являются разношерстные случаи высокого уровня нестабильности, когда власть свергается в результате переворотов, революций, когда происходят гражданские войны и государственные распады (см. главы 7–8).

Дополнительная специфика рисков для неопатримониальных режимов (см. главы 2–3) состоит в кризисе стержневых комплексов политических отношений.

Ослабляется полная или частичная гегемония властного центра над подчиненными кланами внутри «ядра» — клиентско-патронажной сети (политическое отношение ПО-1). Базовые причины таковы: президент-патрон собирается уходить, становится «хромой уткой»², уже не выполняет своих негласных обязательств в этом отношении: не обеспечивает безопасность (рискованно оставаться его приверженцем), ставит под вопрос благосостояние, полномочия и престиж своих клиентов-вассалов (снижаются возможности административной ренты, нет поддержки сверху для дисциплинирования распоясавшихся подчиненных).

Усиливается раскол (отчуждение, борьба, конфликтность) между самими кланами на горизонтальных уровнях (распад ПО-2 и выход ПО-3 за мирные рамки) из-за борьбы за ренту и стремлений захватить выигрышные позиции при ослаблении и вероятном падении общего патрона.

² «Когда нарастает ощущение, что президент-патрон может уйти со своего поста, и это ощущение распространяется достаточно широко, он рискует превратиться в “хромую утку”. Иными словами, если предполагается, что президент не останется у власти по истечении определенного срока, его перестают воспринимать как главную силу, формирующую ожидания всех элит. Элиты начинают думать о будущем без прежнего президента, когда, возможно, уже не он будет наивысшей инстанцией, решающей, кого наказывать, а кого поощрять. В таких условиях важнейшей задачей для элит является угадать, кто именно будет принимать решения вместо прежнего президента, т. е. с кем им следует связывать свои ожидания. Подобные ситуации таят в себе огромный потенциал для соперничества между элитными группами — даже если все элиты долгое время считались лояльными президенту» [Хейл, 2008].

Наконец, испытывает коррозию важнейшее отношение ПО-4 (солидарность «ядра» в подавлении аутсайдеров, недопущении их к власти и ресурсам), поскольку некоторые акторы (кланы «ядра») в целях пополнения своих ресурсов вступают в коалицию с аутсайдерами, тем самым делая «пробоину» в сплоченности неопатримониальных элит, открывая путь опасным для режима «несистемным» центрам влияния, массовым протестным движениям.

Здесь встает самый животрепещущий вопрос: во что превращаются терпящие глубокий кризис и распад жесткие авторитарные и тоталитарные режимы?

Несколько успешных случаев демократизации (постфранкистская Испания, послевоенные Германия и Япония, Южная Корея с конца 1980-х гг., постсоциалистические страны Центральной Европы и Прибалтики) связаны либо с прямой оккупацией демократическими странами, либо с сильным фактором внешней референции — стремлением отвечать стандартам авторитетных демократических соседей и/или геополитических спонсоров.

При отсутствии этого фактора посткризисные режимы остаются авторитарными, иногда смещаясь к частичной демократии (как в начале 1990-х гг. Азербайджан, Армения, Беларусь, Молдова, Россия, Украина), но всегда с риском возвращения к жесткому авторитаризму или даже тоталитаризму.

Понятно, что в каждом случае направление трансформации режима прямо зависит от стратегий победившей коалиции, а также от характера ее взаимодействия с оставшимися политическими силами, от распределения ресурсов между ними. Выбор стратегий победителями в первую очередь определяется *принципом подкрепления* («за счет чего победили, ту линию и будем развивать»), а также противопоставлением побежденным. Второй принцип не является однозначным: можно противопоставить себя поверженному противнику, выбирая обратные стратегии (например, вместо подавления — компромисс), а можно воспроизводить и усиливая его же стратегии («око за око», «вы давили нас, а теперь мы будем давить вас»).

Нередки случаи, когда сама победившая коалиция раскалывается после победы, и тогда характер режима определяется уже конфликтным взаимодействием между бывшими союзниками.

Подсказку дает характер *главного поля взаимодействия и решающей схватки*. Всегда яркое и политически внушительное событие насильственного свержения власти надолго остается образцом успешной стратегии для фрондирующих групп, а также ночным кошмаром для получивших власть. От рисков нового переворота правящая группа в победившей коалиции избавляется либо попытками подавления опасных соперников, успех чего определяется распределением ресурсов, либо компромиссом — «пактом о ненападении». Вероятность последнего повышается при внешней угрозе и при малом отчуждении между политическими силами, когда в конфликтный период стороны не допускали слишком агрессивных атак друг на друга и откровенного насилия.

После триумфа Б. Ельцина и его приверженцев, засевших в Белом доме в августе 1991 г., ту же стратегию в том же Белом доме попробовали

осуществить А. Рудкой и Р. Хасбулатов в октябре 1993 г., однако конфликт был решен грубым силовым образом благодаря тому, что армию удалось привлечь на сторону президента Ельцина и сподвигнуть на применение тяжелого вооружения (произведены танковые залпы).

Фактический проигрыш сторонников Ельцина на думских выборах в декабре 1993 г., успех коммунистов на выборах в декабре 1995 г. и реальная опасность их выигрыша на президентских выборах 1996 г. привели к стратегии «управляемых выборов», сохраняющейся по сию пору. Здесь разочарование правящих групп в электоральном поле привело к ставке на административные ресурсы, подкрепленные правовыми («фильтры», манипуляция электоральными законами) и силовыми (аресты сильных оппозиционеров, их сторонников, разгромы штабов), что и означает сдвиг к жесткому авторитаризму.

Перевороты в Азербайджане 1992 и 1993 гг. привели к власти Г. Алиева, который сумел не только монополизировать политические ресурсы (во многом благодаря контексту войны в Карабахе), но и передать полноту власти сыну: единственный пока полный успех династической политики на постсоветском пространстве. Здесь массированное вооружение, усиление армии, оправдываемые сохраняющимся Карабахским конфликтом, служат также важнейшими опорами сложившегося жесткого авторитарного режима.

Бурные события в Таджикистане и Кыргызстане также привели к относительно стабильным авторитарным режимам. В Армении внешний конфликт привел к власти лидеров военной победы в Карабахе, что вызвало напряжение между ними и столичным образованным классом, привыкшим к определенному уровню политических свобод и к беспрепятственным коллективным акциям. Здесь сохраняется реальная многопартийность, партии тесно связаны с группами бизнесменов. При этом полувоенное положение Армении, недоверие власти к открытой политике приводили к неустойчивости режима. Мирная революция в апреле 2018 г. при впечатляющей национальной консолидации открыла хорошие перспективы демократизации.

Во всех этих случаях большую роль играет *фактор внешней референции* — сохранение или спад ориентации на Россию как геополитического и культурного патрона, а также Азербайджана — на авторитарную Турцию, Кыргызстана — на авторитарный Казахстан.

Сложная волнообразная динамика в Грузии определяется относительным равновесием сил, когда успешные нелегитимные перевороты хоть и прекратились, но до сих пор сказываются в силовых стратегиях победителей выборов: вытеснять, арестовывать вероятных политических соперников. Эффект весьма успешных административных и либеральных реформ М. Саакашвили был подорван поражением Грузии в войне 2008 г. Судя по всему, турбулентность того или иного уровня продолжится в Грузии и дальше.

В Украине успех второго Майдана омрачается потерей Крыма, войной и продолжающимся вооруженным конфликтом на востоке страны, крайне тяжелой финансовой ситуацией государства, а также сохранением во власти

основной массы чиновной и силовой элиты, которая если не саботирует необходимые реформы, то существенно их тормозит. Здесь внешняя угроза и фактор внешней референции — ориентации на демократическую Европу — способствуют общенациональной солидарности, блокируют позывы к новому перевороту. При отсутствии унижительных для власти военных поражений и дальнейшей потери территорий здесь можно рассчитывать на продолжение демократических тенденций. Рассмотрим более детально кризис и революцию в Украине 2013–2014 гг.

4. Механизмы конфликтной динамики и революция в Украине

Бурные политические события в Украине весьма значимы во многих планах: причины нестабильности и кризисов, социально-экономическая ситуация, языковая и этническая расколотовость общества, характеристики режима, коррупция и борьба с ней, отношения Украины с Россией и странами Запада, геополитика, геоэкономика, геокультура, динамика постсоветских обществ, перспективы их демократизации и проч.

Международный конфликт, связанный с установлением военно-политического контроля России над Крымом, война на Донбассе заслонили прежние события в Киеве, однако теоретический анализ конфликтной и насильственной динамики, возможности, способы и ограничения прогнозирования хода событий остаются весьма актуальными.

Рассмотрим процессы вокруг Евромайдана с ноября 2013 по февраль 2014 года. Первая часть этого анализа была сделана до поворотных событий 18–21 февраля 2014 г., здесь излагается модель конфликтной динамики и делаются прогнозы. Во второй части сопоставим реальные события и теоретические предсказания. Также укажем на причины недостаточно точных прогнозов, рассмотрим неучтенные ранее значимые факторы динамики политического кризиса.

5. Евромайдан как социально-политический кризис режима

В главе 6 были описаны три русла развития политического конфликта: эскалация насилия с победой той или иной стороны, замирение — переход к переговорам, компромиссам и мирному политическому взаимодействию, длительная неустойчивость с рецидивирующим насилием. Там же зафиксированы условия выбора каждого пути.

Можно систематически сопоставить события конца 2013–нач. 2014 гг. в Киеве и областях Украины с указанными условиями, благо информации из разных источников достаточно. Эскизное обобщение фактов свидетельствует в пользу того, что в наличных обстоятельствах вариант скорого замирения был маловероятен. Произошла эскалация насилия, поскольку имели место обозначенные условия: провалы переговоров, накал страстей, ожесточенность и мстительность, а также ситуация «загнанности в угол» с обеих сторон.

Ключевую роль сыграл фактор наличия ресурсов для агрессивных действий. Режим Януковича еще в январе 2014 г. явно рассчитывал получить

подкрепление из восточных районов и/или из России, пустить в ход имеющиеся резервы для «решающего боя», надеясь на быструю победу. Отчасти эти надежды оправдались, но явно недостаточно для решительного психологического перевеса, ведущего к уступкам и мирной сдаче Майдана, тогда как идти на откровенное насилие и большую кровь режим был не готов.

В январе и феврале 2014 г. для поддержки киевского Майдана прибывали дополнительные силы с западной и центральной Украины. На Майдане проходили боевые учения³, все это позволяло удерживать позиции, делать отдельные вылазки, но таких сил было отнюдь не достаточно для демонстрации полного и убедительного преимущества, ведущей к относительно мирному захвату власти.

Сугубо насильственный вариант хоть и входил в планы отдельных сил Майдана («Правый сектор» и др.), но отвергался лидерами и большинством. Эскалация насилия предполагает угрозу применения и даже открытое использование огнестрельного оружия. Столкнувшись с таким сопротивлением, силы режима могут вначале реализовать свое преимущество в организации и вооружении, но при развертывании городской партизанской войны, когда внутренние запреты на стрельбу сняты, лояльность силового аппарата (того же «Беркута») режиму, готовность умирать за него будут поставлены под вопрос.

Со второй половины января в основном события шли по второму сценарию: затягивание конфликта с относительно низким уровнем насилия. Первые предложения команды Януковича, направленные на раскол Майдана, были отвергнуты. В связи с явной утратой контроля над провинциями и армией, угрозы для правящей группы стали более явными, она была больше готова на уступки, но, пользуясь формальной легитимностью президента и влиянием в Раде, скорее затягивала переговоры, все еще не оставляя надежд решить конфликт силой.

6. Радикализация протеста

Майдан явно радикализировался, протестующие испытывали все больше разочарования в переговорах, многие перестали доверять тройке лидеров. Были проведены силовые акции, даже с локальными успехами (вызвобождение арестованных товарищей «Самообороной»), однако план силового захвата власти Майданом не обсуждался и не принимался. При формальном двухнедельном перемирии накал страстей не снижался, поскольку продолжались аресты за пределами Майдана, не прекращалась активность «титушек», не было уверенности в отказе властей от новых попыток разгона протестующих, от репрессий. Главная активность была направлена на оборону Майдана, для чего стали завозить песок, поскольку февральское тепло растапливало баррикады, построенные из мешков со снегом.

³ По словам Тарасенко, представители «Правого сектора» тренировались на Майдане. «Мы не собираемся никуда уходить, мы не собираемся покидать Майдан или Дом профсоюзов, и, конечно, мы будем его защищать до последнего», — заверил активист. <http://news.liga.net/news/politics>

Решимость обороняться крепла⁴. Силловые, людские ресурсы не истощались с обеих сторон. Судя по записи добровольцев, Майдан мог при необходимости мобилизовать до 20 тыс. бойцов. Численность «Беркута» была ограничена (порядка 3 000), но к концу перемирия в столицу были доставлены дополнительные силы. Украинская армия сохраняла нейтралитет, но в своей массе была явно нелояльна власти. Регулярные части не призывались в Киев из-за опасности перехода на сторону Майдана. Вероятно, режим рассчитывал на какое-то силовое подкрепление с востока страны, но хлипкость оплаченных «антимайданов» делала такие надежды сомнительными.

Вопрос с дисциплиной был самым неопределенным (вероятно, даже для участников конфликта). Популярность лидеров каждой стороны не была высокой. Если организация, подготовка, вооружение и техника были на стороне «Беркута» и других сил режима, то готовность к самопожертвованию была явно больше на стороне Майдана.

Об уровнях сплоченности сторон судить сложнее: с одной стороны, Майдан объединял несколько боевых групп, иногда конфликтовавших между собой при отсутствии жесткой субординации и подчинения единому штабу, с другой стороны, перед лицом опасности новых атак Майдан объединялся и действовал вполне организованно, слаженно, к тому же здесь имел место авторитетный институт «коменданта Майдана», способный координировать действия обороны.

Дисциплина силовых структур режима — еще более темная материя. Явно не было письменных формальных приказов захватывать, избивать, пытать, убивать активистов, хотя рекомендации «пожестче», вероятно, были. В какой мере такие действия совершались при согласии и поощрении начальства, в какой мере они были результатом «инициативы», мести, ненависти — открытый вопрос. Важно, что все эти действия не испугали, а ожесточили протест, сделали политические требования Майдана гораздо более радикальными, привели к назреванию ответной агрессии. Нужно ли это было правящей группе Януковича?

Вплоть до решающих дней февраля 2014 г. не было понятно, какого уровня достигнет эскалация насилия, к чему приведет трагический сценарий, если стороны начнут использовать оружие для поражения противника. Обилие жертв ужасно, зато конфликт быстротечен, все решается за несколько дней, а иногда и за один-два дня.

Дело в том, что большинство участников насильственного конфликта отличаются от нескольких сотен бойцов на передовой с их ожесточенностью, мстительностью, накалом страстей, с готовностью быть ранеными, покалеченными и даже умереть. В большинстве своем люди рациональны

⁴ По данным социолога Ирины Бекешинной: «За два месяца противостояния людей, которые не собираются уходить с Майдана до отставки президента, стало гораздо больше — 86% в феврале против 30% в декабре. [...] Количество митингующих, выступающих за переговоры с властью, за этот же период уменьшилось с 45% до 27%. При этом 63% майдановцев выступают против каких-либо переговоров с властью, а 83% считают, что власть должна освободить арестованных без каких-либо условий со своей стороны» <http://www.segodnya.ua/politics/society/sociology>.

и оппортунистичны, особенно это касается линейных командиров авторитарных режимов. Крайне опасно остаться на стороне проигравших. Поэтому после быстрого перелома и яркой символической победы запускается механизм «снежного кома» перехода на сторону победителя.

18 февраля в Киеве начался полномасштабный конфликт с последующим применением огнестрельного оружия и тяжелой техники. Никем не запланированная эскалация взаимного насилия произошла в ситуации, когда силовые ресурсы накоплены, стагнация становилась невыносимой и в какой-то момент на каждое действие другая сторона стала отвечать более агрессивным действием, что включило круг положительной обратной связи.

Действительно, колонны Майдана отгнали к Верховной Раде вовсе не с целью ее силового захвата, а с целью окружить ее, пикетировать, создать обстановку давления для возврата к конституционной реформе 2004 г. На подступах к Раде протестующих встретили цепи защищенного щитами и касками «Беркута», а из-за этих цепей в протестующих полетели шумовые гранаты, камни и проч. (предполагается, что это делали «титушки»).

Затем уже начались агрессивные действия со стороны протестующих, захват штаб-квартиры Партии регионов, поджоги, потасовки, избиения и проч. В это же время другие отряды «Беркута» весьма быстро и эффективно стали разрушать баррикады на подступах к Майдану, основные силы которого были оттянуты к Раде.

Последующая более полная информация о происходивших событиях в Киеве дает другую картину. Весьма оперативно было остановлено метро, выставлены посты вокруг Киева, как по команде началась широкая пропагандистская кампания по поддержке «антитеррористической операции». По данным журналиста Сергея Лещенко, чиновников одного из госбанков предупредили в Кабинете министров Украины, чтобы те не выходили в среду на работу. Причина — готовящаяся на утро среды «жесткая зачистка» Евромайдана. Все это свидетельствует о запланированности силовой акции⁵. Отсюда следует, что освобождение заложников было обманным ходом, «военной хитростью», созданием впечатления о согласии власти на мирный политический процесс.

⁵ Убедительно писала об этом Леся Оровец; «Янукович не собирался идти ни на какие уступки с самого начала, ни на одну секунду. Все танцы вокруг политического процесса, закулисные переговоры об изменениях Конституции были нацелены только на то, чтобы заманить протестующих в ловушку. Сегодняшний день был четко спланирован и срежиссирован по крайней мере за неделю. По состоянию на эту минуту киевское метро отключено, а все въезды в Киев наглухо заблокированы. В Киеве как минимум в нескольких местах (например, общежитие КПИ) отключен интернет. В столице за несколько часов эффективно введено чрезвычайное положение, и не говорите мне, что все это было сделано без разведки, плана и подготовки. Всем понятно, что такая операция, охватывающая целый четырех-миллионный город, готовится, по крайней мере, несколько дней, а то и две-три недели. В центре Киева были собраны большие резервы милиции и внутренних войск. Подвезены наемные бандиты, они действовали единым строем с "Беркутом", кидая камни в протестующих, и были вооружены арматурой. Тактически вся операция была спланирована так, чтобы пропустить протестующих в правительственный квартал и сосредоточенными ударами рассеять их на изолированные группы. Если бы задание стояло не пропустить протестующих к Верховной Раде, был бы выставлен оградительный кордон на старом месте — на Грушевского», <https://www.facebook.com/lesyaorobets/posts/663742600328322>.

7. Динамика и перспективы вооруженного конфликта⁶

Блицкригом разгромить Майдан не удалось. Режим срочно пытается подтянуть силы, на лояльность которых рассчитывает. Так, 19 февраля министр обороны Лебедев отдал приказ отправить в Киев 25-ю отдельную Днепропетровскую воздушно-десантную бригаду «численностью 500 человек, в полном боевом снаряжении»⁷.

Ситуация обостряется, малая гражданская война в центре Киева уже идет. Здесь обычно аналитики в ужасе говорят про «непредсказуемые последствия» и замолкают. Но ведь в общем случае вариантов немного. Горячая и затяжная гражданская война с высоким уровнем насилия возможна только при полном разрушении объединяющих символов и гражданской, общенациональной солидарности, при большом потенциале живой силы и оружия с обеих сторон, при внешней систематической поддержке людьми и оружием хотя бы одной стороны, при втягивании в бои пополнения из гражданского населения. Так было в России в 1918–1920 гг., так было не так давно в Ливии, так продолжается в Сирии. В современной Украине ни одного из этих факторов не просматривается, поэтому большой гражданской войны не будет.

Теперь появляется «горячий» вопрос: кто победит при плохом сценарии эскалации насилия? Решающими здесь являются три фактора: соотношение сил, уровень «загнанности в угол» и «уровень оппортунизма».

Рассмотрим вначале два последних фактора. Побеждает та сторона, для потенциальных участников которой — линейных командиров и большинства бойцов — выше уровень «загнанности в угол» и ниже оппортунизм, т. е. готовность перейти на сторону противника или смириться с его победой. Сторона с этими характеристиками будет биться с большей решимостью и до конца, поскольку при проигрыше все равно ожидают аресты, допросы, долгое тюремное заключение, не исключены пытки или даже казнь. Если командиры и бойцы этого не боятся и готовы вовремя перейти на сторону противника без особой опасности для себя, то, видя намечающуюся чужую победу, они так и сделают.

Силовики среднего и низших звеньев авторитарного режима защищены мундирами и присягой. Они спокойно могут сдаваться, поскольку судебному преследованию за неправомерное применение силы будут подвергаться только их начальники — высшее начальство и политики. «Загнанность в угол» играет роль только для иностранных участников (советников, спецназовцев, если такие есть), но они как раз первыми и сбегут восвояси, поскольку приехали побеждать, подавлять и зарабатывать, а вовсе не жертвовать свободой и жизнями. Оппортунизм защитников режима обратно пропорционален приверженности этому режиму и его лидеру. В случае режима Януковича эта приверженность весьма низкая даже в силовых структурах, значит, оппортунизм высок.

⁶ Последующие три раздела с анализом конфликта и прогнозом были написаны к 19 февраля и опубликованы 20 февраля 2014 г. в статье «Механизмы конфликтной динамики и политическая ситуация в Украине» (Polit.ru, 20.02.2014), <http://polit.ru/article/2014/02/20/ukraine/>

⁷ <http://www.pravda.com.ua/rus/news/2014/02/19/7014700/>

Как видим, два важнейших фактора сейчас на стороне Майдана. Поэтому победить его невозможно. Даже получив подкрепление, решительный перевес сил и разгромив Майдан, режим Януковича получит изматывающую партизанскую и террористическую войну. Не получится всех запугать и комфортно заняться арестами и судами, как это вышло у путинского режима после столкновений на Болотной 6 мая 2012 г.

Вооруженное противостояние продолжается. Его ход будет зависеть от множества конкретных обстоятельств. Ситуация в таких случаях меняется с каждым часом и предсказанию не поддается. Поэтому правильнее обратиться к охватывающему геополитическому контексту и большему временному масштабу.

8. Внешний контекст: роль провинций, Запада и России

Судя по социологическим опросам Фонда «Демократические инициативы имени Илька Кучерива», страна остается расколотой. Если Запад однозначно на стороне Майдана, то на Востоке хоть и доминирует лояльность президенту Януковичу, однако около четверти населения (преимущественно образованной молодежи в больших городах) поддерживает протест⁸.

Уже начинает сказываться недовольство задержками выплат зарплат и пенсий в стране, обанкротился Пенсионный фонд. Растущее напряжение может быть превращено в агрессию как на режим, так и на протест, здесь многое зависит от направленности и убедительности пропаганды с обеих сторон: кто будет обвинен в финансовых неурядицах. Опять же эффект пропаганды будет различаться на Западе и в областях Востока и Юга, что повысит напряжение в стране, усилит тенденции к расколу страны.

В сложившейся патовой ситуации центр внимания сместился на влияние внешних сил: России, США и ЕС (с Германией, Францией и Польшей как наиболее активными игроками).

Запад действует открыто, его представители обладают высоким статусом и приветствуются обеими сторонами конфликта. Западные политики не особенно скрывают симпатий к Майдану и В. Кличко как потенциальному президенту, однако их действия блокированы формальной легитимностью власти Януковича⁹.

Сильнейший член ЕС — Германия — ограничена в своих действиях плотными экономическими связями с Россией. Продавцов в мире много, поэтому у Кремля есть рычаги давления на главных поставщиков импорта. В первые недели февраля, похоже, произошел перелом: общественные

⁸ Социолог Ирина Бекешкина: «Свежие данные. 50% Евромайдан поддержали, а не поддержали — 42%, т. е. мы видим, что не совсем пополам. Причем эти различия — региональные. Абсолютно поддерживается Майдан на западе, очень поддерживается в центре и в основном не поддерживается на юге и на востоке. Хотя есть 25%, которые поддерживают Майдан на востоке». <https://operkor.wordpress.com/2014/01/26/>

⁹ Как пишет Джордж Фридман: «Если демонстранты смогут сместить избранного президента по причине своего несогласия с его действиями, они создадут прецедент, подрывающий конституционный образ правления». <http://ru.1in.am/40517.html>

настроения в Европе, требующие более активных действий в Украине, а также явная активизация США начинают перевешивать фактор страха от того, что Кремль начнет ограничивать немецкий импорт с соответствующим ударом по экономике Германии и, соответственно, по популярности власти.

Пожалуй, наиболее эффективными являются акции Запада по «дисциплинированию» олигархов и угрозы перекрыть доступ к Европе неудобным политикам и их семьям. Последовательная политика в этом направлении вполне может лишить Януковича поддержки в собственных рядах, увеличить его податливость к существенным уступкам вплоть до отказа от административных и кадровых полномочий (в ожидании выборов 2015 г.) или ухода с поста с объявлением досрочных президентских выборов.

Жесткая, откровенно лживая российская телепропаганда против Майдана направлена на внутреннюю аудиторию и вполне действенна¹⁰. Однако другим боком та же пропаганда настраивает против Кремля (и, увы, против самой России) народ Украины, даже ее Юг и Восток, не говоря уж об украинских Западе и Центре.

Явное политическое вмешательство Кремля, его открытое участие в переговорах неприемлемо для Майдана, оно даже нежелательно для группы Януковича, поскольку делегитимирует последнего как ставленника, сатрапа опасной соседней империи. Денежный аркан (по кредитам и по газу), тайная помощь в силовых акциях (о чем постоянно говорят в Украине), поощрение раскола страны¹¹ — вот главные орудия украинской политики Кремля. Здесь видят «окно возможностей» для «воссоединения России» (фактической аннексии Востока и Юга Украины)¹².

Когда ставки в конфликте выросли до смены власти, до опасности оказаться в тюрьме или быть убитым в уличной схватке, деньги и денежный шантаж перестают быть решающим аргументом.

Тайная помощь Кремля в силовом подавлении протестов не может стать особенно масштабной именно из-за своего секретного характера. Многое зависит от готовности администраций восточных и южных областей «призвать на помощь Россию». Тогда под прикрытием «защиты русского

¹⁰ Согласно результатам Левада-Центра, в январе события в Украине большая часть россиян (44%) объясняет вмешательством Запада и националистическими настроениями (35%), что прямо соответствует направленности телепропаганды. Значительно менее популярны другие причины: возмущение коррумпированным режимом (14%), освобождение от диктата России (10%), стремление стать европейской страной (8%), гражданское достоинство (7%), протест против жестких действий «Беркута» (5%).

¹¹ См. например: «В Донецке в воскресенье, 9 февраля, прошла акция, посвященная 96-й годовщине со дня основания Донецко-Криворожской республики (ДКР). Во время акции всем желающим раздавали паспорта Донецкой республики. Всего на митинг собралось около 50 активистов. Участники акции собрались у памятника Артема, который был основателем и комиссаром народного хозяйства Донецко-Криворожской республики. При этом они представляли разные политические партии и общественные организации, сообщает Donbass.ua...» <http://nbnews.com.ua/ru/news/112681/>

¹² О четырех вариантах расширения контроля над Украиной убедительно рассказал А. Илларионов в большом интервью украинскому телеканалу. <https://www.youtube.com/watch?v=cfy5OE5FWtE>

мира от нацистов-бандеровцев» вполне вероятны силовые акции Кремля, направленные на раскол Украины. При этом широкое и скандальное вмешательство российских силовых структур в Украине блокировано зависимостью уже правящей группы во главе с Путиным от Запада как хранителя ее активов (фактор, сыгравший свою роль в отказе от захвата Тбилиси в 2008 г.). Подтолкнуть к расколу могут, нагло аннексировать при существенном сопротивлении — нет.

Как видим, внешние силы также основательно ограничены в своих действиях. Здесь вновь просматривается патовая ситуация.

9. Если опять никто не победит?

Каковы же перспективы развития ситуации, если не будет убедительной победы ни той, ни другой стороны? Согласно общей модели конфликтной динамики, в патовых ситуациях решающую роль начинают играть *дипломатия* (кто создаст коалицию с большими ресурсами для производства угроз и возможностей) и *символическая, идеологическая сфера* (чья позиция становится более легитимной, оправданной с точки зрения ценностей главных центров силы и источников ресурсов, в том числе людских и материальных).

В обоих аспектах позиции Запада и Майдана более выигрышны, во многом из-за почти всеукраинского консенсуса относительно «вхождения в Европу» и широко распространенного раздражения имперскими амбициями Кремля. Ситуация такова, что последний может рассчитывать в Киеве только на подкуп или на силовой разгон Майдана. Успех того и другого пути весьма сомнителен, зато дальнейшая дискредитация Кремля в Украине от раскрытия соответствующих усилий несомненна.

При относительно мирном развитии событий медленно, но верно будут набирать силу факторы «веса» внешних сил, коалиций и расколов между ними.

Со стороны России обычно представляется, что США и ЕС действуют заодно (например, «против России»). Однако американские аналитики, такие как И. Валлерстайн, усматривают в ситуации вокруг Украины существенное расхождение этих глобальных игроков. Валлерстайн считает, что США опасаются союза ЕС (особенно Германии) и России, настроены на раздор между ними, для чего внутриукраинский конфликт предоставляет хороший шанс¹³. Германия, как было сказано выше, во многом блокирована интенсивными экономическими отношениями с Россией, а также необходимостью согласовывать действия с весьма неповоротливым ЕС, который сам блокирован своим принципом полного консенсуса. В такой ситуации США могут выступить более напористо на стороне Майдана, пользуясь не только большей свободой оказывать финансовую помощь, но также своим главным геополитическим козырем — главенством в НАТО. Но и здесь слишком активная политика в этом направлении будет наталкиваться на нежелание слишком конфликтовать с Россией.

¹³ <https://www.iwallerstein.com/geopolitics-ukraines-schism/>

Для России же (точнее, Кремля — единственного внешнеполитического субъекта) выгодно было бы воспользоваться разрывом между США и ЕС, но для этого пришлось бы договариваться с Германией и идти на существенные уступки в украинском вопросе. Отнюдь не очевидно, что Кремль к этому готов. Зато с уверенностью можно утверждать, что агрессивная поддержка Кремлем режима Януковича устранил разногласия между атлантическими партнерами, тогда США и ЕС выступят единым фронтом, мобилизуют рычаги влияния на Кремль — и Россия рискует вновь остаться в тоскливом одиночестве, как это было в результате «победоносной» грузинской войны 2008 г.

10. Если победит Майдан: что дальше?

Как говорилось выше, в долговременном плане режим Януковича уже не может победить, даже при разгроме Майдана.

Протестное движение при условии широкой мобилизации и вовлечения силовых структур (прежде всего армии, областных органов милиции) на свою сторону сохраняет шансы на победу. Скорее всего, это выразится в формировании проевропейского временного правительства, в возврате к конституционной реформе 2004 г. и в досрочных парламентских выборах. Успех же протестных сил в любых будущих выборах (президентских или парламентских) будет зависеть прежде всего от того, удастся ли коалиции Майдана и Запада увлечь Юг и Восток Украины¹⁴ как гарантиями неприкосновенности, повышения уровня жизни, так и мечтой вхождения в Европу.

Украина переживает крайне трудные, драматичные времена. Но периоды таких кризисов дают редкие исторические шансы. Своим упорством и мужеством, подъемом национального самосознания и гордости украинцы уже показали величину потенциала своего народа. После неизбежного замирения для реализации этого потенциала для «украинского чуда» будут требоваться уже не столько удача и личная смелость, сколько разум, твердое правовое сознание, взаимное доверие, способность достигать согласия и упорный труд.

11. Прогноз и реальность

На удивление, большинство сделанных прогнозов сбылось¹⁵, причем реальность оказалась «гуще»: все произошло быстрее и интенсивнее, чем предполагалось на основе модели и данных о текущих обстоятельствах января и первой половины февраля 2014 г.

¹⁴ Павел Казарин пишет: «Юго-востоку так никто и не сказал — как именно ему предлагают жить после победы Майдана и дрейфа страны в сторону ЕС. Как ему существовать с новыми тарифами на ЖКХ, роста которых требует МВФ? Как будет жить тот же Кременчуг, в котором сегодня расположены вагоностроительный, колесный, сталелитейный и автоборочный заводы? Куда пойдут работники этих предприятий, если из-за снижения российско-украинского товарооборота заводы начнут сокращать свои мощности? На какие деньги существовать семье, весь привычный уклад которой канет в небытие? [...] В конце концов, кто-то из оппозиционеров должен набраться смелости, чтобы сказать им: “Знаете, мы о вас позаботимся”». <http://hvylyia.org/>

¹⁵ <http://polit.ru/article/2014/02/20/ukraine/>

Прогноз быстротечности конфликта при жестокости и обилии жертв («все решится за несколько дней, а иногда и за 1–2 дня») оправдался полностью: за пиком насилия 18–20 февраля последовали быстрый спад уже к вечеру 20 февраля и полное прекращение стычек и стрельбы со второй половины пятницы 21 февраля.

Роль яркой символической победы выполнили три главных события: бегство «Беркута» и сдача в плен группы его бойцов, подписание Януковичем документа с уступками, открытый переход Верховной Рады на сторону Майдана. В точности согласно модели был запущен механизм «снежного кома», когда никто не хочет остаться на стороне побежденной стороны, которую будут преследовать и обвинять за пролитую кровь.

Как разрешился конфликт в событийном плане? «Вариант скорого замирения», заявленный как маловероятный, так и не осуществился, несмотря на упорные попытки трех партийных лидеров, несмотря на распространенные надежды наблюдателей во время перемирия начала февраля. Чтобы данный сценарий отвергнуть, следовало больше знать о радикальном настрое участников Майдана («только отставка Януковича!»), лучше учесть их неподконтрольность лидерам-переговорщикам, учесть значимость настроений Майдана, ведь партийная поддержка «лидеров» в ситуации силового противостояния оказалась практически нулевой.

Относительно позиции Януковича следовало учесть информацию о том, что в последние недели он опирался преимущественно на силовой блок (это было известно по графику его встреч). Однако для руководителей силовиков уступки президента Майдану означали отмену их собственных планов и капитуляцию (как и произошло позже 20–21 февраля). Поэтому Янукович и не мог пойти на существенные уступки, пока переговоры велись только с представителями протестующих.

Сложение этих условий делало мирный компромиссный вариант неосуществимым. Предсказанная эскалация насилия состоялась 18–20 февраля. Можно ли было сделать прогноз более точным по времени? Как было сказано выше о причинах, режим проводил многосторонние мероприятия, подготавливая «наведение порядка в Киеве» — штурм Майдана.

В Сети об этом информация появилась только после начала жестких столкновений, когда было остановлено метро, обнаружены блокпосты на подъездах к Киеву и т. п. С уверенностью можно утверждать: была бы подготовка известна на Майдане, тут же это стало бы известно и в Сети. Отсюда делаем вывод о практическом отсутствии функции разведки со стороны Майдана, что делает бледнее последующие бравадные восхваления военной подготовки командиров. О том же свидетельствует и окончившийся трагически «мирный марш на Верховную Раду», когда множество неподготовленных к бою людей попросту оказались в ловушке.

Верно было предсказано использование огнестрельного оружия с обеих сторон. Значительно бо́льшая часть жертв стрельбы со стороны

Майдана (примерно, 7 к 1) указывает на верность тезиса «силы режима могут вначале реализовать свое преимущество в организации и вооружении».

Дальнейшие выводы были сделаны осторожно: про сомнительность готовности «Беркута» умирать, когда внутренние запреты на стрельбу будут сняты. Иными словами, предполагалось, что при успешном подавлении Майдана развернется городская партизанская война, а тогда «Беркут» и прочие «силы безопасности» разбегутся, поскольку привыкли к подавлению лишь безоружных, а лояльность режиму и президенту Януковичу минимальна.

В реальности же все произошло по гораздо более быстрому и яркому сценарию. В ночь с 19 на 20 февраля Майдан был сдавлен до предела и почти разгромлен. Однако люди не побежали: более того, с Майдана не ушли женщины, девушки, пожилые люди, которые продолжали подносить булыжники на передовую. Стрельба и решимость украинцев защищаться — вот что остановило атаку на Майдан. Позже защитники Майдана признавались, как сильны были страх и желание убежать от кошмара стрельбы, крови и смертей. Про идеи и политические цели никто тогда вовсе не думал, а главным мотивом оставаться в строю было сознание того, что при бегстве пострадают девушки, женщины, старики в тылу Майдана.

Такова ситуативная динамика силового противостояния, показывающая, насколько важна поддержка бойцов мирными гражданами. Также решимость отстоять Майдан подкрепляли надежды на прибытие подкрепления, знание о поддержке в провинциях (на Западе Украины и не только), где граждане и власти отказались признавать власть в Киеве, предпринявшую кровавое подавление протеста.

Сами волны захватов и возвратов административных зданий в провинциях сторонниками Майдана прямо зависели от сведений о меняющейся обстановке в Киеве. Здесь видим самоусиление протеста через замыкание кругов положительной обратной связи. Разрастание кровопролития в Киеве быстро активизировало европейские власти и радикализовало их угрозы (вероятно, как раз связанные с зарубежными активами Януковича, его семьи и приспешников).

По не совсем понятным пока причинам засевшие на крышах снайперы стреляли и по участникам Майдана, и по бойцам «Беркута». По всей вероятности, это была часть стратегии спровоцировать бойню как оправдание для последующего введения ЧП, широкого применения автоматического оружия. Автоматы использовались силами режима днем 20 февраля, что и привело к десяткам жертв среди протестующих. Однако Майдан вновь не сдался.

Важнейшую роль сыграли три события. Во-первых, со стороны Майдана тоже начали отстреливаться. Во-вторых, начались переговоры Януковича с прибывшими главами МИД Германии, Франции и Польши. В-третьих, Янукович убедился после телефонного разговора с Путиным

в ночь с 20 на 21 февраля, что военной помощи от России ему ждать не приходится¹⁶.

К тому же заработало метро, выставленные блокпосты проигрывали бои прибывавшим сторонникам Майдана. Начали поступать сообщения о дружном бегстве из Киева сыновей Януковича, видных членов Партии регионов и членов правящего клана. Стало ясно, что массированная атака на Майдан, попытки *de facto* ввести чрезвычайное положение в столице и стране провалились. Атаки «Беркута» прекратились, установилось негласное перемирие.

12. «Снежный ком» режимного коллапса

Дальше действовала уже не военная, а политическая, дипломатическая и социально-психологическая логика. Оказалось, что само сохранение Майдана с горсткой измученных бойцов и их помощников — это уже победа протеста в сложившихся условиях.

Как именно произошел крах? Утром в пятницу 21 февраля уже бойцы Майдана нарушили перемирие, пошли в атаку, стали обращать в бегство неготовый к такому повороту событий «Беркут». Командиры и рядовые бойцы сил режима стали переходить на сторону Майдана, уходить с позиций, отказывались получать автоматическое оружие, почувствовав, что надежд на скорую победу нет, а опасность быть обвиненными в стрельбе по народу растет с каждой минутой. Часть беркутовцев засела в правительственных зданиях с готовностью стрелять, однако, Майдан благоразумно остановил наступление.

Во второй половине того же дня Янукович пошел на серьезные для себя уступки, согласившись на досрочные выборы, было подписано известное соглашение между ним, оппозицией с визами западных посредников (прибывший к концу переговоров представитель от России Лукин от подписи воздержался).

К вечеру пятницы на Майдан вновь стали стекаться десятки тысяч мирных граждан. Чувствуя свою силу, Майдан отверг заключенный договор и пригрозил захватом правительственных зданий, если Рада не добьется отставки Януковича. Тот облегчил задачу, улетев в Харьков, и на следующий день, в субботу 21 февраля, был низложен Радой как «самоустраивавшийся».

Если главный прогноз оправдался (даже с более быстрыми и яркими событиями, чем было предсказано), то можно ли было предвидеть на осно-

¹⁶ «Как вспоминает Сикорский (тогдашний министр иностранных дел Польши. — Н. Р.), даже когда договорились о переносе выборов, Янукович отказывался назначить конкретную дату. “Вы должны объявить дату своей отставки”, — сказал Сикорский президенту. Янукович весь побелел, но не пошел на уступки. “Вскоре после этого Януковичу позвонил по телефону Путин”, — пишет газета. После звонка Янукович “согласился ограничить время своего пребывания в должности”, — сказал Сикорский в интервью The New York Times. “Благодаря этому все стало возможным”, — добавил он. Неназванный западный дипломат говорит: “Мы слышали похожую версию: Янукович спросил Путина: “Вы меня поддержите и пришлете войска?”, а Путин сказал: “Нет”».». <http://www.online812.ru/2014/02/27/007/>

ве имеющейся модели, что события произойдут столь скоро? Пожалуй, нет. Не хватило бы даже инсайдерских знаний о величине сил с обеих сторон, их готовности убивать и умирать. Три фундаментальных обстоятельства препятствуют точности прогнозов (см. Методологическое введение).

Серия наблюдений за поведением бойцов в прошлых стычках дала бы полезную информацию. Именно на этой основе был выдвинут тезис о более высоком уровне самопожертвования и решимости стоять до конца на стороне Майдана. При этом состав бойцов «Беркута» менялся, а защитники Майдана впервые столкнулись со стрельбой и десятками смертей. Видимо, сыграл большую роль фактор «загнанности в угол» (для протестующих опаснее оказаться в итоге в проигрыше, чем для их противников, защищенных формой и присягой).

В-третьих, скорость и интенсивность процессов перемены власти определяется тем, когда и какие именно сложатся круги положительной обратной связи из серий событий, каждая из которых недостаточна, а вместе дают качественный, структурный эффект. В данном случае на одной стороне были превосходство в силе, жестокость «Беркута», снайперы на крышах, бегство многих командиров с Майдана и почти полная потеря управления обороной, грамотная остановка метро, приведшая к тому, что киевляне оставили Майдан в одиночестве, выставление блокпостов на дорогах, чтобы не пропустить подкрепления с Запада Украины.

Могли эти события сложиться в цепь, ведущую к полному разгрому Майдана? Да. Наступил бы после этого период реакции, некоторой консолидации режима (даже при начале партизанской войны, которую тут же расценили бы как ужасный терроризм)? Да. Однако события пошли по другому руслу.

Что же было на другой стороне? Конечно же, удивительное, отчаянное мужество последних защитников Майдана, среди которых мало оказалось матерых «афганцев», а в большинстве были шуплые юноши, мальчишки¹⁷. Не менее удивительно, что несколько тысяч человек, измученных, замерзших, в числе которых было много девушек обычного офисного вида и женщин, даже пожилого возраста, не уходили, помогали, как могли, защитникам. Увы, сыграло роль применение оружия, ответный огонь в сторону атакующих сил режима. Беркутовцы «не подписывались» идти под пули.

Передышка вечером 20 февраля совпала с приездом представителей ЕС, Германии, Польши. Видимо, уже тогда руководители сил режима осоз-

¹⁷ «Действительно стыдно, когда дети на передовой умирают, бежать. Как я уже заметил, что ребят никто не координирует, максимум сотни, вчерашние плиточники с западной Украины. Понимал, что Гриценко на передовой мог бы помочь майдану, но опытный глаз генерала определил, что шансов нет. Не скрою, хотелось побегать за честным генералом, да ну его все нахер, у меня 5-летний сын и т. д. Но не смог себя убедить, хотя аргумент вроде жесткий. Кстати, афганцы, помните, в мирное время ими майдан буквально кишел. Не спорю, кто-то был, но той массовости среди оборонявших явно не было. Спины первого ряда — худенькие спинки подростков. Когда менялись, тоже не видел характерную форму афганцев в первом ряду». Голубуцкий Володимир. Кто убрал президента // Украинська правда. 26.02.2014. <http://www.pravda.com.ua/columns/2014/02/25/>

нали, что заранее подготовленный план «зачистки» Майдана срывается. Командиры рекомендовали бойцам «Беркута» срывать погоны и уходить врассыпную. Силы режима дружно стали оставлять позиции, после чего уже и покатился во всю силу «снежный ком» триумфа Майдана.

13. Бегство президента и напряжения Юго-Востока

Предсказание относительно поведения президента Януковича отчасти сбылось: именно после жесткого вмешательства представителей Запада он пошел, наконец, на серьезные уступки, объявил досрочные президентские выборы. Зная о готовящемся съезде в Харькове, можно было, наверное, предсказать его отъезд из Киева, но последующее поведение с отказом от участия в съезде и попытками бежать в Россию явно было ситуативным, здесь складывалась и стала главным фактором волна уже личных угроз для Януковича как часть «снежного кома» смены власти и победы Майдана.

В свою очередь, бегство Януковича из столицы и исчезновение из поля зрения довершило победу его противников. Рада, принимавшая по его указке репрессивные законы 16 января (что, впрочем, было сделано с большими нарушениями, чтобы не сказать — жульничеством¹⁸), отрешила Януковича от президентского поста и тут же занялась увлекательным делом дележа правительственных постов. Достаточной информации о соотношении разных настроений (промайдановских-антироссийских и антимайдановских-пророссийских) в областях Востока и Юга не было.

Мой прогноз был осторожным: «Многое зависит от готовности администраций восточных и южных областей “призвать на помощь Россию”. Тогда под прикрытием “защиты русского мира от нацистов-бандеровцев” вполне вероятны силовые акции Кремля, направленные на раскол Украины». Прогноз подтвердился. Сразу после помпезного антимайдановского съезда в Харькове его лидеры почему-то сбежали. Возвратившись, тут же распустили «Украинский фронт» (собственно, оргструктуру «титишек», призванных бороться с «бандеровцами») и поклялись в лояльности новой киевской власти. Зато потом неоднократно предпринимались попытки захвата административных зданий в областных центрах Юго-Востока, имели место столкновения, драки, в которых, по многим свидетельствам, участвовали специально завезенные «туристы» из соседних российских областей. С помощью «зеленых человечков» Кремлем был присоединен Крым. Началась история бурного начала и угасания «Русской весны», следствиями чего стали проблемы Крыма, санкции, война и продолжающийся конфликт на Донбассе.

¹⁸ «1 декабря 2014 года Генеральная прокуратура Украины объявила Владимиру Олейнику и Игорю Калетнику о подозрении в организации незаконного голосования в Верховной Раде 16 января. По версии ведомства, они заранее подготовили протоколы заседания Счетной комиссии и указали в них результаты еще не проведенного голосования. Оба были объявлены в розыск, так как находятся за пределами Украины. 16 февраля 2015 года Генпрокуратура предъявила бывшему председателю фракции Партии регионов Александру Ефремову подозрение в незаконном содействии принятию законов 16 января 2014 года» (Википедия. Статья «Законы 16 января»).

14. Ошибки прогноза

Сосредоточим внимание не на совпадениях, а на неточностях и ошибках, — в теоретическом плане работа с аномалиями (фальсифицирующими фактами) гораздо полезнее, чем демонстрация верности предсказаний. Рассмотрим, что из предсказаний не подтвердилось и почему.

В прогнозе была сделана ошибка относительно более активной роли США в преодолении украинского кризиса. На деле основной вклад внесли европейцы. Причины этого промаха до сих пор непонятны. Можно предположить только, что американская администрация, озабоченная проблемами Сирии и ядерной программы Ирана, не успевшая по-настоящему «вступить в игру» в Украине, в большей мере опасалась конфронтации с Кремлем и поэтому ограничилась лишь дежурными призывами к ненасилию, тогда как немецкая и польская стороны, ощутив опасную эскалацию насилия почти рядом со своими границами, проявили существенную и эффективную активность, склонив Януковича к уступкам, что положило конец кровопролитию.

Урок состоит в том, чтобы лучше учитывать факторы расстояния (США дальше), взаимозависимости в текущих важнейших делах геополитики и дипломатии (США больше опасаются конфронтации с Россией), а также резкое снижение значимости экономических интересов для европейских политиков, когда речь идет о жестокой резне в самой Европе.

Предполагалось, что при достижении уступок от режима первоочередными будут досрочные парламентские выборы. Эта гипотеза основывалась на предпосылке о том, что Янукович «останется в игре» хотя бы на несколько месяцев, а будучи главным переговорщиком со стороны режима скорее пойдет на перевыборы Рады, а не на президентские. Кроме того, Рада сильно скомпрометировала себя принятием репрессивных законов 16 января. По состоянию на конец февраля высшим легитимным органом власти в Украине являлась как раз Рада, самораспускаться она не собиралась, согласовывала свои решения с лидерами Майдана, некоторые из которых уже вошли в силовой блок Правительства.

Как известно, в Крым под видом «отрядов самообороны» были направлены из России немалые силы как морем, так и сушей¹⁹. В предсказании было зафиксировано, что вследствие блокирующей зависимости внешней политики Кремля от Запада «подтолкнуть к расколу могут, аннексировать украинскую территорию при существенном сопротивлении — нет».

События в Крыму с конца февраля стали неожиданностью для всех. Без должного учета оказался фактор внешнеполитического настроя Путина и его советников, готовность использовать доводы «нелегитимности» новой власти в Киеве для хотя бы частичного исправления «главной геополитической катастрофы» — распада СССР. Сюда же наложился обнаружив-

¹⁹ «Эскадра Черноморского флота РФ, вернувшаяся 25 февраля из Сочи, привезла 11 тысяч бойцов десанта с вооружением. Об этом сообщают источники BSNews в Севастополе. Два заполненных вооруженными бойцами военных автомобили замечены в Ялте. Два военных автомобиля «Урал» с российскими номерами въехали в Ялту сегодня примерно в 17 часов». <http://www.blackseanews.net/read/77096>

шийся фактор полной беспомощности украинской армии и военного руководства в Киеве. Лидеры Запада и Украины, несмотря на громкие заявления, пока что смирились *de facto* с присоединением Крыма к России.

15. Переворот или революция?

Что же произошло в Украине? Государственный переворот? Узурпация власти? Революция? Оставив в стороне идеологизированные клише, сопоставим украинские события с определением социальной революции, данным в главе 4: *«возможное следствие социально-политического кризиса государственного режима с таким уровнем обострения конфликта, что из-за массовых протестов и восстаний власть испытывает реальную угрозу свержения, причем в ходе событий существенно преобразуются отношения и институты политического взаимодействия»*. Почти все признаки данного определения налицо: кризис режима, обострение конфликта, массовые протесты и восстания, не просто угроза, но реальное свержение верховной власти — бегство и низложение президента.

Для положительного суждения о преобразовании отношений и институтов политического взаимодействия в постмайданной Украине требуются критерии, показатели и систематический анализ данных. Разумеется, преобразования идут, достаточно упомянуть реформу полиции, обязательность декларирования доходов чиновниками любого уровня, но вопрос о «существенности» остается открытым. Иными словами, революция в Украине произошла и победила, но успешность ее результатов в плане построения правового, демократического, динамично развивающегося и богатейшего общества зависит теперь от дальнейшего развития как внутренних, так и внешних политических процессов.

Во внутренней политике главный вопрос состоит в том, удастся ли преодолеть клановую структуру неопатримониализма (патронального режима по Г. Хейлу [Hale, 2015]). По многим признакам, в результате победы Евромайдана победу просто одержал один из кланов, возглавляемый Петром Порошенко. Так, Андреас Умланд пишет:

«...несмотря на выраженно антиолигархическое направление протеста, один из наиболее известных олигархов Петр Порошенко был избран президентом в мае 2014 года и заменил Януковича на месте главного патрона в неопатримониальной политической системе Украины. Характерно, что кандидатура Порошенко для президентства была согласована на полусекретной встрече, пожалуй, с самым одиозным украинским магнатом Дмитрием Фирташем и тогдашним лидером опросов общественного мнения Виталием Кличко в Вене в марте 2014-го года, через месяц после победы Евромайдана. Этот стговор, как и другие подозрительные события вокруг победы Евромайдана, уже тогда заставляли усомниться в том, что украинский режим действительно изменился в корне Революции Достоинства. [...] Патрональный режим может проводить и существенные экономические и административные реформы, если при этом ему удастся сохранить

функционирование господствующей неформальной пирамиды и сбегать основные источники власти, влияния и доходов. Этот трюк, например, можно повернуть через разделение, изоляцию, имитацию, дробление, продление, ограничение или манипуляцию реформами. Такое размывание реформаторских проектов позволяет режиму постепенно приспосабливаться к изменившемуся положению дел, придумывать новые или заново изобретать старые схемы изымания рент, адаптировать структуру и эксплуатацию господствующей пирамиды к новым обстоятельствам» [Умланд, 2017].

В настоящее время главный вопрос заключается в том, какой фактор окажется сильнее: либо вполне реальные антикоррупционные реформы, не без труда реализуемые в Украине под давлением Европейского Союза, США и вдохновленного Майданом гражданского общества, либо гибкая, устойчивая, высокоадаптивная клановая система неопатримониализма, обеспечивающая коррупционной рентой политические, экономические, силовые элиты²⁰.

Эта борьба будет продолжаться под сильнейшим влиянием внешних факторов, прежде всего продолжающегося военного конфликта на Донбассе вкуче с геополитическим давлением со стороны Кремля и влиянием ведущих держав Запада, которые торопят с реформами, морально, политически и финансово поддерживают, начали оказывать и военную помощь. Как всегда, сила центрального (президентского) клана будет во многом определяться престижем на внешней арене (закон Вебера). Пока что здесь ситуация двойственная: теплый прием Петра Порошенко на Западе уравнивается досадным закреплением потери Крыма и части Донбасса, отсутствием военных побед, продолжающимися жертвами.

Внешнеполитический провал Украины приведет к власти другой клан или коалицию кланов, политику которых пока вряд ли можно предугадать²¹. Убедительная победа (пожалуй, возможная лишь при серьезном

²⁰ «Антикоррупционные меры, правила и институты, которые совместно продавливаются и защищаются нетерпеливыми украинскими активистами и отрезавшими западными посольствами, развили опасную динамику. Их дальнейший подрыв различных коррупционных схем Украины может ослабить клан Порошенко по сравнению с другими кланами, на заре президентской кампании 2019. Или он может даже означать начало демонтажа патроналистского режима в целом и его поэтапную замену политической системой, содержащей настоящие политические партии и которую регулирует закон. Оба эти результата означали бы конец правления Порошенко, возможно, даже до 2019-го года — если только нынешний президент не сам еще станет лидером антикоррупционной кампании, перехода к постпатроналистскому строю и создания действительного (а не псевдо-) правового государства с реальной (а не театральной) многопартийной системой» [Умланд, 2017].

²¹ Специалист по постсоветскому неопатримониализму («патрональным режимам») Генри Хейл утверждает: «Патрональное президентство является неделимой сущностью. Это означает, что, когда президент так или иначе оставит свой пост, огромная президентская власть достанется только одной из многочисленных групп его сторонников, в то время как все другие фактически не получают ничего» [Хейл, 2008]. Однако, традиционная полицентричность политикума в постсоветской Украине, эффект проводимых реформ и умеренное геополитическое давление извне вполне могут привести к власти пакт элит, настроенный на передачу верховной власти по демократическому принципу. См. геополитическую теорию происхождения коллегиальной власти и демократии в «Макроистории» Р. Коллинза [Коллинз, 2015, гл. 4].

кризисе режима в России) укрепит престиж и могущество президентского клана в Киеве, что вовсе необязательно побудит его развивать демократические и правовые реформы, всегда опасные для сохранения властной монополии.

16. Революции и трансформация режимов: возможности, границы и перспективы теоретизации

Закономерности конфликтной динамики и смены политических режимов есть, они действуют. Отметим, что понятийные конструкции, универсальные закономерности социальных, политических изменений (главы 1–2), механизмы и тренды режимных трансформаций, модернизации (главы 3–4), принципы конфликтной динамики (главы 5–6) были сформулированы в общих терминах, без привязки к конкретным историческим событиям. Они опробованы для теоретической интерпретации государственных распадов, Большой русской революции, политической турбулентности в России 1917 г., решающих дней Февраля в Петрограде (главы 7–10) и вполне могут быть применены, проверены на множестве иных случаев в других культурах и других эпохах.

Вместе с тем следует признать, что приведенные объяснения далеки от гемпелевского канона полноценного научного объяснения [Гемпель, 2000]. Формулировки универсальных гипотез (принципов) были даны, но не было строгого систематичного указания начальных условий, соответствующих требованиям этих гипотез. Ситуация осложняется тем, что в реальной жизни, тем более в революционные периоды с острыми конфликтами, перетекающими друг в друга, одновременно потенциально действительны несколько закономерностей. Поэтому поступки, стратегии сходных акторов в сходных ситуациях нередко радикально расходятся. Для полноценного объяснения (тем более предсказания, насколько оно вообще возможно) здесь необходимы сравнительные оценки силы факторов, действующих в разных направлениях [Разработка и апробация... 2001]. Если для явлений и процессов уровня макро- и мезо- данные для такого рода оценок еще можно получить, пусть неточные, неполные, косвенные данные, то для уровней микро- и ультрамикро- это представляется недоступным.

Кроме того, используемые в формулировках психологические концепты — «картины мира», «установки», «идентичности», «интересы», «стремления», «принятые ценности», «ощущаемые угрозы», «образы происходящего», «поведенческие стереотипы», «арсенал стратегий» и т. п. — делают проверку гипотез на историческом материале крайне затруднительной, если вообще возможной. Есть два выхода из этой ситуации:

- 1) полностью элиминировать субъективистские элементы из формулировок принципов, т. е. пойти по пути радикального объективизма, как в классическом бихевиоризме или в современных подходах поиска корреляций по статистическим данным, математического моделирования исторической динамики;

- 2) не отказываться от вполне конструктивных понятий из субъективной сферы (см. выше), получать сведения о ментальных реалиях через анализ и реконструкцию всевозможных свидетельств: протоколов заседаний, мемуаров, писем и прочих источников, но не просто фиксировать их, а включать в логику постановки и проверки теоретических гипотез.

Оба подхода оправданны и полезны, но если первый уже уверенно развивается в форме *клиодинамики* [Турчин, 2007; Коротаев, 2010], то второй пока что остается заманчивой и почти не разработанной исследовательской перспективой.

27 выделенных революционных волн, а также революционные события первых десятилетий XXI в. представляют хорошие возможности для теоретического осмысления. Первые — благодаря большим объемам исторических материалов для систематических сравнительных исследований, вторые — благодаря накопленным экономическим, демографическим данным, результатам социологических, антропологических, политологических исследований, детальной документированности огромного количества событий, причем даже на уровне индивидов, микроситуаций, их восприятия участниками и свидетелями, зафиксированного в блогах и обсуждениях на многочисленных сайтах, форумах, в социальных сетях.

Понятна также наиболее перспективная направленность теоретических исследований: уточнение условий уже сформулированных и новых закономерностей кризисной и революционной динамики, проверка соответствующих гипотез на основе интеграции уровней анализа макро-, мезо-, микро- и ультрамикро-. В предыдущих главах разработано множество понятийных конструкций, связи между разноуровневыми концептами, принципы динамики:

- базовые стремления, три типа комфорта, габитусы и пять типов установок;
- интерактивные ритуалы как социальные «машины» по укреплению и трансформации установок участников через оперантное обусловливание;
- механизмы выбора поведенческих стратегий компромисса или подавления, предпочтения союзников, факторы решимости к протесту и насилию; причины эскалации и угасания конфликтов;
- природа социальных отношений и институтов на основе установок и регулярных ритуальных взаимодействий; типы и иерархия политических отношений; роль конфликтов и договоренностей в разрушении, трансформации и установлении новых отношений и институтов;
- связь легитимности с групповыми и массовыми установками, типы легитимности и закономерности динамики этих типов в кризисные периоды;
- поля взаимодействия, принципы удержания и смены этих полей, причины побед, поражений, патовых ситуаций и их последствия;
- предметы заботы — гомеостатические переменные, активность обеспечивающих структур (институтов и практик), их привлекательность и инвестиции, издержки, напряжения, ресурсы, ущерб;

- связь соответствующих факторных моделей с акторными моделями расстановки сил и численными макропоказателями;
- связь между революциями в разных обществах, модели динамики революционных волн, роль внешних держав, причины их поддержки протестов или режимов в обществах, переживающих социально-политический кризис, революцию.

Интерпретация революционных процессов и событий хоть отдаленных прошлых эпох, хоть современности в этих терминах имеет самостоятельную ценность, поскольку позволяет формировать общую картину социально-исторического бытия, демонстрирует применимость базовых социологических категорий и моделей даже к периодам высокой конфликтности и турбулентности.

Сама эта интерпретация (переназывание и установление связей) не является полноценным научным объяснением, зато дает богатейшие возможности для постановки «хороших вопросов». Ответы на вопросы об условиях изменений, полученные на основе эмпирических исследований, сравнений, их логического анализа, проверки гипотез дадут продвижение уже в плане теоретического знания о причинных и движущих силах исторической динамики.

Сциентистские мечты о полном «лапласовском» объяснении всего и вся в истории давно отброшены. При этом теоретическое объяснение, пусть неполное, но с явной формулировкой и проверкой гипотез является гораздо более плодотворным для развития исторического и социального познания, чем обычные мантры об абсолютной «уникальности» явлений прошлого, об «отсутствии» или «непознаваемости» исторических закономерностей, о «неподдающемся никакому разумному объяснению хаосу революционных событий».

Глава 13

Принципы и критерии легитимности постреволюционных режимов¹

1. Фокус внимания — антиавторитарные революции

Наступивший период глобальной турбулентности (начало которого можно датировать либо с терактов «9/11» 2001 г. в США, либо с мирового экономического кризиса 2008 г.) делает социально-политические кризисы и революции более вероятными и частыми явлениями.

Оставим за скобками классические (неконституционные) монархии и те политические движения, перевороты в монархиях, которые не ставят цель перехода к республиканскому строю, т. е. ищут легитимность не на демократических, электоральных, а на династических принципах.

Далее пойдет речь преимущественно о современных и будущих революциях, обычно направленных против авторитарных режимов, которые в большей или меньшей мере имитируют демократическое устройство (с выборами, парламентом, широким избирательным правом и т. п.). Назвать такие революции «демократическими» некорректно, поскольку новый режим далеко не всегда становится подлинно демократическим (недавние примеры: революции в Египте, Ливии, Грузии, Кыргызстане).

Поэтому остановимся на преднамеренно широком определении — *антиавторитарные революции*. В этом понятии содержится известная старинная максима: при подлинной демократии революция не нужна. Если же революция происходит, значит, поднявшие ее возмущенные группы и поддерживающие их массы не только не имеют, но и не могут получить реальных рычагов влияния на власть, реальных возможностей продвижения своих лидеров во власть, как это должно быть обеспечено в подлинной демократии.

Далее рассматриваем только «успешные» — удавшиеся — революции, которые привели к смене власти (мирным или насильственным путем).

Каждый постреволюционный режим сталкивается с острыми проблемами внутреннего и внешнего признания — легитимности². Далее будет использована новая типология легитимности (см. главу 1).

2. Правовой разрыв при смене власти и проблема легитимности

Вряд ли нужно обосновывать, что при успешной революции, включающей смену власти, *всегда* нарушаются те или иные законы, — значит, имеют место правовая прерывность и ущерб в отношении *формально-правовой*

¹ В основу главы положен текст одноименной статьи (Полис. 2014, № 5. С. 90–107).

² «Теперь легитимность становится признаком демократической организации власти, в противном случае говорят об узурпации власти, о ее нелегитимности, что, в свою очередь, ослабляет власть» [Мирзоев, 2006, гл. 1].

легальности. Правовая прерывность — важнейший фактор делегитимации. Сама устойчивость новой власти более всего зависит от получения *силовой легитимности* (поддерживают ли революционеров-победителей армия и полиция), которая, в свою очередь, испытывает влияние *авторитетной легитимности* (позиции церкви, высших судебных инстанций, лидеров общественного мнения), *бюрократической легитимности* (поддержка со стороны государственного аппарата в центре и на местах — чиновничества), *международной легитимности* (признание соседями и влиятельными державами) и *популярной легитимности* (поддержка широких масс).

Революционная смена власти далеко не всегда сразу приводит к стабильному новому режиму. Иногда период переворотов, гражданских конфликтов и войн, вкупе с международными войнами, сепаратистскими движениями затягивается на десятки лет (например, Синьхайская революция, вспыхнув в 1911 г., только в 1949 г. завершилась установлением коммунистического режима в материковом Китае). Здесь отвлечемся от революционной динамики (см. главы 5–6) и рассмотрим только вопрос оснований легитимности постреволюционной власти и нового режима.

Когда режим достигает устойчивости (без новых переворотов хотя бы на протяжении одного поколения — 20–30 лет), это уже означает обретение *силовой легитимности*, а также критического минимума *авторитетной*, *бюрократической* и *популярной легитимности*. В плане *международной легитимности* такие режимы обычно признаются другими государствами *de facto* (их не пытаются свергнуть путем вторжения, начинают торговлю и прочие взаимодействия). Признание *de jure* зависит не только и не столько от формальной законности (которая всегда была в какой-то мере нарушена), сколько от неправовых факторов: геополитических и экономических интересов. Этот аспект интересен в историческом плане и в теории международных отношений. Нас же здесь интересует философско-правовая сторона вопроса: каковы принципиальные основания признания постреволюционных власти и режима легитимными?

3. Уровень оправданности правового разрыва

Первое, на что следует обратить внимание: насколько были оправданы сама нештатная (принудительная, насильственная) смена власти и соответствующее нарушение действующих законов? Установим следующий принцип: общеправовая легитимность революционной смены власти тем выше, чем менее легитимны прежняя власть и режим. Дело здесь не в «перетекании» легитимности (подобно флогистону), а в том, что крупные правовые нарушения прежней власти оправдывают политическую борьбу с ней.

Как же мерить легитимность? Здесь мы сразу сталкиваемся с опасностью соскользнуть к партийным, идеологизированным оценкам, которые всегда доминируют при политической поляризации в революционный период и надолго сохраняются. Ни массовая поддержка (*популярная легитимность*), ни внешнее признание (*международная легитимность*), ни тем более лояльность аппарата принуждения (*силовая легитимность*) не могут

в данном случае служить критериями. Опирайтесь следует только на *правовую легитимность*, но и здесь нас поджидают трудности.

В первую очередь, следует обратиться к *формально-нормативной легальности* — принципу позитивного права. Власть делегитимирует себя, когда нарушает собственные законы, но не по пустякам, а в связи с правами и свободами граждан, с насилием и контролем над насилием. Если в Конституции фиксированы права граждан на мирные собрания, на свободу слова и печати, если действующими законами запрещено разгонять, избивать, задерживать мирных демонстрантов, тем более наносить увечья и стрелять в них, то власть, допускающая противоречащие этим нормам действия, не наказывающая тех, кто отдавал такие незаконные приказы, существенно себя делегитимирует.

При усугублении нарушений, что выливается в откровенную войну против протестующих (многократные избиения и убийства), мятежи становятся уже не преступлениями, а реализацией *права народа на восстание*. Соответственно, при смене власти уровень легитимности революции и нового режима становится высоким, поскольку опирается на утерю легитимности прежней властью. Здесь необходимы следствие и состязательные судебные процессы, причем не только против представителей прежней власти, но и против тех участников, лидеров протеста, кто допускал неоправданное насилие (а для новой революционной власти предъявлять им претензии всегда крайне трудно).

4. Легитимно ли нарушение нелегитимных законов?

В тоталитарных, откровенно авторитарных режимах, а также во многих имитационных демократиях (где подзаконные акты и практики государственного насилия существенно противоречат красивым нормам Конституции) законы издаются *репрессивные*, или *полицейские*, — полностью связывающие руки оппозиции, протесту и полностью развязывающие их силовому аппарату принуждения. Режим действует вполне жестоко, беспощадно, но — «по закону», а протестующие не то что не имеют права сопротивляться, но могут сесть в тюрьму только за «причинение нравственных страданий» охранникам или полицейским³.

В таких ситуациях опираться на *формально-нормативный принцип* уже нельзя. Зато остается *общеправовой принцип*, согласно которому полицейские законы могут и должны быть признаны нелегитимными. Трудность здесь заключается в том, что, не будучи четко зафиксированным на бумаге («позитивно»), общеправовой принцип имеет несколько расплывчатый

³ «Правоохранительные органы, спецслужбы и внешнеполитическое ведомство лишаются легитимности не только из-за обвинений в том, что они выполняют липовые, произвольные законы. Главным становится обвинение в обслуживании правоохранительными органами интересов верхушки власти, кланов и некоторых из олигархов, т.е. в отступлении даже от плохих законов. Поскольку интересы эти своекорыстные, то и деятельность государственных органов нелегитимна. Понятно, что руководитель даже самого среднего уровня задумается о своей судьбе, получив “черную метку” штурмующих власть, и в большей мере будет заботиться о себе, чем о выполнении закона» [Мирзоев, 2006].

характер, и это делает апелляции к нему уязвимыми. Радикалы и погромики с готовностью используют эту уязвимость, прикрывая свои неблагоприятные действия «протестом» против «ужасного кровавого режима» и его «несправедливых полицейских законов».

Таким образом, встает непростая задача пройти между Сциллой и Харибдой. В идеале нелегитимные законы должны быть вначале опротестованы, например, через иски в Конституционный суд, в международные суды. Однако репрессивный режим обычно научается защищать себя от таких неприятностей: в Конституционный суд набираются только послушные судьи, а смельчаков, добирающихся до международных судов, всегда можно ущемлять и запугивать со многих сторон: от увольнения и закрытия бизнеса до избиений и угроз семье.

В этих условиях приемлемая форма опротестования нелегитимных законов — это публичное заявление в прессе и Интернете об их неправомерности с требованием их отмены, которое может быть и анонимным в случаях особо жестоких практик репрессивного режима. Если в этом заявлении убедительно доказано несоответствие полицейских законов либо конституционным нормам, либо международным документам о правах и свободах человека, либо общеправовым принципам, если в течение времени, достаточного для отмены закона (от недели до месяца), власть закон не отменяет, тогда действия протестующих, нарушающих этот закон, должны считаться легитимными, а репрессии против них — преступными.

5. Может ли быть оправдан вооруженный мятеж?

Крайне острым и непростым является вопрос об оправданности применения оружия протестующими (повстанцами). Полный запрет со стороны государств на использование ими какого-либо оружия или его подобия в политической борьбе вполне понятен и оправдан: в его основе лежит классическая идея Макса Вебера о государственной монополии на легитимное физическое насилие в границах самого государства. Кроме того, в современной общественной и политической мысли протестного толка произошел явный крен в сторону дискредитации вооруженного революционерства (с героями и пророками типа Троцкого, Ленина, Мао, братьев Кастро, Че Гевары) и проповеди мирных акций сопротивления (*a la* Ганди и Мартин Лютер Кинг), ярко воплощенной в популярной книге Дж. Шарпа [Шарп, 2012].

Есть интересные и убедительные доводы как эмпирического, так и теоретического характера в пользу того, что мирный характер протестов ведет к гораздо более благоприятному характеру смены власти, а также легитимности, устойчивости и демократичности постреволюционного режима [Stephan, 2008]. Основные аргументы в пользу сугубо мирных протестов таковы:

«Во-первых, приверженность демонстрантов принципам ненасильственного сопротивления значительно расширяет потенциальную базу поддержки среди населения. Недовольные граждане охотнее участвуют

в тех акциях, организаторы которых избегают провокаций и столкновений с полицией, стараясь тем самым не подвергать своих сторонников риску оказаться в следственном изоляторе и суде.

Во-вторых, использование насилия против мирных демонстрантов создает раскол между группами, поддерживающими действующую власть, снижает сплоченность элит, умеренная часть которых может начать сочувствовать либо открыто перейти на сторону оппозиции.

В-третьих, действующие власти охотнее идут на переговоры с движениями ненасильственного сопротивления, потому что лозунги последних редко содержат угрозу жизни и здоровью политических руководителей страны.

В-четвертых, ненасильственные протестные движения получают значительно большую легитимность как в глазах собственного населения, так и в глазах международного сообщества. Попытки же использовать насилие снимают ответственность и легитимируют ответное насилие со стороны властей. Международное сообщество реже вводит экономические и прочие санкции в отношении режимов, использующих оружие против насильственных протестов.

Наконец, продолжительные массовые акции вызывают сочувствие и поддержку среди силовых структур, представители которых сами хорошо видят проблемы, с которыми приходится жить обществу. Однако использование демонстрантами насилия, жертвами которого и становятся в первую очередь полицейские, ставит крест на подобных симпатиях и повышает готовность силовиков охранять статус-кво любыми средствами» [Трейсман, Соболев, 2014].

Все эти аргументы представляются весомыми, они хороши как рекомендации для протестных движений и их лидеров. Но означает ли очевидное предпочтение мирного характера политического конфликта, что насилие и вооруженная борьба автоматически делают революцию и новую революционную власть нелегитимными?

Вообще говоря, трудно назвать страну, даже из числа «развитых», «хрестоматийных» демократий, в истории которых не было бы вооруженного и насильственного захвата власти через революцию и/или сепаратизм.

Голландия появилась вследствие сепаратистской революции — отделения от Испанской империи.

Великобритания ведет историю своей парламентской демократии от Славной революции, победу в которой обеспечило вторжение иностранной армии Вильгельма Оранского.

США появились вследствие Американской революции — сепаратистского мятежа колонистов против Британской империи.

Республиканская Франция ведет свою историю от кровавой Французской революции и нескольких потрясений — монархических и имперских реставраций, переворотов — в XIX веке.

Государственность современной Германии вообще была создана в условиях иностранной оккупации после страшной кровопролитной войны, обрушившей прежний тоталитарный режим.

СССР возник после двух революций и братоубийственной Гражданской войны. Удивительным образом он распался почти без жертв (трагические события в Баку, Карабахе, Сумгаите не были прямо связаны с распадом), однако нынешняя государственность Российской Федерации и ее Конституция имеют фактическое начало в кровавом октябре 1993 г., когда полномочия президента было утверждено выстрелами по зданию парламента.

Как видим, насилие, вооруженные захваты власти и случаи вооруженного утверждения власти продолжают быть актуальными.

Разумеется, сегодняшние представления о (не)допустимости насилия и вооруженных восстаний являются более строгими, чем в историческом прошлом, однако смело можно предполагать, что в будущем кроме мирных будут и вооруженные, насильственные смены власти, особенно в репрессивных авторитарных режимах, подавляющих мирную оппозицию. Поэтому остается актуальным вопрос о критериях оправданности применения оружия и насилия протестующими.

Сформулируем общие принципы перехода протеста к формату вооруженного восстания, следование которым делает его оправданным (достойным последующей легитимации) настолько, насколько это вообще возможно:

- лучше всего обходиться без оружия, сугубо мирными средствами (см. аргументацию выше);
- вооружаться допустимо только после исчерпания всех возможностей мирного протеста (массовые мирные уличные акции, забастовки, пикетирование зданий, перекрытие трасс и т. д.) и в ответ на серию акций неправового насилия со стороны государства (избиения, пытки, убийства), которые не расследуются, не наказываются, а только усугубляются; фактически в этих случаях государство ведет с гражданами настоящую войну, поэтому решение протестующих о том, чтобы взяться за оружие, является актом самозащиты общества от преступного государства; в будущем решение вооружаться должно быть легитимировано, поэтому необходимо документирование преступных деяний режима;
- следует не провоцировать власть на применение оружия, а напротив, каждый раз «отставать на шаг» в радикальности политических действий, призывать власть и давать ей возможность перейти к мирному разрешению кризиса через переговоры и компромиссы;
- вооружение протестующих не означает мгновенного перехода к стрельбе на поражение, сами по себе «ступени насилия» (угроза вооружения, угроза применения оружия, стрельба в воздух, стрельба из травматического оружия, стрельба по ногам) должны сопровождаться призывами вернуться в мирный формат политического взаимодействия (*поле переговоров* и *поле выборов*);
- применять оружие на поражение можно только в ответ на жестокое и беспощадное применение оружия со стороны режима (расстрел протестующих с десятками жертв);

- наступательные боевые действия с целью разгрома сил режима и вооруженного захвата власти могут быть оправданы, только когда после десятков убитых власть не прекращает, а наращивает насилие с явной направленностью на массовое уничтожение протестующих.

6. Проблема провокаций

Если строгие принципы применения оружия направлены на деэскалацию насилия, то реальные интересы как со стороны режима, так и со стороны протеста могут быть направлены противоположным образом: на радикализацию действий, стрельбу, кровь, жертвы.

Интерес власти в таких случаях состоит в дискредитации протеста как опасных беспорядков, «экстремизма», для подавления которого уже можно и нужно использовать жесткую военную силу с приказами о беспощадном подавлении и уничтожении восставших (что теперь нередко получает имя «антитеррористической операции»).

Интерес в эскалации насилия со стороны лидеров протеста, групп и лиц, стремящихся к смене власти, состоит в «сожжении мостов» — в разрушении надежд и возможностей на мирные переговоры и компромиссы, в полной дискредитации режима, в мобилизации, подъеме еще более массовых протестов с установкой на насильственное свержение власти.

«Провокация» наряду с «экстремизмом» стала излюбленным термином авторитарных режимов благодаря своей расплывчивости: любую мирную акцию (митинг, шествие, прогулку по городу) теперь можно объявить «провокацией», применять жестокие репрессии к протестующим и сваливать потом вину на лидеров протеста как «provokatorov». Поэтому далее под «провокацией» будем понимать очевидно насильственные и разрушительные действия (нанесение первыми физического вреда представителям государства, погромы), специально направленные на то, чтобы вызвать ответное насилие.

Работа по недопущению провокаций с какой-либо стороны, разоблачение провокаций, следственные действия — все это необходимо практически, но лежит за пределами философско-правовой сферы. Отметим только связь провокаций с (не)легитимностью. Победит ли в ходе противостояния власть (подавление мятежа) или победят восставшие (победа революции), в любом случае власть в стране будет заинтересована утвердить или получить легитимность.

Поскольку легитимность государства прежде всего определяется его способностью защитить жизнь, свободы и права граждан, т. е. эффективным контролем над насилием, действия по эскалации насилия (провокации) — это, пожалуй, чемпионы в плане *дискредитации и делегитимации заказчиков таких действий*. Данный принцип будет эффективен, только если он «проговорен» и известен сторонам конфликта, а также явным образом принимается субъектами легитимации: международным сообществом, конституционным судом, почитаемой в стране церковью, партийными лидерами и избирателями. *Риски быть пойманным на подготовке, допущении провокаций, ведущих к росту насилия, должны многократно превышать выгоды, которые сулят результаты провокаций.*

7. Принципы легитимации революционной власти

Свергнутая власть в авторитарном режиме, который пусть декоративно, но все же легитимировал себя через выборы и «волю народа», была какое-то время вполне законной, признанной. Революционные обвинения этой власти в том, что она своими действиями (неоправданным насилием, убийствами) себя делегитимировала, никогда не бывают убедительными на все 100%. Встречные обвинения в незаконном захвате власти, в узурпаторстве и самозванстве всегда сопровождали и будут сопровождать революцию и революционную власть. Как же она должна действовать, чтобы получить и утвердить искомую легитимность?

Во-первых, необходимо по мере возможностей сохранять *преемственность институтов власти* (особенно Конституционного суда и парламента) до новых парламентских и президентских выборов.

Во-вторых, революционная власть легитимна, если она провозглашает *необходимость подчинения действующим конституционным нормам и законам*, сама их выполняет, оговаривая при этом, какие законы теперь признаются неконституционными (репрессивными, полицейскими), но ясно и юридически точно обосновывает отмену этих законов.

В-третьих, необходимо скорейшее объявление *новых парламентских выборов*. Недопустимо лишать активных избирательных прав какие-либо категории граждан, даже когда «революционное сознание» на это настроено (в отношении полиции, армии, спецслужб, чиновников), зато вполне приемлемо расширение избирательных прав (например, для женщин, малоимущих, этнических и религиозных меньшинств) и люстрация в отношении пассивных избирательных прав на фиксированный срок для групп, обвиненных в преступлениях прежнего режима.

Соответственно, все действия, направленные на организацию новых открытых и честных выборов, должны считаться в правовом отношении оправданными и легитимными, а действия, направленные на срыв выборов, — незаконными⁴. Именно новоизбранный парламент задает легитимацию всех остальных институтов.

8. Критерии легитимности революционных законов

Назовем «революционными законами», или «декретами», все нормы и правила, установленные новой революционной властью до избрания нового парламента.

⁴ Временное правительство в России 1917 г., как мы знаем, оказалось неэффективным, было свергнуто в октябре большевиками и левыми эсерами, однако в первом же документе от 3 марта основные принципы были вполне демократическими: свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек; отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны; замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Все это — существенный довод в пользу легитимности Февральской революции и нелегитимности Октябрьского переворота (см. также главы 7–10).

Проблема легитимности декретов особенно остра, причем не только из-за сомнительной легитимности субъекта-законодателя, но также из-за их чрезвычайного характера. Революция вынуждена защищать себя в обстановке общенационального хаоса и затаившихся сил реакции, которые ждут удобного момента для реставрации прежнего режима и расправы над бунтовщиками.

Каждый закон включает шесть ключевых компонентов: 1) субъект-законодатель, т. е. орган, издающий закон; 2) содержание закона; 3) процедура принятия закона; 4) орган, контролирующий выполнение закона; 5) предполагаемая судебная инстанция, которая будет выносить решение в случаях обнаруженного нарушения закона; 6) орган, выполняющий санкции виновным согласно судебному вердикту.

Соблазн каждой революционной власти состоит в максимальном упрощении этой громоздкой структуры: законы издает исполнительная власть, ни с кем не согласуя и особенно не заботясь о процедурных моментах, когда в подчинении у этой структуры находятся и контролирующие органы, и назначенные суды, и силовой аппарат, готовый наказывать виновных. Действительно, ситуация кризисная: надежного аппарата и большого обученного персонала нет, оставшиеся от прежнего режима работники ненадежны. Отсюда — естественная склонность к «чрезвычайщине», которая при обострении обстановки легко скатывается в прямой терроризм, яркие примеры которого дают не только классические Французская революция и Русская революция 1917–1918 гг., но также революции в Алжире, Вьетнаме, Камбодже, Никарагуа.

Придется смириться с тем, что *полной легитимности революционные декреты достичь не смогут*. Зато выполнение определенных правил может существенно повысить не только признание декретов — оправданность их в глазах политических сил и населения, — но также эффективность их действия и легитимность самой революционной власти.

1. *Субъект-законодатель* не должен ни совпадать с верховным исполнительным органом (временным — до выборов), ни подчиняться ему. Оставшийся от прежнего режима парламент, конечно, обеспечивает формально-правовую легальность, но вполне может быть склонен к затягиванию, пробуксовке или даже саботажу, рассчитывая на скорую реставрацию или новую смену власти. Временный законодательный орган новой революционной власти должен быть небольшим, но с непременным участием опытных юристов, конституционалистов, представителей разных политических сил, пусть и с большинством коалиции победителей.
2. В идеале *содержание новых законов* должно соответствовать нормам Конституции, не противоречить действующим законам (кроме откровенно полицейских и отмененных), соответствовать международным документам, базовым правовым принципам. Если же революционные вердикты ущемляют права и свободы каких-то групп населения (например, отказывая им в праве избираться), то необходимо четко затвер-

дить временный характер таких норм (указать срок действия) и представить достаточные обоснования.

3. *Процедура принятия закона* должна быть свободной и добровольной (без давления и угроз). Кроме того, обсуждение законопроектов, касающихся интересов, прав, свобод какой-либо группы населения, непременно должно происходить с участием авторитетных в своей среде представителей этих групп.
4. Формирование, подчинение и ответственность *контролирующего органа* должны обеспечивать его приоритетное стремление следовать букве и духу закона. Это означает, с одной стороны, определенную автономию относительно верховного исполнительного органа, с другой стороны, подотчетность временному законодательному органу (в будущем — избранному парламенту), а также ответственность за правомерность своих действий перед судом.
5. Наиболее сложная ситуация складывается с *судебной системой*, поскольку авторитарный режим, доведший страну до революции, обычно подминает под себя суды, которые становятся органами репрессий, а не правосудия. Однако в разных случаях судебная система имеет разную степень правовой и моральной деградации. Отстранив наиболее одиозных судей, известных своими несправедливыми приговорами, революционная власть может опереться на лояльных к революции судей, призывая их к новой — честной — игре. Такой подход уж точно менее опасен, чем создаваемые на месте «тройки» из юридически безграмотных лиц, пусть сколь угодно приверженных «делу революции».
6. Не менее труден вопрос с исполнением наказаний, поскольку судебные приставы и тюремщики также были частью репрессивной системы прежнего режима. Тем не менее, смена руководства этих структур, введение новых правил, а главное — ответственность их перед судом с возможностью предъявлять иски за злоупотребления должны запустить процесс выздоровления и этой части государственного организма. Важный момент здесь состоит в том, чтобы аппарат исполнения наказаний не был в прямом подчинении верховной исполнительной власти: следует избежать соблазна последней расправляться с неудобными политическими оппонентами.

9. Три основания легитимности революционной власти

Вернемся к самой общей проблеме: каким образом революционная власть может и должна преодолевать правовую прерывность и утверждать собственную формально-правовую легальность и общеправовую легитимность?

Представим ответ как три слоя опоры. Если не удастся удержаться в первом, то нужно отступить во второй, если же обстоятельства настолько жесткие, что не выдерживает второй слой, то остается лишь надеяться на самый глубокий третий слой. Этот последний будем считать той твердой опорой, встав на которую следует потом выстраивать вышележащие слои.

Первый слой — *максимальная преемственность правовых норм и политических институтов* при революционной смене власти. До избрания нового законодательного органа должны работать все ранее принятые законы, кроме отмененных или измененных временной революционной властью в соответствии с требованиями и критериями, приведенными в предыдущем разделе. В этот период не следует ломать или существенно трансформировать сложившуюся систему политических институтов. Многие персоналии, запятнавшие себя нелегитимными, преступными деяниями, должны быть освобождены от должности, опять же желательно в соответствии с действующим регламентом. Замещающие их лица имеют статус исполняющих обязанности («временное, или переходное, правительство»), причем лучше, если это не будут лидеры, претендующие на скорое избрание, — чтобы не быть потом обвиненными в узурпации власти.

Ясно, что такая выверенная преемственность практически невозможна в реальных революциях. Высшие должностные лица обычно отказываются от добровольной сдачи полномочий, парламент и высшие судебные инстанции также могут не признавать смену власти и бойкотировать революционеров, их претензии и требования. Если же смена власти произошла насильственным путем, то взаимное отчуждение, ненависть достигают максимальных степеней, а это перекрывает все возможности «гладко» обеспечить политико-правовую преемственность новой власти.

Отступление в данных условиях на второй слой опоры — это следование *базовым принципам демократического государственного устройства и открытого правового общества*. Сущность демократии составляют *коллегиальное разделение власти* и широкое, с XX в. — всеобщее, избирательное право (см. главу 4, а также: [Коллинз, 2015, гл. 4; Розов, 2011, с. 369–392]).

Коллегиальное разделение власти — это коалиция автономных центров силы (сплоченных групп с разнообразными политическими ресурсами), которая, с одной стороны, препятствует авторитарной «вертикализации» государственного устройства, с другой стороны, действует солидарно и слаженно на основе постоянных обсуждений и принимаемых этими центрами процедур принятия решений (в том числе через ограниченное единоначалие).

Каждый случай революционной смены власти во многом уникален, поэтому общих рецептов быть не может. Принцип коллегиального разделения власти позволяет указать на границы допустимых действий — на то, чего делать нельзя.

Нельзя бороться за «чистоту» революционной политики, подавлять имеющиеся или возникшие во время конфликта центры силы, пытаясь полностью вытеснить их из политического поля. Одновременно нельзя допускать «двоевластия», «многовластия», анархии с антагонистическими, непримиримыми, готовыми к насилию центрами силы. Главный исполнительный орган революционной власти (в период до всеобщих выборов) должен пройти «по лезвию бритвы» между опасностью узурпации власти, диктатуры и опасностью соскальзывания к хаосу (который обычно завершается наиболее жестокой диктатурой).

Возможное решение — формирование малого временного законодательного органа (нечто вроде революционного Сената), в котором должны быть представлены все реальные политические центры с силовыми, финансовыми, организационными и медийными ресурсами, в том числе и представители свергнутой власти, признавшие ее преступления и желающие участвовать в переустройстве государства на новых началах.

Временный исполнительный орган должен быть сформирован этим «Сенатом» и отчитываться перед ним. «Сенат» также отстраняет от должности дискредитировавших себя судей и формирует временный состав высшего судебного органа, который уже самостоятельно выстраивает судебную систему с самостоятельными судами, ответственными только за честное следование законам. Именно «Сенат» как коалиция центров силы должен выстроить иерархию избирательных комиссий, установить правила честности и открытости последующих всеобщих выборов законодательной и исполнительной власти.

Таким образом, во втором слое опоры революционной легитимности коллегиальное разделение власти (во временном законодательном органе — «Сенате») должно сопровождаться обеспечением традиционного разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную даже в самый опасный и острый период между сменой власти и общенациональными выборами.

В это время наибольшей конфликтности и угроз постоянно возникают труднейшие, нестандартные ситуации, когда необходимо срочное принятие решения, но для этого недостаточно ни имеющейся формально-правовой базы (первый слой опоры), ни принципов коллегиального разделения власти и разделения властей (второй слой). Остается третий слой, суть которого состоит в приоритете защиты общезначимых ценностей, прежде всего жизни, прав и свобод человека и гражданина [Розов, 1998, разд. 2.1].

Речь идет о той самой «человечности» как основе вердиктов Нюрнбергского суда. В той же логике создавались базовые документы ООН, начиная с «*Всеобщей декларации прав человека*» 1948 г. Явная, честная, бескомпромиссная апелляция к нормам этого документа является пусть не абсолютной, но очень весомой гарантией признания оправданности политического решения, а значит, работает на повышение правовой, международной и авторитетной легитимности революционной власти, принявшей такое решение.

10. Условная «Вандея» — как поступать с вооруженной контрреволюцией?

Наиболее трудные вопросы возникают перед революционной властью, когда существенная часть общества, особенно локализованная в провинции, которую назовем условно «Вандея», не признает новую власть, вооружается, стягивает и мобилизует силы защитников прежнего режима.

Попустительство, игнорирование этой угрозы может привести к поражению революции, реставрации свергнутого режима, последующему периоду реакции с жестокими репрессиями.

Однако силовое подавление контрреволюционного мятежа чревато массовыми жертвами, в том числе среди мирного населения, опасно тем, что делает силу привычным и «нормальным» способом решения политических конфликтов, а триумфатора силовой победы прямо ведет в бонапартистское кресло диктатора.

Здесь следует различить две полярных идеальнотипических ситуации. Мятеж вполне может быть навязан незначительным меньшинством, в том числе с иностранной помощью. Остальное население «Вандеи-1» может быть инертным, не определившимся или даже сочувствующим революции. Но бывают и противоположные ситуации «Вандеи-2», когда практически все население привержено прежним власти и режиму, не воспринимает революцию, не желает подчиняться новым властям и готово отстаивать свою позицию с оружием в руках. Ясно, что стратегии в обоих случаях должны быть различны. Рассмотрим их, а затем уже перейдем к более сложному случаю «серой зоны».

Задача нейтрализации «Вандеи-1» сводится к тому, чтобы локализовать очаги мятежа, всячески опираться в этом на поддержку местной власти, влиятельных групп и населения, блокировать мятежников, вести с ними переговоры о сдаче.

Заметим, что формально-правовые аргументы революционной власти без труда опрокидываются сходными аргументами лидеров «Вандеи-1»: захват власти был нелегитимен (что верно!), значит, подчиняться ей они не обязаны, а попытка силового подавления — это незаконная карательная операция узурпаторов.

Здесь на помощь приходит вторая опора. Правомерный порядок действий таков. Если жестокости мятежники не проявляют, их лучше всего блокировать и вести мирные переговоры вплоть до новых выборов. А вот в случаях жестокого насилия со стороны мятежников, убийств, пыток, захвата заложников соответствующие доказательства следует представить в суд. Решение суда об аресте и возможном смягчении наказания при мирной сдаче донести до мятежников. И только при повторном отказе становится оправданной силовая операция, цель которой — арест или уничтожение теперь уже *обвиняемых*, с минимальным причинением ущерба мирным гражданам.

Приказ о силовой операции на основе решения суда принимает исполнительный орган, но поскольку вопросы о применении насилия при отсутствии полноты легитимности крайне трудны, правильно будет если общий план, цели и срок операции будут утверждены «Сенатом», в котором представлены главные автономные центры силы. Оставляя за собой такую привилегию, центры силы, с одной стороны, солидаризируются в своем решительном, но подчиненном праву и решению суда образе действий, с другой стороны, обеспечивают себе безопасность на будущее, поскольку в постреволюционной ситуации слишком часто силовые структуры выходят из-под контроля или, подчиняясь одному центру, начинают подавлять остальные. Таким образом, вторая опора здесь приходит на помощь.

Увы, это не помогает в случае «Вандеи-2». Никакой суд не объявит сотни и тысячи людей «обвиняемыми». «Сенат» также вряд ли возьмет на себя ответственность за масштабную силовую операцию — фактически за начало гражданской войны. Исполнительная власть во главе с лидером может поддаться на неминуемые подталкивания к «решительным действиям», что само по себе опасно: привычка к насилию имеет тенденцию закрепляться и расширять сферу действия.

Обращаемся к третьей опоре, где приоритетны жизнь, права и свободы граждан. Сразу же получаем критерий разделения мятежников — сторонников контрреволюции — на обвиняемых в неправомерном насилии и на мирных граждан. Однако в «Вандее-2» эти мирные граждане горой стоят за своих лидеров и радикалов, готовы защищать их своими телами или с оружием в руках.

Здесь возникает острейшая дилемма. Что должно быть главенствующим принципом действий: территориальная целостность государства или жизнь, базовые права и свободы граждан? Геополитика или гуманизм?

Из предыдущего рассуждения уже ясно, на какую сторону склоняется автор. Тогда усилим противную сторону. Допустим, «Вандея-2» расположена на особой священной земле (как Косово для сербов), имеет богатейшие природные ресурсы (допустим, как богатая нефтью Норвегия при отделении от Швеции), имеет единственный и необходимый выход к морю (как Черногория для тех же сербов). Иными словами, потеря занятой мятежом территории — большая и явная историческая, статусная, геополитическая потеря для государства. Что же делать?

Разумеется, начинать нужно с мирных переговоров. Искусство дипломатии заключается в том, чтобы игру с нулевой суммой превратить в игру с ненулевой суммой, или win-win, когда обе стороны выигрывают. Обсуждаться могут варианты широкой автономии, федерации, конфедерации и разделения государств, но с учетом интересов сторон, в том числе — интереса новой революционной власти к ресурсам на мятежной территории.

Такого рода переговоры никогда не бывают легкими. «Вандея-2», видя, что на нее не собираются сразу идти войной, может занять непримиримую сепаратистскую позицию, отрезая революционный центр от столь необходимых ему ресурсов или от выхода к морю. Сблазн подавить мятеж и добиться желаемого силой велик, и редко кто в мировой истории от него отказывался.

Дипломатия обычно орудует «кнутом и пряником» — угрозами и предложением возможностей. С учетом приоритета жизни, прав и свобод (см. выше) на первом этапе угрозой может быть только объявление мятежной провинции вне закона, что чревато последующими неприятностями вплоть до силового «восстановления территориальной целостности». Возможности же («пряники») — это предоставление автономии при условии гарантий и приемлемых условий доступа центра к значимым ресурсам.

Допустим худший (но вполне вероятный) вариант: переговоры зашли в тупик. Тогда верный путь — «замораживание» ситуации вплоть до выбо-

ров в центральные органы власти, причем мятежная провинция остается в статусе «вне закона». Потом уже избранный и легитимный парламент должен решать, как с ней поступить: чем угрожать и что предлагать. Когда новое постреволюционное государство получает международную легитимность, оно может вступать в коалицию с другими государствами, и тогда арсенал угроз и возможностей существенно возрастает.

Допустим, все равно «Вандея-2» опять занимает непримиримую позицию. Решение добиваться своего войной — крайне опасное, неприятное, грозит не только большими жертвами, но и гнусностью братоубийства.

Наверное, здесь тот самый случай, когда приходится прибегать к прямой демократии — референдуму. Суть его в том, чтобы получить или не получить от граждан, населяющих подконтрольную новой власти территорию, одобрение на жесткий ультиматум «Вандее-2»: соглашаться на вариант отношений с доступом центра к значимым ресурсам провинции или ждать силового варианта достижения этого доступа.

Важно, что при отказе граждане дают согласие на силовой вариант путем голосования (увы, лучшего способа определения общей воли нет). А это означает, что согласны воевать, посылать сыновей, мужей и братьев на возможную смерть, что территориальная целостность, доступ к святыням, к особо значимым ресурсам или к морю для них настолько важен, что такие риски и жертвы они считают оправданными. Заметим, таково свободное решение граждан. Они ведь могут и отказаться: жить в меньшей, более бедной, оторванной от дорогих святынь или от моря стране. Тоже вполне приемлемый выбор.

Что же в это время происходит с «Вандеей-2»? Мятеж против революционного правительства, которое не спешит с его силовым подавлением и сосредоточено на выборах, соблюдении правовых норм, свидетельствует скорее об авторитарном и реакционном настрое лидеров мятежа, а также немалой поддерживающей их части населения. Вместе с тем, первоначальное возмущение сменой власти, страх перед новой властью в столице обычно угасают, если не подпитываются. Так или иначе, лидерам и населению этой провинции тоже придется выбирать: либо соглашаться на какой-то мирный *modus vivendi* с революционным центром, либо воевать с ним.

Мирное разрешение кризиса при отделении мятежной провинции может повысить международную легитимность революционной власти, но скорее всего негативно скажется на ее силовой и популярной легитимности, поскольку потеря территории почти всегда воспринимается как геополитическое поражение и падение престижа (закон Вебера).

Оптимально мирное разрешение при сохранении целостности страны, даже с предоставлением самой широкой автономии ранее мятежной «Вандее-2».

Военный конфликт, тем более с эскалацией в кровавую и затяжную гражданскую войну, — худший вариант во всех смыслах. Здесь при прочих равных побеждает центр (благодаря ресурсному и военно-организационному преимуществу), но возможна и победа «Вандее-2», если на ее сторону встает соседняя могущественная держава, вероятно, имеющая собственные

интересы к подавлению революции и реставрации старого режима (реставрация правления Бурбонов посредством чужих штыков в 1814–1815 гг. вполне хрестоматийна).

Известная практика боевиков прикрываться щитом из мирных жителей, посылать их для блокирования и захвата боевых машин и танков эффективна только для неопытных военных. Опытные же заранее предупреждают всех в округе, что означает военная операция, какие опасности несет и каков сигнал ее начала (ракета или сирена). После сигнала все действительно мирные жители должны разбегаться, прятаться по домам, а оставшиеся и тем более препятствующие войскам считаются противником на поле боя.

Если оставить в стороне все внешние факторы геополитических, корыстных, идеологических и подобных интересов (увы, всегда значимых), то оправдание и легитимация победителя будут зависеть не только от характера военных действий (защита мирных жителей, нормальное обращение с пленными, исключение пыток, заложничества и т. д.), но также от аргументированности самого обращения к силовым методам, обоснованности соответствующих мотивов и правовых оснований, реальности попыток разрешить конфликт мирным путем.

Если для революционного центра вполне приемлемым основанием является «восстановление территориальной целостности», то «Вандея-2» с союзниками, вероятно, будут апеллировать к «восстановлению конституционного порядка». Для легитимации последнего мотива также необходимы предварительные попытки мирного разрешения кризиса через предъявление требований к революционной власти, которые были бы, с одной стороны, конституционно обоснованными, с другой стороны, выполнимыми.

Вообще говоря, в такие узкие рамки входит только путь новых общенациональных выборов, которые революционная власть, рассчитывающая на легитимацию революции, в любом случае обязана объявить и организовать. Если же мятежная провинция и ее могучие союзники делают все для срыва выборов, то тем самым они полностью подрывают к себе доверие и даже в случае военной победы не могут рассчитывать на международное признание.

Как всегда, хоть какая-то ясность действий на полюсах сменяется огромной сложностью и разносторонними опасностями в средней «серой зоне». Так, в воображаемой «Вандее-3» часть населения инертна, часть — привержена мятежникам, часть — лояльна революционному центру; кроме того, все эти части не локализованы, а перемешаны. Здесь требуется максимально выверенная стратегия, включающая попытки переговоров, блокирование, пропаганду и силовые операции, причем с гибким реагированием на постоянно меняющуюся ситуацию.

Единственный принцип, который можно считать непреложным и в наибольшей мере способствующим последующей легитимации революционной власти, — это последовательная защита мирных жителей, забота о них вне зависимости от их местонахождения и лояльности, лишь бы они не мешали оправданным и законным силовым акциям.

* * *

Политика — это во многом поиск и достижение легитимности как основания власти. Революционная политика не является исключением. Какие бы ужасы ни происходили и ни творились во время революционного кризиса, рано или поздно победившая сила или коалиция сил будет озабочена своей легитимностью. Как мы видели, несмотря на неизбежную правовую прерывность, множество подводных камней и опасностей, есть достаточно солидная совокупность принципов и критериев обеспечения легитимности революционной власти, причем предпочтительно следование им с самого начала кризиса.

Основа же этих принципов и критериев — общеправовая и гуманистическая: общезначимые ценности защиты жизни, прав и свобод человека и гражданина.

Приложение 1

Ускорение истории: причинные механизмы и пределы¹

1. Споры об «ускорении истории»: большой разброс оценок

Под «ускорением истории» обычно понимают: 1) последовательное сокращение длительности значимых исторических эпох (ступеней антропогенеза, формаций и способов производства и накопления, стадий технологического роста, художественных стилей и т.д.); 2) рост числа существенных изменений в каждом примерно равном последующем отрезке времени в сравнении с предыдущими отрезками.

Два этих понимания вполне совместимы друг с другом, если существенные изменения трактовать как переломные — меняющие главные качественные характеристики некоторого периода времени, что позволяет говорить о наступлении следующего периода.

Далее будет использоваться вторая версия как лучше поддающаяся концептуализации и операционализации, не зависящая от способов периодизации истории, которые остаются множественными и спорными [Структуры истории, 2001].

Кроме известных оптимистических оценок Генри Адамса и множества последователей [Foerster et al., 1960; Адамс, 1988; Капица, 2004; Панов, 2005; Kurzweil, 2005], есть обратные — пессимистические (Дж. Хьюбнер) и средние:

«Если в ближайшее время не произойдет существенных изменений, касающихся самой природы человека, о которых говорят многие футурологи, [...] то в дальнейшем нас ожидает стабилизация или даже некоторое замедление скорости исторических изменений» [Цирель, 2009, с. 71].

Джонатан Хьюбнер называет две возможные причины замедления прогресса: а) определенные направления науки и техники не развиваются из-за того, что они экономически невыгодны; б) при продолжающемся росте объема знаний способность людей их поглощать ограничена, и в результате делать новые открытия становится все труднее. Он подкрепляет свои суждения графиком количества патентов, где пиком изобретательства оказывается 1915-й год [Huebner, 2005]².

¹ В основу текста положена одноименная статья (Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 151–162).

² «Ученый считает, что пик технологических инноваций миновал сто лет назад, и с тех пор прогресс лишь замедляется. Дабы доказать это, Хьюбнер составил график, основываясь на соотношении основных научных открытий и технических новинок с численностью мирового населения. Полученные результаты удивили физика: наиболее бурно прогресс развивался в конце XIX века, наибольшее число технологических инноваций на душу населения наблюдалось в 1873 году. Ученый также сравнил с населением США количество

Б. Джонс считает: чтобы поддерживать прогресс за счет инноваций, приходится прикладывать все больше усилий — тратить все больше денег на научные исследования и конструкторские разработки и постоянно увеличивать количество занятых в этой сфере.

К этим спорам накапливаются претензии такого рода. При упоре на числовой анализ и экстраполяцию трендов упускаются из виду главные вопросы относительно причин, факторов и внутренних механизмов ускорения истории (где и когда оно наблюдается), а также игнорируется изменчивость этих причин и факторов на протяжении человеческой истории и в обществах разного типа.

2. Структура истории как смена доминирования режимов

Нетривиален вопрос: что изменяется в истории? Или иначе: какие новые явления или процессы, изменения каких характеристик обществ или культур следует считать переломными и почему? Как изменения в одних частях человечества (обществах, культурах, цивилизациях) соотносятся с изменениями в других частях и какие из них существенные или переломные? Любые ответы на вопросы такого рода предполагают схематизацию и упрощение. Воспользуемся моделью эволюции обществ через распространение доминирующих режимов, разработанной при решении задачи периодизации мировой истории [Розов, 2002, гл. 5]. В кратком изложении модель такова.

В каждый период времени в мире существует разнообразие обществ. По этим обществам распределено разнообразие режимов: воспроизводящихся систем рутинных процессов, включающих природные процессы и практики, стратегии людей (индивидов и групп).

Категория режимов [Goudsblom, 1996; Spier, 1996] — это результат объединения и расширения категорий укладов, способов производства и накопления, образов жизни. При взаимодействии обществ какие-то режимы одного общества распространяются на другие общества, какие-то угасают, вытесняются и исчезают. Технологии, военные и административные структуры, типы семей и порядки родства, религии, идеологии, мировоззрения, художественные стили — все это считается аспектами или элементами режимов.

Общества живут и взаимодействуют в рамках мировых регионов, так что распространение режимов гораздо интенсивнее внутри региона, чем при пересечении границ регионов или, тем более, при взаимодействии отдаленных друг от друга регионов.

Режимы, успешно распространяющиеся за счет поглощения или вытеснения других режимов, считаются доминантными. Как правило, внутри

патентов, зарегистрированных в стране с 1790 года по настоящее время. Полученная кривая показала, что пик прогресса пришелся на 1915 год. Таким образом, Золотым Веком науки и технологий точнее будет называть период между 1873 и 1915 годами. Именно в это время только Томас Эдисон запатентовал более 1000 изобретений, включая лампу накаливания, выработку электроэнергии, кинокамеру и граммофон» (Кошкина Э. Американский ученый предсказывает конец прогресса // Metodolog.ru, 2005. <http://www.metodolog.ru/00507/00507.html>)

каждого мирового региона со временем устанавливается совокупность доминантных режимов. При взаимодействии обществ из разных мировых регионов доминантность определяется по результатам столкновения (например, колонизаторы навязывают свои режимы туземцам, а если что-то и берут у туземцев — рецепты блюд, барабаны, маски, татуировки, — то включают в свои режимы).

Доминантные режимы, распространяющиеся по большинству мировых регионов, и соответствующие типы обществ, проводящих экспансию своих режимов, задают характер всей исторической эпохи. Таким образом, через принадлежность к факторам доминирования режимов и обществ значимость определенных изменений преодолевает локальность и приобретает потенциально глобальный характер [Розов, 2002, гл. 3].

3. Факторы доминирования и роль инноваций

Существенными изменениями (сериями событий) будем считать те, которые существенно меняют повседневную жизнь, сознание, поведение больших масс людей, потенциально — всего человечества. В рамках приведенной модели таковыми являются изменения, делающие те или иные режимы доминирующими за пределами своих начальных носителей — обществ и своих мировых регионов.

Согласно вебериянскому делению социальных универсалий (власть, насилие, престиж, богатство) и соответствующих сфер социального взаимодействия (политика и право, внутренний порядок и геополитика, религия/культура/идеология и геокультура, экономика и геоэкономика) выделены следующие десять факторов доминирования [Розов, 2002, гл. 5]:

Фактор универсального значения

1. Уровень политической эволюции. Развитие структур и институтов, обеспечивающих остальные факторы доминирования (2–10).

Факторы геополитического доминирования

2. Организация и масштаб военной силы, уровень развития коммуникаций, таких как транспорт, связь, средства наблюдения.
3. Уровень развития самостоятельного производства вооружений.
4. Способность создавать и поддерживать альянсы (уровень развития дипломатии) и обеспечивать внешнюю и внутреннюю легитимацию (политический аспект религий и идеологий).

Факторы геокультурного доминирования

5. Уровень накопления и развития знаний, в том числе заимствования и творческой разработки разного рода знаний и практик (мировоззрение, философия, наука, когнитивный аспект технологий).
6. Уровень развития способов удовлетворения духовных, эмоциональных, эстетических потребностей (религия, моральные учения, литература и искусство).
7. Развитие способов инкультурации (воспитание, обучение, образование, социальная информация и пропаганда).

Факторы геоэкономического доминирования

8. Развитие способов воспроизводства (характер обеспечения новых циклов и новых этапов производства).
9. Развитие способов перераспределения и обмена (порядок обеспечения потребностей в условиях экономико-географического разнообразия).
10. Уровень развития техники и технологий (в мирной сфере).

Выяснение того, каковы были главные инновации в мировой истории по каждому из десяти факторов, когда и где они были сделаны, как трансформировались, как отличить вообще и в каждом случае изобретения от творческих заимствований, — все это требует большой серии исторических исследований.

4. Смена значимости факторов доминирования

Сделаю только самые общие замечания. На протяжении мировой истории и значимость факторов доминирования, и скорость соответствующих инноваций существенно менялись. Долгое время главными оставались *геополитика и геокультура* (военная аристократия и священники, кшатрии и брахманы неслучайно оставались первыми и наиболее престижными сословиями, кастами).

По многим причинам бурное развитие военной организации и технологий («военная революция» XV–XIX вв.), борьба церквей, конфессий, сект за умы и души (XVI–XVIII вв.) происходили в Европе. Это привело к формированию национального государства (с гражданством, общими законами, подушевым налогообложением, всеобщим обязательным начальным, затем средним образованием и т. д.), которое стало общим образцом для всех современных обществ. На первый план выдвинулся *фактор политической эволюции*. Геополитика никуда не делась, но доминирование в ней стало в XIX и XX вв. главным образом определяться эффективностью государственного аппарата, а также *экономическим богатством, развитием науки, технологий*, которые конвертировались государствами в военную силу.

После Второй мировой войны и в связи с созданием ООН войны не прекратились, но доминирование стало в большей мере определяться соревнованием разных типов политических и экономических систем, развитием мирных технологий (особенно престижных — космос) и борьбой в геокультуре — теперь уже между идеологиями, а не религиями.

Еще один тектонический сдвиг произошел в конце XX в. в связи с распадом «системы социализма» и глобализацией. *Роль и место на мировых рынках, величина богатства и эффективность его конвертации в новые рыночные продукты* — вот что стало определять борьбу за доминирование режимов и обществ, хотя рецидивы ставок на грубое насилие, агрессию, захваты территорий не исчезли.

Факторы геокультурного доминирования также сохраняют значимость, только теперь это уже не столько прямая борьба между религиями, между идеологиями, сколько конкуренция включенных в мировые рынки куль-

турных продуктов духовного потребления и развлечений: фильмов, книг, музыки, компьютерных игр, всевозможных интернет-проектов.

Резонно предполагать, что именно в тех сферах, которые в некую эпоху стали основными в борьбе за доминирование режимов и обществ, происходят наиболее активные поиски нового, быстрее перенимаются, перекомбинируются перспективные элементы.

С учетом этих оговорок предположим верность тезиса об ускорении истории в Европе и регионах, испытавших европейское влияние в XVI–XX вв., со следующей экспликацией: в каждом последующем равном отрезке времени (100, 50 или 30 лет) число принципиальных инноваций хотя бы по одному из десяти вышеуказанных факторов доминирования больше, чем в предыдущих периодах по тому же фактору. На этой основе рассмотрим следующие ключевые вопросы.

В чем причины ускорения истории? Являются ли они постоянными или переменными и от чего сами зависят? Если ускорение имеет место, то будет ли оно продолжаться? До какого предела?

5. Социальные условия рождения и распространения инноваций

Здесь принята теоретическая стратегия исследования, поэтому сразу обратимся к проблеме причинности. Зададимся вполне абстрактным вопросом: от чего вообще зависит появление такой инновации, которая затем станет частью доминирующего режима и будет способствовать его распространению за счет вытеснения и ассимиляции других режимов?

Классические и современные представления о творчестве, изобретениях, культурном производстве, процессах мимесиса и диффузии, интеллектуальных сетях [Коллинз, 2002] позволяют формулировать следующие общие причины:

- 1) наличие спроса на инновацию, что дает сосредоточение внимания на поиске, обещает новаторам вознаграждение за успех;
- 2) концентрация творческих индивидов и групп, конкуренция между ними;
- 3) пересечение нескольких, ранее автономных творческих сетей, что позволяет соединять элементы, ранее появлявшиеся в разных местах и разных контекстах;
- 4) социальные условия для выживания инновации, отсутствие или слабость факторов подавления, например, жесткой монополии или групп, чувствующих угрозу от инновации и обладающих репрессивным ресурсом;
- 5) достаточная ширина и плотность коммуникаций для диффузии.

6. Второй слой причинности

Ускорение истории указывает на рост причинных факторов 1–5, что не противоречит интуиции и общим представлениям о социальной эволюции, по крайней мере за последние пять столетий. Обратимся к следующему слою причинности: от чего зависит рост самих факторов 1–5?

Для спроса на инновации нужны соревнующиеся между собой сплоченные группы (сообщества с внутренней солидарностью), имеющие ресурсы. Чем острее соперничество и чем больше ресурсов у этих групп, тем больше спрос. Большие дома (кланы, магнатства, аристократические роды), королевства, империи, союзы государств, крупные компании, в том числе транснациональные, — вот лучшие претенденты на заполнение этой абстрактной ячейки. Чем больше кланов, родов, государств и компаний, чем больше у них финансовых, символических, административных, силовых ресурсов, тем острее конкуренция между ними, тем больше спрос на инновации, обещающие доминирование.

Концентрация творческих личностей и групп также зависит от нескольких факторов: богатая предшествующая культурная традиция, наличие мест получения образования и квалификации, поощряющих творчество, попадание в них людей с нужными способностями, наличие достаточных мотивов для того, чтобы они собирались в одном месте, что позволяет им состязаться за первенство и престиж, обмениваться идеями, обучать друг друга и т. д. Соответственно, наличие своей культурной истории, количество и качество поощряющих творчество учебных заведений (например, университетов), обмен между ними, открытость их для способной молодежи, а также площадки для общения и состязаний (выставки, ярмарки, конференции, журналы) способствуют появлению инноваций.

Пересечение ранее автономных сетей происходит, когда границы между обществами становятся более проницаемыми, растет безопасность, появляются возможности приглашать иностранцев, люди овладевают иностранными языками, появляются международные площадки творческой коммуникации (те же ярмарки, выставки, журналы, конгрессы).

Социальные условия выживания и распространения инноваций включают: а) наличие поддерживающих групп и структур (магнатство, государство, церковь, частный капитал, фонд); б) слабость или отсутствие подавляющих групп и структур (консервативная элита, монополисты). Здесь главными базовыми факторами оказываются уровень свободы деятельности, наличие и широта возможностей оценивать эффективность разных предложений и выбирать лучшее, защищенность инвестиций и собственности, соответствующий правовой порядок и обеспечивающий его независимый от правящей элиты суд.

Наконец, широта и плотность коммуникаций очевидным образом растут при постройке дорог и каналов, при развитии средств транспорта и связи.

7. Долговременные тренды в мировой истории

Обратим внимание на то, что происходило в мировой истории с факторами, отмеченными выше курсивом:

- неуклонно росли сообщества со все большими ресурсами и обостряющейся конкуренцией;
- появлялись новые места творчества, соответственно, в следующих поколениях росло число мест с богатой культурной традицией, росло

количество университетов со все большей открытостью, а также число разнообразных площадок коммуникации в европейских, а затем и в остальных обществах;

- благодаря большей проницаемости границ и растущей безопасности передвижения творческие личности и группы все легче могли перемещаться из страны в страну, что способствовало как их концентрации в наиболее благоприятных для творчества местах, так и пересечению сетей, соответственно, обмену идеями;
- чем больше соперничавшие группы обменивались между собой идеями, чем слабее были возможности консервативных монополистов, чем лучше были защищены капитал и инвестиции, чем благоприятнее законы для коммерции и свободной конкуренции, для создания новых организаций, тем с большим успехом могли распространяться появившиеся инновации;
- неуклонное развитие транспорта, средств и каналов связи облегчало и ускоряло широкое распространение наиболее эффективных новых идей, образцов, структур и практик.

На рис. П1-1 представлена схема объяснения ускорения в Европе начиная с Нового времени, основанная на общих факторах исторической динамики.

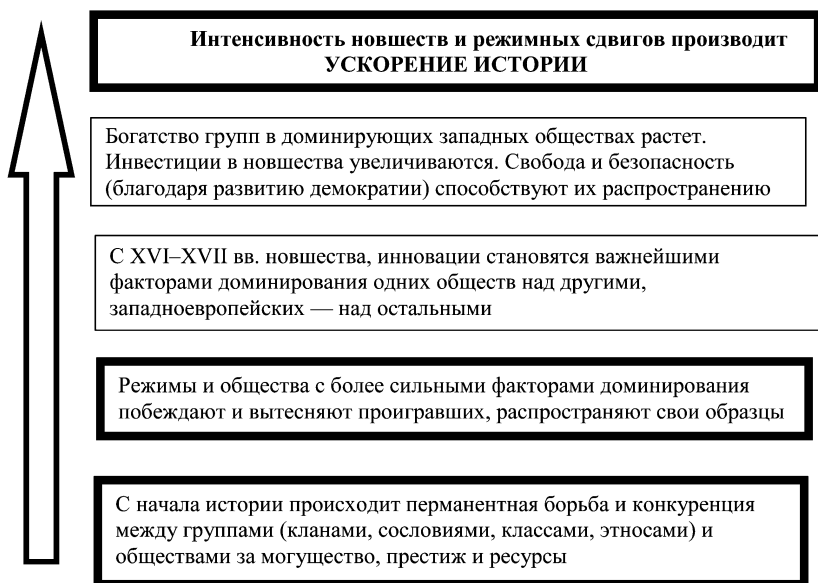

Рис. П1-1. Слои причинности, обуславливающие ускорение истории. Выделенные блоки означают универсальные факторы и итоговый эффект (ускорение). Два промежуточных блока указывают на роль нововременной Европы

8. Направления эмпирической проверки гипотезы

Нет особой сложности в том, чтобы эмпирически подтвердить рост каждого из этих базовых факторов в мировой истории в целом, в социальной эволюции, особенно ярко в истории Европы и Запада с XV–XVI вв. Однако действие этих факторов на частоту появления инноваций остается, строго говоря, гипотезой. Проверить ее можно, сопоставив следующие ряды явлений:

- в каждую историческую эпоху взять те страны (или мировые регионы), в которых были максимально сильны вышеуказанные базовые факторы;
- в тех же странах (регионах) собрать информацию об инновациях, их количестве, частоте, поддержке, распространении;
- сравнить эти данные как с предыдущими и последующими периодами той же страны (региона), когда базовые факторы были существенно слабее, так и с другими странами (регионами), в которых они были менее выражены.

Такую же операцию можно проделать и с наиболее отстающими по базовым факторам странами (регионами):

- где и когда меньше ресурсов у групп и слабее между ними конкуренция;
- где и когда было меньше мест с культурной традицией и учебных заведений, а существовавшие заведения были более закрыты и худшего качества, меньше было площадок для творческой коммуникации;
- где и когда было опасно перемещаться из страны в страну, мало кто ездил, иностранные языки не изучались;
- где и когда довели консервативные элиты, монополисты, отсутствовала защита капиталов и собственности, практически не было возможностей создания новых организаций и бизнесов; где и когда отсутствовало или было крайне замедлено развитие каналов и средств транспорта и связи.

Предположительно в таких странах и мировых регионах и в этих периодах либо вообще отсутствовали инновации, либо они не были поддержаны и подавлялись.

9. Исторические подтверждения

Самый общий взгляд на мировую историю подтверждает гипотезу. Числом и значимостью технологических, социально-организационных, интеллектуальных достижений отличались Греция классического периода, Китай при династиях Тан и Сун, Индия при Великих Моголах, Япония периода Токугава³, после революции Мэйдзи и в 1960–1980-х гг., арабский

³ Бывает неверное представление о средневековой отсталости периода Токугава, будто только после революции Мэйдзи бурно началась социальная и технологическая модернизация. На самом же деле она была подготовлена предшествующим развитием правовых, рыночных, финансовых отношений, а также ремесленничества и изобретательства в буддийских монастырях. «По большинству главных критериев Япония периода Токугава являлась

халифат при Аббасидах и Омейядах, итальянские города-государства XIV–XV вв., Испания и Португалия XVI в., Франция и Нидерланды XVII–XVIII вв., Великобритания, Пруссия-Германия XVIII–XIX вв., Австро-Венгрия и Россия конца XIX – нач. XX вв., США с 1920-х гг.

В каждом из этих периодов обнаруживается существенный рост как по сравнению с прошлыми периодами, так и по сравнению с соседями по всем базовым факторам: рост конкуренции между субъектами спроса на инновации и рост их ресурсов, рост числа и качества учебных заведений, площадок обмена и коммуникаций, растущие безопасность границ и миграции творческих личностей, надежная защита капиталов и инвестиций, внушительное развитие транспорта и связи.

В современных депрессивных странах Центральной и Северной Африки, Южной Америки, Азии дело обстоит плохо как с инновациями, так и с базовыми факторами, но эти случаи не показательны, поскольку сама бедность, депрессивность могут играть роль еще более базового фактора — причины тотальной отсталости. Поэтому нужно сравнивать сходные по культуре и богатству страны с явно различными уровнями по базовым факторам, например, богатые мусульманские Саудовскую Аравию и Объединенные Эмираты.

Очевидна связь базовых условий рождения и распространения инноваций с модернизацией. Сам термин «модернизация» весьма размыт, поэтому будем трактовать его как четыре относительно автономные линии социально-эволюционного развития: секуляризация, бюрократизация, капиталистическая индустриализация и демократизация [Коллинз, 2015, гл. 5]. Предположительно, эти линии благоприятно влияют на условия инноваций. Однако не исключены угнетающие влияния; кроме того, прекращение движения по этим линиям, согласно тому же предположению, стабилизирует условия, что должно замедлить появление инноваций.

Рассмотрим эффекты каждой линии модернизации по отдельности.

10. Секуляризация и открытость творчества

Под секуляризацией понимается не переход к принудительному атеизму (редкое явление в истории), а вытеснение религии с центральных, руководящих позиций в мировоззренческой, ценностной сфере, в ключевых институтах, ритуалах и политической легитимации. Одну обязательную систему религиозных символов и практик сменяет расширяющееся разнообразие вследствие расколов внутри главенствующей церкви и мессианства извне, что после периода борьбы ведет к веротерпимости (толерантности) и освобождению институтов (прежде всего образовательных, политических, правовых, экономических) от единого церковного руководства или авторитетного влияния.

существенно современным — современным обществом. Ее беды были во многом теми же самыми, что характерны для экономики с господством рынка, а политические трудности сёгуната являлись как раз теми, что делали режимы зависимыми от сильно монетизированной коммерческой основы» [Коллинз, 2015, с. 393]. См. также: [Goldstone, 1991, p. 402–414].

Секуляризация явно способствует открытости, причем на нескольких уровнях: творческие индивиды с большей свободой могут знакомиться с достижениями из ранее чуждой (ранее запретной) религиозной и культурной традиции; школы и университеты становятся светскими, а значит, в них встречаются и обмениваются идеями представители разных конфессий, наконец, государственные границы становятся более открытыми для переводов литературных, научных, философских текстов, для приглашения иноземных специалистов и учителей, для поездок талантливой молодежи в зарубежные центры.

Вместе с тем повсеместно происходят также процессы десекуляризации, а в некоторых странах и регионах даже происходит клерикализация институтов (армии, школ и даже вузов), возникают и растут фундаменталистские движения. Судя по всему, секуляризация в обозримом будущем не станет глобальной поступательной тенденцией, следует ожидать волн и противоволн, а также поляризации обществ (и социальных слоев внутри них) между наиболее секуляризованными и наиболее клерикальными (недавние теракты в Париже и Копенгагене — яркое тому подтверждение). Поэтому в глобальном масштабе данная линия модернизации, вероятно, исчерпала свой потенциал в плане ускорения инноваций.

11. Бюрократизация: ускоритель или тормоз для новшеств?

Бюрократизация понимается здесь как создание и функционирование административных аппаратов с четко определенными позициями, обязанностями участников, с формальными, письменно зафиксированными правилами поведения и взаимодействия.

Первые бюрократии создавались в крупных церквях и централизованных государствах, затем эти образцы были перенесены в бизнес, образовательные, медицинские, международные и общественные организации.

Бюрократии создаются как орудия управления и воплощения замыслов руководства. Однако их влияние на инновации двойственно. При высокой мотивации руководства и отлаженности бюрократической машины возможно быстрое и успешное распространение тех инноваций, в которых заинтересована власть (например, паспортной системы, налогообложения, школьного образования, радио и телефонии). Вместе с тем разросшиеся бюрократические системы становятся ригидными, могут тормозить инновации, даже подавлять их, если они противоречат интересам самих бюрократов.

Судя по всему, мощный эффект бюрократизации государств и компаний, способствовавший в XVIII–XX вв. инновационному развитию передовых обществ, уже исчерпал себя. Дальнейшее влияние бюрократии будет разным в разных обществах в зависимости от уровня реальной пользы самим бюрократам от инноваций и их осознанного интереса в них.

Если бюрократия живет на налогах, величина которых определяется местом национального бизнеса на мировых рынках и успехами в передовых технологиях, то она будет способствовать инновациям; если же бюро-

кратия живет за счет иных источников (например, сырьевого экспорта) и опасается растущей роли бизнеса, то она будет тормозить и даже подавлять инновации.

12. Капиталистическая индустриализация: двойственная роль

Капиталистическая индустриализация, включающая: свободу предпринимательства, рынок капитала, земли и труда, правила конкуренции, правовую защищенность капиталов и инвестиций, очевидно, является мощным двигателем инноваций, причем не только в технологиях, но также в организационных структурах, финансовой сфере, праве.

Только крупнейшие компании, стремясь захватить монополию на рынке, могут препятствовать инновациям. Преодолевает эту тенденцию сочетание сильного антимонопольного законодательства, эффективного в защите конкуренции государства и независимого суда. Все эти три компонента испытывают лоббистское давление крупных компаний. Поэтому здесь следует ожидать волнообразной динамики, а также дивергенции обществ в плане эффективности защиты конкуренции и инноваций.

13. Демократизация: угасание положительного эффекта?

Демократизация включает растущее представительство разных социальных групп в политическом управлении, защиту прав и свобод граждан. Одна из важнейших свобод — возможность создания новых организаций (коммерческих фирм, учебных заведений, исследовательских центров, конструкторских бюро, банков, фондов и т. д.). В этом плане демократизация, безусловно, способствует инновациям.

В то же время партийная и выборная системы как неотъемлемые части демократии испытывают давление «справа» (от крупного капитала как политического спонсора) и «слева» (от социал-демократических, социалистических, рабочих движений и идеологий). Далеко не всегда это давление способствует благоприятным условиям инноваций: крупный капитал может лоббировать порядок, закрепляющий его монополию, а левые партии зачастую стремятся повышать налоги на бизнес до той степени, когда стимулы к выигрышу за счет инноваций угасают. Поэтому эффект демократизации является исторически временным и ограниченным.

14. Фактор глобализации

Наряду с линиями модернизации следует рассмотреть и глобализацию, последняя мощная волна которой (с начала 1990-х гг.) сделала проницаемыми многие границы или даже отменила их (в рамках Европейского Союза), привела к беспрецедентной интеграции мировой финансовой системы, взрывному росту международной торговли, иностранных инвестиций, коммуникаций, разнообразных международных проектов. Поскольку глобализация способствует межкультурному общению, возможностям поддержки всего нового на международном уровне, она становится важным фактором появления и распространения инноваций.

Прозрачность границ приводит к большей скорости и большему масштабу распространения доминирующих режимов и вытеснения слабых. Теневой эффект состоит в том, что за пределами ведущих стран национальные правительства и бизнесы могут переставать инвестировать в собственные науку и технологию, переставать поддерживать собственных изобретателей. Этот потенциал естественным путем постепенно перебирается в ведущие страны, что усугубляет поляризацию.

На рис. П1-2 представлена общая схема действия линий модернизации в Западной Европе и США (1500–1970 гг.) на скорость исторических процессов.

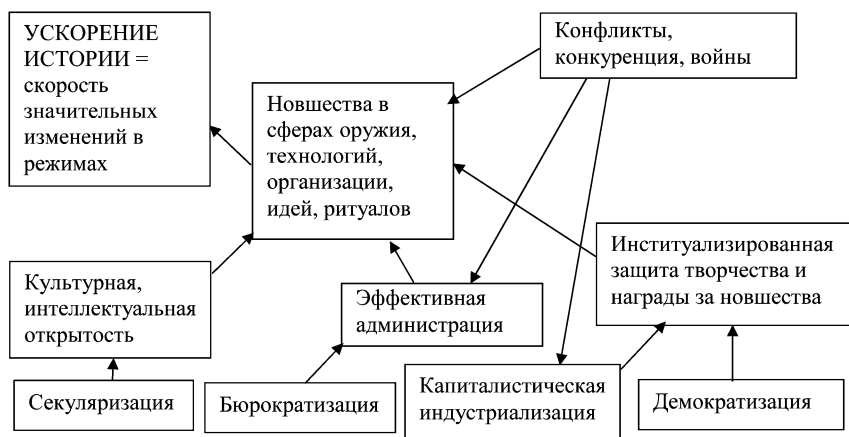

Рис. П1-2. Схема действия линий модернизации на ускорение истории

15. Роль войны

Войны имеют, судя по всему, двойное воздействие на скорость и плотность инноваций: с одной стороны, они ведут к разрушениям, переводят энергию из сферы творчества в сферу агрессии, с другой стороны, высокая конкуренция, внутренняя солидарность, интенсивное творчество в каждой воюющей стороне могут давать эффект не только в изобретении нового оружия, но и в широких областях обеспечения могущества — от науки и образования до развития инфраструктуры, транспорта, связи, администрирования.

Здесь количество, качество и успех инноваций зависят, во-первых, от того, какие процессы перевешивают, во-вторых, от того, насколько открыта военная область — с какой легкостью инновации перетекают из нее в мирную сферу.

Опять же, если говорить о современности, то мы сталкиваемся с углубляющейся поляризацией. В настоящее время для наиболее продвинутых обществ войны, как правило, не нужны, поскольку они вполне успешно

обеспечивают свое доминирование за счет геоэкономических, геокультурных, научных и технологических преимуществ. Войны могут иметь оборонительный или ответный характер как реакция на агрессию, геноцид или особо внушительные теракты (войны США против Афганистана и Ирака после терактов 9/11). При ведении таких войн особое внимание уделяется минимизации человеческих жертв в своей армии, а значит, большие средства вкладываются в новые технологии, что при условии достаточной открытости позволяет перетекать инновациям в мирную сферу.

Напротив, в отсталых обществах ставка делается на дешевый ресурс — «живую силу», и отнюдь не на организационные и технологические инновации.

Таким образом, современные войны только усиливают эффект поляризации: «ускорение истории» для наиболее богатых и развитых обществ и «замедление истории», стагнация — для отсталых.

16. Идейные инновации

Сложнее обстоит дело с идейными инновациями, прежде всего из-за сложности выделения четкой единицы анализа, а также критериев новизны, поскольку идеи всегда рождаются из других идей. Увы, известный рост числа научных и философских публикаций отнюдь не свидетельствует о росте числа важных идей. Более надежную картину могло бы представить число фундаментальных научных открытий в единицу времени, например, в 50 или 10 лет. Здесь также остается проблема определения «уровня фундаментальности».

Не исключено, что в физике, математике, химии, биологии, геологии, астрономии наиболее фундаментальные открытия XX в. не более многочисленны в сравнении со столь же (или даже более!) фундаментальными открытиями каждого из предыдущих трех-четырех столетий.

В социальных науках XX век гораздо более плодотворен, чем XIX, и тем более XVIII. Однако внутри самого XX столетия, несмотря на рост социальных исследований, несмотря на рост числа подходов и концепций в социальных науках, гораздо менее очевидно — больше ли появилось в каждом новом поколении или десятилетии действительно инновационных идей, особенно если учесть взлет социального и исторического познания в поколениях Макса Вебера и основателей школы «Анналов».

Рассмотрев сложность и изменчивость причин ускорения истории, обратимся к наиболее трудным, но и наиболее увлекательным вопросам: если ускорение имеет место, то будет ли оно продолжаться? до какого-то предела?

17. Изменчивость динамики и поляризация

Рассмотренные теоретические конструкции и причины ускорения истории не дают возможности получить простой и однозначный ответ.

Судить об ускорении можно только в предположении, что такие-то и такие-то факторы действуют сейчас и продолжают действовать в будущем.

Вполне вероятно, что продолжится преобладание геоэкономических, технологических и геокультурных факторов доминирования. Тогда ведущие в этих сферах державы и коалиции (Запад в широком смысле, включая Японию, Южную Корею, Австралию) сохранят темп инноваций в этих сферах и будут их распространять на остальной мир. Это произойдет при сохранении высокого уровня базовых факторов, указанных в начале статьи: 1) наличие спроса на инновацию; 2) концентрация творческих индивидов и групп; 3) пересечение нескольких, ранее автономных творческих сетей; 4) социальные условия для выживания инновации; 5) достаточная широта и плотность коммуникаций для диффузии. Монополизация инноваций развитыми обществами неминуемо приводит к разным темпам «ускорения истории», более того, в обществах-потребителях, и тем более в обществах изолированных следует ожидать не ускорения, а замедления истории.

Нет никаких гарантий, что масштабные войны не возобновятся и роль геополитики не повысится. Однако, как было показано выше, войны оказывают поляризующее влияние. Для коалиций богатых и продвинутых обществ войны только подстегивают инновации, а для отсталых обществ усугубляют стагнацию.

Также нет гарантий сохранения высоких уровней факторов 1–5. Монополизация власти и ресурсов замкнутой стратой или сословием вполне возможна и в продвинутых обществах, а это с большой вероятностью приведет к угнетению факторов инноваций: снижению спроса на них (чтобы не подрывать достигнутую монополию), выстраиванию перегородок, препятствующих пересечению творческих сетей (чтобы сохранить контроль над творчеством) и т. д.

Вся предшествующая история полна сложной динамики. Нет никаких доводов, чтобы такая динамика прекратилась и в будущем. Поэтому следует ожидать и волн усиленного ускорения истории и периодов спада, торможения.

Вполне убедительными выглядят только аргументы в пользу продолжающегося усиления поляризации — разрыва между наиболее продвинутыми, богатыми обществами (Запада в широком понимании) и отсталыми обществами (особенно в Центральной Африке, Северной и Центральной Азии и в центре Южной Америки).

Для последних наблюдаются даже тенденции контрмодернизации: государства превращаются в «дикое поле» (дебюрократизация), растет религиозный фундаментализм (десекуляризация), деградируют права собственности, банковские системы, разрушаются производства (откат от капиталистической индустриализации), устанавливаются жестокие авторитарные режимы (откат от демократизации).

В этой перспективе будущее видится не однозначно оптимистическим или пессимистическим, а крайне разорванным и драматичным. В обозримом будущем следует ожидать не конвергенции обществ и «подтягивания отстающих», а дивергенции, увеличения разрыва и обострения конфликтов.

На рис. П1-3 представлена схема объяснения растущей поляризации, а также двойственных влияний (де)модернизации на скорость появления новшеств и на ускорение истории.

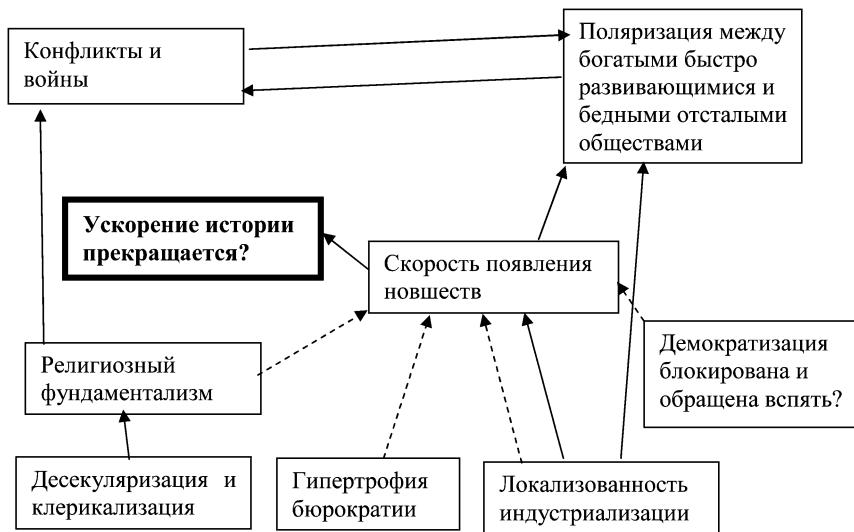

Рис. П1-3. Схема, объясняющая растущую поляризацию между обществами и торможение (прекращение?) ускорения истории

Будет ли предел ускорения истории в богатых и продвинутых обществах («точка сингулярности», о которой пишут Курцвейл и другие)?

Во-первых, значимые пределы ставит сама человеческая природа: способность людей осваивать новое и перестраивать свои практики.

Во-вторых, блага, приносимые инновациями, всегда имеют оборотную сторону, поэтому вполне вероятны быстрые драматические переломы в доминировании обществ, вытеснение прежних центров новыми с новым фокусом внимания и новой динамикой.

Ускорение истории — не миф, но и не абсолютный «закон истории». Это важная часть сложной исторической динамики, подверженная, как и все остальное, действию разных причин в разных местах и эпохах, соответствующим взлетам, падениям и трансформациям.

Приложение 2

Теории исторической динамики Рэндалла Коллинза и контекст российской политики¹

1. Современный классик

В 1995 г. мне впервые встретилось имя Рэндалла Коллинза как того социального исследователя, который сумел предсказать распад СССР на основе общей теории. Тогда в России он был почти неизвестен, разве что в очень узком кругу особо продвинутых московских социологов. После выхода в свет нескольких переводных книг, особенно *«Социологии философий»* [Коллинз, 2002], а также переводных статей, интервью, докладов, нескольких визитов Р. Коллинза в Москву, Новосибирск и Санкт-Петербург, после приглашения его кремлевскими деятелями на пафосные мероприятия (проводимые, например, в Доме Пашкова) ситуация изменилась. Складывается впечатление, что о Р. Коллинзе в России знают уже все гуманитарно образованные люди.

Рэндалл Коллинз — классический, основательный исследователь; он никогда не был замечен в попытках потрясти публику громкими фразами-мемами и соответствующими амбициозными концепциями типа «конца истории», «общества риска» или «столкновения цивилизаций». Однако он уже является одним из наиболее известных и влиятельных социальных исследователей в мире и в России. Это отнюдь не громкая преходящая слава, но крепкая долговременная репутация, которая, в чем я абсолютно уверен, будет только расти в последующие десятилетия, а в будущем труды Р. Коллинза будут цитироваться и изучаться наряду с классическими шедеврами социальной мысли Ф. Энгельса, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля, Й. Шумпетера, К. Леви-Стросса, Б. Мура, Р. Бендикса, Г. Блумера, И. Гоффмана (намеренно упоминая лишь тех, кому наибольшую дань уважения отдает сам Коллинз).

О творческой биографии Р. Коллинза и его включенности в мировые интеллектуальные сети я уже писал во вступительной статье к его *«Социологии философий»*, — этот текст широко разошелся в Интернете, поэтому повторяться не буду. Задача данной статьи — соединить идеи и материал книги *«Макроистория»* с контекстом долговременных социальных и политических изменений в России, в некотором смысле так повернуть «угол зрения» российского читателя, чтобы отвлеченные, довольно строгие теоретические конструкции Коллинза и линии его аргументации, выстроенные обычно на далеком от нас материале, обнаружили свою эвристичность для понимания закономерностей исторической динамики нашей страны, тенденций ее развития в настоящем и будущем. При этом я воздержусь от

¹ Первые версии этого текста опубликованы как Послесловие к книге [Коллинз, 2015] и как одноименная статья (Полис. 2012, № 6. С. 126–141).

критики идей и теорий Р. Коллинза, оставляя дело критического осмысления книги читателям и рецензентам. Иными словами, модальность последующих рассуждений имеет примерно такую форму: «допустим, что данные теоретические положения Р. Коллинза верны, тогда что ценного и полезного они нам дают для понимания закономерностей и механизмов исторической динамики России?»

2. «Золотой век» исторической макросоциологии... Россия опять на обочине?

Во вступительной статье Р. Коллинз утверждает, что особая отрасль социологии, изучающая исторические процессы большой длительности, переживает в настоящее время бурный и плодотворный период («золотой век»), причем он продлится еще на значительный период в будущем. Следует обратить внимание на необычность и смелость этого тезиса, что особенно ярко видно при сравнении с неумолкающим хором «интеллектуальных стенаний» о кризисе всего и вся, начиная с идей упадка Запада (О. Шпенглер) и кризиса европейской культуры (Э. Гуссерль) до провозглашения «конца проекта модерна», «конца эпохи Просвещения», тотального кризиса науки, образования, культуры, да и всей человеческой цивилизации.

Итак, соглашаясь с тезисом о продолжающемся расцвете мировой исторической макросоциологии [Розов, 2009], посмотрим, затронул ли — и насколько — этот расцвет Россию. Разумеется, необходимо принимать во внимание отечественный интеллектуальный фон: монопольное доминирование марксистского взгляда на историю на протяжении семи десятилетий советского периода. Здесь особо значимы два момента.

Во-первых, «исторический материализм» был отчасти социально-философской, отчасти научной, отчасти идеологической доктриной (парадигмой, если угодно) именно *макросоциологического* характера, причем отцы-основатели «истмата» Ф. Энгельс и К. Маркс² до сих пор, наряду с М. Вебером и Э. Дюркгеймом, составляют могучий идейный арсенал социологической классики, который продолжает питать развивающееся социально-историческое познание. В этом плане сохраняющиеся до сих пор марксистские основы российского обществензнания являются солидным потенциалом для неостывающего интереса к самым общим вопросам исторического развития, для масштабности, философской насыщенности российских подходов; при всем этом распространенные догматизм и схематизм имеют тот же источник.

Во-вторых, удручающая пронизанность трудов К. Маркса радикализмом и коммунистическими идеями привела как минимум к двум негативным последствиям. Исторический материализм в советской версии «марксизма-ленинизма» во многом утерять достоинства открытого и живого научного поиска, превратился в догму. Уже начиная с последних десятилетий советского периода наиболее вдумчивые и основательные историки и обществоведы начинали тихо ненавидеть навязываемые «истматовские» догмы (например, о непрерывной «пятичленке» смены формаций и о клас-

² Сам Р. Коллинз именно так расставил ранги [Коллинз, 2009, с. 70–96].

совой борьбе как главной движущей силой истории), что вылилось после распада СССР и коммунистического режима в демонстративный отказ от марксизма со стороны «продвинутых», особенно ориентированных на западную науку российских ученых. Место марксизма занял цивилизационный подход, сильно уступающий ему в теоретичности. В новой связке с «традиционной русской духовностью» этот подход стал не в меньшей мере догматичным и идеологизированным, чем отвергнутый «марксизм-ленинизм». Соответственно, большинство нынешних российских адептов марксизма, даже отказавшись от его радикально-революционных и коммунистических мотивов, остаются догматиками³, при этом пытаясь явно или неявно подвергать идеи Маркса к «русскому патриотизму», традиционному православию и державному государственничеству.

Советская социология, которая стала пробуждаться с 1960-х гг., естественным образом ориентировалась на мейнстрим тогдашней западной, преимущественно наиболее развитой американской социологии с ее традиционным вниманием к опросам, анализу общественного мнения и т. п. В советскую эпоху макросоциологическая проблематика оставалась для нашей социологии табуированной именно из-за идеологической монополизации «историческим материализмом». До сих пор у российских социологов данная родовая травма сохраняется; поэтому, несмотря на переводы классических макросоциологических трудов П. Сорокина, Н. Элиаса, Н. Лумана, К. Поланьи, Й. Шумпетера, новых превосходных книг В. Макнила, Ч. Тилли, И. Валлерстайна, Р. Коллинза, Дж. Арриги, Дж. Даймонда, Т. Скочпол, Д. Норта и др., отечественные социологи за редчайшим исключением остаются равнодушными к анализу крупных социальных процессов, даже не считают такие исследования «подлинно научной социологией». Так, лидер одной из продвинутых (без кавычек) столичных социологических школ прямо сказал мне, что в их среде любые широкие макроисторические обобщения, модели долговременной динамики, сделанные соотечественниками, рассматриваются как «ужас-ужас-ужас — русский духовный дискурс, бессмысленный и беспощадный». Понять такую позицию тоже можно, поскольку основной вал историософских, социально-философских, цивилизационистских, равно как и «фундаментально-социологических» работ, касающихся истории, не имеет эмпирической основы, не опирается на надежные теории, а выражает главным образом крайне идеологизированные и схоластические «размышлизмы» авторов.

³ Привожу пример моего диалога с таким догматиком на одном из российских философских конгрессов:

— Вы судите о политэкономии, а какие современные направления и авторы в отечественной и мировой науке Вам известны?

— А разве такие есть?

— Да, и немало, сейчас весьма интенсивно развиваются исследования на стыке экономики, политической науки, социологии, антропологии и психологии.

— Так ведь это все буржуазные теории!

— Пожалуй, да, уж точно они не пролетарские.

— Так ведь Маркс уже давно раз и навсегда опроверг все буржуазные теории! Зачем же мне их знать?!

Во многом по причине неведения, отчуждения и равнодушия социологов в России макросоциология пока не легитимирована, не говоря уже об институционализации.

Не менее плачевна ситуация и с другой потенциальной материнской дисциплиной — историей. Постсоветская история имеет сходную травму, связанную с эмансипацией от давно надоевшего марксизма, вкупе с которым были отброшены темы крупных исторических сдвигов и трансформаций, задачи выявления объективных закономерностей.

Российские историки либо наслаждаются обретенной возможностью проводить сугубо эмпирические, узкие архивные исследования без излишних теоретических умствований, либо переживают «радость узнавания», когда на своем местном материале обнаруживают нечто похожее на новомодные (обычно французские или немецкие) концепты. Лишь редкие историки, как правило, старшего поколения (И. М. Дьяконов, о котором см. ниже), позволяют себе крупные обобщения, широкий сравнительный и теоретический анализ.

Подрастающее поколение историков проявляет живой интерес к проблемам исторической макросоциологии, но действительного прорыва, появления серии новых ярких работ следует ожидать только после радикального обновления нынешних замшелых вузовских курсов «методологии истории», когда молодые исследователи овладеют не только современным арсеналом методов и средств математической и теоретической истории, но также теоретическим и макросоциологическим стилем мышления⁴.

Итак, по многим причинам макросоциология в России весьма далека от признания и институционализации, она все еще «растаскивается» между геополитикой, социальной и экономической историей, социальной философией и философией истории, политологией и политической философией.

В то же время в постсоветской России сохранился и продолжает расти интерес исследователей (как правило, с философским, историческим и гуманитарным бэкграундом) к изучению крупных социально-исторических процессов. С 1990-х гг. стали появляться альманахи, журналы, серии коллективных монографий, ориентированные на мировой научный контекст («*THESIS*», «*Цивилизации*», «*Время мира*», «*Логос*», «*Космополис*», «*Одиссей*», «*Прогнозис*», «*История и математика*», «*Социальная эволюция и история*», «*Теоретическая история и макросоциология*» и др.), в которых множество материалов посвящено макросоциологической проблематике, пусть и под разными именами.

Большинство отечественных авторов работают на философском, сугубо концептуальном, а то и схоластическом уровне, не прибегая к явному формулированию и проверке теоретических положений, не говоря уже о систематическом анализе исторических данных. На этом фоне выделяется книга историка-востоковеда И. М. Дьяконова «*Пути истории*» [Дьяконов, 1994].

⁴ Будем надеяться, что ситуацию позволит в какой-то мере исправить недавно изданный новый вузовский учебник по методологии исторического познания, главы которого написали Л. Б. Алаев, Л. И. Бородкин, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Н. Н. Крадин, Н. А. Нефедов, Н. С. Розов, П. В. Турчин, П. Ю. Уваров и др. [Теория и методология истории, 2014].

Несмотря на свое историческое самосознание, Дьяконов написал вполне макросоциологическую работу с явным выделением фаз социального развития, критериев их различения, механизмов и закономерностей переходов и т. д. Неслучайно именно эта книга переведена на английский язык, и чуть ли не единственная среди современных отечественных исторических и обществоведческих трудов изучается в западных университетах.

Особняком стоят отечественные работы по геоэкономике, сравнительной экономической истории, миросистемному анализу, теории модернизации. Их выгодно отличает внимание к эмпирическим данным, к современным дискуссиям в мировой науке, к политическому и культурному контексту экономического развития. Однако оригинальных, ярких, «прорывных» исследований пока нет; возможно, сказывается излишний пиетет по отношению к западным авторитетам, сопутствующая робость в проведении собственных сравнительно-исторических исследований экономического развития по оригинальной методологии.

Следует отметить также перспективное и уже получившее ценные результаты направление теоретического изучения и математического моделирования процессов исторической динамики и социальной эволюции (с 2006 г. регулярно выходит альманах *«История и математика»* на русском и английском языках). Данное направление обозначило область своих исследований как «клиодинамику» [Турчин, 2007]. Фактически это ни что иное как применение математического моделирования и статистического анализа в рамках той же исторической макросоциологии.

Появляются книги, в которых достижения западной макросоциологии (особенно теория модернизации, миросистемный анализ, геополитические модели, концепция военной революции, структурно-демографическая теория и др.) активно применяются для объяснения исторической динамики России [Хорос, 1996; Кагарлицкий, 2004; Нефедов, 2005; Розов, 2011].

Итак, историческая макросоциология в России, как и во многих странах мира за пределами Евроатлантики, не переживает в полной мере «золотой век», а питается пока его отблесками. Перспективы полноценной институционализации со специализированными кафедрами, учебными курсами, журналами пока не просматриваются. Однако явный живой интерес, наличие активных исследовательских сообществ, появление масштабных и вполне оригинальных исследований внушают надежды.

3. Теория революций и политические перспективы России

Первая глава *«Макроистории»* Р. Коллинза посвящена синтезу современных центрированных на государстве теорий революций. Почему эти теории стали вдруг настолько актуальными в сложившейся в России политической ситуации?

Правящая группа, как и сам режим «вертикали власти», в большой мере делегитимирована, особенно в среде образованного класса столиц и крупных городов, но явно не собирается отдавать власть, даже сколько-нибудь делиться ею. Чем дальше, тем плотнее закрывается «мягкий» путь, связанный с переговорами, уступками, ротацией власти по результатам

новых честных выборов, — путь постепенной, в целом мирной, эволюции (как это происходило в постфранкистской Испании, а затем в Южной Корее, Бразилии, Мексике). Соответственно, при одновременном росте репрессивности режима (с мая 2012 г.) и нарастании общественного напряжения и всплеск протестов в России единственной возможностью существенного, а не декоративного, преобразования режима оказывается революция.

Тут же в начале главы о революциях обнаруживаем первое разочарование: классическая марксистская теория «скороварки» (напряжение снизу растет и взрывает политическую оболочку) развенчивается. Пока сплочены элиты и их военный репрессивный аппарат, любые низовые брожения тщетны.

Также понятно, что демографический фактор, ключевой в анализируемой Коллинзом теории Дж. Голдстоуна, проявившийся недавно как «молодежный бугор» в арабских революциях, при текущем тренде российской депопуляции действует в обратном направлении, но может в ближайшие годы способствовать росту молодежных протестов в России, когда во взрослую жизнь войдут когорты, родившиеся в начале 1990-х гг.

Вполне релевантным и достаточно прозрачным фактором революционных изменений является «финансовое напряжение, неспособность государства платить своим собственным функционерам, и прежде всего своим солдатам». Известная нынешняя ситуация в России («один дарующий — много просящих и берущих») устойчива, пока есть что давать, а это определяется главным образом мировыми ценами на энергоносители.

Менее тривиальным, но уже активно обсуждаемым является фактор «межэлитного конфликта, междоусобных войн, разделяющих правителей и парализующих их способность действовать», иными словами, раскол элит. Пока признаков его нет, а самым значимым является вопрос о следующем слое причинности: что ведет к расколу элит и иммобилизации (самоблокированию) репрессивного аппарата? Имеющиеся, в том числе обсуждаемые Коллинзом теории революций, указывают на такие факторы, как:

- а) *недостаточность ресурсов* у правящей группы для выполнения ожидаемых от нее обязательств (см. выше);
- б) *перепроизводство элит*, что ведет к недовольству «обиженной» части и формированию контрэлиты;
- в) *делегитимация правящей группы*, но не с точки зрения законности и оправданности ее правления, а с точки зрения утраты значительной частью элит веры в то, что поддержка этой группы — наиболее безопасная и эффективная политическая стратегия (см. далее о принудительной коалиции);
- г) *появление альтернативных центров влияния*, которые по каким-то причинам уже нельзя подавить, уничтожить и которые явно набирают как общественную популярность, так и притягательность для держателей ресурсов и для административных, силовых структур;
- д) *появление и популяризация альтернативного привлекательного образа будущего* [Цирель, 2012], соответствующих лозунгов и идеологии,

которые дискредитируют правящую группу и усиливают влияние новых центров силы;

- е) «*бунт регионов*», когда региональные власти сначала неявно, а потом все более открыто начинают поддерживать не правящую группу, а альтернативные центры силы, главным образом потому, что рассчитывают при их победе увеличить свои автономии, доступ к ресурсам и влияние;
- ж) военные и международные провалы, *утрача государством престижа могущества на внешней арене*, вина за которую возлагается в общественном сознании на правящую группу и режим;
- з) убедительная *поддержка референтными, влиятельными державами альтернативных центров силы (контрэлиты)*, что дает надежды в обществе на повышение международного престижа государства при их победе.

Выше перечислены факторы раскола элит и последующего политического кризиса, который может разрешиться самым разным образом, в том числе реакцией и авторитарным откатом, либо же временной либерализацией, сопряженной с потерей государственного контроля, ростом дискомфорта, тревожности и возвратов к авторитаризму. Выход из этой «колеи циклов» предполагает как организационную подготовку пришедших к власти групп, так и принятие ими особых «правил игры», определенного круга общих принципов, запретов и ценностей [Розов, 2011, гл. 14–15]. В этом плане значимыми оказываются символические ресурсы и деятельность идеологов, а особого внимания заслуживает анализ Коллинзом представлений Дж. Голдстоуна и Р. Вутноу о роли интеллектуалов в революциях, прежде всего тезисы о структурной обусловленности идеологий, о важности «патовой ситуации» между политическими силами для повышения статуса и творческой активности идеологов, о неспособности самих интеллектуалов к последовательным политическим действиям и проведению структурных изменений.

По моей просьбе сам Коллинз в «Предисловии к русскому изданию» проинтерпретировал социально-политические события и процессы в России двух последних десятилетий. Коротко, но вполне концептуально он связал их с «цветными революциями» и «Арабской весной». Вердикт Коллинза вдвойне неутешителен.

Во-первых, сам паттерн «цветных» и арабских революций (упорные протесты огромных масс людей, ведущие к переломному моменту и уходу прежнего лидера) далеко не всегда успешен. Конфликтный процесс может привести либо к жестокому силовому подавлению протестного движения, либо к территориальному разделению с эскалацией взаимного насилия и последующей гражданской войной.

Во-вторых, даже в случае ухода надоевшего лидера при таком паттерне революции — без структурного кризиса и раскола элит — существенные глубокие преобразования не проводятся, поэтому через какое-то время прежняя элита вновь возвращает себе власть, пусть и с некоторой сменой этикеток.

Какая же польза от этого пессимистического прогноза? Прежде всего он позволяет отбросить столь популярные сегодня в России романтические упования на то, что при выходе на улицы сотен тысяч и миллионов «Путин уйдет, режим развалится и наступит всем счастье».

Аналитикам следует сосредоточить внимание на том, имеются ли признаки назревания глубоких структурных противоречий, на том, какие новые принципы социального взаимодействия и институты способны их разрешить, — соответственно, каковы должны быть пути трансформации системы, через какие идеи и лозунги следует обеспечивать ресурсную и массовую поддержку стратегиям такой трансформации.

Что касается глубоких системных противоречий, то речь может идти о так называемых *контурах деградации* [Розов, 2011, гл. 13]. Очень может быть, что не социально-экономические неурядицы и не межэтнические конфликты, о которых привычно думать как о причинах кризиса, сыграют главную роль, а тривиальная неспособность государственного аппарата выполнять свои функции, что может проявиться в самом широком спектре явлений. Структурным противоречием здесь является то, что властные практики укрепления режима во многом опираются на обеспечение лояльности руководящих слоев: от верхних федеральных до ведомственных департаментов, региональных и городских администраций. «Платой» за лояльность является практическая безнаказанность, а значит, и реальная безответственность руководителей и чиновников, в том числе попустительство организованной коррупции, местечковому монополизму, некомпетентности и бездействию.

Другой важнейший структурный фактор — неуклонный рост «условности собственности». Обратной стороной роста нахрапистого и алчного постсоветского чиновничества (прежде всего силового) является уязвимость и «подвешенность» российского бизнеса, живущего под постоянным, даже нарастающим давлением (псевдо)государственного рэкета. Системным следствием является известный переток капиталов за рубеж, а значит, неуклонное ресурсное истощение, которое уже сказывается в стагнации и провале программ развития, а затем проявится и в более острой форме. Какой?

Неявными результатами такого рода деструктивных процессов уже сейчас являются бедствия: лесные пожары, наводнения, техногенные катастрофы. Они являются по своей природе «нормальными случайностями» в смысле Ч. Перроу [Perrow, 1984], причем вероятные в будущем серии таких «случайностей» с особенно очевидной неспособностью власти адекватно и эффективно действовать приведут к политическому кризису.

Куда же направить усилия тем группам, которые стремятся преобразовать режим в направлении к демократии и открытому правовому обществу? Коллинзовское условие глубокого структурного кризиса, разумеется, не следует превращать в достопамятный ленинский лозунг «Чем хуже, тем лучше».

По-видимому, речь должна идти, во-первых, о разработке идей требуемых структурных трансформаций, которые препятствовали бы посткризисному возврату авторитаризма и автократии (а это прежде всего обновление Конституции и важнейших законов о формировании, взаимо-

действию ветвей власти, о политических гарантиях для оппозиции и о выборах), во-вторых, о выстраивании «параллельной реальности» (возможно, с ориентацией на польскую «Солидарность» и прибалтийские «народные фронты» конца 1980-х гг.), когда протестные движения и оппозиция берут на себя функции, особенно дурно выполняющиеся режимом, создают дееспособные структуры, постепенно перетягивают на свою сторону и часть элиты, и симпатии, поддержку населения⁵.

Все это не означает отказа от массовых шествий и митингов, от акций гражданского неповиновения и критики властей, но центр внимания и усилий должен быть кардинально смещен: от нападков — к собственному организационному строительству, от погони за массовостью уличных толп — к легитимности в глазах элит и населения, от простых лозунгов «долой!» — к обсуждению и разработке сложных конструкций будущего политического и правового устройства.

4. Предсказание распада СССР и геополитика современной России

Вторая глава о коллапсе Варшавского блока и Советского Союза — единственная в книге, непосредственно посвященная нашей стране и ее недавнему (по историческим меркам) прошлому. Коллинза неоднократно критиковали за эту работу, как правило, указывая на гипертрофию внимания к внешней геополитике и недостаточный учет внутренних (социально-экономических, национальных, идеологических и других) факторов распада. Такого рода критика не учитывает, во-первых, самостоятельной ценности применения аналитически выделенной аспектной теории (в данном случае — геополитической), оказавшейся достаточно сильной не только для полноценного научного объяснения, но и для предсказания [Гемпель, 2000], во-вторых, того, что геополитическое объяснение отнюдь не отвергает внутренние факторы, а напротив, органически увязывается с концепциями динамики внутри Варшавского блока и внутри СССР.

⁵ Дополнию релевантным фрагментом из главы «*Основания поступков интеллектуала в период “заморожков”*» [Розов, 2016, с. 117–119]: «Сверхзадача состоит в смене глубинных установок восприятия происходящего, ценностей, связи идентичностей и интересов с социальными порядками у элит, активных граждан, потенциальных лидеров реформ и протестов [...] Стратегия рефрейминга состоит в первую очередь в проведении почти отсутствующих сейчас когнитивных связей между систематическими социально-экономическими неприятностями и неэффективностью, плохим функционированием государственных институтов, работающих в них руководителей и чиновников, плохо составленных и/или закономерно нарушаемых законов. Вторая, еще более трудная, почти неподъемная мысль заключается в том, что эти институты и законы можно и нужно менять, начальников переизбирать, а чиновников заставлять эффективно работать или настаивать на их увольнении. Третий пункт состоит в том, что для всех этих изменений нужны коллективные усилия, объединения граждан, площадки для обсуждения их проблем и налаживания связей для сотрудничества, общего действия. И только на четвертом, пятом и последующих местах обнаруживается потребность свободы слова и собраний, защищенность законом и судом, сменяемость власти, честные выборы и т. д. Цепочки — длинные, связи — неочевидные. Но никто не обещал, что политическое просвещение постсоветского населения с целью привития ценностей и принципов современной демократии будет простой задачей».

Сам Коллинз в этой главе говорит о делегитимации власти и коммунистической идеологии, о ресурсном напряжении (во многом вследствие перестроечных реформ, принявших к концу 1980-х гг. форму товарного голода) и о межнациональной напряженности, связанной со сверхрасширением. Вообще говоря, в современной мировой и отечественной литературе нет недостатка в альтернативных версиях «главного фактора» или «комплекса главных факторов» коммунистического коллапса, но никто кроме Коллинза до сих пор не сумел представить общую теорию, полученную на другом материале, которая в соединении с фактическими данными об СССР и Варшавском блоке 1980-х гг. дала бы в качестве дедуктивного вывода предсказание распада этих структур.

Что же полезного может дать опыт теоретического предсказания коллапса СССР для современной российской геополитики? Насколько оправданны часто звучащие тревоги об опасности дальнейшего распада России? Откуда ждать главных угроз? Каковы перспективы укрепления российских геополитических позиций? Детально все эти вопросы были рассмотрены в другом месте [Розов, 2011, гл. 20–21]. Здесь укажем только на основные направления мысли, толчок к которым дают принципы теории геополитической динамики Р. Коллинза.

Большое богатство и большое население страны способствуют ее расширению за счет меньших соседей. Все без исключения новые страны, имевшие ранее статус республик СССР, обладают меньшими геополитическими ресурсами (богатством и населением), чем Российская Федерация, поэтому именно она для них представляет объективную опасность, которая, в частности, реализовалась в практической аннексии грузинских провинций под видом признания их независимости⁶. Объединенная Европа отчасти сама страдает от сверхрасширения, что проявилось в плачевных следствиях утраты контроля за финансами отдельных стран, особенно Греции. К тому же главные военные державы Западной Европы отделены от России целым слоем малых буферных государств, поэтому страхи перед Западом и НАТО обусловлены скорее возобновлением советской риторики «для внутреннего пользования», а не реальными угрозами.

Принцип ресурсного преимущества уже два десятилетия работает на Китай. Если расширить понятие экспансии с открытого завоевания или аннексии до надежного извлечения наиболее ценных ресурсов из соседней территории, то приходится признать, что Китай, согласно долговременным программам «сотрудничества», все больше становится скрытым владельцем богатых сырьевых ресурсов Восточной Сибири. Очевидно также, что при продолжении тенденции вымывания российского населения с

⁶ Со времени написания данного текста сюда следует добавить присоединение Крыма, проекты «Русская весна» и «Новороссия», войну на Донбассе и поддержку самопровозглашенных «республик», известные опасения Казахстана, Беларуси, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Финляндии относительно попыток территориальной экспансии со стороны России. Именно вследствие указанных событий, проектов и опасений силы НАТО действительно существенно укрепились вблизи российских границ, хотя, казалось бы, именно этого в Кремле вовсе не желали.

Дальнего Востока при одновременном бурном росте городов, промышленности и населения северо-восточных китайских провинций принадлежность Приморья России будет все более зыбкой, и оно становится первым претендентом на отпадение в случае глубокого внутреннего политического конфликта.

По параметру *невыгодная центральность / выгодная окраинность* (грубо говоря, отношение длины потенциально опасных границ к длине безопасных) положение Российской Федерации более благоприятно, чем СССР, опять же из-за появления малых буферных государств на Юге и Западе. Однако центральная позиция по-прежнему обуславливает немалое геополитическое напряжение: до сих пор потенциальным противником считаются НАТО и США, что ведет к удержанию значительных военных сил на Западе и на Дальнем Востоке. Кавказ, Таджикистан и китайская граница также оттягивают значительные военные ресурсы. При ухудшении конъюнктуры мировых цен на российский сырьевой экспорт данные напряжения непременно проявятся.

Геополитическая центральность снижается, когда опасные границы переводятся в разряд безопасных, а это достигается за счет *надежных союзов с теми, кому можно доверять и кто точно не планирует посягать на чужую территорию*. Кроме того, по принципу шахматной доски (враг моего врага — мой друг) снизить угрозы со стороны наиболее опасных границ можно через оборонительный союз со всеми актуальными и вероятными противниками угрожающей державы.

Из этих соображений и теории Р. Коллинза прямо вытекают императивы установления прочных дружественных союзов с Европой, США, Турцией (т. е. неугрожающими соседями, в том числе заморскими), с Тайванем, Вьетнамом, Индией (странами, которые испытывают угрозы или напряженность в отношениях с Китаем), устранения напряженности на Кавказе (мирный договор и уход с бывших грузинских территорий, которые России ничего не дают, кроме финансовых и репутационных издержек).

Фактор свёрхрасширения и соответствующая опасность дробления (фрагментации) для России с ее по-прежнему огромной территорией отнюдь не исчезли. Коммуникационные, экономические и отчасти даже культурные отношения уже упомянутого Приморья с Китаем, Калининградского анклава — с Европейским Союзом, Северного Кавказа — с Турцией и арабскими ваххабитами, Карелии — с Финляндией уже сейчас примерно равны или даже более сильны, чем связи этих регионов с Москвой и остальной Россией. Центральная власть эти проблемы видит, но пытается по старосоветским привычкам решать их через «укрепление вертикали», бюджетный поводок, все новые запреты и официозную риторику о «величии» и «единстве».

Геополитическая теория, изложенная во второй главе «*Макроистории*», дает подсказки для совсем иных приоритетов в политике удержания территорий. Главными структурными факторами, способствующими сохранению целостности страны, являются:

- а) снижение логистических издержек во внутренних коммуникациях;
- б) приверженность населения окраин включенности в общенациональное целое в противоположность отчуждению от репрессивного центра;
- в) рост экономических выгод для окраин в рыночных взаимодействиях с другими регионами страны.

Соответственно, упор следует делать отнюдь не на «вертикаль» и запреты, а на дорожную сеть, логистические хабы, на создание таких правовых и экономических условий, при которых власти и население окраин могли бы извлекать все большую выгоду из своей пограничной позиции во все более тесном обмене с другими регионами России.

Блестящим дополнением ко второй главе «*Макроистории*», посвященной геополитической динамике, легитимности и революции как государственному распаду, является Приложение А, посвященное компьютерному моделированию этого комплекса теорий. Вполне актуальными для современной России выглядят следующие положения обсуждаемой синтетической теории и результаты динамического моделирования.

Правители с тем большей готовностью ввязываются во внешний конфликт, чем больше страдают от подрыва своей легитимности. При этом уровень успеха или неудачи определяется тем, превосходит ли государство противников в своих ресурсах либо они обладают совокупным преимуществом. Режим, легитимность которого подорвана выборными фальсификациями и массовыми столичными протестами (с декабря 2011 г.), вполне может пойти на военную авантюру (например, вновь против слишком успешно модернизирующейся и «слишком прозападной» маленькой Грузии), но выиграет только при условии полной изоляции последней. Совокупная же поддержка Грузии со стороны США, ЕС и Турции (как члена НАТО) приведет к военному и репутационному провалу на внешней арене, а значит, еще большему подрыву легитимности правящей группы в России⁷.

Даже если на такой авантюрный шаг российские правители не решатся, они уже сейчас явственно наращивают военные расходы и военную промышленность, что делает актуальными эффекты растущей «индустрии оружия» (см. [Коллинз, 2015, Приложение А, рис. 5, 6]). Само это увеличивает в перспективе вероятность военных авантур, поскольку «в условиях высокой зависимости экономики от государства правитель прямо переводит дефицит своей легитимности в желание начать международный конфликт» (там же).

При вероятном противостоянии таким авантюрам со стороны западной коалиции — с учетом сохранения угроз на востоке страны — вряд ли

⁷ Сказанное отчасти реализовалось в 2014 г., только не для Грузии, а для Украины. Триумф присоединения Крыма существенно укрепил режим и власть в России (явный рост популярной, силовой и бюрократической легитимности). Западные страны оказывают Украине пока только моральную и политическую поддержку, ввели против России санкции. Патовая ситуация на Донбассе продолжается. Здесь нет ни победы, ни поражения. Поэтому на настоящий момент (лето 2017 г.) можно говорить только о подрыве международной легитимности путинского режима, тогда как внутренний эффект от «геополитического триумфа» уже сходит на нет.

можно рассчитывать на серьезные военные успехи и на территориальное расширение для России. Внешние авантюры, скорее всего, получат негативное подкрепление и прекратятся⁸. Зато накопленная военная мощь будет перенаправлена на репрессивное поддержание режима внутри страны, что явится существенным фактором в прогнозируемой кризисной динамике, которая рассмотрена в предыдущем разделе.

До какого-то предела возросшая военная мощь режима будет играть стабилизирующую роль в «подмораживании России», но при углублении кризиса, внутриэлитном расколе и появлении новых агрессивных центров силы эти военные ресурсы станут большим соблазном для силового разрешения политических конфликтов, а значит, мирно настроенная оппозиция должна быть готова противодействовать такому развитию событий, чреватому гражданской войной⁹.

5. Этническая динамика и тенденции межэтнических отношений в России

Главное положение излагаемой в третьей главе *«Макроистории»* геополитической теории этничности: *престиж могущества государства делает привлекательным вхождение в этничность доминирующей в этом государстве группы, напротив, упадок престижа могущества ведет к отчуждению от этой группы и подъему этнонациональных движений за автономию или отделение.*

Яркое проявление этой теории в «наших палестинах» представлено во фразе журналистки об одном незадачливом кавказском «политике»: «Когда империя была в соку, он был ментом. А сейчас, вот, он — сторонник шариата и халифата». Описание и объяснение волн подъемов и спадов этнонациональных движений в СССР и России — большая самостоятельная задача. Здесь же обратимся к перспективе: как может помочь теория Р. Коллинза в решении действительно насущных и острых проблем этничности в современной и будущей России?

Полная этническая ассимиляция (сталинский идеал) и недостижима, и не нужна. Зато есть очевидная потребность в укреплении *общенациональной идентичности* (если не под именем «россияне», то по крайней мере в качестве «граждан России» или «русских в широком смысле»).

Вполне приемлемой, а возможно, и оптимальной для России является канадская модель и государственная этническая политика, когда квебекцы, а также этнические поляки, украинцы, русские, китайцы, индусы, индейцы

⁸ Таков и был эффект провала «Русской весны». Однако начавшаяся в сентябре 2015 г. сирийская авантюра до сих пор упорно продолжается, несмотря на жертвы и огромные финансовые издержки. Престиж от присутствия на мировой арене, переговоры с лидерами США и европейских держав относительно войны в Сирии оказываются для Кремля важнее потерь.

⁹ О посткризисных развилках в политическом будущем России, условиях выбора разных альтернатив см. в главе *«Сущность демократии и структурные условия демократизации»* [Розов, 2011, гл. 14]. Подробнее о российской геополитике см. в главе *«Российская геополитика как наука: отменить нельзя развивать»* [Розов, 2016, гл. 9].

сохраняют свою особую идентичность, при этом все они чувствуют себя канадцами и гордятся этим. В государственной политике это достигается упором на билингвизм, на поддержку культуры всех этнических меньшинств, но не как изолированных сообществ (подобно пакистанцам в Англии или туркам в Германии), а как *важных частей большого разномасштабного народа, солидарных с его другими частями*.

Иными словами, в идеале «малая этничность» (например, татарин, грузин, азербайджанец, армянин, узбек, еврей, чеченец, хакас, бурят, якут и т. д.) должна внутренне и извне *не противопоставляться* «большой этничности» («а не русский»), но *сочетаться* с ней («и одновременно российский», «в том числе русский по культуре», «полноправный гражданин России», «русский в широком смысле» и т. д.).

Что подсказывает теория Р. Коллинза относительно путей достижения этого идеала двойной этничности? Во-первых, в поддержке сейчас нуждается именно «большая этничность» (быть русским в широком смысле), а к росту ее привлекательности ведет геополитический престиж могущества России. Здесь важно тонкое различие — значение имеет не столько сама по себе военная мощь (количество ядерных боеголовок, истребителей, подводных лодок и танков) и даже не победы в вооруженных конфликтах и войнах, а именно *престиж*, т. е. признание на внешней арене силы государства не только большой, но и оправданной — легитимной, «доброй».

США с блеском выиграли вторую Иракскую войну в военном плане, но их международный престиж явно пострадал (по контрасту с первой Иракской), а Дж. Буш-младший и его команда — правители державы-победителя — утратили легитимность, а не увеличили ее. Подобным же образом Россия, очевидно, победила в августе 2008 г. Грузию в военном отношении, поскольку установила контроль на спорной территории, но престиж и легитимность ее были снижены, и это проявилось в том скандальном факте, что даже ближайшие союзники по СНГ и оборонительному блоку так и не признали независимость Южной Осетии и Абхазии. Соответственно, после этого не наблюдалось никакого роста желаний малых народностей считать себя русскими, — скорее, усилились движения за этническую автономию.

Не помогают ни возврат Кремля к переговорам с США о ядерном оружии, ни попытки представить себя лидером (одним из лидеров) антиамериканской коалиции. Гораздо лучше смотрятся международные акции помощи, проводимые МЧС, что вполне закономерно обеспечивало высокий внутрироссийский рейтинг главе этого ведомства.

Похоже, в патовой ситуации долговременного мира (без масштабных и длительных войн) главным фактором престижа могущества становится *оправданная влияние*. Достигается же она:

- а) экономической мощью, миросистемным статусом — ростом присутствия на мировых рынках высокотехнологичной продукции, масштабам накопления и успешной коммерческой инициативы;
- б) привлекательным культурным экспортом;

- в) последовательной линией в дипломатии относительно острых международных проблем, направленной на защиту понятных всем общезначимых ценностей (мира, справедливости, свободы, защиты угнетенных, прав меньшинств, демократии и т. д.).

Вслед за Коллинзом можно сделать смелое предсказание: при усилении факторов (а-в) все больше представителей малых этничностей («национальных меньшинств» в прежней терминологии) станут считать себя «русскими в широком смысле». Проигрыш по этим аспектам (усугубление роли России как сырьевого придатка, снижение качества, масштабов и популярности в разных странах российских фильмов, книг, живописи, дискредитация России как капризного, упрямого и эгоистичного переговорщика, спад ее влияния в международных делах) повлечет за собой рост этнического сепаратизма в самой России, отчуждения этнических анклавов от России и центра, растущего нежелания считать себя «русскими», роста популярности старых и новых квазиэтничностей (например, сибиряков, казаков, поморцев, космополитов и т. д.).

6. Геополитическая теория демократии и отечественные перспективы демократизации

Излагаемая в четвертой главе «*Макроистории*» концепция сущности демократии как коллегиально разделенной власти особенно актуальна для настоящего и будущего российской политики потому, что присущая России на протяжении всей ее истории с середины XVI в. «русская система власти» [Пивоваров, 2006] прямо противоположна такому разделению.

Поскольку соответствующие идеи «Царя», «единоначалия», «крепкой руки» сохраняются, будучи прочно укорененными в головах элиты, простонародья и немалой части образованного класса, в устройстве государственных институтов и в повседневных практиках [Розов, 2011, гл. 8–9], появление новых автономных центров силы как начальное условие коллегиальности, во-первых, крайне затруднено, во-вторых, даже когда случается, воспринимается подавляющим большинством как опасные «двоевластие» или «семибоярщина», которые необходимо преодолеть. Избавляются же в России от этих «пагуб» обычно жестко и даже жестоко — через опалу, ссылку, политическое убийство, тюремное заключение, осуждение на казнь вероятных политических конкурентов. Если же силовые ресурсы не монополизированы, а распределены, то происходят серии попыток узурпации власти, ведутся малые или большие гражданские войны, результатом которых непременно становится возрожденная «русская власть», не терпящая ограничений и коллегиального разделения.

Вообще говоря, чтение данной главы может вызвать весьма пессимистические чувства у каждого, кто надеется на становление полноценной демократии в России. Слишком много объективных и субъективных условий должны удачно сложиться, причем многократно, тогда как многовековые политические привычки упорно будут этому препятствовать. Детально пять основных развилок и комплексы условий успешного (т. е. ведущего к

демократии) прохождения каждой развилки представлены в другом месте [Розов, 2011, гл. 14–16]. Здесь укажу только на главные ментальные сдвиги, необходимые (но отнюдь не достаточные) для демократизации:

- порядок в стране может достигаться не единовластием и вертикальным принуждением, а горизонтальными компромиссами между паритетными центрами силы (в том числе ветвями власти) и соответствующей системой правил;
- необязательно полностью подавлять, уничтожать, выбрасывать из политического поля побежденного соперника; возможны и реальные такие договоренности, системы правил и общественный контроль, что оставшийся «в поле» соперник, победивший на выборах в будущем, не будет, в свою очередь, подавлять и уничтожать утратившего власть правителя и его группу;
- при сохранении нынешней территориальной централизации России (в сфере налогов и распределения бюджета, в столичном контроле над местными назначениями и выборами, в гиперполномочиях федеральных ведомств) путь к демократии закрыт наглухо; только после радикальной федерализации, последующего объединения регионов на новых — горизонтальных, собственно федералистских — основаниях, а также при умеренном повышении геополитического престижа этой коалиции на внешней арене возникнет устойчивая разделенная коллегиальная власть — фундамент реальной демократии;
- если когда-то удастся выстроить в России такую систему с паритетными центрами силы, горизонтальными компромиссами и регулярной ротацией на основе свободных и честных выборов, все центры силы, региональные альянсы и каждый из них в отдельности должны заботиться не о собственном выигрыше и проигрыше соперников, а о росте престижа государства, что в современных условиях означает подъем в миротехнической иерархии (от сырьевой периферии к ядру мир-экономики), рост культурного экспорта и оправданную влияние в мировой политике (см. выше); демократию мало выстроить, ее еще нужно надежно легитимировать.

Следует заметить, что приведенные выше благопожелания весьма слабо соотносятся с жесткой структурной логикой геополитической теории демократии Р. Коллинза. Поэтому возвратимся еще раз к теме российской геополитики, теперь уже сосредоточившись не на угрозах внешних завоеваний или распада, а на условиях, способствующих и препятствующих демократизации страны. К тому же сам Коллинз дает обильную пищу для размышлений в своем кратком прогнозе возможностей развития российской демократии, приведенном в конце 4-й главы *«Макроистории»*. Самый любопытный пассаж приведу здесь полностью.

«Если геополитические условия будут способствовать установлению некой федеральной структуры альянсов вокруг ослабленного российского государства, то такая остаточная федерация бывшего Советского блока вполне может породить некий баланс могущества, сходный с

теми видами структур, которые исторически способствовали коллегиальному разделению власти. Если бы такая федерация “большой России” ограничила сферу влияния своей мощи близлежащими раздробленными зонами Кавказа и других слабых соседей, то она бы могла праздновать возвращение, по крайней мере, скромного геополитического престижа могущества, который укрепил бы легитимность демократических институтов. Проблема российской демократии состоит в том, чтобы, выйдя из фазы геополитической слабости, восстановиться, причем восстановиться настолько, чтобы коллегиальные (разделяющие власть) структуры федеративных правительств могли бы быть удержаны вместе, а не дробились дальше» [Коллинз, 2015, с. 256–258].

Данный прогноз сделан Коллинзом в условном ключе (если бы..., то...), и, как мы знаем теперь (эти строки пишутся летом 2012 г.), история пошла совсем иным путем. Что же полезного можно извлечь из этого несбывшегося предсказания как для понимания причин ошибки, так и для рассуждений (удручающе затянувшихся — с декабристов и Герцена) о перспективах российской демократии?

Давайте уточним воображаемые условия, при которых благоприятный прогноз Коллинза должен был сбыться.

1. В России уже должна была существовать коалиция (реальная федерация регионов) с эффективным коллегиальным разделением власти как основа демократии согласно коллинзовской концепции.
2. Могущество и влияние этой коалиции должно было распространиться на прежние республики СССР (например, на Беларусь, Украину, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Армению, Грузию, Молдову) и на некоторые части социалистического блока (например, на Сербию, Болгарию, Монголию) из-за значимых центростремительных причин, например, поиска союза с Россией для защиты от внешних угроз (как в свое время к России присоединялись Грузия и Армения, спасаясь от Османской империи) или из-за ее высокого геокультурного и геэкономического престижа (как до последнего времени многие страны стремились войти в Европейский Союз).
3. Новым присоединившимся членам коалиции должны были предоставить права и полномочия, близкие к уже значительным (см. п. 1) правам и полномочиям внутренних субъектов федерации — собственно российских регионов.
4. Созданная таким образом «Большая Россия» (некий аналог мечтаний наших великодержавных идеологов, но с существенной и вряд ли приемлемой для них коллегиальной добавкой) должна была бы долгое время «удерживаться вместе» благодаря: а) собственному эффективному управлению; б) внешним геополитическим угрозам и напряжениям, причем успешно преодолеваемым; в) подъему престижа на внешней арене.

Теперь, с высоты прошедших лет, отчетливо видно, почему ни одно из этих условий не имело места (или вовсе не могло произойти?). Действительно, хотя в 1990-е гг. российские регионы обладали некой, хотя и не настоящей

федеративной, самостоятельностью, а при победе движений «Отечество» (Ю. Лужков) и «Вся Россия» (М. Шаймиев) в 1998–1999 гг. могли еще более увеличить политическое влияние, общая структура политического устройства в стране уже тогда была далека от коллегиального разделения власти.

Отчасти из-за суперпрезидентской Конституции 1993 г., отчасти из-за давних политических традиций центр принятия ключевых решений находился не в коллегиальных органах (например, Совете Федерации), а в Администрации президента (прямой наследницы ЦК КПСС и Кабинета Его Императорского Величества). Острая политическая борьба тех лет велась отнюдь не за рост полномочий коллегиальных органов, а как раз за захват высших властных — президентских высот (к чему и стремился Юрий Лужков как самый амбициозный тогда лидер коалиции глав регионов). Действительно, до прихода В. В. Путина государственная власть в стране была ослабленной, *но это вовсе не означало силы и эффективности коллегиальной власти*. Путин же сразу пошел по стандартному пути усиления центрального аппарата, «обуздания» региональной «вольницы», что и привело затем вполне логично к искоренению федерализма, а затем и остатков демократии в 2003–2005 гг.

Центростремительные факторы, склоняющие бывшие советские республики и социалистические страны к союзу с Россией, отчасти присутствовали, но оказались слишком слабыми. Отчуждение авторитарной Беларуси от демократической Европы, особенно в лице Польши, помнящей о своем прежнем территориальном могуществе, а также явные надежды Лукашенко заменить Ельцина в какой-то мере толкали Беларусь к альянсу с Россией и созданию «союзного государства». Однако перевесили факторы размежевания, среди которых важнейший — жесткий отказ Москвы хоть в какой-то мере делиться реальными властными и финансовыми полномочиями с Минском.

При военном конфликте НАТО и Сербии также возникали идеи присоединения последней к России, но геокультурный, геоэкономический престиж Европейского Союза как для элиты, так и для большинства населения Сербии оказался на порядок выше, чем привлекательность России с ее отнюдь не преодоленным имперско-авторитарным «амбре». Разумеется, здесь сыграли роль и отсутствие общей границы, и давние, со времен Югославии и даже более ранние экономические, культурные, политические связи Белграда с западноевропейскими странами.

В какой-то мере непростые отношения и перспективы отношений Казахстана с Китаем, Армении — с Азербайджаном и Турцией, Молдовы — с Румынией, Таджикистана — с афганской горячей зоной, Кыргызстана — с Узбекистаном сближают эти страны с Россией, но в каждом случае факторы, препятствующие глубокому союзу, особенно с взаимным ограничением суверенитета, перевешивают. «Большой России» так и не получилось, а сейчас уже не видно возможных условий, при которых она могла бы возникнуть.

В такой ситуации вышеуказанные условия 3 и 4 представляются вовсе невыполнимыми. При отсутствии собственного внутреннего федерализма не приходится ожидать, что Москва войдет в действительную коллегиаль-

ную структуру разделения власти с любым из присоединившихся союзников (даже если такие вдруг появятся). Тем более не стоит обсуждать вопрос об эффективном управлении такой большой коалиции; «вертикаль власти» в самой России испытывает явный кризис, а любые другие модели управления до сих пор имеют в лучшем случае умозрительный характер.

Ко всему этому следует добавить, что могучие имперские комплексы в умах как правящей элиты, так и подавляющего большинства населения России расцветут пышным цветом при любом увеличении влияния, тем более при территориальном расширении. Кроме очевидного, указанного Коллинзом эффекта возвеличивания лидера, при котором произошло бы такое расширение, соответственно, усиление автократии, есть и другой важный фактор. Имперство в российском менталитете жестко спаяно с идеями «царя» и «сильной (читай, авторитарной) власти», практиками принуждения сверху вниз и низкопоклонства снизу вверх. Все это вместе блокировало бы любые подступы разросшейся за счет соседей России к коллегиальному разделению власти, а значит, и к демократии.

Итак, геополитический путь к демократизации через «Большую Россию» закрыт, по крайней мере, в видимой перспективе на несколько десятков лет вперед. Значит ли это, что геополитическая теория демократии неприменима к России? Отнюдь. Потенциальными членами будущей коллегиальной структуры власти по-прежнему остаются российские регионы. Сейчас они полностью задавлены гиперцентрализованной фискальной и перераспределительной системой, а также жестким контролем Кремля над ключевыми назначениями и выборами в администрациях регионов и крупных городов. Надвигающийся кризис этой нездоровой системы приведет к спектру возможных траекторий, одной из которых является резкое усиление регионов, формирование структур коллегиального разделения власти, что при определенных условиях открывает путь к демократизации (см. условия прохождения развития при глубоком социально-политическом кризисе [Розов, 2011, гл. 14]).

7. Четыре аспекта модернизации в российской исторической динамике

Пятая глава *«Макроистории»* посвящена опровержению устоявшегося образа Германии как исконно авторитарной, издавна «беременной» нацизмом. Эту задачу Коллинз решает, представив широкое полотно трудных, неустойчивых, возвратных движений процессов модернизации в крупнейших западных обществах: Германии, Франции, Великобритании и США. Он показывает, что Германия, начиная еще со Средневековья, была как раз авангардом во множестве аспектов движения к современности, тогда как удручающий нацистский период стал следствием особого сочетания геополитических и геоэкономических процессов, причем от подобной судьбы нет абсолютных гарантий ни в одном западном, ныне демократическом, обществе (тем более в остальных, добавлю от себя).

Р. Коллинз дает очень четкую концепцию модернизации, разделив ее на четыре автономных долговременных тенденции: бюрократизацию, секу-

ляризацию, капиталистическую индустриализацию и демократизацию. Поскольку о последней уже сказано достаточно, рассмотрим коротко, как протекают первые три процесса в российской истории, современности, и что это означает для перспектив чаемой многими (в том числе представителями власти) модернизации страны.

Реформы Петра I, наряду с созданием современных на то время военной организации и вооружения (как центральной части его мечты «войти в Европу при шпаге»), включали два вспомогательных рывка, прямо соответствующих коллинзовским модернизационным компонентам: *бюрократизацию* и *секуляризацию*.

Дальнейшая история российского государства — это во многом история прогрессирующей бюрократизации, причем бюрократия использовалась почти исключительно для контроля над страной со стороны авторитарной «русской власти». Индустриализация изначально имела не капиталистический, а государственный и даже крепостнический характер (прикрепление рабочих к заводам при Петре и возобновление подобной практики при Сталине). Со времен правления Екатерины II можно говорить о сколько-нибудь значительной капиталистической индустриализации, которая, однако, всегда испытывала немалое давление со стороны государства, нередко вытеснялась государственным капитализмом, особенно в горном деле, металлургии, военном производстве и постройке железных дорог.

После коллапса Империи в 1917–1918 гг. и некоторых вольностей 1920-х гг. сталинский «великий перелом» ознаменовал построение тоталитарного государства с максимальным по историческим меркам проникновением бюрократии (включающей также иерархию «органов» — репрессивного аппарата) в жизнь общества, каждого его члена, в экономику, культуру и частную жизнь. Построенное Лениным, Троцким и Сталиным советское государство в плане упорства и жестокости борьбы с церковью и верой, тотального навязывания атеизма было безусловным чемпионом во всей мировой истории в плане антирелигии¹⁰. Капиталистические начала были вытравлены полностью (по этому параметру с СССР может сравниться разве что Северная Корея).

Таким образом, в плане модернизации Советский Союз представлял собой громадный воплощенный парадокс: явный мировой лидер в бюрократизации и принудительном атеизме, значительная, особенно в аспекте военной индустрии, промышленная держава, в корне истребившая все прежние рыночные и капиталистические традиции, с тоталитарным, т. е. предельно антидемократическим политическим режимом.

¹⁰ Некоторые считают «научный атеизм», коммунистическую идеологию и «культ личности» особыми разновидностями «безбожной религии». Такой взгляд можно оправдать как антисоветский риторический прием, однако он неверен ни социологически, ни культурологически. Действительная религия предполагает веру в сверхъестественное (личного Бога, богов или безличное начало), в зависимое от него посмертное существование (спасение, лучшее рождение, нирвану и т. д.), а также регулярные ритуальные практики, претендующие на контакт с этим сверхъестественным. Следует добавить, что принудительный государственный атеизм не является секуляризацией (см. главу 4 настоящего издания).

С этой точки зрения любопытным образом смотрятся постсоветские 1990-е «ельцинские» и 2000-е «путинские» годы.

В период правления Б. Н. Ельцина бурное развитие капиталистических отношений и некоторое продвижение в сторону демократии (при остаточных авторитарных традициях и установлении суперпрезидентства в 1993 г.) сопровождалось удручающим ослаблением бюрократических функций государства, особенно в части сбора налогов и контроля над насилием, а также отходом от атеизма — полным восстановлением легитимности церкви, реставрацией и постройкой новых храмов и т. д. Таким образом, все четыре советских тренда были обращены вспять. Теперь развитие капитализма и частичная демократизация составляли модернизационные изменения, тогда как (вновь парадоксально!) упадок бюрократических функций и клерикализация направляли Россию вспять от общих трендов модернизации.

В путинский период (продолжающийся по сию пору, когда пишутся эти строки) после некоторого прогресса в развитии капиталистической экономики 2000–2004 гг. стал доминировать курс на государственный капитализм в крупном бизнесе (госкорпорации и «придворные» олигархи), тогда как средний и мелкий бизнес попал в ведение региональных «баронов», как правило, препятствующих свободной конкуренции. Бюрократия стала при этом более эффективной, что справедливо воспринималось как «восстановление государства», но и более могущественной, что особенно касается силовых ведомств: ФСБ, МВД, Прокуратуры, Следственного комитета и др. Стала нарастать клерикализация: попытки сращивания РПЦ с государством, проникновение религиозного образования в школы и вузы, особо не скрываемая установка власти на превращение православия в государственную религию, причем явно с державническим, консервативным и авторитарным уклоном. После 2003 г. шло неуклонное движение отката даже от частичных завоеваний демократии, достигнутых в 1990-е гг.

Итак, в первом десятилетии XXI в. Россия шла по пути модернизации только в одном аспекте: в восстановлении и усилении государственной бюрократии, тогда как в остальных трех процессах сильно откатилась назад. Хуже того, разросшаяся бюрократия при отсутствии внешнего дисциплинирующего контроля (принудительно-устрашающего, как в СССР и Китае) или общественно-репутационного, электорального (как в реальных демократиях) непременно становится подверженной разложению: наполняется теневыми коррупционными кликами, беззастенчиво присваивает ресурсы как государства (через распилы и откаты), так и населения (через взятки), неудержимо теряет ответственность и эффективность. Принцип бюрократии (четкое выполнение безличных правил) все больше замещается принципом патримониализма (личные патрон-клиентские отношения в теневых кланах)¹¹. По сути дела, это означает подспудный процесс дебюрократизации, т. е. уже по всем четырем аспектам путинское государство переживает не модернизацию, а *контрмодернизацию*.

¹¹ [Фисун, 2010]. О неопатримониализме см. также главы 2–3 настоящего издания.

Оппозиционное и протестное движение, начавшееся в декабре 2011 г., делало упор на демократизацию («честные выборы»). Все больше осознается опасность клерикализации государства (в связи со скандалами вокруг акции Pussy Riot, поведения патриарха, скандально агрессивных заявлений православных фундаменталистов и др.). Аспекты бюрократии и капиталистических отношений (защиты собственности, свободной конкуренции, формирования рынков земли, труда и капитала с открытым доступом и т. д.) удостоиваются гораздо меньшего внимания, но они являются не менее, а то и более значимыми для российской модернизации на современном этапе. Какие условия и действия требуются для продвижения в этих аспектах — это отдельная большая тема, а обзор Р. Коллинзом истории такого продвижения в крупнейших западных обществах является отличным начальным пунктом для ее разработки.

8. Рыночная динамика в современной России: специфика и вероятные следствия

В шестой главе своей книги Коллинз проводит своеобразный мысленный эксперимент: берет за основу последовательность социально-экономических формаций К. Маркса и Ф. Энгельса, переосмысливает их как эпохи доминирования динамики особых рынков (рынки родства в родоплеменных обществах, рынки рабов — в рабовладельческих, рентно-принудительные рынки — в феодальных и свободные рынки земли, труда и капитала — в капиталистических). Рынки каждого типа имеют тенденцию к расширению и развитию, что рано или поздно ведет к кризису социального порядка, радикальному сдвигу в системе собственности и переходу к новому типу рынков.

Как известно, сходную «панрыночную» парадигму к коммунистическим режимам развивали в свое время Янош Корнай с его концепцией «вертикального торга» [Корнай, 1990] и авторы отечественной концепции «административного рынка». Похоже, в современной России схожие рынки власти, полномочий, прав, легитимности, доступа к ресурсам не менее значимы, чем капиталистические рынки товаров, труда и капитала (при крайне ущербном до сих пор рынке земли).

Что же нам помогают увидеть теоретические понятия и конструкции Р. Коллинза в современных российских рынках?

Как гласит его теория, *«каждая форма рыночного обмена основана на особом виде собственности»* [Коллинз, 2015, с. 304]. Возьмем классическую ситуацию обмена: президентские структуры требуют от губернатора достижения определенного процента голосов на выборах в пользу «партии власти» или «правильного кандидата». При этом негласно обещают оставить тогда губернатора в должности (или всячески способствовать его переизбранию на новый срок), не подвергая особо строгому контролю в отношении того, как губернатор и его «команда» обращаются с местным бизнесом, какими путями извлекают прибыль из своего командного положения (например, через преференции в землеотводе). Наряду с этим отдельный московский чиновник может намекнуть губернатору на необходимость поддержки особого благотворительного фонда (например, помощи ветеранам спецслужб) для наиболее успешного «решения вопросов».

Как видим, предметами собственности (в широком смысле) здесь являются полномочия и доступ к ресурсам, в том числе финансовым, административным, силовым и символическим. Соответствующие рынки вполне резонно назвать *рынками полномочий и доступа*. Тут же следует сделать оговорку: собственность эта ненадежна, только формальная часть полномочий и доступа защищена административным правом. По сути же дела, эта собственность в подавляющем большинстве случаев имеет условный характер: индивид и группа могут лишиться ее по воле индивидов и групп с более высокими полномочиями.

Согласно концепции Р. Коллинза, *«рынки варьируют в плане своей открытости»* [Там же, с. 305]. В преимущественно закрытой, непубличной политике современной России и соответствующие рынки полномочий и доступа являются закрытыми (к участию допускаются далеко не все желающие, а только доказавшие свою лояльность и сумевшие предложить что-то значимое для теневого обмена).

«Рынки как социальные структуры имеют тенденцию расширяться в течение длительных периодов времени» [Там же]. Развертывание российской коррупции вширь и вглубь, особенно с начала 2000-х гг., вполне соответствует этому тренду. Главными же ограничениями выступают финансовые ресурсы государства (с 2000 г. они росли и пока остаются на высоком уровне даже после спада 2008–2009 гг.)¹² и организованные протесты со стороны ущемленных социальных групп, ставящие пределы действиям участников рынка полномочий (до 2011–2012 гг. они оставались разрозненными и малосущественными).

«Структурное расширение рынков приводит к экономическому и организационному росту за счет увеличения объема товаров и стимулирования инноваций в производстве» [Там же]. Для рынков полномочий и доступа к ресурсам эта закономерность не действует. Скорее, склонность экономики к инновациям даже угнетается, поскольку наиболее простым и эффективным путем достижения успеха для бизнеса является вовсе не вложение в венчурные проекты, а достижение монополии на своем рынке путем подкупа местного руководства, иными словами, выгодный обмен в том самом рынке полномочий и доступа к ресурсам (в данном случае «покупается» закрытие доступа на «свой» рынок конкурентам).

«Рынки конкретных единиц обмена, как правило, приводят к появлению вышестоящих, или надстроженных (superordinate), рынков, где торгуют самими условиями торговли» [Там же]. Имеется ли и какова иерархия рынков полномочий и доступа — самостоятельная тема политико-социологических исследований. Здесь же только сопоставлю идею надстроженных рынков с остроумной моделью «мягких правовых ограничений» К. Рогова:

«В системе, где правила нарушаются, но правила нарушения правил меняются, наибольшими возможностями (властью) обладает тот, кто

¹² Снижение цен на нефть и санкции с 2014 г. вновь ухудшили ситуацию, что не привело к настоящему кризису, но обусловило экономическую стагнацию, продолжающуюся и на настоящий момент (лето 2017 г.).

контролирует режим изменения правил нарушения правил. В результате, возникают три этажа системы:

- 1) те, кто торгуется за право нарушения правил (субъекты санкционированного/несанкционированного правонарушения);
- 2) те, кто выдает права на нарушение тех или иных правил (исполнительский уровень);
- 3) те, кто контролирует изменения правил нарушения правил и таким образом контролирует и тех, кто правила нарушает, и тех, кто выдает права на нарушение правил (это политический уровень)¹³.

В данной модели находит объяснение нерациональность вложений в инновации и развитие производств в сложившейся системе:

«...права собственности трактуются здесь как права на результаты использования собственности (прибыль), в то время как сама собственность является отчуждаемой. Инвестиции в покупку индивидуальных прав на нарушение правил — это инвестиции непосредственно в увеличение текущей прибыли, в то время как инвестиции в рост эффективности производства — это инвестиции в собственность, важнейшей характеристикой которой является ее отчуждаемость» [Рогов, там же].

Р. Коллинз пишет: *«В долгосрочной перспективе рынки, как правило, достигают кризисных точек. Такие кризисы включают [...] существенное ограничение или разрушение ее основной формы рыночного обмена, а также преобразование социальной организации в структуру, основанную на иной форме собственности»* [Коллинз, 2015, с. 306].

Откуда ждать кризиса для системы рынков полномочий и доступа, включающей систему «меняющихся правил нарушения правил»? Очевидный фактор колебания основного источника государственных ресурсов — доходов от сырьевого экспорта — может ослабить систему, даже привести к смене правящей группы, но вряд ли изменит сложившиеся структуры и стереотипы поведения в таких рынках. Как считает К. Рогов, сосуществование «вертикального торга» с «горизонтальной» (читай, нормальной) рыночной экономикой, обеспечивающей прибыльность, приводит к устойчивой стагнации всей системы, пусть и лишенной развития. При этом описанная система склонна к неуклонному самоподрыву вследствие действия нескольких *контуров деградации* — кругов обратной положительной связи между разрушительными тенденция-ми [Розов, 2011, гл. 13]. Здесь укажу только на три фактора.

1. Неистребимо *стремление людей, имеющих условную собственность, превратить ее в собственность настоящую*, поэтому тренд бегства капиталов, наиболее инициативных и талантливых людей из России имеет не временно-конъюнктурный, а системный характер и будет далее нарастать. При этом благодаря рынку полномочий и доступа к ресурсам именно в России можно получить (в том числе извне) наи-

¹³ Рогов К. Режим мягких правовых ограничений: природа и последствия. <http://inliberty.ru/blog/krogov/2471/>

большую норму прибыли. В результате территория России все в большей мере окажется объектом колониального расхищения, что неминуемо приведет к серии экологических кризисов и социально-политических протестов, способных (вкуче с другими факторами) опрокинуть сложившийся режим и систему рынков.

2. Развитие рынка полномочий и доступа к ресурсам как наиболее потенциально прибыльного неминуемо оттягивает на себя ресурсы, в том числе силы, время и ответственность руководителей и функционеров как государства, так и бизнеса. Совокупным результатом является пресловутое «гниение (разложение) системы», все менее способной выполнять основные функции (предоставлять услуги населению, ловить преступников и совершать правосудие, охранять природную среду, поддерживать инфраструктуру, способствовать развитию экономики, выпуску качественных товаров и т. д.). Опять же, серии бедствий, взрывов недовольства и протестов при схождении в одну волну самоусиления способны привести к глубокому кризису и обрушить систему.
3. Даже при относительно благополучном и устойчивом развитии явлений, указанных в пунктах 1–2, через обозримое время (судя по темпам глобального развития — не более 10–15 лет) все более драматически будет сказываться отставание от стран, по отношению к которым Россия долгое время считалась более развитой. Если доминирование Китая уже стало привычным, то отчасти начавшееся, отчасти вероятное в будущем отставание России от Турции, Бразилии, Мексики, Индии, Таиланда, Индонезии станет все более скандальным, приведет к внешнему упадку престижа, соответственно — к внутренней делегитимации. Вероятные попытки правящей группы восстановить геополитический престиж в «маленькой победоносной войне», опираясь на привычное военное преимущество, только сильнее обнаружат пороки режима и ускорят его крах.

Какой режим и какой тип рынков придут на смену нынешнему — об этом из данной концепции Р. Коллинза не узнать, хотя вновь актуальной оказывается теория революций (см. выше). При этом представленный в шестой главе *«Макроистории»* детальный анализ специфики исторических типов рынков, кризисов рыночных систем и механизмов перехода интересен сам по себе для расширения кругозора, имеет немалую эвристическую ценность.

9. Монастырские корни «японского чуда» и условия пользы церковного «стяжательства»

Седьмая глава книги Р. Коллинза посвящена, казалось бы, совсем далекому от нас экзотическому сюжету — роли японских буддийских монастырей в формировании ранних капиталистических отношений. Если же присмотреться, то обнаруживаются любопытные параллели между историями монастырей и монастырской экономики в Японии и России, причем

возникает закономерный вопрос: *отчего же столь многочисленные и богатые православные монастыри не стали ведущим сектором экономики в России, не привели к такому внушительному прогрессу в коммерческой инициативе и предпринимательстве, в правах собственности, в технологических инновациях, в практиках накопления и инвестиций, в развитии рынков земли, труда и капитала, в структурах самоподдерживающегося роста, как это красочно написано у Коллинза про буддийские монастыри в Японии?*

Действительно, в обеих странах монастыри множились как грибы, обладали большой земельной собственностью и богатством, имели избыток дешевых рабочих рук, вели новаторские работы в области селекционирования, агротехники, обработки сельскохозяйственной продукции¹⁴. Как в буддийских, так и в православных монастырях были монахи-воины¹⁵, внутренние уставы, велась бумажная — бюрократическая — деятельность. Монахами в обоих случаях становились представители разных сословий, вокруг стен как буддийских, так и православных монастырей росли посады — городки ремесленников и мещан.

Любопытно, что идеологические битвы вокруг буддийской экономики в Японии весьма сходны с известным конфликтом между стяжателями (Иосиф Волоцкий) и нестяжателями (Нил Сорский) на Руси. Буддийских монахов так же обвиняли в бездуховности, в поглощении земными суетными заботами, заменившими возвышенный труд души, направленный на спасение. Очевидное материальное богатство монастырей вызывало благочестивый ропот и в Японии, и на Руси. В обоих случаях власти провозглашали *секуляризацию* (первоначальный смысл данного термина — конфискация церковного и монастырского имущества, в том числе земельных владений).

Как видим, сходств немало, причем не поверхностных, а вполне значимых — структурных. Почему же все-таки буддийская монастырская экономика сыграла столь большую роль в становлении раннего японского капитализма, тогда как роль православных монастырей в развитии российского капитализма едва заметна (если вообще была)?

Очевидные подсказки дают география и геополитика. Японские острова — это ситуация перманентной стесненности по Р. Карнейро, тогда как на Руси открывались бескрайние просторы, особенно на северном и восточном направлениях [Карнейро, 2006]. Если некуда расти вширь, то инвестировать приходится в какие-то начинания на том же месте. Поэтому стесненность пространства ведет к интенсивной, а открытость — к экстенсивной экономике. Действительно, православные монастыри постоянно

¹⁴ Так, в Кирилло-Белозерском монастыре в условиях Полярного круга монахи умудрялись выращивать виноград, арбузы и дыни. Отзвуки славы монастырского вина, которое готовили православные монахи, дошли и до нашего времени.

¹⁵ Таковы были монахи-воины — герои Куликовской битвы (звали ли их действительно Пересвет и Ослабя — другой вопрос). Многие монастыри на Руси были построены как крепости, и, очевидно, велась особая военная подготовка монахов, чтобы они могли их грамотно защищать.

отпочковывались, уходили в «пустынь», либо вслед за иноками-первопроходцами, строившими скиты, либо вслед за крестьянами-переселенцами. Энергия православных монахов была направлена на строительство, борьбу с суровыми условиями, привычное освоение новых даровых ресурсов, а вовсе не на поиск новых коммерческих ниш в плотно заселенной местности, чем вынуждены были заниматься монахи буддийские.

Геополитический момент — это сроки и особенности централизации государства. В Японии бурное развитие монастырской экономики «успело» произойти в период раздробленности, при которой (важное сходство с Европой!) сохранялись тесные культурные и экономические связи между политиями (княжествами — даймё), даже конфликтующими между собой. Объединение страны в период Токугава (1600–1868 гг.) не привело к созданию репрессивной централизованной бюрократии, вместо этого сохранялся баланс сил между даймё, каждый из которых имел свою местную армию и администрацию.

В России централизация государства вокруг Москвы произошла раньше, причем особый характер государства сложился уже со времен Ивана Грозного, когда государственная власть терпит сколько-нибудь самостоятельные региональные администрации, силовые центры лишь пока не способна их подавить и уничтожить. С этих пор и началась неуклонная борьба с самостоятельностью церкви и способностью монастырей к военной защите своих интересов и собственности¹⁶. Центральное правительство само активно занималось законотворчеством. Ясно, что в такой ситуации внутренние уставы монастырей никак не могли войти в состав защищающей собственность правовой системы — важнейшей основы капиталистического развития.

В XVI–XIX вв. Россия в аспектах государственной централизации и ограничения частной коммерции оказывается сходной с Китаем, тогда как разделенная и коммерциализированная Япония во многом является миниатюрным подобием Западной Европы. В этом плане вполне закономерными видятся сходства между «европейским чудом», двумя волнами «японского чуда», с одной стороны, и жестокими коллапсами Российской, Китайской империй после столетий их геополитического могущества, с другой.

Монастырские земли и собственность конфисковались государством и в Японии, и в России. Важное различие состоит в том, кто и как затем управлял этим имуществом. Если в Японии основная часть монастырского богатства попала в частные руки торговцев и производителей (происходивших от тех же монахов или связанных с ними) либо аристократов, которые сдавали землю в аренду, то в России бывшие церковные и монастырские

¹⁶ Борьба оказалась долгой. Особенно драматична история Соловецкого монастыря, выдержавшего несколько нападений шведов, а из-за упорства в старой вере — восемь лет осады со стороны московского войска в 1668–1676 гг. («соловецкое сидение»); еще через сотню лет Екатерина II секуляризовала земли монастыря на материке, причем конфискация отнюдь не была мирной.

земли становились государственными, работали на них государственные крепостные, а управление было бюрократическим (ср. с современными госкорпорациями).

Соответственно, накопления коммерческих институтов, практик, традиций, технологических инноваций плавно переходили в Японии из монастырской экономики в частную светскую, тогда как в России сами эти накопления были слабыми и частичными (те же селекционная работа, виноделие, рецепты), а после государственной конфискации эти ростки, если и дали где-то всходы, то отнюдь не привели к взлету в технологиях и рыночных отношениях, основанных на надежной защите собственности и инвестиций.

Следует отметить, что православная церковь в России, несмотря на череду конфискаций (особенно масштабных при Иване Грозном, Петре I, Петре III и Екатерине II) вплоть до большевистского разгрома владела большим количеством земель, значительным имуществом и немалыми денежными средствами¹⁷. Вклад же этого сектора в капиталистическое развитие вряд ли можно считать существенным, вероятно, из-за того же бюрократического централизованного управления уже внутри церкви (принявшей со времен Петра I и сохраняющей по сию пору облик вертикально-принудительного квазигосударственного ведомства).

Подтверждением данного объяснения служит обратный случай — нецентрализованная, но могучая старообрядческая экономика¹⁸, давшая России семьи купцов и фабрикантов (Морозовы, Гучковы, Рябушинские, Шукины, Третьяковы), выходцы из которых неслучайно становились крупнейшими лидерами демократического и либерального движения, знаменитыми меценатами и коллекционерами.

Итак, даже предельно экзотическая глава книги Коллинза о средневековых буддийских монастырях в Японии может служить полезным зеркалом для понимания возможностей и драм нашей родной истории.

* * *

Несмотря на обилие работ, посвященных российской истории, а также обществу, политике, экономике и культуре России, закономерности и механизмы долговременной исторической динамики нашей страны еще ждут строгого теоретического и эмпирически фундированного исследования. Необходимой основой для такой масштабной работы является связанный комплекс общих динамических теорий, подкрепленных широким историческим материалом.

¹⁷ «Согласно статистическим данным 1905 г., по 50 губерниям Церковь располагала 1,9 млн десятин земли, еще 0,3 млн десятин находилось в частной собственности духовных лиц. Ей принадлежало немалое количество промышленных предприятий и торговых заведений, доходных домов» [Шмелев, б/г].

¹⁸ Старообрядцы держали в своих руках хлебную торговлю и хлопчатобумажное производство, в крупнейших городах они составляли до половины и более зарегистрированных лиц купеческого сословия [Частное предпринимательство... 2010].

Если непосредственной задачей данного послесловия было показать, что, казалось бы, весьма отдаленные от нас темы «*Макроистории*» Р. Коллинза имеют самое прямое отношение к возможностям и средствам нашего понимания прошлого и настоящего России, построения прогнозов и планов на будущее, то более значимая и до сих пор неявная цель — другая: *указать на перспективные стратегии в дальнейших исследованиях российской исторической динамики, основанные на самых конструктивных к настоящему времени макросоциологических теориях.*

Самая большая польза от этого послесловия к русскому переводу книги Р. Коллинза будет, если оно станет *предисловием* к ряду принципиально новых исследований закономерностей и механизмов исторических процессов в России.

Новосибирский Академгородок, лето 2012 – лето 2017 гг.

Приложение 3

Пулеметы и армейская демократия: этюд исторической микросоциологии

1. Проблема и подход к решению

Кто, почему и при каких условиях побеждает в ситуациях столкновения интересов и принятия групповых решений? Для общего ответа на этот вопрос требуются, прежде всего, теоретическая схема, описывающая динамику групповых процессов в ситуациях *ультрамикро-* (здесь-и-сейчас) и формулировка закономерностей.

В данной работе в качестве базовой теоретической схемы используется теория интерактивных ритуалов, обогащенная понятиями, принципами других социологических и социально-психологических концепций (см. главу 1). В этих терминах сформулированы гипотетические закономерности, применимость и верность которых проверяется через теоретическую интерпретацию одного частного случая, произошедшего летом 1917 г. в Петрограде и описанного в мемуарах главнокомандующего войсками Петроградского военного округа П. А. Половцева [Половцев, 2016]. Случай интересен и тем, что решения два раза менялись на противоположные, и тем, что в нем как в капле воды отражаются политико-идеологические, социологические и психологические реалии бурного и судьбоносного периода отечественной истории.

Согласно обогащенной концепции интерактивных ритуалов, конфликтное взаимодействие в ситуации здесь-и-сейчас (далее — *конфликт*) представляет собой попытку двух или более сторон (индивидов, сплоченных групп с лидерами) навязать остальным участникам свой ритуал, а значит, навязать им соответствующие линии поведения и установки:

- поменять образ ситуации, схемы восприятия окружения, в пределе — картину мира;
- сменить приверженность с одних символов на другие;
- подорвать одну идентичность и навязать другую;
- в социальных отношениях сменить солидарность и лояльность на ненависть и презрение или наоборот;
- убедить в опасности, безнадежности одной линии поведения и в безопасности, привлекательности другой.

Особым типом конфликтов являются ситуации *группового решения*, когда две или более стороны пытаются провести свою линию, убедить участников в своей правоте и неправоте позиций и предложений противников (их ошибочности, порочности, опасности).

Известными эффектами групповых обсуждений и решений являются конформизм значительной части пассивных участников, социальная лень, связанная со склонностью перекладывать ответственность на лидеров, поляризация позиций, динамика возбуждения с неизбежным истощением

энергии, давление большинства на меньшинство, социальный контроль норм, осуществляемый прежде всего «блюстителями группового духа». Эти свойства следует принимать во внимание, но их знание не помогает в объяснении причин победы той или иной позиции. Поможет ли обогащенная теория интерактивных ритуалов?

Доминирует та сторона в групповом обсуждении, чья позиция принимается большинством и/или наиболее влиятельной, референтной группой. Гипотезы доминирования сформулированы в главе 6 настоящего издания (принцип выбора альтернатив, принцип импрессивности — ритуальной внушительности установок и принцип ритуального доминирования лидеров).

2. Отдавать ли пулеметы? — фабула конфликта

В конце июня 1917 г. военный и морской министр А. Ф. Керенский приказывает главнокомандующему войсками Петроградского Военного Округа П. А. Половцеву отправить на фронт 300 пулеметов, для чего необходимо получить согласие пулеметного полка. Половцев вначале собирает отдельные роты и с успехом убеждает отдать пулеметы, потом поддается на предложение собрать весь полк, где обсуждение берет в свои руки большевистский лидер, хитроумно добивающийся общего отрицательного решения. Половцев не соглашается с ним, проводит повторно обсуждения с ротами и получает согласие от них на отгрузку пулеметов для фронта.

Здесь третий такт сходен с третьим, поэтому поставим два вопроса: а) чем обусловлена победа Половцева в обсуждениях в отдельных ротах; б) почему он проиграл, а успеха добился большевистский лидер на общем обсуждении?

Наша задача не состоит в проверке достоверности рассказа самого Половцева, для чего требуются альтернативные отчеты о данной ситуации (которых, по-видимому, не существует), а также архивные записи относительно факта отгрузки тех самых пулеметов из 2-го пулеметного полка Петроградского гарнизона (такие документы могут сохраниться, но вряд ли способны существенно изменить представление о случившемся).

Рассказ Половцева вызывает доверие, во-первых, честным признанием своего поражения на промежуточном этапе, во-вторых, тем, что Половцев серьезно рисковал бы своим авторитетом, ложно утверждая свою финальную победу в мемуарах, изданных в Париже в 1927 г. В то время при множестве живых свидетелей лживое бахвальство легко могло быть опровергнуто. Тем более что в белоэмигрантской среде, склонившейся к монархизму, Половцев как бывший функционер революционного Временного правительства был фигурой одиозной, многие желали бы его дискредитировать, разоблачив ложь в этих мемуарах.

Далее курсивом приводим сам рассказ Половцева, разбитый на части, интерпретируем происходившее в терминах обогащенной теории интерактивных ритуалов, используя известные исторические сведения о построениях солдат и рабочих в Петрограде 1917 г. [Никитин, 1937; Рабинович, 1994; Аксенов, 2002; Булдаков, 2010; Колоницкий, 2010], проводим

эскизную реконструкцию типового габитуса петроградских революционных солдат и сопоставляем объяснение событий с сформулированными ранее теоретическими гипотезами.

3. Приказ Керенского и начальное обсуждение в ротах

«Другой заказ Керенского тоже был связан с крупными осложнениями. Он присылает мне приказание отправить из петроградских запасов 300 пулеметов, “жизненно необходимых для фронта”. Из 2-го пулеметного полка их не выудить, но в 1-м полку, кроме пулеметов, находящихся в Петрограде, есть несколько сотен на складе в Ораниенбауме. Однако же, по словам командира полка, караул ни за что их не выпустит без постановления полкового комитета, а комитет 1-го пулеметного полка — чрезвычайно гнусное учреждение.

Решаюсь пуститься на фокус. Еду на Выборгскую, в 1-й пулеметный полк, и по совету командира вхожу в помещение наиболее благонадежной 2-й роты, собираю людей, читаю телеграмму Керенского, говорю несколько слов о тяжелом положении на фронте и с улыбкой заканчиваю уверением, что остающихся у них в Петрограде семисот с лишним пулеметов вполне достаточно для защиты революции. Рота постановляет беспрекословно пулеметы отправлять. Перехожу к следующей, где, конечно, добавляю заявление о состоявшемся благоразумном постановлении 2-й роты. Здесь вопрос тоже проходит благополучно...» [Половцев, 2016, с. 103–104].

Ситуации конфликта пока еще нет. Половцев занимает одновременно позиции организатора обсуждения и единственного докладчика. Начинает с самых «благонадежных» рот, где это качество следует трактовать как наличие и соотношение у солдат следующих установок:

- фрейм «мы — Россия и российская армия — воюем с Германией» сильнее, чем фрейм «мы — угнетенный класс — воюем с буржуазией»;
- воинские, патриотические ценности победы в войне важнее, чем революционные идеи;
- лояльность к армейским командирам сильнее, чем приверженность лидерам и активистам революции;
- идентичность солдат, воинов сильнее, чем классовая идентичность угнетаемых крестьян или рабочих;
- стереотипы воинской дисциплины, подчинения армейским авторитетам сильнее, чем установки на протест и бунт.

Половцев вполне рационально использует эффекты конформизма, присоединения к преобладающей позиции, когда в следующей роте ссылается на «благоразумное постановление» другой роты в предыдущем обсуждении.

В пользу Половцева здесь работали все закономерности.

Согласно *принципу выбора альтернатив* Половцев выигрывал, пользуясь своей монополией в установлении фокуса внимания, делая ставку на воинскую солидарность, ответственность слушателей («несколько слов о тяжелом положении на фронте»), не забывая потратить их интересам безопасности, революционной лояльности («семисот с лишним пулеметов вполне достаточно для защиты революции»).

Импрессивность установок и ритуальное доминирование были достигнуты монополией лидерства, отсутствием конфликтующей стороны, самым высоким рангом говорящего (главнокомандующий столичными войсками, что также предполагает доступ к административным и силовым ресурсам), который не побрезговал прийти и говорить с солдатами каждой роты. Вероятно, впечатление на солдат также произвели проявившиеся на войне и известные в армии достоинства Половцева как военачальника, соответствие представленного в его речи образа происходящего (трудное положение на фронте, но возможность победы при поддержке оружием) когнитивным и ценностным установкам солдат «самых благонадежных» рот.

4. Начало общего полкового обсуждения в театральном бараке

«... но в третьей казарме я, к сожалению, попадаюсь на удочку лукавого большевика в овечьей шкуре, доказывающего, что обойти все роты займет чуть ли не целый день, что по виденным двум ротам я могу судить о благочестивом настроении всего полка и что, если собрать все остальные роты в полковом театральном бараке, то вопрос благополучно разрешится в 5 минут. Командир полка легкомысленно присоединяется к этому мнению, и я совершаю непростительную ошибку, согласившись с их доводами.

Полк быстро собирается в театре. Я вхожу на эстраду и повторяю сказанное в ротах, но чувствую, что атмосфера не та. После меня сейчас же выскакивают два большевика. Первый из них, после обычного негодования на войну, затеянную капиталистами, которую мы только бесполезно удлиним, послав пулеметы на фронт, прибегает к очень ловкому ораторскому приему: “Все равно, мол, согласитесь вы или нет, а пулеметы у вас отнимут”. — Ясно, что после этого публика на стенку полезет. Второй большевик заявляет, что в этом помещении обсудить вопрос нельзя, так как не хватает всем места. С этим доводом нельзя не согласиться, ибо и половина наличного состава не может втиснуться в театр. Чувствую, что меня подловили» [Там же, с. 104].

Здесь перед нами предстает великолепный пример успешной конфликтной стратегии, включающей множество компонентов: кардинальное расширение состава участников, прекращение монополии на слово как способ установления центра внимания, использование заранее подготовленных ораторов и ловких демагогических приемов, упорное перемещение внимания с темы воинской солидарности в войне с Германией на классовую солидарность в борьбе против капиталистов, на неприятие войны, «затеянной капиталистами». Выигрыша еще нет, но некий «лукавый большевик в овечьей шкуре» уже подготовил к нему важнейшие ингредиенты обсуждения как интерактивного ритуала.

5. Продолжение общего обсуждения во дворе

«Митинг переносится на двор, где трибуной служит двуколка. После неудачных ораторских усилий Кузьмина выступает ряд большевистских говорунчиков, в том числе профессиональные златоусты из числа рабочих, прибежавших на митинг с соседних заводов. Хорошо зазубренные трафаретные речи

лются безостановочно. Большинство солдат, которым знакомая картина митинга давно надоела, разбредаются по казармам, но выдрессированная большевиками куча в несколько сот человек стоит плотно. Они уже, вероятно, привыкли выносить резолюции полкового митинга, преподнося эти резолюции как мнения всего полка со списочным составом в 1900, а инертная масса грызет семечки и своим безучастным молчанием санкционирует, что угодно» [Там же, с. 105].

В целом, ритуал с формы «встреча главнокомандующего с солдатами» сменяется на привычную форму «политический революционный митинг». Здесь имеет значение каждая деталь. Существенно меняется состав участников: приходят рабочие — «профессиональные златоусты» — с соседних заводов, тогда как многие солдаты, уставшие от трафаретных речей, расходятся по казармам. При этом остается ядро — «выдрессированная большевиками куча», причем далее Половцев прозрачно намекает на то, что лояльность солдат большевикам оплачивается, вероятнее всего, немецкими деньгами. Таким образом, в игру вступает уже фактор материального интереса — поддержания комфорта жизнеобеспечения. Моральные обязательства и поддержание духовного комфорта (воинская солидарность, честь, патриотизм) уступают место у «выдрессированной кучи» вполне прозаическим мотивам получения денег на каждодневный прокорм (а то и на гулянку в столице). Недавние положительные подкрепления лояльного большевиком поведения в этой группе значительно сильнее эфемерных святынь воинской солидарности и чести, если не вытеснили их полностью.

6. Промежуточное поражение и отказ его принять

«Казалось бы, речи о естественных стремлениях пролетариата имеют весьма мало отношения к отправке 300 пулеметов на фронт, но температура страстей на митинге все повышается. Предвидя, как неизбежное последствие, растерзание моей особы на составные части без всякой пользы для дела, и удивляясь тому, что это грустное событие еще не произошло, медленно и с достоинством удаляюсь, заявляя во всеуслышание, что я пришел потолковать с солдатами пулеметного полка, а не с рабочими Выборгской стороны. Командира полка прошу по окончании митинга приехать ко мне с докладом о результатах, конечно, потеряв всякую надежду на благополучный исход словоизвержений» [Там же, с. 105].

Итак, чувствуя, к чему идет дело, Половцев решает резко и демонстративно отказаться от принятия навязанного ему побеждающими большевиками ритуала, который можно обозначить так: «революционные солдаты не поддались на уговоры пособника капиталистов, отстояли свое оружие, не дали подпитывать им империалистическую войну».

Сильный ход Половцева в конфликте состоял в том, что он даже не пытался ввязываться в «содержательные» споры относительно нужности продолжения войны, роль «капиталистов», целей революции и проч. Вместо этого он фактически встал в рефлексивную позицию относительно самого порядка обсуждения, состава участников и легитимности решений митинга. Тем самым он поставил в центр внимания уже не вопрос об отдаче/неотдаче

пулеметов, а тему честности/нечестности обсуждения, соответственно, призмемости итоговых решений.

В его отсутствие большевики побеждают опять же в соответствии с указанными выше закономерностями: пользуясь монополией на предоставление слова и фокусировку внимания, опираясь на корыстные интересы (поддержания комфорта жизнеобеспечения) и актуализируя установки классовой, революционной идентичности. Однако без признания этой победы противником она не стала ни полноценной, ни устойчивой.

7. Реванш

«Но когда он (командир полка. — Н. Р.) через некоторое время появляется с грустным лицом, я отказываюсь признать себя побежденным и прошу его вернуться к моему основному плану, произведя немедленное одновременное голосование по всем ротам. Большевики, вероятно, празднуют победу и ослабили надзор... Если, как я рассчитываю, большинство рот выскажутся за отправку пулеметов, необходимо сейчас же собрать полковой комитет и, предъявив письменные постановления рот, несомненно выражающие истинное желание полка, потребовать от комитета соответственного постановления. Если комитет попытается сослаться на сегодняшний митинг, то тогда надлежит заявить, что я не могу считаться с какими бы то ни было резолюциями этого митинга, так как, во-первых, присутствовали, говорили и, вероятно, голосовали лица, не принадлежащие к составу полка, а, во-вторых, подавляющее большинство солдат, по моим наблюдениям, разошлись по казармам и на митинге не присутствовали. И демократично, и хорошо, но нужно действовать быстро, а то большевики придумают контрманевр.

Получив мои инструкции, командир начинает действовать. Перед обедом получаю сведения, что из 16 рот — 12 высказалось за отправку, 2 воздержались, а 2 высказались против. (Хорош бы я был, если бы мне пришлось лично получить отказ этих двух подлых рот). Захваченный врасплох полковой комитет не может найти зацепки в моих парламентских приемах и подчиняется постановлению большинства рот. Вечером командир летит в Ораниенбаум, ночью пулеметы нагружаются, и утром все 300 укатывают на фронт. Доношу Керенскому, что приказание, полученное за № таким-то, исполнено» [Там же, с. 106].

К сожалению, детали об обсуждениях в ротах с разными позициями неизвестны. Весьма любопытно поведение «захваченного врасплох полкового комитета», который искал зацепки в успешной операции Половцева (а значит, находился под сильным влиянием или даже под руководством большевиков, тем более что в начале рассказа обозначен как «чрезвычайно гнусное учреждение»), но при этом «подчинился постановлению большинства рот».

Иными словами, названный «гнусным» комитет поступил вполне честно, признав свое поражение. Сравнение не только с последующей политикой большевиков и коммунистов, но и с повадками постсоветской российской власти дает возможность оценить масштаб произошедшей с тех пор «эволюции» моральных установок.

8. Факторы большевистского успеха

«Митинг у пулеметчиков лишний раз показал мне, как большевики проводят свои резолюции, затягивая дело, пока благоразумное большинство солдат, утомленное многоглаголением, не разойдется по казармам, а господа, ожидающие полочки суточных из германского генерального штаба, остаются до конца и голосуют по команде. Поэтому не особенно волнуюсь, узнав, например, про возмутительные резолюции одного из самых лучших полков, Егерского, где 8 большевистских ораторов говорили почти непрерывно в течение 3-х дней» [Там же, с. 106–107].

Здесь Половцев признает успешность стратегий большевиков по проведению нужных им групповых решений. В данном частном случае Половцев выиграл, но при проигранном «бое» большевики, как известно, выиграли «войну».

Захват политической власти в октябре 1917 г. и январе 1918 г., победа в Гражданской войне во многом были обусловлены выигрышами в официальных и неофициальных групповых обсуждениях: ведь все эти успехи предполагают принятие коллективных решений, убеждение людей, мобилизацию на борьбу и вооруженное насилие. Именно большевики наиболее эффективно использовали глубинные установки рабочих, солдатских и крестьянских «масс».

9. Революционные солдаты Петрограда: реконструкция типового габитуса

Событийная канва рассказа Половцева не отягощена психологическими интерпретациями, но все же позволяет представить в общих чертах габитус революционных солдат столицы — основного «горючего материала» бурных событий в России 1917 г. Главной чертой в каждом типе установок является двойственность — наличие двух конкурирующих установок, каждая из которых в разных ситуациях способна либо актуализироваться, стать доминирующей, управляющей сознанием и поведением, либо деактуализироваться, переходя в латентный статус.

Для каждого типа установок эти пары выглядят примерно так (разумеется, в весьма упрощенном виде).

Две главные объективные реалии того времени — война и революция — получали альтернативные представления в конкурирующих когнитивных установках. «Благонадежная» установка (с точки зрения военного командования и Временного правительства) состояла в приверженности интересам победы в войне, солидарности с войсками. «Неблагонадежная» установка, активно и весьма успешно пропагандированная большевиками, заключалась в трактовке войны как ненужной, чуждой, «затеянной капиталистами», которую надо было быстрее прекратить, либо превратить в гражданскую войну, а затем в мировую пролетарскую революцию.

В экзистенциальных установках сосуществовали и конкурировали идентичности, включенные в два фрейма, оба с глубинным традиционным архетипом «мы/они» (или «свои/чужие»). С одной стороны, «мы» — это русские солдаты, ассоциирующие себя с Родиной, Россией, Православием, против «них» — опасных внешних врагов (в той ситуации — немцев, Германию); с другой стороны «мы» — это угнетенный класс (бывшие крестьяне, рабочие),

борющийся против «них» — капиталистов, которые пытаются нас опять по-работать или же, испугавшись, погубить, послав на передний фронт.

Социальные установки как интериоризированные отношения включали конфликтующие между собой:

- а) подчинение формальной военной структуре, воинской дисциплине, военному начальству и авторитетам;
- б) включенность в неформальные и полуформальные революционные, партийные, идеологические группы со своими лидерами (большевиками, меньшевиками, эсерами, анархистами).

Соответственно, в *ценностных установках* конкурировали между собой святыни «Родины, Отечества» и синкретического смыслового комплекса, включавшего «Мировую Революцию», «Свободу», «Социализм», «Фабрики — рабочим, землю — крестьянам!», «Вся власть Советам!», «Будущее Царство Справедливости» и т. д.

Наконец, *поведенческие установки* как конечная инстанция для решений и действий, включающая арсеналы реакций, практик, стратегий, согласованных с установками вышеуказанных типов, в данном случае распадались на «благонадежные» (подчиняться воинской дисциплине, приказам, призывам командиров) и «революционные» (от голосования по указке партийных лидеров до грабежей и разбоев под видом «реквизиций» [Булдаков, 2010]).

В рассмотренном случае обращает на себя внимание «статистика» приведшего к победе Половцева итогового голосования по ротам. Оказывается, в июне 1917 г. даже в полках Петрограда, находившихся под влиянием Советов, анархистов и большевиков, установки воинской солидарности и ответственности преобладали (12 рот против двух при двух воздержавшихся). Вероятно, сдвиг к радикальным антивоенным и антиправительственным настроениям стал происходить в связи с провалом военного наступления конца июня, приведшим к июльскому кризису, а главный перелом петроградской солдатской массы в сторону большевизации (по всем пяти типам установок) случился после августовского разгрома корниловского наступления — в сентябре–октябре 1917 г. [Рабинович, 1994; Булдаков, 2010].

10. Критика и уточнение гипотез

Главная сложность, оказавшаяся неучтенной в формулировках гипотез о факторах победы в конфликтных групповых обсуждениях, состоит именно в двойственности (а в общем случае — в множественности) конкурирующих между собой установок в рамках каждого типа. Судя по всему, для кризисных, революционных периодов характерна не только внешняя политическая неустойчивость, но также внутренняя ментальная неустойчивость участников: ранее доминировавшие установки размываются, тогда как новые еще не укрепились. В разных ситуациях могут актуализироваться разные фреймы, интересы, социальные роли и обязательства, идентичности, поведенческие стереотипы.

Пожалуй, значимость фокуса внимания в ритуале, соответственно, роли ведущего, управляющего порядком обсуждения, была отмечена в гипотезах

верно. Однако сформулированные закономерности не схватывают внутренней динамики обсуждения, в которой, как хорошо известно, столь многое зависит от того, насколько хорошо оратор «чувствует настроение» аудитории и насколько успешно к нему подстраивается, не упуская свои риторические цели убеждения. Пресловутое «чувство настроения» следует интерпретировать как гибкие и эффективные попытки оратора «зацепить» нужные ему установки слушателей, его быстрый отказ от провальных попыток и муссирование успешных.

Случай с голосованием по (не)передаче пулеметов на фронт показал также разнообразие уловок, которыми пользуются лидеры и которые вряд ли вообще могут быть зафиксированы в жестких закономерностях.

Так, Половцев указывает на умелую провокацию большевистского оратора: «Все равно, согласитесь вы или нет, а пулеметы у вас отнимут». Суть провокации состояла в том, что оратор бил по *идентичности* и *достоинству* (важнейшему компоненту *социального комфорта*) слушающих его революционных солдат: они-то вообразили, что способны что-то решать, а начальство все равно сделает так, как уже решило без них. При таком повороте согласие отдать пулеметы получило бы *отрицательное подкрепление* (унижение достоинства), поэтому в той ситуации возобладали протестный настрой: «не позволим собой пренебрегать!»

Простой, но тонкий прием был использован уже на митинге во дворе, когда лидер-большевик стал выпускать одного за другим ораторов с трафаретными, наскучившими всем речами; многие солдаты, не желавшие их слушать, разбрелись по казармам, притом что на митинге осталось надежное (вероятно, прикормленное немецкими деньгами) ядро для «правильного» голосования. В заключительном пассаже к своему рассказу Половцев указывает на типовой характер этого приема большевиков: «Поэтому не особенно волнуюсь, узнав, например, про возмутительные резолюции одного из самых лучших полков, Егерского, где 8 большевистских ораторов говорили почти беспрерывно в течение 3-х дней».

Список такого рода уловок принципиально открыт, его невозможно и не нужно пытаться формализовать и включать в общие закономерности. Следует лишь указывать на факторы победы, поскольку эффективные приемы всегда действуют именно на них.

В целом разработанный понятийный аппарат показал свою адекватность, приложимость к конкретным ситуациям. Гипотезы о закономерностях далеки от того, чтобы обеспечивать полноценные научные объяснения в сфере исторической социологии, прежде всего из-за отсутствия достаточных и достоверных сведений о ментальных характеристиках (габитусах, установках, интересах, мотивах) участников конкретных обсуждений. Вместе с тем они позволяют как минимум осмысленно интерпретировать ход и результаты социального взаимодействия, а также задавать хорошие вопросы для дальнейших исследований.

Предметный указатель

- Agency*, 9, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 33, 34,
38, 39, 40, 104, 325, 330
- Structure*, 9, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 33, 34,
38, 39, 40, 104, 325, 330
- Авторитаризм, 65, 74, 184, 221
- Армения, 65, 221, 223, 293
- Атеизм, см. также Религия,
Секуляризация, 94, 160, 296
- Базовые стремления, потребности,
мотивы, 91, 104, 131, 166, 208, 220, 260,
267, 279
- Безопасность, см. также Война,
Конфликт, 8, 25, 43, 47, 53, 55, 60, 75,
105, 106, 118, 143, 149, 150, 153, 154,
166, 171, 192, 197, 198, 200, 201, 207,
208, 218, 222, 225, 229, 235, 238, 257,
267, 270, 312
- Богатство, 25, 34, 43, 44, 57, 106, 107, 216,
264, 286, 302
- Бразилия, 65, 201
- Бюрократия, 91, 93, 162, 163, 169, 170,
271, 296, 297, 326
- Великобритания, 93, 201, 206, 208, 249,
270
- Венгрия, 201, 208, 270
- Взаимодействие, 16, 19, 36, 45, 102, 121,
125, 128, 129, 131, 178, 198, 306
- войн, 10, 41, 49, 98, 105, 121, 124, 197, 246,
274, 282, 290
- Война, вооруженный конфликт,
гражданская война, международная
война, агрессия, оборона, 8, 9, 10, 12,
41, 47, 49, 53, 55, 60, 72, 89, 90, 98, 99,
103, 105, 108, 110, 121, 124, 126, 128,
129, 130, 133, 143, 147, 149, 150, 151,
152, 153, 154, 155, 156, 160, 162, 166,
171, 172, 173, 175, 181, 182, 183, 184,
188, 191, 197, 198, 200, 201, 207, 208,
216, 218, 221, 222, 224, 225, 226, 229,
233, 235, 237, 238, 246, 249, 250, 258,
265, 273, 274, 275, 282, 289, 290, 291,
309, 310, 312, 319, 321, 329
- войны, 9, 10, 12, 53, 72, 89, 90, 99, 103,
108, 110, 126, 128, 129, 130, 133, 143,
147, 149, 151, 152, 154, 155, 156, 160,
162, 166, 172, 173, 175, 181, 182, 183,
184, 188, 191, 197, 198, 201, 207, 216,
218, 221, 222, 224, 226, 229, 233, 237,
249, 250, 258, 273, 274, 275, 289,
291, 309, 310, 312, 319, 321, 329
- Габитус, см. также Установки, Фреймы,
Ценности, Идентичности, 23, 312
- Геокультура, 225, 264, 265
- Геополитика, 8, 82, 194, 225, 264, 265, 285,
289, 302, 321, 329
- Геоэкономика, 225, 264
- Грузия, 65, 143, 201, 221, 293
- Гуманизм, 86, 258, 322
- Демократия, демократизация, 4, 15, 65,
70, 88, 99, 111, 167, 306, 321, 322, 329
- Динамика, Историческая динамика, 3, 8,
9, 11, 50, 62, 77, 81, 107, 108, 112, 127,
128, 144, 147, 158, 165, 166, 168, 173,
176, 177, 216, 222, 224, 225, 235, 275,
289, 298, 306, 321, 325, 329
- Закономерность, разномасштабные 3.,
законы, принципы динамики, см.
также Универсальные законы,
Механизм, 17, 73, 208, 299
- Идентичности, см. также Установки,
Габитус, 22, 23, 24, 27, 36, 46, 51, 117,
137, 139, 140, 141, 175, 242, 289, 311,
312, 313, 314
- Идеология, 8, 65, 69, 160, 195, 264
- Индустриализация, капиталистическая
антикапиталистическая
недокапиталистическая, 90, 96, 163,
164, 169, 270, 272, 329
- Институты, см. также Отношения,
Социальные структуры,
Обеспечивающие структуры, 14, 30,
31, 35, 42, 55, 56, 58, 59, 62, 63, 70, 72,
80, 81, 86, 90, 92, 95, 98, 103, 104, 105,
110, 113, 114, 121, 143, 152, 178, 186,
195, 227, 240, 241, 284, 285, 318, 325
- Каскад событий, 3, 103, 138, 139, 187, 190,
327
- Классы, 33, 94, 95, 97, 104, 114, 135, 146,
171, 184, 202, 308, 312
- Колонии, колонизация, колониализм,
199
- Контрмодернизация, см. также
Модернизация, 3, 158, 327
- Конфликт, конфликтная динамика
кризисная динамика революционная
динамика, 24, 28, 46, 51, 52, 53, 54, 56,
73, 74, 81, 89, 108, 125, 126, 131, 133,

- 135, 141, 142, 145, 147, 151, 159, 164, 166, 167, 172, 194, 202, 203, 218, 222, 224, 225, 226, 227, 228, 232, 234, 238, 259, 260, 284, 288, 306, 325, 326
- Культура, 8, 17, 18, 208, 264
- Кыргызстан, 143, 221, 293
- Легитимность, популярная, бюрократическая, авторитетная, силовая, парамилитарная, международная, идеологическая, религиозная, общеправовая, формально-правовая легальность, критерии легитимности, 32, 37, 44, 48, 49, 50, 51, 105, 106, 107, 111, 112, 113, 119, 123, 126, 133, 134, 136, 137, 141, 142, 148, 149, 151, 155, 156, 157, 174, 178, 181, 182, 183, 188, 189, 191, 192, 195, 203, 245, 246, 249, 251, 252, 253, 254, 259, 288, 290, 293, 320
- Литва, 143
- Макро- макрособытия, макропроцессы, 7, 8, 9, 10, 14, 16, 17, 33, 41, 53, 103, 242, 243
- Марксизм, 171, 279
- Масштаб социальный временной, 7, 107, 174, 264, 311
- Мезо-, 17, 33, 159, 242, 243
- Метод, методология, идиографический подход, номотетический подход Methodenstreit, 7, 10, 14, 120, 280, 318, 319, 320, 321
- Механизм (социальный), 17, 52, 74, 107, 175, 185, 208, 228, 234
- Микро-, 8, 14, 16, 17, 33, 41, 159, 242, 243
- Могущество, см. также Геополитика, 45, 242
- Модернизация, см. также Контрмодернизация, 3, 69, 158, 169, 199, 269, 270, 327
- Молдова, 65, 143, 201, 220, 221, 223
- Монархия, см. также Самодержавие, 64, 88
- Нарратив, нарративизм, 114
- Наука, см. также Техника, 6, 159, 264, 289, 321
- Неопатримониализм, неопатримониальные режимы, 64, 65, 66, 68, 70, 71, 114, 219
- Обеспечивающие структуры, см. также Институты, Практики, 35, 40, 104, 105, 114, 118
- Образование, 69, 104, 109, 111, 113, 165, 264
- Объяснение, см. также Методология, Универсальные законы, Закономерности, 10, 12, 114, 138, 209, 244, 285, 289, 300, 308
- Окраинность, 287
- Онтология, 3, 14, 16, 29, 50, 325
- Оперантное обусловливание, положительное подкрепление, отрицательное подкрепление, 12, 24, 26, 47, 54, 58, 139, 188, 226, 227, 230, 243, 289, 314, 325
- Парадигма, парадигмальный, см. также Онтология, Методология, Закономерность, Объяснение, 20, 34
- Поведенческие стереотипы, см. Стереотипы поведения, 23, 24, 28, 46, 67, 117, 140, 175, 242, 300, 308, 313
- Политические режимы, 44, 45, 49, 57, 61, 65, 66, 67, 69, 80, 81, 83, 84, 91, 103, 109, 111, 115, 116, 117, 121, 125, 131, 132, 133, 135, 148, 156, 167, 187, 194, 203, 204, 205, 206, 211, 216, 218, 219, 226, 227, 229, 230, 233, 234, 235, 240, 245, 246, 248, 249, 254, 257, 281, 283, 284, 288, 300, 301, 321, 325, 326
- Польша, 143, 201, 208
- Поля взаимодействия, 6, 11, 13, 16, 17, 19, 20, 21, 28, 30, 36, 38, 40, 41, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 51, 54, 55, 59, 60, 64, 69, 70, 72, 80, 81, 83, 85, 86, 88, 102, 121, 125, 126, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 150, 167, 178, 197, 198, 223, 240, 243, 246, 250, 264, 271, 284, 306, 314, 325, 326, 327
- Порядок (социальный), 29, 30, 41, 44, 45, 67, 81, 99, 100, 109, 110, 115, 126, 148, 174, 175, 182, 257, 264, 265, 267, 272, 292, 294, 321
- Постреволюционный режим, см. Режим, Политический режим, 95, 245
- Практики, см. также Ритуалы, Институты, Взаимодействия, 7, 11, 19, 21, 28, 35, 40, 49, 58, 66, 91, 92, 94, 104, 105, 106, 110, 162, 178, 186, 195, 204, 247, 260, 263, 276, 284, 296
- Престиж, см. также Легитимность, 25, 34, 44, 45, 73, 106, 107, 111, 141, 151, 156, 189, 222, 242, 264, 267, 289, 290, 294, 301
- Причины, см. также Факторы, Закономерности, 3, 9, 10, 11, 41, 42, 50, 51, 59, 74, 77, 84, 102, 103, 104, 111, 114, 115, 116, 145, 147, 148, 152, 156, 159, 166, 179, 183, 193, 197, 198, 199, 200,

- 216, 222, 225, 231, 243, 244, 262, 266,
270, 274, 320, 325, 326, 327
- Развилки, бифуркации, см. также Выбор
стратегии, 3, 83, 138, 142, 173, 174, 187,
188, 206, 292, 327
- Распад (государственный), 53, 83, 92,
145, 147, 152, 153, 154, 175, 185, 207,
208, 222, 223, 277, 327
- Режимы, см. также Политические
режимы, 42, 44, 45, 46, 49, 57, 61, 62, 64,
65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 78, 80, 81, 82,
83, 84, 88, 89, 91, 92, 93, 98, 100, 101,
103, 109, 111, 115, 116, 117, 121, 125,
131, 132, 133, 135, 148, 156, 167, 184,
187, 194, 195, 203, 204, 205, 206, 207,
208, 209, 211, 215, 216, 218, 219, 221,
223, 226, 227, 229, 230, 233, 234, 235,
240, 245, 246, 248, 249, 254, 257, 263,
264, 270, 275, 281, 283, 284, 288, 300,
301, 321, 325, 326
- Ритуалы, интерактивные Р., см. также
Установки, 17, 24, 26, 27, 28, 29, 31, 33,
36, 37, 39, 41, 46, 51, 52, 53, 55, 56, 60,
111, 117, 173, 243, 306, 310, 325
- Рынки, обмены, 8, 14, 16, 17, 26, 31, 38,
39, 41, 46, 97, 103, 104, 110, 117, 151,
164, 265, 267, 272, 298, 299, 300, 320,
325
- Секуляризация, см. также Атеизм,
Религия, Десекуляризация,
Клерикализация, 90, 94, 160, 169, 270,
271
- Символы, святыни, ценности, 17, 18, 22,
23, 43, 46, 48, 51, 53, 56, 99, 112, 117,
124, 136, 140, 173, 175, 186, 208, 242,
244, 261, 285, 301, 308, 313
- Смысл истории, 3, 42, 77, 85, 92, 185, 302,
326
- Собственность, 29, 30, 33, 43, 50, 67, 69,
83, 84, 98, 101, 105, 110, 113, 143, 152,
175, 184, 185, 267, 269, 275, 284, 298,
299, 300, 302, 303, 304
- Стабильность (социальная), см. также
Нестабильность, 34, 72, 73, 82, 83, 84,
97, 103, 132, 147, 194, 204, 216, 218, 219,
221, 328
- Стереотипы поведения, 23, 24, 28, 46, 54,
67, 117, 140, 175, 242, 300, 308, 313
- США, Америка, 68, 69, 72, 73, 84, 93, 94,
98, 99, 100, 104, 119, 145, 154, 155, 156,
197, 200, 201, 202, 206, 207, 208, 230,
231, 232, 233, 239, 241, 245, 249, 262,
270, 273, 274, 275, 287, 288, 289, 290,
295, 319
- Тоталитаризм, тоталитарные режимы,
65, 66, 94, 100, 163, 184, 221, 223, 249
- Туркменистан, 66, 221
- Узбекистан, 66, 220, 221
- Ультрамикро-, 10, 14, 17, 31, 103, 139, 242,
243, 306, 327
- Универсалии (социальные), 25, 43
- Урбанизация, 163, 199
- Ускорение истории, 266, 268, 273, 274,
275
- Установки, 14, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 33,
34, 36, 37, 39, 41, 46, 48, 52, 93, 95, 117,
124, 139, 140, 175, 180, 181, 189, 242,
297, 306, 308, 311, 312, 313, 314
- Франция, 200, 201, 206, 208, 249, 270
- Фреймы, 22, 23, 24, 28, 46, 117, 137, 140,
191, 308, 313
- Фундаментализм (религиозный), см.
также Религия, Секуляризация,
Десекуляризация, Клерикализация,
275
- Чехословакия, 208
- Чили, 114
- Шкалы, показатели, макропоказатели
уровни, ступени, 8, 9, 11, 17, 18, 20, 22,
25, 33, 34, 36, 37, 41, 51, 55, 60, 62, 64,
69, 73, 83, 85, 93, 102, 104, 105, 109, 111,
113, 123, 126, 133, 134, 135, 139, 140,
141, 147, 152, 153, 167, 169, 173, 174,
180, 199, 202, 204, 205, 209, 213, 214,
221, 222, 229, 240, 247, 250, 264, 267,
288, 300, 325, 326, 327

Литература

- Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989.
- Адамс Г. Воспитание Генри Адамса. М.: Прогресс, 1988.
- Аксенов В. Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М., 2002.
- Анатомия революции: 1917 год в России. СПб.: Глагол, 1994.
- Арчер М. Реализм и морфогенез // *Социологический журнал*. 1994. № 4. С. 50–68.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.
- Берталанфи Л. фон. Общая теория систем, критический обзор / *Исследования по общей теории систем*. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
- Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010.
- Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010.
- Гельман В. Я. Из огня да в полымя? Динамика изменений постсоветских режимов в сравнительной перспективе // *Полис*. 2007. № 2. С. 81–108.
- Гельман В. Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримонизма. Препринт М-41/15. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
- Гемпель К. Функция общих законов в истории [1942] // *Время мира*. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 13–26.
- Гвишивили Г. В. Философия гуманизма. М.: Поколение, 2009.
- Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005.
- Глобачёв К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009.
- Голдин В. И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский Союз, Россия и Русское Зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск: Солти, 2006.
- Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // *Логос*. 2006. № 5. С. 58–103.
- Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
- Государственная Дума России. Энциклопедия. В 2-х тт. 1906–2006 гг. Т. 1. 1906–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2006.
- Гофман И. Представление себя и другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Гринин Л. Е. Мальтузианско-Марксова «ловушка» и русские революции / *Причины Русской революции*. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2010. С. 198–224.
- Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Гусейнов А. А. Этика ненасилия // *Вопросы философии*. 1992. № 3. С. 72–81.
- Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса. М.: Русский национальный фонд, 2001.
- Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. М.: Наука, 1975.
- Давидсон А. Б. Февраль 1917 года. Политическая жизнь Петрограда глазами союзников // *Новая и новейшая история*. 2007. № 1. С. 181–197.
- Даймонд Дж. Коллапс: Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ-Астрель, 2008.
- Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. М.: АСТ-Астрель, 2010.
- Демин В. А. Государственная дума России. М.: РОССПЭН, 1996.
- Дьяконов И. М. Пути истории. М.: Восточная литература, 1994; 3-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2010.
- Дюркгейм Э. Метод социологии [1895] / *Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и значение*. М.: Канон, 1995.
- Епархина О. В. Теоретические подходы к исследованию социальных революций: возможности исторической социологии // *Вестник РИТУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение*. 2012. № 2 (82). С. 36–51.

- Жильцов С. «Революционные волны» на постсоветском пространстве // *Центральная Азия и Кавказ*. 2005. № 6(42). С. 7–13.
- Знанецкий Ф. Исходные данные социологии / *Американская социологическая мысль: Тексты*. М.: Изд-во МГУ, 1996.
- Ильин М. В. Глобализация политики и эволюция политических систем / *Глобальные социальные и политические перемены в мире* / Под редакцией Мельвиля А. Ю. М.: ФМС, 1997. С. 37–43.
- Исаев Л. М., Коротаев А. В. Революционная волна 2013–2014 гг.: количественный анализ // *Polit.ru*, 21.12.2014. <http://polit.ru/article/2014/12/21/rev/>
- Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миротсистема. М.: Ультра Культура, 2004; 5-е изд. М.: Ленанд/URSS, 2018.
- Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане [1784] / *Кант И.* Соч. М.; Марбург. Т. 1. 1994. С. 79–123.
- Кантакузина Ю. Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876–1918. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
- Капица С. П. Об ускорении исторического времени // *Новая и новейшая история*. 2004. № 6. С. 3–16.
- Карнейро Р. Теория происхождения государства / *Раннее государство, его альтернативы и аналоги*. Волгоград: Учитель, 2006. http://abuss.narod.ru/Biblio/AlterCiv/carneiro_state.htm
- Катков Г. М. Февральская революция. М.: Русский путь, 1997.
- Козер Л. А. Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000.
- Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996.
- Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // *Время мира*. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 234–278.
- Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002.
- Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009.
- Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: Ленанд/URSS, 2015.
- Колоницкий Б. Красные против красных // *Нева*. 2010. № 11. С. 144–164.
- Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2012.
- Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2008.
- Корнаи Я. Дефицит. М.: Наука, 1990.
- Коротаев А. В., Малков А. С., Халтурина Д. А. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. М.: URSS, 2010.
- Коротаев А. В. и др. Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. М.: Московская редакция издательства «Учитель», 2017.
- Коулман Дж. Введение социальной структуры в экономический анализ // *Экономическая социология*. 2009. Т. 10. № 3. С. 33–40.
- Красный террор в годы Гражданской войны. (Под ред. Ю. Фельштинского). М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004.
- Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006.
- Культыгин В. П. Концепция социального обмена в современной социологии // *Социологические исследования*. 1997. № 5. С. 85–99.
- Кульпин Э. С. Социоестественная история: предмет, метод, концепции. М.: Российский открытый университет, 1992.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
- Кучинов А. М. Теория морфогенеза Арчер М. С. (сводный реферат) // *Политический вектор*. М. 2014. № 2. С. 70–91.
- Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.

- Левада Ю. А. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.
- Маркс А., Рю Б., Рэйгин Ч. Истоки, развитие и применение качественного сравнительного анализа: опыт первых 25 лет // *Политическая концептология*. 2017. № 1. С. 57–86.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 39 тт. М.: Изд-во политической литературы, 1955–1974.
- Мельвилл А. Ю. Опыт количественного и качественного анализа факторов демократизации. Метод. 2011. № 2. С. 295–318.
- Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 г. Париж: Les Editeurs Reunis, 1961.
- Мирзоев С. Б. Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». М.: Европа, 2006.
- Миронов Б. Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // *Социологические исследования*. 2004. № 1. С. 55–63.
- Миронов Б. Н. Русская революция 1917 г. в условиях экономического чуда: по классическому сценарию? // *Отечественные записки*. 2012. № 1. С. 232–237.
- Нефедов, 2005а — Нефедов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: УГТУ, 2005.
- Нефедов, 2006б — Нефедов С. Н. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция // *Уральский исторический вестник*. 2005. № 10–11. С. 112–123.
- Нефедов С. А. Репетиция Февральской революции // *Былые годы*. 2016. Т. 42. Вып. 4. С. 1378–1385.
- Нефедов С. А. Личный враг императора // *Новый мир*. 2017. № 3. С. 115–124.
- Никитин Б. В. Роковые годы. Новые показания участника. Париж: Le Polonais en France, 1937.
- Никифоров А. А. Революция и ее причины: ответы и новые вопросы // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2008. Т. 4. № 2. С. 80–100.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
- О причинах Русской революции. М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2010.
- Оптнер С. Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М.: Советское радио, 1969.
- Осоргин М. Первые дни / *Пережитое*. Ч. 1. М., 1919.
- Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила. Философские работы. СПб.: Алетейя, 2006.
- Пайпс Р. Русская революция. М.: «Захаров», 2005.
- Панов А. Д. Сингулярная точка истории // *Общественные науки и современность*. 2005. № 1. С. 122–137.
- Пивоваров Ю. С. Непреодоленная революция // *Прогнозы и стратегии*. 2009. № 1. С. 216–223.
- Половцев П. А. Дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского Военного Округа. М. — Берлин: Директ-Медиа, 2016.
- Пшевцовский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М.: РОССПЭН, 2000.
- Рабинович А. Большевики, низы и советская власть: Петроград, февраль 1917 – июль 1918 / *Анатомия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб.: Глагол, 1994, С. 116–133.
- Разработка и апробация метода теоретической истории. (Под ред. Н. С. Розова). Серия “Теоретическая история и макросоциология”. Вып. 1. Новосибирск: Наука, 2001.
- Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Полис*. 1996. № 5. С. 5–15.
- Реден Н. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. М.: Центрполиграф, 2006.
- Розов Н. С. Ценности в проблемном мире. Философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: НГУ, 1998.
- Розов Н. С. Философия и теория истории. Книга первая. Прологомены. М.: Логос, 2002. <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/fti/>
- Розов Н. С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: НГУ, 2009.
- Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.

- Розов Н. С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории. Макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. <http://www.nsu.ru/filf/rosov/ideas-2016-info.htm>.
- Романовский Н. В. Историческая социология: проблемы и перспективы // *Социологические исследования*. 2002. № 10. С. 114–121.
- Романовский Н. В. Дискурс кризиса (в) современной социологии // *Социологические исследования*. 2016. № 4. С. 3–12.
- Скиннер Б. Ф. Оперантное поведение / *История зарубежной психологии. Тексты*. М.: МГУ, 1986. С. 60–95.
- Скоцпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
- Соколов А. В. Государство и Православная церковь в России, февраль 1917 – январь 1918 гг. Дисс. на соиск. уч. ст. д. ист. наук. СПб., 2014.
- Солженицын А. И. Размышления над Февральской революцией // *Российская газета*. 05.03.2007.
- Структуры истории. Альманах «Время мира». Вып. 2. Новосибирск: НГУ, 2001.
- Теория и методология истории. Волгоград: Учитель, 2014.
- Тернер Дж., Долъч Н. Классические положения геополитики и последствия войны // *Война и геополитика. Альманах «Время мира»*. Вып. 3. 2003. С. 251–264.
- Тилли Ч. Создание России // *Прогнозис*. 2006. № 3(7). С. 168–210.
- Тилли, 2009а — Тилли Ч. Историческая социология // *Социологические исследования*. 2009. № 5. С. 95–101.
- Тилли, 2009б — Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009.
- Тойнби А. Постыжение истории. М.: Прогресс, 1991.
- Торндайк Э., Уотсон Дж. Б. Бихевиоризм. Принципы обучения, основанные на психологии. Психология как наука о поведении. М.: АСТ-ЛТД, 1998.
- Трейсман Д., Соболев А. Может ли насилие помочь успеху протеста // *Ведомости*. 06.03.2014.
- Турчин П. В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2007, 2010.
- Умланд А. Клан Порошенко. Как перерождается олигархия // *Новое время*, 25.07.2017. <http://nv.ua/opinion/umland/klan-poroshenko-kak-pererozhdaetsja-oligarhija-1540270.html>
- Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
- Фисун А. А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // *Политическая концептология*. 2010. № 4. С. 158–187.
- Фурман Дм. Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве // *Свободная мысль-XXI*. 2004. № 10. С. 14–25.
- Хантингтон С. П. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Харитонова О. Г. Недемократические политические режимы // *Политическая наука*. 2012. № 3. С. 9–30.
- Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // *Polit.ru*. 28.05.2008.
- Холл П. Политическая наука и три новых институционализма // *Ойкумена*. 2006. Вып. 4. Харьков. С. 8–76.
- Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении. М: Aspect press, 1996.
- Цирель С. В. «QWERTY-эффекты», «path dependence» и закон иерархических компенсаций // *Вопросы экономики*. 2005. № 8. С. 19–26.
- Цирель С. В. Скорость эволюции: пульсирующая, замедляющаяся, ускоряющаяся / *Эволюция: космическая, биологическая, социальная*. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2009. С. 62–98.
- Цирель С. В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // *Ойкумена*. 2012. Вып. 8. Харьков. С. 174–209.
- Цирель С. В. К истокам украинских революционных событий 2013–14 гг. // *Polit.ru*, 08.06.2014. <http://polit.ru/article/2014/06/08/ukraine/>
- Частное предпринимательство в дореволюционной России. Этноконфессиональная структура и региональное развитие. XIX – начало XX вв. М.: РОССПЭН, 2010.

- Чёрный Ю. Ю. Современный гуманизм / *Философия в XX веке. Сб. обзоров в двух частях*. Т. 2. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 125–167.
- Шарп Дж. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2012.
- Шаццлло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX в. – 1914 г.). М.: Наука, 1992.
- Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.
- Шмелев Г. И. Экономический аспект взаимоотношений церкви и государства. http://www.orthedu.ru/ch_hist/shmelev.htm
- Шульц Э. Э. Теория революции. Революции и современные цивилизации. М.: URSS, 2017.
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- Янов А. Л. Тень Грозного царя. Загадки русской истории. М.: КРУК, 1997.
- Archer M. S. *Realist Social Theory: the Morphogenetic Approach*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
- Archer M. S. *Structure, Agency and the Internal Conversation*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Arrighi G., Silver B. J. *Chaos and Governance in the Modern World System*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
- Bechle K. Neopatrimonialism in Latin America: Prospects and Promises of a Neglected Concept. German Institute of Global and Area Studies. Working papers, 2010, no 153.
- Beck C. J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*. 2011. Vol. 35(2), P. 167–207.
- Beck C. J. Radicals, Revolutionaries, and Terrorists. Polity Press, 2015.
- Beissinger M. R. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions // *Perspectives on Politics*. 2007. Vol. 5(2). P. 259–76.
- Bhaskar R. *The Possibility of Naturalism*. L.: Routledge, 1989.
- Blau P. A Macrosociological Theory of Social Structure // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 83(1). P. 26–54.
- Blau P. *Exchange and Power in Social Life*. N. Y.: John Wiley and Sons, Inc, 1964.
- Boswell T., Dixon W. J. Dependency and Rebellion: A Crossnational Analysis // *American Sociological Review*. 1990. Vol. 55. P. 540–59.
- Boulding K. *Conflict and Defense*. N. Y.: Harper and Row, 1962.
- Bratton V., Van de Walle N. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa // *World Politics*. 1994. Vol. 46(4). P. 453–489.
- Brownlee J. And Yet They Persist: Explaining Survival and Transition in Neopatrimonial Regimes // *Studies in Comparative International Development*. 2002. Vol. 37(3). P. 35–63.
- Burrows R., Savage M. After the Crisis? Big Data and the Methodological Challenges of Empirical Sociology // *Big Data and Society*. 2014. Vol. 1. P. 1–6.
- Carothers Th. The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13(1), P. 5–21.
- Chase-Dunn Chr., Hall Th. *Rise and Demise: Comparing World-systems*. Boulder, CO, 1997.
- Coleman J. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1990.
- Collins R. *Weberian Sociological Theory*. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1986.
- Collins R. The Micro Contribution to Macro-Sociology // *Sociological Theory*. 1988. Vol. 6(2). P. 242–253.
- Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton & Oxford: Princeton Univ. Press, 2004.
- Collins R. . Patrimonial Alliances and Failures of State Penetration: A Historical Dynamic of Crime, Corruption, Gangs, and Mafias // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2011. Vol. 636, Patrimonial Power in the Modern. P. 16–31.
- Collins R. Micro-translation as a Theory-building Strategy / *Advances in Social Theory and Methodology. Toward and integration of micro- and macro-sociologies* (Ed. By K. Knorr-Cetina and A. V. Cicourel) N. Y.: Routledge, 2015. P. 81–108.
- Crosby A. W. *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.

- Darden K. The Integrity of Corrupt State: Graft as an Informal State Institution // *Politics and Society*. 2008. Vol. 36(1). P. 35–60.
- Foerster H. von, Mora P., Amiot L. Doomsday: Friday, 13 November, A. D. 2026 // *Science*. 1960. Vol. 132. P. 1291–1295.
- Geddes B. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // *Annual Review in Political Science*. Palo Alto, CA, 1999(2). P. 115–144.
- Giddens A. The Constitution of Society. Cambridge: Polity Press, 1984.
- Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-face Behavior. N. Y.: Anchor, 1967.
- Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley: University of California Press, 1991.
- Goldstone J. Rethinking Revolutions: Integrating Origins, Processes, and Outcomes // *Comparative Studies of South Africa and the Middle East*. 2009. Vol. 29(1). P. 18–32.
- Goldstone J. Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What unites them? // *Russia Direct*, 21.02.2014. <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>
- Goldstone Jack et al. A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*. 2010. Vol. 54, no 1. P. 190–208.
- Goudsblom J. Ecological Regimes and the Rise of Organized Religion / Goudsblom et al. 1996., P. 31–47.
- Goudsblom J., Jones E., Mennel S. The Course of Human History: Economic Growth. N. Y.: M. E. Sharpe, 1996.
- Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in PostSoviet Eurasia // *World Politics*. 2005. Vol. 58(1). P. 133–165.
- Hale H. Patronal Politics. Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective. Cambridge Univ. Press, 2015.
- Holton R. J. The Idea of Crisis in Modern Society // *The British Journal of Sociology*. 1987. Vol. 38(4). P. 502–520.
- Huebner J. A. Possible Declining Trend for Worldwide Innovation // *Technological Forecasting and Social Change*. 2005. Vol. 73(8). P. 980–986.
- Katz M. Revolutions and Revolutionary Waves. Palgrave Macmillan, 1999.
- Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. N. Y.: Random House, 1987.
- Kollmorgen R. Theories of Postcommunist Transformation. Approaches, Debates, and Problems of Theory Building in the Second Decade of Research // *Studies of Transition States and Societies*. 2013. Vol. 5(2). P. 8–105.
- Kricheli R., Livne Y., Magaloni B. Taking to the Streets Theory and Evidence on Protests under Authoritarianism. Conference on Non-Democratic Regimes. Yale Univ. Press, 2011. <http://web.stanford.edu/~magaloni/dox/2011takingtothestreets.pdf>
- Kurtz P. Humanist Manifesto: A Call for a New Planetary Humanism, Prometheus Books, 2000. Русский перевод: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5469/5473>.
- Kurzweil R. The Singularity is Near. L.: Viking Penguin, 2005.
- Lockwood D. Social Integration and System Integration. In: *Explorations in Social Change* (Eds. Zollschan G. K. and Hirsch W.). L.: Routledge, 1964.
- Mahoney J. Path-Dependent Explanations of Regime Change: Central America in Comparative Perspective // *Studies in Comparative International Development*. 2001. Vol. 36(1). P. 111–141.
- Mann M. The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A. D. 1760, Cambridge Univ. Press, 1987. Vol. II: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. Cambridge Univ. Press, 1993.
- Maslow A. H. Motivation and Personality. N. Y.: Harper & Row, 1954.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch. Dynamics of Contention. Cambridge Univ. Press, 2003.
- McNeill W. Plagues and Peoples. Harmondsworth: Penguin, 1979.
- Medard J.-F. The Underdeveloped State in Tropical Africa: Political Clientelism or Neo-Patrimonialism / *Private Patronage and Public Power* (Ed. by Clapham C.). N. Y.: St. Martin's Press, 1982.
- Mesquita Bueno de B., Smith A. Political Survival and Endogenous Institutional Change // *Comparative Political Studies*. 2009. Vol. 42(2). P. 167–197.

- Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston: Beacon Press, 1966.
- Perrow Ch. Normal Accidents. N. Y.: Basic, 1984.
- Ragin Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.
- Sanderson S. Social Evolutionism: A Critical History. Blackwell, 1990.
- Sanderson S. Social Transformations: a General Theory of Historical Development. L.: Basil Blackwell, 1995.
- Sanderson S. Macrosociology: Introduction into Human Societies. N. Y.: Longman, 1999.
- Schelling T. Micromotives and Macrobehavior. N. Y.: Norton, 1978.
- Snooks G. The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change. L.; N. Y.: Routledge, 1996.
- Snyder R. Explaining Transitions from Neopatrimonial Dictatorships // *Comparative Politics*. 1992. Vol. 24 (October). P. 379–399.
- Spier F. The Structure of Big History. From the Big Bang until Today. Amsterdam: Amsterdam Univ. Press. 1996.
- Stephan M. J., Chenoweth E. Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict // *International Security*. 2008. Vol. 33(1). P. 7–44.
- Stinchcombe A. Constructing Social Theories. Chicago & L.: The University of Chicago Press, 1987.
- Tainter J. The Collapse of Complex Societies. Cambridge & N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1988.
- Tilly Ch. The Politics of Collective Violence. Cambridge, 2003.
- White H. C. Identity and Control: How Social Formations Emerge. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 2008.

Аналитическое содержание

Методологическое введение: подход к изучению режимов, кризисов и революций.....	5
1. Историческая социология: положение в системе наук	5
2. Сдвиги в методологии социального познания	8
3. Масштабы описания и выявление причин	9
4. Как совместить гемпелевскую жесткость объяснения с гибкостью переключения моделей и масштабов	11

Часть I

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ, ИХ НАРУШЕНИЯ И СМЕНА..... 16

Глава 1. Многоуровневая онтология социальной стабильности 16

1. Краткая история проблемы <i>structure/agency</i>	16
2. Постановка задачи концептуализации	20
3. Априорные требования к концептам-медиаторам	22
4. Тройственная модель поведения как общий знаменатель	22
5. Габитусы и пять типов установок.....	23
6. Комфорт-дискомфорт, вызов-ответ и оперантное обусловливание	24
7. Интерактивные ритуалы	26
8. Связь ритуалов, действий, решений	29
9. Устойчивые отношения, институты и групповые акторы	30
10. Нишевые условия	33
11. Функциональная модель А. Стинчкомба и ее расширение	34
12. Включение функциональной модели в понятийный аппарат	36
13. Статистические данные и функциональная модель.....	36
14. Детерминанты ритуальной динамики — замыкание цепочки	37
15. Столкновения, дискурсы, рынки и сети	38
16. Механизм социального воспроизводства	40
17. Мономасштабные и диффузные причины социальных изменений.....	41

Глава 2. Политические отношения, типология легитимности и трансформация режимов 43

1. Принцип универсальности базовых стремлений	43
2. Политический режим и комплекс стержневых отношений	44
3. Типология политических отношений	46
4. Принцип выбора стратегий в зависимости от подкрепления.....	47
5. Сущность и новая типология легитимности	48
6. Условия и следствия несогласия — конфликтная динамика.....	50
7. Ритуальная природа социально-политических кризисов и трансформаций	51
8. Принцип необходимых и достаточных условий конфликта	53
9. Следствия конфликтного взаимодействия без достижения согласия.....	54
10. Ритуалы и конфликты в динамике революции	56
11. Структуры конкуренции и мирного разрешения конфликтов.....	57
12. Следствия конфликтного взаимодействия при достижении согласия	59

Глава 3. Неопатримониализм: природа, разнообразие и изменчивость 62

1. Политические отношения при неопатримониализме	62
2. Неопатримониализм и шкала авторитарных режимов	64

3. Факторы успеха авторитарных режимов	66
4. Разнообразие неопатримониальных режимов в теоретической перспективе	68
5. Стабильность и трансформация неопатримониальных режимов в сравнительной перспективе	71
6. Условия демократизации неопатримониальных режимов	73

Часть II

ПОРЯДОК В БЕСПОРЯДКЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ, ПРИЧИНЫ И ДИНАМИКА РЕВОЛЮЦИЙ 77

Глава 4. Социальные революции, линии модернизации и смысл истории 77

1. Философия революций — утасовая тема?	77
2. Социально-политический кризис и революция — определение базовых понятий	78
3. Ритмы (не)стабильности и модель исторической динамики	81
4. Смысл истории как самоиспытание человеческого рода	85
5. Когда начались первые революции	86
6. Контекст социальной эволюции	88
7. Революции и пять линий модернизации	89
8. Бюрократизация — стержень модернизации	90
9. Революция и бюрократия: те, кто рожают и губят друг друга	91
10. Бюрократия и насилие до и после революции	92
11. Закономерности динамики секуляризации	93
12. Авангардизм и традиционализм в культурном творчестве	95
13. Эффекты капиталистической индустриализации	96
14. Демократизация и коллегиальное разделение власти	98

Глава 5. Назревание кризисов и революций 102

1. Три слоя причин	102
2. Структурные причины — накопление дисбалансов	103
3. Рост и падение: единый контур связей	106
4. Медленное накопление и быстрый крах	107
5. Роль иерархий, рынков и сетей	110
6. Центр-периферийные дисбалансы	111
7. Факторы кризисов и модели динамики легитимности	112
8. Складывание революционной ситуации	114

Глава 6. Закономерности и траектории революционной динамики 121

1. Фазы открытого конфликта	121
2. Подход к объяснению динамики революций	121
3. Действие триггеров	122
4. Разрушительные структуры внутри функциональной схемы	123
5. Переход к революции	125
6. Открытый конфликт — результат выбора сторонами агрессивных стратегий	125
7. Три главных русла конфликтной динамики	126
8. Поля конфликтного взаимодействия	128
9. Модель «режим/протест»	131
10. Взаимосвязь факторов эскалации и утасания конфликта	132
11. От чего зависит соотношение сил и уровень насилия	134
12. Принципы конфликтной динамики	135
• О ЦЕЛЯХ И СТРАТЕГИЯХ АКТОРОВ	135
• О ВЫБОРЕ СОЮЗНИКОВ И ФОРМИРОВАНИИ КОАЛИЦИЙ	136
• О ТИПАХ И ФАКТОРАХ ЛЕГИТИМНОСТИ	136
• О ФАКТОРАХ И СЛЕДСТВИЯХ ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ	136

13. Историческая развилка как цепочка событий-микроразвилков	138
14. Поведение в конфликтных ситуациях здесь-и-сейчас (уровень ультрамикро-)	139
15. Динамическая модель взаимосвязи легитимности и внешнего конфликта	141
16. К чему приводит свержение власти?	142

Часть III

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ..... 145

Глава 7. Российская империя и Югославия: сравнение государственных распадов 145

1. Государственный распад: непохожие случаи и общий паттерн.....	145
2. Динамика отчуждения и распада.....	147
3. 1917 год в России — эскалация вражды.....	148
4. Югославия — немирный развод народов.....	153
5. Роль внешних сил и значимость международной легитимности	154
6. Обобщение случаев государственного распада: теоретические гипотезы.....	156

Глава 8. Вектор Большой русской революции (1905–1930 гг.): модернизация или контрмодернизация?..... 158

1. Определение и двойное значение Революции	158
2. Теории революций: классика и современность.....	159
3. Путь к воинствующему атеизму и «социалистическому реализму»	159
4. Взлет и падение революционного авангардизма	160
5. Русская революция как конфликтный переход между двумя бюрократиями	161
6. Экономическая сторона Русской революции — слом и перерождение индустриализации.....	163
7. Трагический парадокс: от демократической революции — к тоталитаризму	165
8. Революция в контексте российских циклов.....	168
9. Ущербность односторонней модернизации.....	169

Глава 9. Механизмы конфликтной динамики в Петрограде 1917 г. 171

1. Причины Февраля — хрестоматийный случай назревания революции	171
2. 1917 год: развилки после воронки	173
3. Революционный маятник 1917 г. — микрокосм циклической динамики России.....	175
4. Поля взаимодействия и стратегии сторон	178
5. Причины провалов «Либерализации»	179
6. Причины успехов и провалов «Авторитарного отката»	180
7. Политическая гибкость большевиков-ленинцев и главные причины провала всех их противников	183
8. Смысл и урок «пути Февраля»	184

Глава 10. Падение монархии — развилки и каскад событий в дни Февраля 187

1. Хронология столкновений	187
2. Действие закономерностей в конфликтной динамике Февраля.....	188
3. Отмена карательного похода и двойное отречение	191

Часть IV

МАКРОСОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ РЕВОЛЮЦИЙ 193

Глава 11. Революционные волны в мировой истории 193

1. Вехи осмысления	193
2. Типы революционных волн.....	196

3. Критерии выделения революционных волн как класса явлений.....	198
4. Основные революционные волны	200
5. Типы революционных событий	202
6. Факторы нестабильности	202
7. Протестное напряжение и сила примера.....	203
8. Гипотеза восполнения кризисогенных факторов.....	204
9. Роль силовых структур	206
10. Роль внешних держав	206
11. Модель «Предел горючести».....	209
12. Модель «Розжиг тушителей».....	211
13. Модель «Послереволюционная фрустрация»	212
14. Модель «Порядок извне под вопросом»	214
15. Модель «Уязвимость зависимых режимов»	215
16. Модель «Истощение ресурсов борьбы»	216
17. Россия в контексте революционных волн в прошлом и будущем.....	217

Глава 12. Режимы, кризисы и революции на постсоветском пространстве..... 219

1. Ненадежная стабильность неопатримониальных режимов.....	219
2. Измерения и векторы постсоветской динамики	221
3. Революции и перевороты в неопатримониальных режимах	222
4. Механизмы конфликтной динамики и революция в Украине	225
5. Евромайдан как социально-политический кризис режима	225
6. Радикализация протеста	226
7. Динамика и перспективы вооруженного конфликта	229
8. Внешний контекст: роль провинций, Запада и России	230
9. Если опять никто не победит?.....	232
10. Если победит Майдан: что дальше?	233
11. Прогноз и реальность	233
12. «Снежный ком» режимного коллапса	236
13. Бегство президента и напряжения Юго-Востока.....	238
14. Ошибки прогноза	239
15. Переворот или революция?	240
16. Революции и трансформация режимов: возможности, границы и перспективы теоретизации.....	242

Глава 13. Принципы и критерии легитимности постреволюционных режимов..... 245

1. Фокус внимания — антиавторитарные революции.....	245
2. Правовой разрыв при смене власти и проблема легитимности	245
3. Уровень оправданности правового разрыва.....	246
4. Легитимно ли нарушение нелегитимных законов?	247
5. Может ли быть оправдан вооруженный мятеж?	248
6. Проблема провокаций	251
7. Принципы легитимации революционной власти	252
8. Критерии легитимности революционных законов	252
9. Три основания легитимности революционной власти	254
10. Условная «Вандея» — как поступать с вооруженной контрреволюцией?.....	256

Приложение 1. Ускорение истории: причинные механизмы и пределы..... 262

1. Споры об «ускорении истории»: большой разброс оценок	262
2. Структура истории как смена доминирования режимов	263
3. Факторы доминирования и роль инноваций.....	264
4. Смена значимости факторов доминирования	265

5. Социальные условия рождения и распространения инноваций	266
6. Второй слой причинности	266
7. Долговременные тренды в мировой истории	267
8. Направления эмпирической проверки гипотезы	269
9. Исторические подтверждения	269
10. Секуляризация и открытость творчества	270
11. Бюрократизация: ускоритель или тормоз для новшеств?	271
12. Капиталистическая индустриализация: двойственная роль	272
13. Демократизация: угасание положительного эффекта?	272
14. Фактор глобализации	272
15. Роль войны	273
16. Идейные инновации	274
17. Изменчивость динамики и поляризация	274

Приложение 2. Теории исторической динамики Рэндалла Коллинза и контекст российской политики.....277

1. Современный классик	277
2. «Золотой век» исторической макросоциологии... Россия опять на обочине?.....	278
3. Теория революций и политические перспективы России	281
4. Предсказание распада СССР и геополитика современной России.....	285
5. Этническая динамика и тенденции межэтнических отношений в России	289
6. Геополитическая теория демократии и отечественные перспективы демократизации	291
7. Четыре аспекта модернизации в российской исторической динамике	295
8. Рыночная динамика в современной России: специфика и вероятные следствия.....	298
9. Монастырские корни «японского чуда» и условия пользы церковного «стяжательства»	301

Приложение 3. Пулеметы и армейская демократия: этюд исторической микросоциологии.....306

1. Проблема и подход к решению	306
2. Отдавать ли пулеметы? — фабула конфликта	307
3. Приказ Керенского и начальное обсуждение в ротах	308
4. Начало общего полкового обсуждения в театральном бараке	309
5. Продолжение общего обсуждения во дворе	309
6. Промежуточное поражение и отказ его принять	310
7. Реванш	311
8. Факторы большевистского успеха.....	312
9. Революционные солдаты Петрограда: реконструкция типового габитуса	312
10. Критика и уточнение гипотез	313

Предметный указатель

Литература

Analytical contents

Methodological Introduction: The Approach to the Study of Regimes, Crises and Revolutions	5
1. Historical sociology: its position in the system of sciences.....	5
2. Shifts in the methodology of social cognition	8
3. Scales of description and identification of causes	9
4. How to combine the Hempelian rigidity of scientific explanation with flexibility of switching models and scales.....	11
 Part I	
SOCIAL ORDER, ITS VIOLATION AND CHANGE.....	16
Chapter 1. The Multilevel Ontology of Social Stability.....	16
1. A brief history of the problem 'structure/agency'	16
2. The task of conceptualization	20
3. A <i>priori</i> requirements for the intermediate concepts	22
4. The tripartite model of behavior as a common denominator	22
5. Habitus and five types of attitudes.....	23
6. Comfort/discomfort, challenge/response, and the operant conditioning.....	24
7. Interactive rituals	26
8. Links between rituals, actions, and decisions	29
9. Stable relationships, social institutions, and group actors	30
10. Niche conditions	33
11. The functional model of A. Stinchcombe and its extension	34
12. Inclusion of the functional model into the conceptual apparatus	36
13. Statistical data and the functional model.....	36
14. Determinants of ritual dynamics: closure of the chain	37
15. Encounters, discourses, markets, and networks.....	38
16. The mechanism of social reproduction	40
17. Monoscale and diffuse causes of social changes	41
 Chapter 2. Political Relations, Typology of Legitimacy, and Regimes' Transformation	43
1. The principle of universality of basic needs	43
2. Political regime and complex of core relations	44
3. Typology of political relations	46
4. The principle of choosing strategies depending on reinforcement.....	47
5. The essence and new typology of legitimacy	48
6. Conditions and consequences of disagreement: conflict dynamics	50
7. Ritual nature of socio-political crises and transformations	51
8. The principle of necessary and sufficient conditions of a conflict.....	53
9. Consequences of conflict interaction without reaching agreement	54
10. Rituals and conflicts in the dynamics of the revolution.....	56
11. Structures of competition and peaceful conflict resolution	57
12. Consequences of conflict interaction when an agreement is reached	59
 Chapter 3. Neo-Patrimonialism: Nature, Diversity, and Variability.....	62
1. Political relations in neo-patrimonialism.....	62
2. Neo-patrimonialism and the scale of authoritarian regimes.....	64
3. Success factors of authoritarian regimes	66
4. The diversity of the neo-patrimonial regimes in theoretical perspective	68

5. Stability and transformation of neo-patrimonial regimes in comparative perspective	71
6. Conditions for democratization of the neo-patrimonial regimes	73

Part II

ORDER IN DISORDER: HISTORICAL ROLE, CAUSES, AND DYNAMICS OF REVOLUTIONS	77
--	-----------

Chapter 4. Social Revolutions, Lines of Modernization and the Meaning of History	77
1. Is philosophy of revolutions a dying issue?	77
2. Socio-political crisis and revolution: the definition of basic concepts	78
3. Rhythms of (non)stability and the model of historical dynamics	81
4. The meaning of history as the self-testing of the human race	85
5. When did first revolutions occur	86
6. The context of social evolution	88
7. Revolution and five lines of modernization	89
8. Bureaucratization: the core of modernization	90
9. Revolution and bureaucracy: those who generate and destroy each other	91
10. Bureaucracy and violence before and after a revolution	92
11. Regularities of the secularization dynamics	93
12. Avant-gardism and traditionalism in cultural creation	95
13. Effects of capitalist industrialization	96
14. Democratization and the collegial division of power	98
Chapter 5. The Ripening of Crises and Revolutions	102
1. Three layers of reasons	102
2. Structural causes: accumulation of imbalances	103
3. Growth and fall: a single batch of connections	106
4. Slow accumulation and rapid collapse	107
5. The role of hierarchies, markets, and networks	110
6. Center-peripheral imbalances	111
7. Crucial factors and models of the legitimacy dynamics	112
8. How a revolutionary situation emerges	114
Chapter 6. Regularities and Trajectories of Revolutionary Dynamics	121
1. Phases of open conflict	121
2. The approach to explain revolutionary dynamics	121
3. How triggers operate	122
4. Destructive structures within a functional model	123
5. Transition to revolution	125
6. Open conflict as the result of the parties that choose aggressive strategies	125
7. Three main channels of conflict dynamics	126
8. Fields of conflict interaction	128
9. The <i>regime/protest</i> model	131
10. Interrelation of escalation factors and extinction of conflict	132
11. What determines relation of forces and level of violence	134
12. Principles of conflict dynamics	135
• ACTORS' PURPOSES AND STRATEGIES	135
• SELECTION OF ALLIES AND FORMATION OF COALITIONS	136
• TYPES AND FACTORS OF LEGITIMACY	136
• ON FACTORS AND CONSEQUENCES OF VICTORY AND DEFEAT	136
13. A historical fork as a chain of micro-events	138
14. Behavior in conflict situations "here-and-now" (the level of ultramicro-)	139
15. The dynamic model of the relationship between legitimacy and external conflict	141
16. What is result of a power overthrow?	142

Part III.**THEORETICAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN REVOLUTION..... 145****Chapter 7. The Russian Empire and Yugoslavia:****Comparison of the State Breakdowns 145**

1. A state breakdown: dissimilar cases and the general pattern..... 145
2. Dynamics of alienation and disintegration..... 147
3. 1917 in Russia: escalation of hostility..... 148
4. Yugoslavia: an unpeaceful divorce of nations..... 153
5. Role of external forces and importance of international legitimacy..... 154
6. Generalization of the state-breakdown cases: theoretical hypotheses..... 156

Chapter 8. The Vector of the Great Russian Revolution (1905–1930):**Modernization or Counter-Modernization? 158**

1. Definition and double meaning of the Revolution..... 158
2. Classical and modern theories of revolutions..... 159
3. The path to militant atheism and “socialist realism”..... 159
4. The rise and fall of revolutionary avant-gardism..... 160
5. The Russian Revolution as a conflict transition between two bureaucracies..... 161
6. The economic aspect of the Russian Revolution: decay
and degeneration of industrialization..... 163
7. The tragic paradox: from democratic revolution to totalitarianism..... 165
8. Revolution in the context of Russian cycles..... 168
9. Damage of one-sided modernization..... 169

Chapter 9. Mechanisms of Conflict Dynamics in Petrograd 1917 171

1. Reasons for February Revolution: the textbook case..... 171
2. 1917: forks after the sinkhole..... 173
3. The revolutionary pendulum in 1917 as a microcosm of the Russian cyclical dynamics..... 175
4. Interaction fields and actors’ strategies..... 178
5. The reasons for “Liberalizations” failures..... 179
6. Causes of successes and failures of “Authoritarian rollbacks”..... 180
7. The political flexibility of the Bolshevik-Leninists and the main reasons
for failure of their opponents..... 183
8. The meaning and lesson of “the February way”..... 184

Chapter 10. The Fall of the Monarchy: Forks and the Cascade**of Events in the February Days 187**

1. Chronology of collisions..... 187
2. Effect of regularities in the conflict dynamics of the February 1917..... 188
3. Cancellation of the punitive expedition and double renunciation..... 191

Part IV.**MACROSOCIOLOGY AND POLITICAL PHILOSOPHY OF REVOLUTIONS..... 193****Chapter 11. Revolutionary Waves in World History: Types,****Selection Criteria, and Causal Analysis..... 193**

1. Milestones of understanding..... 193
2. Types of revolutionary waves..... 196
3. Criteria for selection of revolutionary waves as a class of phenomena..... 198
4. Major revolutionary waves..... 200
5. Types of revolutionary events..... 202
6. Factors of instability..... 202
7. Protest stress and force of a referent model..... 203

8. The hypothesis of replacement of crucial factors	204
9. The role of coercive apparatus	206
10. The role of external powers	206
11. The model “ <i>Limit of flammability</i> ”	209
12. The model “ <i>Firing of sprinklers</i> ”	211
13. The model “ <i>Post-revolutionary frustration</i> ”	212
14. The model “ <i>Order from the outside in question</i> ”	214
15. The model “ <i>Vulnerability of dependent regimes</i> ”	215
16. The model “ <i>Depletion of resources for struggle</i> ”	216
17. Russia in the context of revolutionary waves in past and future	217
Chapter 12. The Post-Soviet Regimes, Crises, and Revolutions	219
1. Unreliable stability of neo-patrimonial regimes	219
2. Measurements and vectors of post-Soviet dynamics	221
3. Revolutions and coups in neo-patrimonial regimes	222
4. Mechanisms of conflict dynamics and the Ukrainian Revolution	225
5. The EuroMaidan as a socio-political crisis	225
6. Radicalization of protest	226
7. Dynamics and prospects of armed conflict	229
8. External context: the role of provinces, of the West and Russia	230
9. If will no one win again? -	232
10. If the Maidan wins: what then?	233
11. Prediction and reality	233
12. “Snowball” of the regime collapse	236
13. The President's escape and the tensions of the South-East	238
14. Errors of the prediction	239
15. Coup or revolution? -	240
16. Revolutions and transformation of regimes: possibilities, limits, and prospects for theorizing	242
Chapter 13. Principles and Criteria for Legitimacy of Post-Revolutionary Regimes	245
1. Focus of attention: anti-authoritarian revolutions	245
2. A legal gap of power overthrow and the problem of legitimacy	245
3. The level of justification for a legal gap	246
4. Is violation of illegitimate laws legitimate?	247
5. Can an armed insurrection be justified? -	248
6. The problem of provocation	251
7. Principles of revolutionary power legitimization	252
8. Criteria for the legitimacy of revolutionary laws	252
9. Three foundations of the revolutionary power legitimacy	254
10. Hypothetical “Vendee”: how to deal with armed counter-revolution?	256
Appendix 1. Acceleration of History: Causal Mechanisms and Limits	262
1. Disputes about the “acceleration of history”: a wide range of estimates	262
2. Structure of history as a change of regimes' dominance	263
3. Factors of dominance and the role of innovation	264
4. Change in the importance of dominance factors	265
5. Social conditions for the emergence and distribution of innovation	266
6. The second layer of causality	266
7. Long-term trends in world history	267
8. Directions of empirical hypothesis testing	269
9. Historical confirmation	269
10. Secularization and openness of creativity	270
11. Bureaucratization: accelerator or brake for innovation?	271

12. Capitalist industrialization: a dual role	272
13. Democratization: an extinction of positive effect?	272
14. The factor of globalization.....	272
15. The role of war	273
16. Ideological innovations	274
17. Variability of dynamics and polarization	274

Appendix 2. Randall Collins's Theories of Historical Dynamics and the Context of Russian Politics

1. The modern classic	277
2. "The Golden Age" of historical macrosociology. Russia is again on sidelines?.....	278
3. The theory of revolutions and political prospects for Russia	281
4. Prediction of the USSR disintegration and the geopolitics of modern Russia	285
5. Ethnic dynamics and trends of interethnic relations in Russia	289
6. Geopolitical theory of democracy and domestic prospects for democratization.....	291
7. Four aspects of modernization in Russian historical dynamics	295
8. Market dynamics in modern Russia: specificity and probable consequences.....	298
9. The monastic roots of the "Japanese miracle" and the conditions for use of church "greed"	301

Appendix 3. Machine Guns and Army Democracy: an Essay in Historical Microsociology

1. The problem and approach	306
2. Should we give machine guns? — Plot of the conflict	307
3. Kerensky's order and initial local discussions.....	308
4. The beginning of the common discussion in the theater barrack.....	309
5. Continuation of discussion in the yard.....	309
6. Intermediate defeat and refusal to accept it	310
7. Revenge.....	311
8. Factors of Bolsheviks' success	312
9. Revolutionary soldiers of Petrograd: reconstruction of the typical habitus	312
10. Criticism and clarification of hypotheses	313

Subject index.....

315

Bibliography.....

318